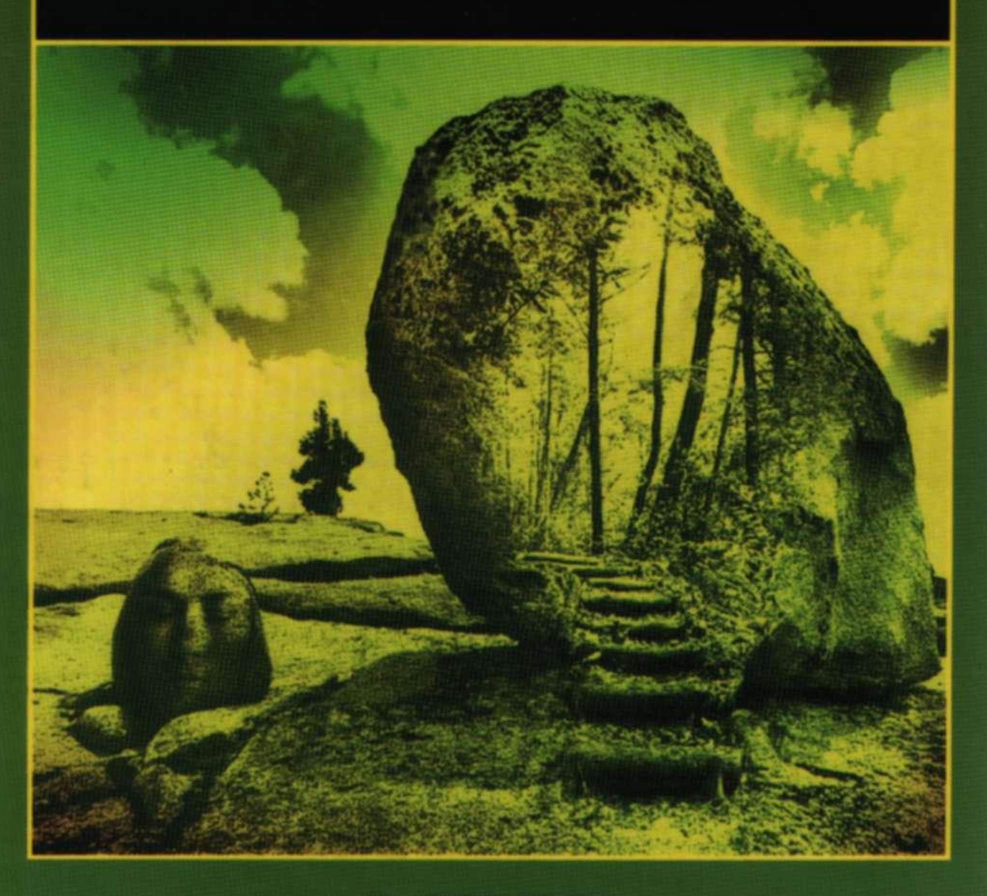
МАСТЕРА СОЦИОЛОГИИ

Г. Гарфинкель

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОМЕТОДОЛОГИИ

Harold Garfinkel

STUDIES IN ETHNOMETHODOLOGY

POLITY

Г. Гарфинкель

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОМЕТОДОЛОГИИ

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2007

ББК 60.507
УДК 316
Г21

Гарфинкель Г.
Г21 Исследования по этнометодологии. — СПб.: Питер, 2007. — 335 с.: ил. — (Серия «Мастера социологии»).

ISBN 5-469-00033-8

Этнометодология — наука о путях создания обычными людьми стабильного социального мира посредством обыденных высказываний и действий — является составляющей всех курсов по социологии и лингвистике. «Исследования по этнометодологии» — специальное учебное издание классических работ Г. Гарфинкеля. Эта книга до сих пор остается в центре споров о нынешних тенденциях и задачах социологии и социальной теории. Данное издание предназначено как специалистам — социологам, психологам, философам, культурологам, так и студентам.

ББК 60.507
УДК 316

ISBN 0-7456-0005-0 (англ.)
ISBN 5-469-00033-8

Содержание

ГЛАВА 1

Что такое этнометодология?

Описанные ниже исследования — попытка рассматривать практические действия, практические обстоятельства и практические социологические рассуждения как предметы эмпирического исследования и — за счет того, что на самые обыденные события повседневности обращается внимание, обычно уделяемое экстраординарным событиям, — попытка изучить их как самостоятельные феномены. Их основное достоинство заключается в том, что действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми. Оборотная сторона этого достоинства — рефлексивный, или «воплощенный», характер объясняющих практик и объяснений. Говоря об объяснимости, я имею в виду следующее. Я имею в виду наблюдаемые и сообщаемые, т. е. доступные индивидам как ситуативные практики ви́дения и словесного выражения. Я имею в виду также, что такие практики состоят из бесконечного, непрерывного, контингентного обучения; что они осуществляются при помощи рутинных действий и вызываются как события в тех же рутинных действиях, которые они описывают; что практики производятся индивидами в тех ситуациях, от знания о которых и от навыков действия в которых (т. е. от компетентности) практики безусловно зависят, которые индивиды признают, используют и принимают как данность; и то, что индивиды принимают свою компетентность как данность, само по себе обеспечивает участников знанием об отличительных и специфических характеристиках ситуации и, разумеется, обеспечивает их также ресурсами, проблемами, проектами и пр.

Некоторые структурно неоднозначные свойства методов и результатов, используемых теми, кто занимается социологией как дилетант

и профессионально, для того чтобы сделать практические действия наблюдаемыми, были кратко изложены Хельмером и Решером[1]. Когда отчеты участников о повседневной деятельности используются в качестве предписаний по идентификации, анализу, классификации, распознаванию или определению чьего-либо поведения в сравнимых обстоятельствах, эти предписания, по мнению авторов, становятся похожими на законы, которые ограничены во времени и в пространстве и «неточны». Термин «неточны» означает, что хотя эти предписания намеренно сформулированы как зависящие от определенных условий, «природа условий такова, что зачастую их нельзя полностью или до конца разъяснить». В качестве примера Хельмер и Решер приводят утверждение о тактике парусного флота в XVIII в. Они подчеркивают, что в утверждении в качестве решающего условия содержится ссылка на состояние артиллерийского вооружения флота.

> При тщательной выработке условий (при которых данное утверждение будет справедливо) историк описывает то, что типично для данного места и времени. Полный перечень следствий подобного подхода может быть огромным и неистощимым. Например, артиллерийско-техническое оснащение может «увести» к металлургической промышленности, к добыче полезных ископаемых и т. д. Следовательно, условия, которые являются действенными в формулировке исторического закона, могут быть указаны лишь в общем виде, и не нужно ждать — а в большинстве случаев это и невозможно — их полной и исчерпывающей характеристики. Эта особенность подобных законов и обозначается в данном случае термином *неточность*.
>
> Последствием неопределенности исторических законов является их неуниверсальность; они всего лишь квазиуниверсальны в том смысле, что признают возможность исключений. Поскольку условия, оговаривающие сферу применения закона, зачастую не определены с исчерпывающей полнотой, предполагаемое нарушение закона можно объяснить, показав, что легитимное, но пока еще не сформулированное предварительное условие применимости закона в рассматриваемом случае не выполнено.

Примем во внимание, что это утверждение справедливо в каждом отдельном случае, но не потому, что речь идет о «квазизаконе», а в силу обычных, рутинных действий исследователей.

[1] Olaf Helmer & Nicholas Rescher. On the Epistemology of the Inexact Sciences, P-1513 (Santa Monica, California: RAND Corporation, October 13, 1958), p. 8-14.

Далее Хельмер и Решер отмечают:

> В законах может содержаться не высказанное словами предостережение такого типа, как «обычно» или «при прочих равных условиях». Следовательно, исторический закон не строго универсален в том смысле, что его невозможно использовать во всех случаях, удовлетворяющих открыто сформулированным в нем условиям или условиям, которые можно сформулировать. Скорее его можно рассматривать как выражение отношений, которые проявляются обычно или — что еще лучше — как правило.
>
> Такой «закон» мы будем называть *квазизаконом*. Чтобы закон был валидным, отсутствие очевидных исключений вовсе не обязательно. Необходимо другое: если появляется очевидное исключение, ему должно быть дано адекватное объяснение, объяснение, демонстрирующее исключительные свойства данного случая и фиксирующее факт нарушения — если оно еще не было сформулировано — условий применимости данного закона.

Эти и другие характеристики могут быть приведены в подтверждение того, что они описывают практики осмысления индивидами своих действий. Таким образом:

1. Всякий раз, когда индивиду нужно доказать, что его расчет анализирует реальную ситуацию, он, чтобы продемонстрировать разумность своего результата, неизбежно прибегает к таким выражениям, как «и так далее», «если не» и «не обращайте на это внимания».
2. Определенный и разумный характер предмета, о котором идет речь, определяется взаимным соглашением того, кто сообщает, и того, кто слушает, о том, что каждый из них дополнит то, что не указано, но требуется для понимания. Следовательно, многое из того, о чем в действительности сообщается, не упоминается.
3. На протяжении времени, необходимого для «доставки» сообщения, от слушателей требуется готовность ждать того, что будет сказано, чтобы стало понятно нынешнее значение того, что уже было сказано.
4. Подобно разговорам, репутации и карьерам детали сообщений создаются шаг за шагом, по мере того как они используются и на них ссылаются.

5. Смысл материалов, содержащихся в сообщении, сильно зависит от их порядкового номера, от их релевантности проектам слушателя или от направления развития организационных условий их использования.

Короче говоря, *распознаваемый* смысл, факт, методический характер, беспристрастность или объективность сообщений зависят от социально организованных случаев их использования. Рациональные черты сообщений *состоят* в том, что индивиды делают с ними, в том, что они создают из них в социально организованных конкретных обстоятельствах их использования. Представления индивидов в силу их рациональных характеристик рефлексивны и по существу связаны с социально организованными обстоятельствами их использования, ибо они являются *характеристиками* социально организованных обстоятельств их использования.

Эта связь и определяет центральную тему наших исследований: рациональная объяснимость практических действий как открытое для продолжения достижение тех же практик. Чтобы конкретизировать тему, я хочу рассмотреть три проблематичных феномена, определяющих ее. Всякий раз, когда речь заходит об исследовании практического действия и практического мышления, возникают вопросы:

- о невыполненном программном различении объективных (не зависящих от контекста) и индексных выражений и возможности замены первыми вторых;
- о «неинтересующей» сущностной рефлективности описаний практических действий;
- и анализируемости действий-в-контексте как практическом достижении.

Неудовлетворительное программное различение объективных (не зависящих от контекста) и индексных выражений и их взаимозаменяемость

Свойства, которые демонстрируют сообщения (поскольку они являются признаками социально организованных условий их использования), можно извлечь из трудов логиков в виде свойств индексных

выражений и предложений. Гуссерль[1] писал о выражениях, смысл которых не может быть понят слушателем без обязательного знания им биографии и целей того, кто их использовал, особенностей его манеры речи, предшествовавшей этим выражениям беседы или без знания реальных либо потенциальных отношений между ним самим и автором этих выражений. Рассел[2] отмечал, что содержащие их описания каждый раз используются для обозначения только одной вещи, но это всегда разные вещи. Подобные выражения, по мнению Гудмэна[3], используются для того, чтобы сделать однозначное заявление, истинность которого тем не менее кажется изменчивой. Каждое из высказываний индивида, используемых им «знаков» конституирует слово и указывает на определенного человека, время или место, но обозначает нечто, не обозначаемое копией — воспроизведением данного слова. Их значение связано с тем, кто говорит, а использование зависит от отношения говорящего к тому объекту, к которому относится слово. Время для временно́го индексного выражения, релевантно тому, что оно обозначает. Какое именно место обозначает пространственное индексное выражение, точно так же зависит от местоположения говорящего. Индексные выражения и содержащие их утверждения не относятся к числу свободно повторяемых; в данном разговоре не все их значения являются также и их переводами. Список может быть продолжен до бесконечности.

На деле между теми, кто постигает практическое социологическое мышление — на любительском или на профессиональном уровне, — существует, вероятно, единодушное соглашение о свойствах индексных выражений и действий. Существует и другое впечатляющее соглашение.

1. Хотя индексные выражения и «исключительно полезны», они «неудобны для формального дискурса».
2. Различать объективные и индексные выражения не только процедурно правильно, но и необходимо всем, кто занимается наукой.

[1] В кн.: Marvin Farber. The Foundation of Phenomenology (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1943), p. 237–238.

[2] Bertran Russel. Inquiry into Meaning and Truth (New York: W. W. Norton & Company, Inc., 1940), p. 134–143.

[3] Nelson Goodman. The Structure of Appearance (Cambridge: Massachusetts: Harvard University Press, 1951), p. 287–298.

3. Без различения объективных и индексных выражений и без предпочтительного использования первых победы генерализирующих, строгих научных исследований — в логике, математике, некоторых — в физических науках — немыслимы, а неточным наукам придется проститься со своими надеждами.
4. Точные науки отличаются от «неточных» наук тем, что в случае точных наук различие между объективными и индексными выражениями и замена первыми вторых для формулирования проблем, методов, открытий, адекватных демонстраций, адекватных доказательств и т. д. есть одновременно и актуальная задача, и актуальное достижение, тогда как в случае «неточных» наук возможность различия и заменяемости этих выражений в актуальных задачах, практиках и результатах остается программным, но нереализуемым.
5. Различие между объективными и индексными выражениями до тех пор, пока оно касается задач, стоящих перед учеными, идеалов, норм, ресурсов, достижений и прочего, описывает различие между наукой и искусством, например между биохимией и кинодокументалистикой.
6. Термины и утверждения могут определяться как одни или другие в соответствии с оценочной процедурой, решающей на основании их характера, являются они объективными или индексными выражениями.
7. В любом конкретном случае только практические трудности мешают замене индексных выражений объективными.

Особенности индексных выражений вызывают к жизни бесконечное число методологических исследований, направленных на их устранение. Действительно, попытки освободить действующую науку от этих неприятностей придают каждой науке ее особый характер в том, что касается озабоченности проблемами методологии и успешности их решения. Изучение исследователями-практиками практической деятельности любой науки предоставляет им неограниченные возможности для корректного обращения с индексными выражениями.

В социальных науках невозможно сосчитать все сферы, в которых имеют место обещанные различия и заменяемость. Обещанные различия и заменяемость поддерживаются огромными ресурсами, направленными на разработку способов серьезного анализа практических действий и практического мышления, и в свою очередь сами поддерживают их. Возможных сфер применения и преимуществ не счесть.

И тем не менее *всегда, когда предметом изучения становятся практические действия*, обещанное разграничение объективных и индексных выражений и замена вторых первыми остаются программными в каждом *конкретном случае*, в котором нужно продемонстрировать разграничение или заменяемость. Во всех реальных случаях без исключения будет указано, что требуется опытный исследователь, чтобы сказать, можно ли в *данном* конкретном случае сделать менее строгими термины демонстрации и тем не менее признать демонстрацию адекватной.

От логиков и лингвистов, участвующих в практически единодушном соглашении об этих условиях, мы знаем, что представляют собой некоторые из них. Для «длинных» текстов или для «длительных» действий, для событий, в которых действия индивидов являются характеристиками событий, происходящих в результате их действий, для всех случаев, когда знаки либо не используются, либо не годятся в качестве заместителей для индексных выражений, демонстрации, на которые претендует программа, удовлетворительны в качестве практического социального управления.

При этих условиях индексные выражения по причине их распространенности и прочих свойств представляют собой колоссальную, трудно контролируемую и неисправимую помеху для совершения строгих действий с такими феноменами, как структура и релевантность теорий согласованности и вычисляемости, и при попытках реконструировать фактически существующее как сравнимое с предполагаемым общераспространенным поведением и речью со всеми структурными деталями.

Опираясь на свой опыт, полученный при проведении опросов общественного мнения и при разработке и использовании методов измерения практических действий, статистического анализа, математических моделей и компьютерной имитации социальных процессов, профессиональные социологи способны бесконечно фиксировать способы, в которых программное различение и заменяемость удовлетворительны в профессиональной практике социально управляемой демонстрации и зависят от нее.

Короче говоря, там, где речь идет об изучении практических действий, различение и заменяемость всегда выполняются *только* ради практических целей. Таким образом, рекомендуется, чтобы первый

проблематичный феномен состоял из рефлективности практических действий, достижений наук в сфере организованной деятельности повседневной жизни, являющейся сущностной рефлективностью.

«Неинтересующая» сущностная рефлективность описаний практических действий

Как станет ясно из изложенного ниже, для тех, кто занимается практической социологией, например для персонала Центра по предотвращению самоубийств (ЦПС, Лос-Анджелес), для тех, кто работает с медицинской документацией в психиатрической клинике при Калифорнийском университете (ЦПС, Лос-Анджелес), для аспирантов, занимающихся кодировкой историй болезни психиатрических больных, для присяжных, для бисексуала, решившего изменить свой пол, для ученых-социологов, важно, какой именно смысл вложен в выражения «для практических целей», «в свете данной ситуации», «исходя из характера реальных обстоятельств» и тому подобных. Практические обстоятельства и практические действия означают для них множество организационно важных и серьезных аспектов: ресурсы, цели, оправдания, возможности, задачи и, разумеется, основу для аргументирования или предсказания адекватности процедур, которые они проводят, и открытий, которые они совершают. Однако один аспект не входит в сферу их интересов: ни практические обстоятельства, ни практические действия сами по себе *не являются предметом изучения*, не говоря уже о том, чтобы быть единственным предметом изучения. Их исследования, проводимые для задач, стоящих перед социологическим теоретизированием, предпринимаются не для того, чтобы определить, что представляют собой эти задачи как практические действия. Никогда изучение практических действий не проводится для того, чтобы персонал мог осознать и описать то, что он делает. Менее всего практические действия изучаются для того, чтобы объяснить практикам их собственные разговоры о том, что они делают. Например, сотрудники Центра по предотвращению самоубийств в Лос-Анджелесе посчитали совершенно неуместным серьезное рассмотрение вопроса о том, чтобы обращать такое же внимание на способ ухода из жизни, как и человек, стремящийся покончить с собой. Они пришли к согласию о том, что их усилия должны быть направлены на ясное осознание того, «что на самом деле произошло».

Сказать, что их «не интересует» изучение практических действий, — не значит ни выразить сожаление, ни указать на упущенную возможность, ни выявить ошибку. Это и не иронический комментарий. Нельзя также понимать это выражение и в том смысле, что поскольку индивиды «не заинтересованы», они «лишены возможности» заниматься социологическими теориями. Их опросы не мешают использованию правила сомнений, они также не препятствуют тому, чтобы организованные действия в повседневной жизни становились проблематичными с научной точки зрения; этот комментарий также не намекает на различия между «фундаментальными» и «прикладными» интересами в исследованиях и в теоретизировании.

Что же в таком случае означает заявление «они не заинтересованы в изучении практических действий и практических социологических рассуждений»? И в чем его суть?

В описаниях, которые делают индивиды, существует некая характерная особенность, обладающая для них самих столь уникальной и превалирующей релевантностью, что она контролирует другие характерные особенности, являющиеся узнаваемыми, рациональными особенностями практических социологических изысканий. Эта характерная особенность заключается в следующем. При всем уважении к проблемному характеру практических действий и к практической адекватности их исследований индивиды принимают как данность, что индивид должен изначально «знать», в каких условиях ему придется действовать, если его действия должны служить средством «принести» в распознаваемое описание конкретные, присущие этим условиям отличительные особенности. Они воспринимают как обстоятельство тот факт, что описания, предоставляемые индивидами, — какими бы они ни были, какой бы ни была их логика, как бы они ни использовались и как бы они ни составлялись, — есть компоновка отличительных признаков тех условий, которые благодаря этим описаниям можно наблюдать. Индивиды знают и используют эту рефлективность, а также рассчитывают на нее и требуют ее, чтобы произвести, совершить, распознать или продемонстрировать рациональную адекватность для всех практических целей своих процедур и открытий.

Индивиды — присяжные и прочие — не только воспринимают эту рефлективность как данность, но и осознают, демонстрируют и делают различимым друг для друга рациональный характер их реальных (а это значит — случайных) действий, одновременно проявляя уважение

к рефлективности как к неизменному и неизбежному условию их исследований.

Когда я говорю, что индивидов «не интересует» изучение практических действий, я не имею в виду, что в их исследованиях будет сказано о них либо кое-что или много, либо не будет сказано о них ничего. Утверждение о том, что их «не интересуют» практические действия, имеет отношение к обоснованным действиям с множеством аргументов и с обоснованными открытиями. Оно означает, что к «подотчетному-для-всех-практических целей» следует относиться исключительно, только и всецело как к поддающейся обнаружению сущности. Для индивидов быть «заинтересованными» значит стремиться к тому, чтобы стало возможным наблюдать «рефлективный» характер практических действий, и к тому, чтобы рассматривать искусственные действия рационального исследования как организационные феномены, не думая при этом ни о коррективах, ни об иронии. Сотрудники Центра по предотвращению самоубийств в Лос-Анджелесе всякий раз, когда их вовлекают в практические социологические изыскания, ведут себя как индивиды, которых «не интересуют» практические действия: будь у них такая возможность, они *могли бы* обойтись и без них.

Анализируемость «действий-в-контексте» как практическое достижение

Во многих отношениях (их число не ограничено) изыскания индивидов есть часть отличительных признаков условий, которые они анализируют. В той же самой степени их исследования становятся узнаваемыми для индивидов как адекватные-для-всех-практических целей. Например, в Центре по предотвращению самоубийств Лос-Анджелеса смерти, ставшие подотчетными-для-всех-практических целей, являются практическими организационными достижениями. Организационно Центр по предотвращению самоубийств состоит из практических процедур, направленных на рациональное объяснение смертей в результате самоубийств как распознаваемых признаков условий, в которых появляется это объяснение.

В реальных случаях взаимодействия этот результат является для индивидов общим местом, он повсеместен и не создает проблем. Складывается впечатление, что для занимающихся социологией индивидов, чтобы сделать этот результат предметом практического социологического изыскания, неизбежным становится требование относиться к рациональным свойствам практических действий как к «антропологически странным». Я имею в виду такое внимание к «рефлективным» действиям, при котором индивид благодаря своим отчетам сделал знакомые рутинные действия повседневной жизни узнаваемыми *как* знакомые, рутинные действия, чтобы при каждом случае использования отчета о рутинных действиях они воспринимались «как в первый раз», чтобы индивид относился к процессам и результатам «воображения» как к единому целому вместе с другими наблюдаемыми признаками обстановки, в которой они происходят; чтобы все действия выполнялись так, что в то самое время, когда индивид находится «в центре» наблюдаемых реальных условий, он осознавал, что наблюдаемые условия имеют завершенный смысл, завершенную фактографию, завершенную объективность, завершенную осведомленность и завершенную подотчетность; чтобы для индивида все организационные «как» этих завершенностей не были проблематичными, были бы смутно знакомы и знакомы только с точки зрения действия, которое выполняется умело, надежно, единообразно, с чрезмерной стандартизированностью и как нечто непонятное.

Такое достижение требует от индивидов осознания и использования этнографии. По неизвестным причинам это достижение — рутинный феномен для индивидов. И по тем же самым неизвестным причинам, по которым это достижение является банальностью, оно, этот внушающий почтение феномен вызывает у нас интерес, ибо по неизвестным причинам состоит из:

- использования индивидами согласованных ежедневных действий как методов для распознавания и демонстрации обособленных, типичных, единообразных потенциальных повторений, связанных появлений, согласованности, эквивалентности, заменяемости, направленности, анонимно описываемых, планомерных; короче говоря, рациональных свойств индексных выражений и действий;
- анализируемости действий-в-контексте при условии, что не только не существует общего понятия «контекст», но и каждое использование понятия «контекст» без исключения само по себе является по сути индексным.

Признанные рациональными свойства их изысканий, основанных на здравом смысле, их характер, признанный согласованным, методичным или единообразным и т. д., есть — так или иначе — достижения

согласованных действий индивидов. Для сотрудников Центра по предотвращению самоубийств, для кодировщиков, для присяжных рациональные свойства их практических изысканий *так или иначе* состоят из согласованной работы по сбору доказательств из фрагментов, пословиц, брошенных на ходу замечаний, слухов, неполных описаний, из «кодированных», но по существу неясных каталогов, содержащих описания того, как люди умирают в обществе, критериев, по которым больных отбирают для психиатрического лечения, или указывающих, какой из альтернативных приговоров правилен. *Так или иначе* — в этих словах выражена проблема, составляющая суть дела.

Что такое этнометодология?

При любых обстоятельствах отличительной особенностью практического социологического рассуждения является поиск средства против индексных свойств высказываний и поведения индивидов. Бесчисленные методологические исследования направлены на то, чтобы — со скрупулезным использованием идеализаций, направленных на демонстрацию наблюдаемости организованных действий в реальных обстоятельствах с ситуационными деталями беседы и поведения — вооружить индивидов лекарством от индексных выражений в их систематических действиях.

Свойства индексных выражений и индексных действий являются упорядоченными свойствами. Это предполагает либо организационно демонстрируемые смысл или факты, либо использование методики или соглашение между «коллегами, принадлежащими к одной культуре». Эти упорядоченные свойства состоят из организационно демонстрируемых рациональных свойств индексных выражений и индексных действий. Эти упорядоченные свойства представляют собой непрерывные достижения в согласованной будничной деятельности исследователей. Доказуемая рациональность индексных выражений и индексных действий сохраняет в течение всего их управляемого производства индивидами характер ординарных знакомых рутинных практических обстоятельств. Как процесс и результат произведенная рациональность индексных выражений состоит из практических задач, присущих каждой потребности организационно обусловленного поведения.

Я использую термин «этнометодология» для обозначения исследования рациональных свойств индексных выражений и других практических действий как возможных непрерывных достижений организованной искусственной практики повседневной жизни. Главы этой книги трактуют эти достижения как феномены, заслуживающие интереса. В них отражено стремление выявить проблемные особенности этих феноменов, предложить метод их изучения, но прежде всего — обсудить, что можно наверняка узнать о них. Моя цель заключается в том, чтобы в последующих разделах этой главы охарактеризовать этнометодологию, для чего я представил три исследования таких феноменов вместе с завершающим изложением стратегии исследований.

Практическое социологическое рассуждение: составление отчетов в «ситуациях, в которых выбор делается на основании здравого смысла»

В 1957 г. лос-анджелесский Центр по предотвращению самоубийств и Управление судебно-медицинской экспертизы, проводящий расследование в случае скоропостижной или насильственной смерти, объединили усилия для придания оформляемым заключениям о смерти научного веса «в пределах практической достоверности, определяемых состоянием науки». Отобранные случаи «скоропостижной, насильственной смерти», в которых нельзя было однозначно сказать, имело ли место самоубийство или человек умер по какой-то другой причине, были переданы медицинским экспертом-следователем в ЦПС с просьбой о проведении расследования, называемого «психологической аутопсией» [1].

Отношение персонала ЦПС к выполнению своих исследований в ситуациях, в которых выбор определяется здравым смыслом, и его действия аналогичны действиям в других ситуациях, в том числе при изучении сомнений присяжных в случаях, когда была проявлена неосмотрительность, в действиях персонала клиники при отборе пациентов для амбулаторного психиатрического лечения, аспирантов-социологов, кодирующих содержание историй болезни в строгом соответствии с инструкциями кодирования и в бессчетном количестве профессиональных процедур, совершаемых при проведении антропологических, лингвистических, социально-психиатрических и социологических исследований. Следующие обстоятельства были признаны персоналом ЦПС основными условиями их работы, которые необходимо принимать во внимание при оценке ее эффективности,

точности или ясности и при добавлении доказательств ЦПС к доказательствам присяжных, исследователей и пр.:

1) постоянная забота всех участников о согласовании действий во времени;
2) забота преимущественно о практическом вопросе «Что делать дальше?»;
3) забота исследователя о предоставлении из доступной ему сферы доказательств того, «что знают все», о том, как работают обстоятельства, в которых он должен выполнить свое исследование, и его забота о выполнении этого в реальных условиях, в которых должны быть приняты решения на основании его отобранных демонстрируемых действий;
4) утверждения, о которых на уровне беседы можно говорить как о «программах производства», «законах поведения», «правилах рационального принятия решений», «причинах», «условиях», «проверках гипотез», «моделях», «правилах индуктивных и дедуктивных умозаключений», в реальных ситуациях принимаются как данность и зависят от составляющих их рецептов, пословиц, слоганов и частично сформулированных планов действий;
5) знания и навыки, необходимые для действий в ситуациях, в которых предполагаются «правила рационального принятия решений» и прочее, чтобы «видеть», или того, что они делают, чтобы обеспечить объективный, эффективный, согласованный, полностью и эмпирически адекватный, т. е. рациональный, характер рецептов, прогнозов, пословиц, частичных описаний в реальном случае использования правил;
6) чтобы принимающий практическое решение мог оценить рациональные черты практических случаев, для него сама по себе релевантность «практического случая» должна иметь несомненный приоритет перед всеми без исключения «правилами принятия решений» или теориями принятия решений, а не наоборот;
7) последнее и, возможно, самое характерное, заключается в том, что все перечисленные признаки, вместе с «системой» альтернатив эксперта, его методами принятия «решений», его информацией, его выбором и рациональностью его отчетов и действий, должны быть согласованными частями тех же практических обстоятельств, в которых эксперты выполняли свою работу, — это характерная черта, о которой эксперты, если они осознают и утверждают практичность своих усилий, знают, в которой они нуждаются, на которую рассчитывают, которую принимают как данность, используют и представляют в лучшем виде.

Проведение персоналом ЦПС экспертиз было неотъемлемой частью его повседневной работы. Персонал осознавал их как составную часть своей ежедневной деятельности, а потому он был тесно связан со сроком работы, с различными внутренними и внешними системами отчетности, контроля и проверки и с подобными организационно обеспечиваемыми «приоритетами релевантности» оценок того, что «реалистично», «практично» или «разумно» должно было быть и могло быть сделано, насколько быстро, с какими ресурсами, с кем для этого нужно было встречаться, с кем нужно было разговаривать, как долго и т. д. Подобные соображения обеспечивают утверждению «Мы сделали, что смогли, и во имя всех разумных интересов пришли к следующему выводу» организационно приемлемый смысл, факты, беспристрастность, анонимность авторства, цель, воспроизводимость, т. е. надлежащим образом составленный и явно рациональный отчет об экспертизе.

От индивидов требовалось (в рамках их профессиональных способностей) сформулировать отчет о том, как *на самом деле* (в практическом смысле этого слова) умер человек. «На самом деле» означало неизбежное упоминание повседневной, рутинной профессиональной работы. Только индивиды — работники ЦАС имели право использовать такие работы как приемлемые основания для рекомендации обоснованности результата *без необходимости упоминать подробности*. В особо трудных случаях обычные профессиональные работы должны были цитироваться точно, в «релевантной части». В противном случае эти отличительные признаки исключались из результата. Их место занимал отчет о том, как проводилась экспертиза, показывающий, как это было сделано на самом деле в соответствии с обычными требованиями, обычными навыками, обычными процедурами и с обычными разговорами персонала ЦПС, беседующего как *добросовестные* профессионалы об обычных требованиях, обычных навыках и обычных процедурах.

В каждом случае должна была быть установлена причина смерти. Выбор надлежало сделать из признанных законом возможных сочетаний четырех основных причин: естественной смерти, смерти в резуль-

тате несчастного случая, самоубийства или убийства [2]. *Все* причины использовались таким образом, чтобы не только выдержать всю неоднозначность, неопределенность и импровизации, которые возникают при их каждом конкретном использовании, но для того, чтобы спровоцировать неоднозначность, неопределенность или импровизационность. Это было частью работы: неопределенность — *не только* проблема (*возможно*, она и есть проблема), но люди были поставлены в такие условия, чтобы спровоцировать неопределенность или неоднозначность, спровоцировать импровизационность, спровоцировать компромисс и тому подобное. Суть заключается не в том, чтобы, имея в своем распоряжении перечень возможных причин, проводить такое исследование, результаты которого позволили бы выбрать одну из них. Формула была иной, а именно: «Вот что мы сделали, и среди причин, которые были предметом нашего исследования, эта причина в конечном итоге объясняет полученные нами результаты наилучшим образом». Исследование активно направлялось использованием исследователем воображаемых обстоятельств, в которых причина должна будет «использоваться» той или другой заинтересованной стороной, в том числе и той, которая представляет покойного, и это было сделано исследователями, чтобы решить — с использованием всех найденных «фактов», — что данные «факты» можно было бы использовать для маскировки, если маскировка нужна, или для неоднозначности, для видимости, как ключ к разгадке или как пример, если таковые нужны. Следовательно, рутинное исследование было исследованием, для выполнения которого исследователь использовал особые обстоятельства; он должен осознать и представить практическую адекватность своей работы, но он также зависит от особых обстоятельств. Если эта работа оценивалась индивидом, т. е. если индивид с уважением рассматривал реальные процедуры, благодаря которым она была выполнена, рутинное исследование не было исследованием, выполненным по правилам или в соответствии с правилами. Казалось, что оно в значительно большей степени состояло из исследования, которое открыто признавало свою неудачу, но точно так же, как оно признавалось не оправдавшим надежд, признавалась и его адекватность, и для него ничего не предлагалось и не требовалось, особенно в том, что касается объяснений.

То, что индивиды *делают* в своих исследованиях, всегда кого-нибудь касается, в том смысле, что конкретные, находящиеся в определенных точках организации личности, местонахождение которых

можно установить, проявляют интерес к отчету сотрудников ЦПС, к тому, о чем будет сообщено как о «случившемся на самом деле». Подобные соображения оказывают сильное влияние на воспринимаемую особенность исследований, заключающуюся в том, что по ходу выполнения они направляются мнением, из которого заранее уже известно, что они справедливы для всех практических целей. Таким образом, задача индивида, выполняющего исследование, заключается в том, чтобы составить отчет об истинной причине смерти члена общества, который адекватно изложен, достаточно подробен, ясен и т. д. для любых практических целей.

С того момента, когда был поставлен вопрос «Что на самом деле произошло?», так же как и после того, как в документы был внесен ответ на него и было принято решение о причине смерти, можно не только рассмотреть хронику всего процесса, но и предсказать ее в свете того, что может быть сделано или будет сделано с этими решениями. Вряд ли можно считать новостью то, что на пути к решению, то, каким оно будет, было рассмотрено и предсказано в свете его ожидаемых последствий. После того как была выдана рекомендация и судебно-медицинский эксперт подписал свидетельство о смерти, результат, как говорят, еще может быть подвергнут «ревизии». Вероятность принятия решения, нуждающегося в «повторном» рассмотрении, все еще не исключена.

Исследователи очень хотели не сомневаться в своей способности завершить работу таким отчетом о смерти человека, который позволил бы судебно-медицинскому эксперту и его персоналу опровергнуть утверждение о том, что отчет не полный или что причина смерти либо противоположна, либо противоречит той, на которой «настаивают» исследователи. Возможность жалоб со стороны выживших вовсе не принимается в расчет. Эти вопросы рассматриваются как некая последовательность эпизодов, большинство которых решаются достаточно быстро. Большие возможности заложены в устойчивых процессах, заключенных в том обстоятельстве, что офис следователя, производящего дознание в случае насильственной смерти, — это политическое учреждение. Деятельность такого офиса постоянно производит записи о своей деятельности. Эти записи рассматриваются как продукты исследовательской деятельности самого следователя, его персонала и его консультанта. Деятельность офиса — это методы составления отчетов, научных для всех практических целей. Это включало «написание» как процедуру, являющуюся основанием для того, чтобы отчет

был «подшит к делу», так как он написан. Таким образом, то обстоятельство, что исследователь «делает» отчет, превращает отчет в предмет исследования, только частично идентифицируемый другими людьми. Их интерес к тому, почему, как или что делал составитель отчета, будет в известной мере релевантен его навыкам и положению как профессионала. Но исследователям также известно, что при «рассмотрении» отчета будут задействованы и другие интересы, потому что работу следователя будут пристально рассматривать, чтобы увидеть ее научную адекватность для всех практических целей в том виде, как ее представляет себе научное сообщество. Не только для исследователей, но для всех сторон существует вопрос: «Что действительно было выяснено для всех практических целей?», который неизбежно включает в себя вопросы о том, как много вы можете выяснить, как много вы можете открыть, как много вы можете приукрасить, как много вы можете утаить, как много вы можете считать «не касающимся» некоторых важных личностей, включая и *исследователей*. Все они приобрели интерес потому, что исследователи в силу своего профессионального долга составили письменный отчет о том, как — для всех практических целей — люди действительно умерли и умерли в обществе.

Решения имели неизбежные логические последствия. Под этим понимается то, что исследователям нужно было *весьма многословно* сказать: «Что в действительности произошло?». Важными словами были названия, данные тексту для того, чтобы показать: текст является «объяснением» названия. Но из чего присвоенное название как «объясняющие» состоит, в любой конкретный момент времени никому ничего не говорит с какой бы то ни было завершенностью, даже если оно и содержит «такое большое количество слов». На самом деле то, *что* оно содержит «такое большое количество слов», *что*, например, написанный текст был «подшит к делу», создает основания для того, чтобы сделать из него нечто, содержащее «так много слов», и использовать это нечто в качестве отчета о смерти. Рассматриваемые с уважением к паттернам использования, заглавия и сопровождающие их тексты имеют открытый ряд следствий. В любом случае использования текстов можно увидеть, что может быть сделано с ними, или к чему они придут, или что остается сделанным «для данного времени», открывая способы, которыми обстоятельства этого решения могут быть организованы таким образом, что «дело снова будет открыто», будет «подана жалоба» или «найдено решение» и т. д. Для персонала

ЦПС подобные способы как паттерны неизменны, но как конкретные процессы, которые должны происходить, в каждом конкретном случае неопределенны.

В ЦПС исследования начинаются тогда, когда следователь, производящий дознание в случае насильственной смерти, находит ее *причину* неоднозначной. Такую смерть он использует как прецедент, с помощью которого изучаются различные способы жизни в обществе, которые могли бы закончиться подобной смертью; они изучаются и «прочитываются» в том числе «по тому, что осталось», по разным кусочкам и фрагментам, например тела и его атрибутов, по бутылочкам с лекарствами, по запискам, по кускам одежды и прочим памятным вещам — по всему тому, что можно сфотографировать, собрать и сохранить. Собираются также и «останки» другого сорта: слухи, брошенные на ходу замечания и истории — материал из «репертуара» любого человека, с которым может быть установлена связь в процессе рутинной работы ведения беседы. Эти любые фрагменты и куски, на которые история, правило или пословица могут пролить свет, используются для формирования распознаваемо связного, стандартного, типичного, обоснованного, единообразного, последовательного, т. е. профессионально защищаемого — а потому для индивидов распознаваемо рационального — отчета о том, как общество работало для того, чтобы получить эти вещественные доказательства. Это будет легче выполнить, если читатель обратится к любому стандартному учебнику по судебной медицине. В нем он непременно найдет фотографию жертвы с перерезанным горлом. Если судебно-медицинский эксперт, производящий дознание, захочет использовать этот снимок для обоснования своего мнения о том, что причина смерти неоднозначна, он может сказать примерно следующее: «В случае, когда тело выглядит так, как на этой фотографии, вы имеете дело с самоубийством, потому что у раны “рваные края”, что характерно для больших ран. Можно представить себе, что такие края есть результат того, что человек сначала сделал несколько предварительных надрезов, словно он сомневался, а потом нанес себе рану, оказавшуюся смертельной. Можно представить себе и другие способы нанесения подобной раны, ибо раны с рваными краями могут быть и результатом других действий. Следует начать с фактической картины и представить себе, как разные действия могли бы быть организованы таким образом, что эта фотография окажется совместимой с ними. О том, что запечатлено на фотографии, следует

думать как о фазе действия. Можно ли сказать, что каждой реальной картине соответствует всего один-единственный способ действий, с которым она совместима? *Это* и есть вопрос, на который должен ответить судебно-медицинский эксперт».

Следователь, производящий дознание в случаях насильственной смерти, и сотрудники ЦПС задают его из уважения к каждому конкретному случаю, и потому складывается такое впечатление, что их работа по достижению практических решений почти неизбежно должна иметь следующие преобладающие и важные характеристики. Сотрудники ЦПС должны добиваться этой разрешимости, проявляя уважение к тому, что дано: они должны начать, «имея *столько-то*», с *этого* внешнего вида, с *этой* записки, с *этой* коллекции всего того, что находится под руками. И что бы это ни было, это достаточно хорошо в том смысле, что все это не только *будет* работать, но и *работает*. Человек заставляет *работать* все, что имеет. Говоря так, я не имею в виду, что исследователь из ЦПС слишком легко удовлетворяется или что он не ищет других доказательств, когда это необходимо. Речь о другом: «что угодно» — это то, с чем ему приходится иметь дело, то, что будет использовано, чтобы выяснить, чтобы сделать разрешимым способ, которым действовало общество, чтобы получить ту картину, прийти к той сцене как к конечному результату. При таком подходе останки на столе в морге служат не только прецедентом, но и целью исследования, проводимого в ЦПС. С чем бы сотрудники ЦПС ни сталкивались, это должно таким образом служить прецедентом при изучении останков, чтобы понять, как могло действовать общество, чтобы получить то, что исследователь имеет «в конце», «в конечном итоге» и «в *любом* случае». Исследование может прийти к тому, к чему пришла смерть.

Практическое социологическое рассуждение: следование инструкциям кодирования

Несколько лет тому назад мы с коллегами задались целью проанализировать опыт работы Амбулаторной клиники при Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, чтобы ответить на вопрос: «Какими критериями там руководствуются, направляя на лечение обращающихся к ним людей?». Для этого мы воспользовались одним из вариантов когортного анализа (cohort analysis), который был использован Крэмером и его коллегами для описания загруженности пациентами пси-

хиатрических больниц и текучести больных в них[1]. (Другие аспекты этого исследования описаны в главах 6 и 7.) Последовательность действий — «первая встреча», «первичное интервью», «психологическое тестирование», «первичное обсуждение», помещение на «стационарное лечение» и «прекращение» — была представлена с помощью древовидной схемы (рис. 1.1). Любой путь от первого посещения до окончания был назван «карьерой».

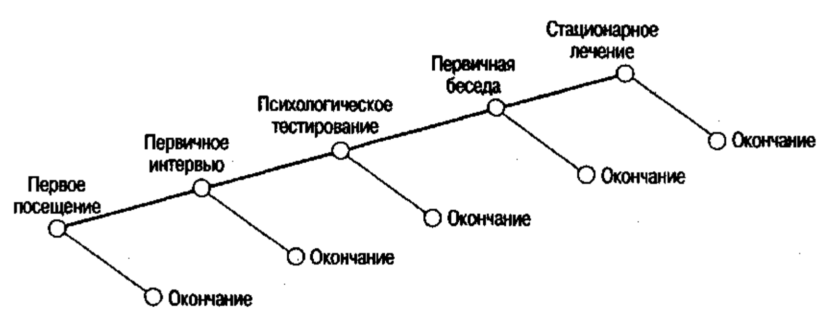

Рис. 1.1. Карьерные пути пациентов психиатрической клиники

Мы захотели узнать, с какими участками этого пути были связаны те или иные особенности больных, персонала, их взаимодействий и «дерева» и какие это были особенности. Мы черпали свою информацию из документов клиники, из которых наиболее важными были анкеты, заполняемые при поступлении, и истории болезни. Чтобы иметь непрерывную информацию о взаимодействии пациента и клиники с момента первого обращения до прекращения контактов, была разработана и добавлена к истории болезни Анкета продвижения пациента. Поскольку клинические истории болезни содержат информацию, отражающую деятельность персонала, почти все эти источники были результатом процедур, которые выполнялись автоматически.

Чтобы заполнить пункты Кодировочного бланка (*Coding Sheet*), два аспиранта-психолога изучили 1582 истории болезни. Для определения уровня согласия между кодировщиками и между последовательными пробными кодировками была разработана и использована процедура, имевшая стандартную надежность. В соответствии с обычными рассуждениями уровень согласованности обеспечивает один набор

[1] M. Kramer, H. Goldstein, R. H. Israel and N. A. Johnson. «Applications of Life Table Methodology to the Study of Mental Hospital Populations». *Psychiatric Research Reports of the American Psychiatric Association*, June, 1956, p. 49–76.

оснований для того, чтобы закодированные события воспринимались с доверием, как реальные клинические события. Критическая особенность стандартной надежности оценок заключается в том, что согласие кодировщиков состоит из согласия относительно конечных результатов.

Никого не удивил результат предварительной работы: чтобы выполнить кодирование, кодировщики должны были приобрести знания о подлинных организационных приемах той самой клиники, которую они намеревались описать с помощью своих процедур кодирования. Более интересно другое: складывалось такое впечатление, что эти предварительные знания необходимы и что они наиболее обдуманно использовались в тех случаях и для тех целей, когда кодировщикам нужно было убедиться в том, что они закодировали именно то, «что действительно имело место». *Это происходило независимо от того, сталкивались они или нет с «неоднозначным» содержанием историй болезни.* Подобная процедура делает несостоятельной любую претензию, что независимо от того, какими понятными ни были бы инструкции кодирования, для изучения содержания историй болезни использовались страховые методы. Согласие относительно результатов кодирования достигалось применением процедуры к неизвестным характеристикам.

Чтобы расширить свои знания о той процедуре, которую использовали наши студенты, на процедуру надежности смотрели как на проблематичную деятельность, заслуживающую отдельного исследования. К «надежности» закодированных результатов обращались, спрашивая, как кодировщики на самом деле подводили содержание историй болезни под содержание пунктов Кодировочного бланка. Посредством каких практик реальному содержанию истории болезни приписывался статус ответов на вопросы исследователя? Какие реальные действия позволяют назвать практику кодировщиков «следованием инструкциям кодирования»?

Была разработана процедура, которая давала традиционно надежную информацию, так что сохранялись оригинальные интересы исследования. Одновременно эта процедура позволяла изучить, как уровень согласия или разногласий возникает за счет того, как на самом деле два кодировщика решают проблему использования содержания историй болезни в качестве ответов на вопросы, сформулированные в Кодировочном бланке. Но вместо того чтобы принять, что кодировщики могли — как бы они ни действовали — в большей или меньшей степени допустить ошибки, предположили: *что бы они ни делали*, можно считать корректной процедурой в *некоей* «игре» кодирования. *Как бы ни действовали* кодировщики, этого было достаточно для того, чтобы получить то, что они получали. Как они действовали, чтобы получить то, что они получали?

Вскоре мы нашли, что наибольшую релевантность для кодировщиков в их работе по использованию содержания историй болезни для ответов на их вопросы имеют такие выражения, как «и так далее», «если не», «не обращайте на это внимания» и *factum valet* (т. е. действие, которое в других случаях считается запрещенным правилом, считается правильным, если оно совершено). Позвольте мне для удобства называть эти соображения *ad hoc*-соображениями[1], а их практику — *ad hoc-практикой*. Кодировщики использовали те же самые *ad hoc*-соображения, чтобы признать релевантность инструкций кодирования организованной деятельности клиники. Только тогда, когда эта релевантность не вызывала сомнений, кодировщики были уверены в том, что инструкции кодирования таким образом анализировали реально встречавшееся содержание историй болезни, что позволяли им относиться к этому содержанию как к отчету о «реальных событиях». Наконец, *ad hoc*-соображения были инвариантными признаками практики «следования инструкциям кодирования». Попытки подавить эти соображения с одновременным сохранением определенного смысла инструкций вызывали сумятицу.

Затем были проведены изучения разных аспектов «новой» надежности, сначала, чтобы посмотреть, можно ли твердо гарантировать эти результаты, а после того, как стало ясно, к моему удовлетворению, что такое возможно, чтобы изучить их последствия для общего социологического характера методов, которыми кодировщики пользовались для дознания (а также контрастных методов), а также для работы, которая проводится при осознании или утверждении того, что нечто было сделано по правилу, что некое действие либо следовало инструкции, либо «направлялось» ею.

> ***Ad hoc*-соображения** — это неизменно релевантные соображения в решении вопроса о соответствии между тем, что можно прочитать в истории болезни, имеющейся в клинике, и тем, что кодировщик вносит в Кодировочный бланк.

[1] Ad hoc (*лат.*) — к случаю. — *Примеч. науч. ред.*

Не имеет значения, как четко и тщательно написаны инструкции; вопреки тому обстоятельству, что для каждого пункта *могут быть* сформулированы не допускающие отклонений страховые правила кодирования [3], с помощью которых содержание историй болезни может быть отображено в Кодировочном бланке, до тех пор, насколько должно быть заявлено, что записи в Кодировочном бланке сообщали о реальных событиях деятельности клиники, настолько в каждом примере и в каждом пункте выражения «и так далее», «если не», «не обращайте на это внимания» и *factum valet* сопровождают понимание кодировщиком инструкций кодирования как способов анализа реального содержания историй болезни. Их использование позволяет кодировщику воспринимать содержание истории болезни как отчет о событиях, которые Кодировочный бланк представляет и формулирует как события, представленные на древовидной схеме.

Обычно исследователи считают такие *ad hoc*-процедуры ущербными способами написания, понимания инструкций или следования им. Преобладает точка зрения, заключающаяся в том, что хорошая работа требует от исследователей увеличения числа и ясности их правил кодирования и минимизации или даже исключения случаев, в которых используются «и так далее» и другие *ad hoc*-практики.

Относиться к инструкциям так, словно *ad hoc*-черты в их применении были неприятностями, или относиться к их присутствию как к основанию для сетований на неполноту инструкций во многом то же самое, что стены здания возведены лишь для того, чтобы было лучше видно, на чем держится крыша. Наши исследования показали, что *ad hoc*-соображения являются важными особенностями процедур кодирования. *Ad hoc*-практики необходимы, если исследователю нужно оценить релевантность инструкций конкретной и реальной ситуации, которую они намерены проанализировать. Для каждого конкретного и реального случая исследования, выявления и отнесения содержания истории болезни к «правильной» категории, что и является целью настоящего кодирования, подобные *ad hoc*-соображения имеют неустранимый приоритет перед обычными договоренностями о «необходимых и достаточных» критериях. Речь не о том, что «необходимые и достаточные» критерии процедурно определены инструкциями кодирования. И не о том, что присутствие и использование таких *ad hoc*-практик, как «и так далее» или «не обращайте внимания», а также их число, контролируется или они вовсе исключаются за счет того, что составляются по возможности максимально определенные инструкции кодирования. Речь идет о том, что кодировщики консультируются со *специальными* соображениями, а *специальные* практики *используются ими для того, чтобы осознать, о чем определенно говорят инструкции*. Кодировщики консультируются со *специальными* соображениями для того, чтобы осознать инструкции кодирования как «операционные дефиниции» категорий кодирования. Они играют роль основания для уверенного утверждения исследователя, что кодирование выполнено в соответствии с «необходимыми и достаточными» критериями, и методов такого кодирования.

Ad hoc-обстоятельства возникают (и я надеюсь, что это неисправимо) тогда, когда кодировщик становится в позицию социально компетентного члена сообщества, о котором он стремится составить отчет, и когда с этой «позиции» он воспринимает содержание реальной истории болезни как находящееся в отношениях доверительной сигнификации к «системе», существующей в деятельности клиники. Поскольку кодировщик становится в «положение» компетентного члена сообщества, о котором он стремится составить отчет, он может «увидеть систему» в реальном содержании истории болезни. Этого он достигает неким способом, похожим на тот, которым человек пользуется, если хочет знать правила употребления английского языка, чтобы распознать в сказанном английское слово, или правила какой-то игры, чтобы сделать верный ход при условии, что всегда возможны альтернативные способы понимания высказываний или настольной игры. С помощью этого кодировщик принимает содержание истории болезни за то, «чем оно реально является», или может «увидеть, о чем именно говорит запись, сделанная в истории болезни».

При условии, если кодировщик хочет получить удовлетворение от того, что обнаружил реальный клинический случай, ему следует обращаться с содержанием реальных историй болезни как с полномочным представителем социального порядка и в действиях клиники, и вытекающего из них. Реальное содержание историй болезни репрезентирует социально организованную клиническую активность; она и не описывает порядка и не является его свидетельством. Именно использование кодировщиком историй болезни как *сигнум-функций*, которые я имею в виду, говоря, что кодировщик должен знать порядок клинической деятельности, находится в поле его зрения, если он хочет осознать реальное содержание как проявление порядка. Если кодировщик способен «увидеть систему» в содержании, у него появляется возможность толковать кодировочные инструкции и расширительно,

и по-другому, т. е. делать их специальными, чтобы поддерживать релевантность инструкций по кодированию реальному содержанию и таким образом формулировать смысл реального содержания так, чтобы его смысл, хоть он и трансформируется кодированием, сохранялся в глазах кодировщика как реальное событие в подлинной деятельности клиники.

Можно отметить несколько важных последствий.

1. Как правило, с закодированными результатами будут обращаться так, словно они — беспристрастные описания клинических событий, и правила кодирования предполагают поддержку заявленной беспристрастности описаний. Но если для того, чтобы сделать подобные заявления внятными, нужны *ad hoc*-обстоятельства, всегда можно поспорить — и пока что я не вижу достойного ответа, — что закодированные результаты состоят из убедительной версии социально организованного характера клинических операций, независимо от того, каков реальный порядок, возможно, независимо от того, каков реальный порядок, и даже без определения исследователем реального порядка. Вместо наших исследований продвижения пациентов в клинике (и множества исследований различных социальных организаций, которые проводились аналогичными традиционными способами), описывающих порядок клинических действий, отчет может быть оспорен и представлен как состоящий из социально придуманного, убедительного и должного способа вести беседу о клинике как об организованном предприятии, поскольку «в конце концов» отчет был составлен на основании «научных процедур». Отчет сам будет частью реального порядка клинических операций, во многом точно так же, как можно рассматривать отчет человека о собственной деятельности, как признак его активности. *Реальный порядок останется неописанным.*
2. Другое последствие возникает, когда мы задаем следующий вопрос: «Что нужно сделать с лечением, хоть оно и очень тщательно разработано, и с использованием инструкций по кодированию для работы с реальным содержанием историй болезни и их переводом на язык таблиц кодов?» Если финальный отчет сам есть характерная особенность клинической деятельности, возможно, не следует смотреть на чтение инструкций по кодированию как на способ получения научного описания клинической активности, поскольку это означает, что язык кодирования, в том, о чем он говорит, не зависит от интересов индивидов, которые обслуживаются с его помощью. Вместо этого инструкции по кодированию следует читать как литературные сочинения; они представляют способ «говорения», присущий «социальной науке» и направленный на достижение консенсуса и действий внутри практических обстоятельств ежедневной организованной деятельности клиники, понимание которых индивиды считают само собой разумеющимся. Обращаясь к отчету клиники, полученному при следовании инструкциям по кодированию, индивиды с разными интересами могут убедить друг друга и уладить свой разговор о делах клиники в беспристрастной манере, в то время как то, о чем они действительно говорят, сохраняет для участников дискуссии свой смысл как легитимное или нелегитимное, желательное или нежелательное, как выгодное или невыгодное для них состояние дел на их должностных уровнях. Это обеспечивает беспристрастный способ охарактеризовать их действия без того, чтобы индивиды отказались от важных, организационно определяемых интересов, связанных с тем, о чем, по их мнению, все-таки идет речь. А о чем, собственно говоря, идет речь? О том, что порядок в клинике, реальные особенности которой, по мнению любого члена коллектива, известны каждому, есть нечто, до чего никому другому в этой организации никогда нет дела.

Практическое социологическое рассуждение: общее понимание

Социологи различают смыслы «результата» и «процесса» общего понимания. В качестве «результата» общее понимание есть мысль, выражающая коллективное согласие по существенным вопросам; как «процесс» оно состоит из различных способов, посредством которых то, что человек говорит или делает, осознается в соответствии с неким правилом. С помощью понятий *Begreifen* и *Verstehen*[1], каждое из которых имеет свой определенный характер как метод и знание, Вебер дает социологам право для такого различения.

[1] Два немецких глагола, имеющих значение «понимать». Первый из них имеет смысловой оттенок «постигать, соображать», второй — «иметь представление». — *Примеч. науч. ред.*

Анализ сообщений студентов об обычном разговоре наводит на мысль о том, что в любом случае как для «продукта», так и для «процесса» общее понимание состоит из внутренне-временнóго течения интерпретивной работы. Их сообщения позволяют предположить некую странную последовательность фактов, что в любом случае общее понимание непременно имеет операционную структуру.

В главе 2 рассказывается об исследовании, в котором студентов попросили сделать сообщения об обычных разговорах, записывая на левой стороне листа то, что участники беседы действительно говорили, а на правой — понимание ими и их собеседниками того, о чем шла речь.

Ниже приводится следующий обмен репликами.

Муж: Сегодня Дэн сумел опустить монету в счетчик на парковке, причем никто его не поднимал.	*Муж*: Сегодня, когда я вез нашего четырехлетнего сына Дэна из детского сада домой, он сумел сам дотянуться и опустить монету в счетчик на парковке, хотя прежде его всегда приходилось для этого поднимать.
Жена: Вы вместе заходили в магазин пластинок?	*Жена*: Если он опускал монету в счетчик, значит, он был с тобой, когда ты останавливался. Я знаю, что обычно ты заезжаешь в магазин пластинок либо когда едешь за ним, либо на обратном пути. Останавливался ли ты на обратном пути, когда он был с тобой, или когда ехал за ним, а вместе вы заезжали куда-то в другое место?
Муж: Нет. В мастерскую по ремонту обуви.	*Муж*: Я заезжал в магазин пластинок, когда ехал за ним, а на обратном пути мы вместе заехали в обувную мастерскую.
Жена: Зачем?	*Жена*: Я знаю одну причину, по которой ты мог бы заехать в мастерскую по ремонту обуви. А что на самом деле заставило тебя это сделать?
Муж: Я купил новые шнурки для своих ботинок.	*Муж*: Как ты помнишь, я на днях порвал шнурки своих коричневых полуботинок, так что я заехал, чтобы купить новые.
Жена: Нужно срочно сделать новые набойки на твои мокасины.	*Жена*: Я думала, что ты заехал туда по другому поводу. Нужно срочно поставить набойки на твои черные мокасины. Хорошо бы тебе сделать это как можно быстрее.

Студенты быстро и без проблем заполнили левую часть листа, но заполнение правой части показалось им несравненно более трудным делом. Получив задание, многие спрашивали, много ли им нужно написать. По мере того как я последовательно говорил, что требую от них точности, ясности и определенности, задание становилось все более трудным. В конце концов, когда я потребовал, чтобы они исходили из того, что я узна́ю, о чем они действительно говорили, только дословно прочитав то, что они буквально напишут, они принялись сетовать на то, что выполнить такое задание невозможно.

Хотя их жалобы были вызваны озабоченностью тем, что трудно писать «много», создающее неверие в свои силы «много» не было связано с непомерным и невыполнимым трудом. Их жалобы также не были связаны с тем, что тема разговора была столь широка, что для ее педантичного изложения, для написания «всего» им не хватало времени, выносливости, бумаги, «драйва» или веских оснований. Дело было не в этом. Жалоба и ее обстоятельства, похоже, состояли в следующем: *если* независимо от того, что студент напишет, я смогу убедить его в том, что его текст еще недостаточно точный, определенный и ясный, и *если* ему придется устранять неоднозначность, он вернется к заданию, сетуя на то, что само написание излагает разговор как развитую структуру релевантных тем. Сам *способ* выполнения задания умножал его отличительные особенности.

Какое задание я дал им? Такое, которое требовало, чтобы они написали «больше»? Такое, что последовательное «навязывание» точности, ясности и буквальности постепенно усложняло его и в конце концов сделало невыполнимым? И такое, что способ его выполнения умножил его отличительные особенности? Если общее понимание состоит из коллективного согласия по существенным вопросам, их задание было бы идентично заданию, которое предположительно выполняют профессиональные социологи. Им следовало бы выполнить задание так, как склонны предлагать свои решения профессиональные социологи, то есть следующим образом.

Студентам нужно было сначала отличить то, *что* было сказано, от того, *о чем* говорили, и заняться сопоставительным анализом того и другого. *К тому, что было сказано собеседниками*, следовало относиться как к схематичной, частичной, неполной, замаскированной, краткой, скрытой, неоднозначной или обманчивой версии *того, о чем они разговаривали*. В таком случае задание превращается в устранение схематичности того, что было сказано. То, о чем говорили, будет состоять

из тщательно разработанного и соответствующего содержания того, что стороны сказали. Следовательно, формат правой и левой колонок будет соответствовать «факту», что содержание того, что было сказано, можно было записать, записав то, что зафиксировала бы пленка магнитофона. Правая колонка требует, чтобы было «добавлено коечто еще». Поскольку схематичность того, что было сказано, является его недостатком, студентам потребуется посмотреть не только на то, что было сказано, чтобы, во-первых, найти соответствующее этому содержание и, во-вторых, найти основания для аргументации корректности соответствия, потому что это потребуется. Поскольку студенты делали сообщения о реальных разговорах реальных людей, им для заполнения правой графы приходилось искать то, что собеседники «имели в виду», о чем они «думали» или во что «верили», или каковы были их «намерения». Более того, им нужно будет убедиться, что они выявили именно то, что собеседники имели в виду действительно, а не предположительно, гипотетически или возможно. Иными словами, им придется ссылаться на наблюдаемые действия — на наблюдаемые действия, совершаемые самими собеседниками, — для того чтобы создать основания для своих претензий на «реальность». Подобная уверенность может быть достигнута за счет установления в отношениях собеседников присутствия доказательств таких хороших качеств, как честное, прямое, открытое, искреннее и тому подобное ведение беседы. Все это вместе означает: для того чтобы говорить об адекватности своего сообщения о том, о чем говорили собеседники, т. е. о том, что является их общим пониманием, студентам понадобятся все их знания о разделяемом согласии. В таком случае, что бы студенты ни написали, они могут принять, что я, как компетентный член того же самого коллектива (в конце концов, разговор был самым заурядным), смогу увидеть соответствие и основания для него. Если же я не увижу соответствия или истолкую содержание иначе, чем они, тогда, до тех пор пока они будут допускать мою компетентность, т. е. до тех пор, пока мои альтернативные интерпретации не подрывают моего права утверждать, что и они, и я должны серьезно относиться к этим альтернативам, студенты могут воспринимать меня как человека, настаивающего на том, чтобы они обеспечили меня более «тонкой детализировкой», чем требуют практические соображения. В таком случае они могут обвинить меня в слепом педантизме и могут посетовать, что поскольку «любой может увидеть», когда для всех практических целей достаточно означает достаточно, никто не слеп так, как те, кто «не увидят».

Такая версия задания объясняет их сетования по поводу того, что им нужно написать «больше». Она также и объясняет увеличение трудоемкости задания, когда последовательно навязываются требования ясности и тому подобного. Но она не очень хорошо объясняет конечной невозможности, ибо она объясняет лишь один аспект «невозможности» выполнения задания как неготовность студента продвинуться сколько-нибудь вперед, но она не объясняет сопровождающего чувства, а именно того, что студенты так или иначе видели, что задание в принципе было невыполнимым. И последнее. Эта версия задания вовсе не объясняет их сетования по поводу того, что способ выполнения задания умножает его отличительные признаки.

Альтернативная концепция задания может лучше справляться с этой задачей. Хотя это поначалу и может показаться странным, представьте себе, что мы отказываемся от предположения, что ради того, чтобы описывать использование как отличительный признак общности понимания, мы должны с самого начала знать, из чего состоит реальное коллективное понимание. Вместе с этим откажемся от сопровождающей это предположение теории знаков, согласно которой «знак» и «то, с чем он соотносится» являются соответственно свойствами чего-то высказанного и чего-то того, о чем говорят, и которая таким образом предлагает относиться к знаку и к тому, с чем он соотносится как к корреспондирующим содержаниям. Отказываясь от такой теории знаков, мы с помощью этого отказа отказываемся и от возможности, что упомянутое разделяемое согласие по существенным вопросам объясняет использование.

Если опустить эти соображения, тогда то, о чем говорили собеседники, невозможно отличить от того, *как* они говорили. В этом случае объяснение того, о чем говорили собеседники, будет состоять исключительно из описания того, как они разговаривали; из разработки того, как, каким способом сказать то, что нужно сказать: синонимично, иронично, метафорично, загадками, повествовательно, задавая вопросы или отвечая на них, говоря неправду, приукрашивая, лицемеря и т. д.

Вместо заботы о различии между тем, что было сказано, и тем, о чем говорили, и в противоположность ей существует приемлемая разница между тем, как люди, говорящие на одном языке, воспринимают, с одной стороны, то, что человек *говорит*, и — с другой — *как* он говорит. В этом случае очевидный смысл того, что человек сказал, заключается исключительно и полностью в осознании характера его речи — *вúдения того, как он говорит.*

Я полагаю, что не следует читать написанное в правой колонке как соответствующее содержанию того, что написано в левой, и что задание, полученное студентами — объяснить, о чем разговаривали собеседники, — не вовлекает их в детальную разработку содержания того, о чем они сказали. Вместо этого я предлагаю, чтобы их письменные объяснения представляли собой их попытки проинструктировать меня относительно того, как использовать то, что сказано собеседниками, в качестве способа увидеть то, что они сказали. Я считаю, что попросил студентов вооружить меня инструкциями для осознания того, о чем собеседники фактически и несомненно говорили. Убеждая их в необходимости альтернативных «интерпретаций», настаивая на том, что неоднозначность по-прежнему осталась, я убеждал их в том, что они продемонстрировали мне только то, о чем собеседники предположительно, вероятно, гипотетически разговаривали. Они восприняли это в том смысле, что их инструкции были неполными; что их демонстрации потерпели неудачу в той же мере, в какой были неполными их инструкции, и что разница между утверждениями «фактически» и «предположительно» зависела от полноты инструкций.

Теперь мы видим, каким было задание, которое потребовало от них писать «подробнее», что все больше и больше казалось им трудным и в конце концов показалось невыполнимым, и которое стало слишком детальным благодаря самим способам его выполнения. Я дал им задание сформулировать эти инструкции таким образом, чтобы сделать их более точными, ясными, определенными и в конце концов буквальными, причем смысл «все более и более», а также точности, ясности, определенности и буквальности был предположительно выражен в терминах свойств самих инструкций и только одних инструкций. Я потребовал от них выполнить невыполнимую работу: «восполнить» принципиальную неполноту *любого* набора инструкций, независимо от того, насколько тщательно или подробно они написаны. Я потребовал от них сформулировать метод, которым пользовались собеседники, как правила процедуры, которым нужно следовать для того, чтобы сказать то, что сказали собеседники, правила, которые устоят при любых поворотах ситуации, воображения и развития. Я попросил их описать способ ведения разговора, которым пользовались собеседники, таким образом, словно этот способ был изоморфен действиям в строгом соответствии с правилом процедуры, которое сформулировало метод как инструкцию. Осознать, *что* сказано, *означает* осознать то, как человек разговаривает, т. е. осознать, как именно говорила жена,

сказавшая «Нужно срочно сделать новые набойки на твои мокасины», — повествовательно, метафорически, иносказательно или лицемерно.

Они споткнулись о тот факт, что для ответа на вопрос о том, как человек разговаривает, и для описания манеры разговаривать того или иного человека недостаточно показать, что сказанное им соответствует некоему правилу и демонстрирует смысловую слаженность, совместимость и связность. Это также и не одно и то же.

Занимаясь своими ежедневными делами, люди принимают как данность то обстоятельство, что сказанное будет понято в соответствии с методами, которыми стороны пользуются для понимания сказанного за его ясность, последовательность, связность, понимаемость или полноту, т. е. как подпадающего под юрисдикцию какого-то правила, короче говоря, — разумного. Увидеть «смысл» того, что говорится, значит предоставить тому, что было сказано, статус «правила». Термин *разделяемое согласие* относится к разнообразным социальным методам, с помощью которых индивид узнает, что нечто было сказано в соответствии с правилом, а не к демонстрируемому совпадению существенных вопросов. Следовательно, приемлемый образ общего понимания есть скорее операция, нежели общее пересечение перекрывающихся наборов.

Человек, занимающийся социологией, будь то любитель или профессионал, может относиться к коллективному пониманию как к взаимному согласию по существенным вопросам и принимать как данность, что сказанное будет понято в соответствии с методами, которые не нужно оговаривать особо, т. е. методами, которые следует конкретизировать только в «специальных» случаях.

Информативный характер того, о чем говорили между собой муж и жена, узнаваемость тем для обоих повлекли за собой использование каждым из них и приписывание друг другу такой работы, на основании которой то, что было сказано, понимается или будет понято в соответствии с их отношениями взаимодействия как осуществляемое правило их согласия, как интерсубъективность, использующая для взаимного анализа речи грамматическую схему, использование которой обеспечивает, что они *поймут* друг друга так, как *будут поняты*. При этом никому из них не понадобилось апеллировать к другому, чтобы узнать, как это было сделано, и никому не пришлось претендовать на то, чтобы другой «объяснился».

Короче говоря, общее понимание, определенное как «внутренний» временный ход интерпретивной работы, обязательно имеет операционную структуру. Чтобы аналитик мог не принимать в расчет его операционной структуры, он должен использовать знание общества, основанное на здравом смысле, точно так же как используют его индивиды, когда должны решить, что люди на самом деле делают или о чем они действительно говорят, т. е. использовать знание социальных структур, основанное на здравом смысле, и как предмет, и как ресурс исследования. Альтернатива заключается в приписывании исключительного приоритета изучению методов согласованных действий и методов общего понимания. Для профессионального социолога пригодными и до настоящего времени не изученными и критическими феноменами являются не какой-нибудь один способов понимания, а огромное количество различных методов. О том, что таких способов множество, свидетельствует бесконечный перечень способов, которыми пользуются люди, когда говорят. Некоторые указания на их характер и на их различия содержатся в социально доступных толкованиях множества знаковых функций, например когда мы принимаем к сведению маркировку, бирку, символ, эмблему, криптограммы, аналогии, анаграммы, указатели, миниатюризацию, имитацию, макетирование, имитирование — короче говоря, при осознании, использовании и продуцировании упорядоченных способов поддержания культурных образцов «изнутри» этих образцов [4].

Политика

То, что практические действия проблематичны, в известной мере до сих пор оставалось незамеченным; насколько они проблематичны; как сделать их доступными изучению; что мы должны узнать про них — все это вопросы, на которые предстоит ответить. Я использую термин «этнометодология» для обозначения изучения практических действий в соответствии с перечисленными ниже задачами, а также явлений, проблем, открытий и методов, сопровождающих их использование.

1. Неопределенно большая область событий может быть классифицирована (систематизирована), если использовать следующую исследовательскую политику: в любом событии ищутся черты, говорящие о том, что «выбор» среди альтернатив смысла, фактов, объективности, причины, объяснения, общности практических действий есть проект действий индивидов. Подобная политика обеспечивает то, что исследования абсолютно любого рода, от изучения предсказаний до исследований в теоретической физике, требуют, чтобы наш интерес был социально организованной искусной практикой. То, что социальные структуры ежедневных действий предоставляют контексты, предметы, ресурсы, оправдания, проблематичные вопросы и т. д. для практики и результатов исследований, дает право на избрание нашего интереса к повседневной жизни в качестве предмета любых исследований без исключения. Нельзя исключать никаких исследований, независимо от времени или места их проведения, независимо от широты или тривиальности их охвата, их организации, стоимости, продолжительности, последствий, успешности, репутации, исполнителей, претензий, философии или философов. К процедурам и результатам изучения заговаривания воды, гаданий, математики или социологии — независимо от того, занимаются этим любители или профессионалы — обращаются в соответствии с политикой, что каждая характерная черта смысла, факта, метода в каждом конкретном случае исследования без исключения есть контролируемое выполнение организованных условий практических действий и что конкретные решения в практическом осуществлении индивидами последовательности, планомерности, релевантности или воспроизводимости их методик и результатов — от колдовства до топографии — приобретены и гарантированы исключительно благодаря конкретным и установленным организациям искусных действий.

2. Индивиды в организованном сообществе постоянно вовлекаются в необходимость решать, осознавать, убеждать или делать очевидным рациональный, т. е. логически последовательный, или непротиворечивый, или избранный, или планомерный, или эффективный, или методичный, или познаваемый характер таких действий в их исследованиях, как выполнение расчетов, построение графиков, проведение опросов, построение выборок, ведение записей, составление отчетов, планирование, принятие решений и т. д. Недостаточно описать, как конкретные исследовательские процедуры в качестве составляющих черт рутинных и организованных действий индивидов осуществляются индивидами как опознаваемо *рациональные действия* в конкретных ситуациях организационных обстоятельств, сказав, что индивиды следуют какому-то правилу, с помощью которого определяют логически последовательный, непротиворечивый или плановый, т. е. рациональный характер их конкретных действий. Недостаточно также и предположить, что рациональные свойства исследований, выполняемых индивидами, являются результатом соблюдения индивидами правил проведения исследования. Вместо этого «адекватная демонстрация»,

«адекватное написание отчетов», «достаточные доказательства», «открытый разговор», «максимально полные записи», «необходимые умозаключения», «рамки ограниченных альтернатив», короче говоря, все вопросы «логики» и «методологии», включая и их самих, являются украшениями организационных феноменов. Эти феномены являются возможными достижениями организаций общих практик, и как возможные достижения они по-разному доступны индивидам в качестве норм, заданий и неприятностей. Только таким образом, а не в качестве инвариантных категорий или общих принципов, они определяют «адекватное исследование и рациональность».

3. Следовательно, основная политика заключается в отказе от серьезных размышлений по поводу превалирующего предложения, что эффективность, вразумительность, логическая последовательность, планомерность, типичность, униформность и воспроизводимость действий, т. е. от предположения, что рациональные свойства практических действий можно оценить, осознать, категоризировать и описать, используя некое правило или стандарт, почерпнутые вне той реальной обстановки, в которой эти свойства осознаются, используются, продуцируются и обсуждаются индивидами, находящимися в этой обстановке. Все процедуры, с помощью которых логические и методологические свойства осуществления на практике и результатов исследования оцениваются в их основных характеристиках по правилу, в качестве феноменов представляют интерес только для этнометодологического исследования и ни для чего другого. Структурно различные организованные практические действия повседневной жизни следует искать и изучать с точки зрения производства, происхождения, опознания и репрезентаций рациональных действий. Все «логические» и «методологические» свойства действия, каждую черту смысла действия, его фактичности, объективности, подотчетности, общности следует рассматривать как возможное осуществление социально организованных рутинных действий.

4. Рекомендуется такая политика, при которой любая социальная ситуация рассматривается как самоорганизующаяся в том, что касается четкого характера ее собственных проявлений либо как репрезентаций, либо как свидетельств-социального-порядка. Любая обстановка организует свои действия таким образом, чтобы ее свойства как организованной среды практической активности можно было бы обнаружить, сосчитать и зафиксировать, чтобы о них можно было составить отчет или рассказать какую-нибудь историю и чтобы их можно было проанализировать. Короче говоря, чтобы они были *подотчетными*.

Организованные социальные порядки состоят из различных методов достижения подотчетности способов организации ситуаций как согласованного предприятия. Каждое заявление практиков об эффективности, ясности, логической последовательности, плановости или эффективности и каждое рассуждение об адекватном доказательстве, демонстрации, описании или релевантности обнаруживает их характер как *феномена* из корпоративного ведения этого предприятия и из способов, которыми различные организационные среды — по причине их свойств как организаций активности — «поддерживают» или «облегчают» эти методы или «сопротивляются» им, когда нужно сделать их действия подотчетными вопросами для всех практических целей. Точно так же как обстановка организована, она *состоит* из методов, которыми индивиды делают очевидным, что методы обстановки являются ясными, логически последовательными, планомерными, согласованными, выбранными, познаваемыми, униформными, воспроизводимыми связями, т. е. рациональными связями. Точно так же как люди являются членами организованных действий, они вовлечены в серьезную и практическую работу по обнаружению и демонстрации — через показы в обыденных случаях их взаимодействия — проявлений логически последовательных, согласованных, ясных, выбранных, планомерных порядков. Точно так же как организована ситуация, она состоит из методов, посредством которых ее члены обеспечиваются отчетами о ситуации как о рассчитываемой, описываемой в историях, проговариваемой, сравнимой, изображаемой на картинах, представимой, т. е. как о подотчетных событиях.

5. Любой без исключения опрос состоит из организованных искусных действий, с помощью которых становятся очевидными и демонстрируются рациональные свойства пословиц, не полностью сформулированного совета, неполного описания, туманных выражений, брошенных на ходу замечаний, басен, предостерегающих сказок и тому подобного. Демонстрируемость рациональных свойств индексных выражений и индексных действий есть постоянное достижение организованной деятельности в повседневной жизни. В этом — суть проблемы. Для индивидов управляемое производство этого феномена в каждом аспекте, с каждой точки зрения и на каждой стадии сохраняет характер серьезных, практических задач, подверженных всем крайностям организационно обусловленного поведения. Каждая глава этой книги так или иначе рекомендует этот феномен для профессионального социологического анализа.

ГЛАВА 2

Изучение рутинных основ повседневных действий

Проблема

Для Канта моральный порядок «внутри» был тайной, вызывавшей благоговейный страх; для социологов моральный порядок «без» есть техническая тайна. С точки зрения социологической теории моральный порядок состоит из правила, регулирующего повседневные действия. Члены общества знакомы с моральным порядком и воспринимают его как нормальное течение действия — знакомые сцены ежедневных дел, мир повседневности, воспринимаемый вместе с другими и вместе с другими принимаемый как данность.

Они называют этот мир «естественными фактами жизни», которые для индивидов во всех отношениях являются моральными фактами жизни. Для индивидов моральными являются не только факты, относящиеся к знакомым сценам, они являются таковыми потому, что морально правильно или неправильно считать их таковыми. Знакомые сцены повседневной жизни, трактуемые индивидами как «естественные факты жизни», есть важнейшие факты ежедневного существования индивидов и как реальный мир, и как продукт деятельности в реальном мире. Они снабжают «определением», выражением «это есть...» все, к чему обращается бодрствующее сознание; это — отправные пункты и точки возврата каждой модификации мира повседневной жизни, который достигается в игре, в мечтах, в состоянии транса, в научном теоретизировании или в возвышенной церемонии.

Для каждой дисциплины, гуманитарной или естественной, знакомый мир здравого смысла повседневной жизни представляет неизменный интерес. Для социальных наук вообще и для социологии в частности это предмет первостепенной заботы. Это делает социологическую проблематику предметной, входит в само существо социологической установки и обеспечивает дополнительную и устойчивую независимость притязаний социологов на адекватное объяснение.

Несмотря на принципиальную значимость этой темы, огромное количество публикаций содержит мало информации и описаний методов, с помощью которых принципиальные черты социально опознаваемых «знакомых сцен» можно было бы выявить и представить как социальную организацию. Хотя социологи и считают социально структурированные сцены повседневной жизни точкой отсчета, они редко [1] воспринимают сам по себе принципиальный вопрос о том, как возможен любой мир здравого смысла в качестве предмета социологического исследования. Вместо этого возможность мира повседневности либо утверждается теоретическими рассуждениями, либо просто допускается. Как предмет исследования и методологическая основа социологического исследования определение мира здравого смысла повседневности, хоть оно и является подходящей темой для социологического исследования, пребывал в забвении. Цель данной главы заключается в том, чтобы показать сущностную релевантность для социологических исследований заботы о действиях, продиктованных здравым смыслом, как о самостоятельной теме для исследования, и в том, чтобы, рассказав о некоторых работах, возбудить желание «вновь открыть» эту проблему.

Превращение обыденных сцен в заметные

В сообщениях о стабильных чертах повседневных действий социологи обычно выбирают такие знакомые ситуации, как семейное домохозяйство или место работы и ищут переменные, которые определяют эти стабильные признаки. Часто из поля зрения выпадают социально стандартизированные и стандартизирующие, «увиденные, но незамеченные», ожидаемые, фоновые черты повседневных сцен. Член общества использует фоновые ожидания как схему интерпретации. Благодаря их использованию реальные явления становятся для него узнаваемыми и понятными как явления-знакомых-событий. Очевидно, что он реагирует на этот фон, хотя в то же самое время он затрудняется сказать конкретно, из чего состоят ожидания. Когда же его спрашивают о них, он либо говорит мало, либо ему вообще нечего сказать.

Чтобы эти фоновые ожидания оказались в поле зрения, человек должен или стать посторонним для рутинного характера ежедневных сцен, или отрешиться от них. Как отмечал Альфред Шюц, чтобы они

стали проблематичными, нужна «специальная причина». Для социологов эта «специальная причина» заключается в программном задании обращаться с практическими обстоятельствами члена общества, которые включают — с точки зрения этого члена общества — необходимый с позиций морали характер этих фоновых черт, как с предметом, представляющим теоретический интерес. Видимые, но остающиеся незамеченными фоны повседневных действий делаются видимыми и описываются с точки зрения той жизни, которой люди живут, имеют детей, испытывают разные чувства, думают, вступают в разные отношения, и все это для того, чтобы дать социологу возможность решить его теоретические проблемы.

Покойный Альфред Шюц — едва ли не единственный из всех социологов-теоретиков, кто в ряде классических исследований определяющей феноменологии мира повседневной жизни описал[1] многие из этих видимых, но не замеченных фоновых ожиданий. Он называл их «отношением к повседневной жизни». Он обращался к их видовым атрибутам как к «миру, познанному сообща и принятому как данность». Фундаментальная работа Шюца сделала возможным дальнейшее решение таких задач, как выяснение их природы и действия фоновых ожиданий, их отношения к процессам согласованных действий и определения их места в эмпирически представляемом обществе.

Исследования, о которых рассказано в этой главе, — попытка выявить некие ожидания, которые придают банальным сценам знакомый, обыденный характер, и соотнести эти сцены со стабильными социальными структурами повседневных действий. Я предпочитаю начать со знакомых сцен и спросить, что может быть сделано для того, чтобы вызвать беспокойство. Действия, которые должен будет выполнить индивид, чтобы умножить бессмысленность окружающей обстановоки, произвести и поддерживать путаницу, испуг и сумятицу, произвести социально структурированные эффекты нервозности, стыда, вины и негодования и дезорганизовать взаимодействие, должны будут показать нам то, как обычно и рутинно производятся и поддерживаются структуры повседневных действий [2].

[1] Alfred Schutz. *Der Sinnhafte Aufbau Der Sozialen Welt* (Wein: Verlag von Julius Springer, 1932); *Collected Papers I: The Problem of Social Reality*, ed. Maurice Natanson (The Hague: Martinus Nijhoff, 1962); *Collected Papers II: Studies in Social Theory*, ed. Arvid Broderson (The Hague: Martinus Nijhoff, 1964); *Collected Papers III: Studies in Phenomenological Philosophy*, ed. I. Schutz (The Hague: Martinus Nijhoff, 1966).

Одно замечание. Несмотря на то что в моих исследованиях большое внимание уделяется процедуре, их нельзя назвать экспериментальными в полном смысле этого слова. Это демонстрации, предназначенные, по выражению Герберта Шпейгельберга, «в помощь ленивому воображению». Я нашел, что они вызывают размышления, посредством которых может быть выявлена странность устойчиво знакомого мира.

Некоторые важные черты общего понимания

Различные соображения диктуют, что общее понимание, возможно, не может состоять из измеренного количества согласия по определенным вопросам, достигнутого между людьми. Даже если темы ограничены и по числу, и по масштабам, а каждая практическая трудность оценки прощена, представление о том, что мы имеем дело с количеством совместного договора, остается по существу неправильным. Это можно продемонстрировать следующим образом.

Испытуемых попросили представить общие разговоры, написав на листе бумаги слева то, что собеседники действительно сказали, а справа — то, как они сами и их партнеры поняли то, о чем они говорили. Один испытуемый написал отчет о следующем своем разговоре с женой.

Муж: Сегодня Дэн сумел опустить монету в счетчик на парковке, причем никто его не поднимал.	*Муж*: Сегодня, когда я вез нашего четырехлетнего сына Дэна из детского сада домой, он сумел сам дотянуться и опустить монету в счетчик на парковке, хотя прежде его всегда приходилось для этого поднимать.
Жена: Вы вместе заходили в магазин пластинок?	*Жена*: Если он опускал монету в счетчик, значит, он был с тобой, когда ты останавливался. Я знаю, что обычно ты заезжаешь в магазин пластинок либо когда едешь за ним, либо на обратном пути. Останавливался ли ты на обратном пути, когда он был с тобой, или когда ехал за ним, а вместе вы заезжали куда-то в другое место?
Муж: Нет. В мастерскую по ремонту обуви.	*Муж*: Я заезжал в магазин пластинок, когда ехал за ним, а на обратном пути мы вместе заехали в обувную мастерскую.

Жена: Зачем?	*Жена*: Я знаю одну причину, по которой ты мог бы заехать в мастерскую по ремонту обуви. А что на самом деле заставило тебя это сделать?
Муж: Я купил новые шнурки для своих ботинок.	*Муж*: Как ты помнишь, я на днях порвал шнурки своих коричневых полуботинок, так что я заехал, чтобы купить новые.
Жена: Нужно срочно сделать новые набойки на твои мокасины.	*Жена*: Я думала, что ты заехал туда по другому поводу. Нужно срочно поставить набойки на твои черные мокасины. Хорошо бы тебе сделать это как можно быстрее.

Изучение этого разговора выявило следующее.

1. Было много вопросов, которые хоть и не упоминались, но подразумевались супругами.
2. Многие вопросы, которые супруги понимали, они понимали не только на базе того, что действительно было сказано, но и на базе того, что не было «озвучено».
3. Многие вопросы были поняты через процесс внимания к временным сериям высказываний, скорее как к документальным свидетельствам развития разговора, нежели как к веренице терминов.
4. Вопросы, которые сообща понимали оба, понимались исключительно в результате и посредством работы понимания, которая состояла в отношении к реальному лингвистическому событию как к «документу», как к «указанию на», как к представляющему лежащий в основе паттерн вопросов, каждый из которых уже, как полагают, должен быть вопросом, о котором каждый с помощью слов может сказать другому. Лежащий в основе паттерн был не только извлечен из течения индивидуальных документальных свидетельств, но эти документальные свидетельства, в свою очередь, были интерпретированы на базе того, «то было известно» и предварительно узнаваемо о лежащих в основе паттернах [3]. Каждый использовался для усовершенствования другого.
5. Уделяя высказываниям внимание как событиям-в-разговоре, каждая сторона обращалась к прошлом и будущему настоящих отношений, которые каждый использовал и приписывал другому как общую схему интерпретации и выражения.

6. Каждый ждал, чтобы было сказано что-нибудь еще, чтобы услышать, о чем говорилось ранее, и, судя по всему, каждый был готов ждать.

Общие понимания состояли бы из измеренного количества общего соглашения, если бы общие понимания состояли из событий, скоординированных с последовательными позициями стрелок часов, т. е. событий в стандартном времени. Вышеупомянутые результаты, поскольку они имеют дело с обменами репликами как с событиями-в-разговоре, побуждают к тому, что необходимо иметь, как минимум, еще один параметр — время: роль времени, поскольку оно является составной частью «вопроса, о котором говорят», развивающим и развитым событием во время действия, которое произвело его, одновременно и процессом, и продуктом, была осознана *изнутри* этого развития обеими сторонами, причем каждый осознал это как сам, так и от имени другого.

Этот разговор выявил и дополнительные черты.

1. Многие из прозвучавших выражений таковы, что их смысл не может быть понят слушателем, если он не знает или не предполагает каких-то обстоятельств из жизни говорящего, его целей, обстоятельств, заставивших его так говорить, предшествующего течения беседы или особенностей реальных или потенциальных отношений, существующих между говорящим и слушателем. Выражения не имеют смысла, который остается неизменным при изменении обстоятельств, при которых они используются.
2. События, о которых шел разговор, были исключительно туманными. Они не только не определяли четко отграниченный набор возможных определений (толкований), но включали в качестве их преимущественно преднамеренных и санкционированных черт сопровождающую их «бахрому» толкований, которые открыты в том, что касается внутренних отношений, отношений к другим событиям и отношений к прошлым и будущим возможностям.
3. Из-за чувствительного характера высказывания после его произнесения каждый из собеседников, будучи слушателем как собственных высказываний, так и высказываний другой стороны, должен принять, что для окончательного разъяснения смысла уже сказанного следует дождаться того, что будет сказано позднее. Таким образом, многие высказывания обладают таким

свойством, что становятся понимаемыми и понимаются постепенно, в ходе дальнейшего течения разговора.

4. Вряд ли стоит особо оговаривать, что смысл высказываний зависел от момента их появления, от экспрессивного характера вошедших в него терминов и от важности для говорящего описываемых событий.

Эти свойства общих пониманий контрастируют со свойствами, которые были бы у них, если бы мы не принимали во внимание их временно установленный характер, а рассматривали их вместо этого как предварительно закодированные вступления барабана памяти, которые нужно принимать во внимание как определенный набор альтернативных значений. Из этих значений следует выбрать одно, в предрешенных условиях, говорящих о том, каким из нескольких альтернативных путей надлежало понимать ситуацию при условии, что возникла необходимость принять решение. Последние свойства — это свойства точного рационального разговора в том виде, как они идеализированы в правилах, определяющих адекватное логическое доказательство.

Для целей *выполнения их повседневных действий* люди отказываются разрешать друг другу понимать таким образом «то, о чем они на самом деле говорят». Предвкушение, что тебя *поймут*, случайность высказываний, специфическая туманность упоминающихся обстоятельств, связь смысла того, что происходит в данный момент, с прошлым и с будущим, ожидание, что дальше будет сказано нечто такое, что прояснит смысл сказанного ранее, — все это санкционированные свойства обыденного разговора. Они образуют фон видимых, но не замечаемых черт общего разговора, в ходе которого реальные высказывания воспринимаются как события общей, логичной, понятной, открытой беседы. Людям нужны эти свойства беседы как условия, при которых они дают и самим себе и другим возможность утверждать, что они знают, о чем говорят, и что то, что они говорят, подлежит пониманию и должно быть понято. Короче говоря, их видимое, но оставшееся незамеченным присутствие используется для того, чтобы дать возможность людям вести свои общие разговоры без помех. Отклонения от подобного использования незамедлительно вызывают попытки восстановить правильное состояние дел.

Санкционированный характер этих свойств можно продемонстрировать следующим образом. Студентов проинструктировали вовлечь в обычный разговор знакомого или друга и, не указывая, что то, о чем

просил экспериментатор, в какой-то мере необычно, настоять на том, чтобы собеседник прояснил смысл его банальных ремарок. Двадцать три студента сообщили о двадцати пяти подобных случаях. Ниже приводятся типичные примеры из их отчетов.

Пример 1. Испытуемая рассказывала экспериментатору, которого вместе с другими везла в своей машине, о том, что накануне по дороге на работу она проколола покрышку.

Испытуемая: Я проколола покрышку.

Экспериментатор: Что значит «проколола покрышку»?

Похоже, что испытуемая ошарашена. Затем нелюбезно отвечает: «Что вы имеете в виду, когда спрашиваете, что значит "проколола покрышку"? Проколола покрышку — значит проколола покрышку. Это я и имела в виду. Ничего другого. Идиотский вопрос!»

Пример 2. *Испытуемый*: Привет, Рэй! Как чувствует себя твоя подруга?

Экспериментатор: Что ты имеешь в виду, говоря, как она себя чувствует? Ты имеешь в виду физическое здоровье или психическое?

Испытуемый: Я спрашиваю, как она себя чувствует? Что это с тобой? (Он выглядит раздраженным.)

Экспериментатор: Ничего. Ты не мог бы выразиться немного яснее?

Испытуемый: Забудь об этом. Как у тебя дела с поступлением в медицинскую школу?

Экспериментатор: Что ты имеешь в виду, спрашивая: «Как дела?»?

Испытуемый: Ты знаешь, что я имею в виду.

Экспериментатор: Понятия не имею.

Испытуемый: Да что это с тобой сегодня?! Ты что, болен?

Пример 3. Вечером в пятницу мы с мужем смотрели телевизор. Муж сказал, что он устал. Я спросила: «Как ты устал? Физически, морально или тебе просто скучно?»

Испытуемый: Не знаю. Похоже, что в основном физически.

Экспериментатор: Ты хочешь сказать, что у тебя болят мышцы или суставы?

Испытуемый: Вроде да. Не будь такой дотошной.

(*Проходит какое-то время. Они все еще сидят у телевизора.*)

Испытуемый: Все эти старые фильмы сделаны по одному и тому же лекалу.

Экспериментатор: Что ты имеешь в виду? Ты имеешь в виду все старые фильмы, некоторые из них или те, которые ты сам видел?

Испытуемый: Что с тобой сегодня? Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду.

Экспериментатор: Я хотела бы, чтобы ты выражался более конкретно.

Испытуемый: Ты прекрасно понимаешь меня! Иди к черту!

Пример 4. Во время разговора (с невестой экспериментатора) экспериментатор задавал вопросы о смысле различных слов, использованных испытуемой...

«В течение первых полутора минут испытуемая реагировала на вопросы так, словно они были вполне законными. Затем она спросила: "Почему ты задаешь мне эти вопросы?" и повторяла эту фразу два или три раза после каждого вопроса. Она начала нервничать и пугаться, утратила контроль над своей мимикой и жестами. Она проявляла все признаки беспокойства и, пожаловавшись на то, что я заставляю ее нервничать, потребовала, чтобы я прекратил это делать... Взяв в руки журнал, испытуемая прикрыла им лицо. Положив журнал на место, она притворилась сосредоточенной. Когда я спросил, почему она заинтересовалась журналом, она поджала губы и отказалась отвечать на какие бы то ни было вопросы».

Пример 5. Мой друг сказал мне: «Поторопись, не то мы опоздаем». Я спросил его, что он имеет в виду под словом «опоздаем» и с какой точки зрения он это оценивает. На его лице появилось недоуменное и циничное выражение. «Зачем ты задаешь мне такие глупые вопросы? Разумеется, я не должен никак комментировать свое заявление. Что это с тобой сегодня? Зачем мне нужно тратить время на анализ подобного заявления? То, что я говорю, все понимают, и тебе тоже не следовало бы быть исключением!»

Пример 6. Жертва приветливо махнула рукой.

Испытуемый: Как твои дела?

Экспериментатор: Какие именно дела? Мое здоровье? Мои финансы? Моя учеба? Душевное спокойствие? Мои...?

Испытуемый (краснея и внезапно выходя из себя): Слушай! Я всего лишь хотел быть вежливым! Если честно, ты меня совершенно не интересуешь!

Пример 7. Мой друг и я говорили о человеке, чья повелительная манера нас раздражала. Мой друг выразил свои чувства.

Испытуемый: Меня тошнит от него.

Экспериментатор: Не мог бы ты объяснить, что такое с тобой случилось, что тебя тошнит?

Испытуемый: Ты что, шутишь? Ты же знаешь, что я имею в виду.

Экспериментатор: Пожалуйста, объясни свое состояние.

Испытуемый (слушал мой вопрос с недоумением): Что на тебя нашло? Мы ведь никогда не разговаривали в таком духе, не так ли?

Фоновое понимание и «адекватное» осознание обыденных событий

Какого рода ожидания образуют «видимый, но незамеченный» фон общих пониманий и как они относятся к пониманию индивидом стабильных течений межличностных контактов? Некоторая информация может быть получена, если мы вначале спросим о том, как индивид посмотрит на ординарную и знакомую сцену и что он в ней увидит, если мы потребуем от него, чтобы он не делал ничего другого, а только посмотрел на нее так, словно она для него «очевидна», а на «самом деле» — нет.

Студенты последнего курса получили следующее задание: провести дома от пятнадцати минут до часа, наблюдая за своими действиями и одновременно считая, что они в своих домах — квартиранты. Они были проинструктированы не играть эти роли. Тридцать три студента написали отчеты о том, что с ними происходило.

В своих письменных отчетах студенты «бихевиоризировали» домашние сцены. Ниже приводится отрывок из одного отчета, который должен проиллюстрировать, что именно я имею в виду. «Невысокий, полный мужчина вошел в дом, поцеловал меня в щеку и спросил: "Как прошли занятия?" Я вежливо ответила. Он прошел на кухню, поцеловал младшую из двух женщин и поздоровался с другой. Младшая женщина спросила меня: "Что ты хочешь на обед, дорогая?" Я ответила: "Ничего". Она пожала плечами и ничего больше не сказала. Старшая женщина ходила по кухне и ворчала. Мужчина вымыл руки, сел за стол и взял газету. Он читал ее до тех пор, пока женщины не кончили ставить на стол еду. Все трое принялись за обед. Они непринужденно болтали о событиях дня. Старшая женщина сказала что-то на иностранном языке, и все рассмеялись».

Люди, отношения и действия были описаны без связи с их историей, с местом сцены в развитии обстоятельств жизни, без связи со сценами как структурами событий, релевантных для самих участников. Ссылки на мотивы, правильность, субъективность и социально стандартизированный характер событий обычно были опущены. Описания можно было принять за описания, сделанные человеком, наблюдавшим за происходившим через замочную скважину, отставившим в сторону большую часть того, что ему известно общего с испытуемыми о тех сценах, на которые он смотрит, словно пишущий наблюдал за сценами в состоянии некоторой амнезии своих знаний о социальной структуре, основанных на здравом смысле.

Студенты были удивлены, когда увидели способы, благодаря которым отношения индивидов друг к другу было личным. Дело одного воспринималось как дело других. Человек, которого критиковали, был не в состоянии сохранять достоинство, а другие мешали ему перейти в наступление. Одна студентка сообщила о том, как ее удивила свобода, с которой она восприняла свой дом. Поведение и чувства проявлялись без очевидной заботы о том, какое впечатление они производят. Манеры за столом были плохими, и члены семьи продемонстрировали такое отношение друг к другу, которое трудно было назвать вежливым. Первоначальным раздражителем в сцене были дневные новости членов семьи, обсуждение которых превратилось в тривиальный разговор.

Студенты сообщали о том, что им было трудно смотреть на происходящее именно так. Знакомые предметы — в первую очередь люди, но также и мебель, и убранство комнат — сопротивлялись их усилиям думать о себе как о посторонних людях. Многие испытывали неловкость, осознав, как делаются привычные движения: *как* кто-то обращается с серебряными столовыми приборами, *как* кто-то здоровается с другими членами семьи. Многие написали о том, что было трудно поддерживать такое отношение, потому что при нем ссоры, пикировка и враждебная мотивировка становились видимыми, а это приводило в замешательство. Нередко отчет, в котором были описаны по-новому увиденные проблемы, сопровождался утверждением о том, что его отчет о семейных проблемах не был «истинной» картиной. *На самом деле* его семья очень счастливая. Некоторые студенты сообщили о несколько гнетущем чувстве, вызванном «конформностью по отношению к кому-то из членов семьи». Несколько человек попытались сформулировать «подлинного себя» как субъекта действий, управляемых правилами поведения, но отказались от этой идеи, посчитав это плохой работой. Они сочли более убедительным думать о самих себе в «обычных» обстоятельствах как «о своих настоящих Я». Тем не менее один студент был заинтригован тем, как сознательно и успешно он мог предсказать реакции других людей на свои действия. Это чувство не доставляло ему никаких неприятностей.

Многие отчеты представляли собой вариации на тему «Я обрадовался, когда прошел час, и я смог стать самим собой».

Студенты были убеждены в том, что то, что они видели с позиции квартиранта, не было их реальной домашней обстановкой. Позиция квартиранта приводила к явлениям, которые они не принимали в расчет как интересные несоответствия, имевшие незначительную практическую значимость и вводившую в заблуждение. Как изменились их знакомые взгляды на домашнюю обстановку? Чем их взгляд отличался от обычного?

Некоторые отличия от их «обычного» и «необходимого» взгляда можно обнаружить в их отчетах.

1. Глядя на свои дома с позиций квартирантов, они заменили взаимно узнаваемую ткань событий правилом интерпретации, которое требует, чтобы эта взаимная ткань *временно* не принималась во внимание.
2. Взаимно узнаваемая ткань была поставлена в зависимость от этой новой позиции как определяющей принципиально важные структуры этой ткани.
3. Это было сделано с помощью вовлечения во взаимодействие с другой позицией, природа и назначение которой были известны только тому, кто ее занимал, которая оставалась нераскрытой, которая могла быть либо воспринята, либо отброшена по собственному выбору того, кто занимал ее, и была делом добровольного выбора.
4. Позиция как намерение поддерживалась как дело личного и добровольного подчинения четкому и единственному правилу, в котором, как в игре, цель намерения была идентична взгляду на вещи под покровительством самого единственного правила.
5. Прежде всего, восприятие («смотрение») не было ограничено необходимостью для наблюдателя «встраивать» свои интересы в отношение к действиям остальных. Таковы были обстоятельства, показавшиеся студентам странными.

Когда студенты использовали эти фоновые ожидания не только как способы восприятия знакомых сцен, но и как основания для действия в них, недоумение и гнев членов семьи прорывалось наружу.

Другое задание, которое должны были выполнить студенты, заключалось в том, что в течение периода времени от пятнадцати минут до часа они должны были представить себя квартирантами в собственных квартирах. Им было велено вести себя осмотрительно и вежливо, а также избегать личных замечаний, обращаться официально и разговаривать только тогда, когда к ним обращаются.

В девяти случаях из сорока девяти студенты либо отказались выполнять это задание (пять случаев), либо попытки были «безуспешными» (четыре случая). Четверо отказавшихся объяснили свой отказ тем, что они боялись это делать; пятая студентка сказала, что она предпочитает не рисковать и не нервировать свою мать, у которой больное сердце. В двух «безуспешных» случаях семьи с самого начала отнеслись ко всему как к шутке и, несмотря на продолжающиеся действия студентов, так и не изменили своего отношения к происходящему. Третья семья решила, что за этим стоит какая-то тайна, но какая именно — это их не касается. В четвертой семье родители заметили, что дочь стала «чересчур хорошей», решили, что ей, конечно, что-то нужно, о чем она незамедлительно сообщит им.

В остальных четырех пятых случаев члены семей были ошеломлены. Они изо всех сил старались понять, что происходит, и вернуть ситуацию в нормальное русло. Отчеты были полны упоминаний об их удивлении, замешательстве, шоке, нервозности, растерянности и гневе и о том, что члены семей обвиняли студентов в вульгарности, бесчувственности, эгоизме, низости и невежливости. Члены семей требовали объяснений: «В чем дело? Какая муха тебя укусила? Тебя что, выгнали из университета? Ты больна? С чего это ты так зазнался? Чего ты бесишься? Ты что, не в себе или просто дурак?» Один студент ужасно расстроил свою мать, когда в присутствии ее друзей спросил, не будет ли она возражать, если он возьмет себе еду из холодильника. «Буду ли я возражать? Ты всю жизнь берешь из холодильника все, что хочешь, и никогда не спрашиваешь у меня. Что с тобой случилось?!» Одна из матерей не на шутку разозлилась, когда ее дочь стала разговаривать с ней только тогда, когда она к ней обращалась; она начала так пронзительно кричать, что дочь не слушается и не уважает ее, что второй дочери не удалось успокоить ее. Отец выругал дочь за недостаток внимания к благополучию других и за то, что она ведет себя, как испорченный ребенок.

Иногда члены семьи поначалу относились к действиям студента как к какой-то забавной игре, но вскоре это отношение сменялось раздражением и гневом в адрес студента за то, что он не знает меры. Члены семьи иронизировали по поводу «вежливости» студентов: «Разумеется, мистер Херцберг!» или ругали студента за то, что он ведет себя, как сноб, и обычно отвечали на «вежливость» сарказмом.

Объяснения искали в предшествующих, понятных обстоятельствах жизни студента: студент «слишком много работает» в университете; студент «болен»; во всем виновата «очередная ссора» с невестой. Когда объяснения, предложенные членами семьи, оказывались отринутыми, наступала пора отторжения обидчика, его изоляция, возмездие и осуждение. «Не связывайся с ним, он снова в скверном настроении», «Не обращай на него внимания. Но пусть только попросит меня о чем-нибудь», «Ты причиняешь мне боль. Хорошо. Я еще больнее ударю тебя», «Почему ты всегда вносишь раздор в нашу семейную гармонию?» Во многих отчетах изложены разные версии описанной ниже конфронтации. Отец вслед за сыном входит в его спальню. «Твоя мама права. Ты плохо выглядишь и болтаешь глупости. Тебе лучше поискать другую работу, такую, которая требует меньше усилий». На это студент отвечает, что его трогает родительская забота и что он благодарен за нее, но что он прекрасно чувствует себя и единственное, что ему нужно, — чтобы никто не вмешивался в его жизнь. В ответ отец повышает голос: «Я больше не желаю выслушивать от *тебя ничего подобного*! И если ты не можешь относиться с уважением к своей матери, тебе лучше уехать отсюда!»

Не было ни одного случая, в котором ситуация не вошла бы в прежнее русло после объяснений студента. Тем не менее члены семей преимущественно не приходили от этого в восторг, и лишь немногие соглашались со студентом, который уверял их в том, что этот эксперимент имеет познавательное значение. Услышав такое объяснение, сестра холодно ответила от имени семьи из четырех человек: «Пожалуйста, не надо больше никаких экспериментов. Возможно, ты забыл, но мы не лабораторные крысы». Иногда объяснение принималось, но обида не проходила. В некоторых случаях студенты сообщали о том, что после объяснения либо у них самих, либо у их семей, а иногда и у тех, и у других оставались сомнения: сколько из того, что студент сказал, было сказано «по роли», а сколько он «действительно имел в виду».

Студенты нашли это задание трудным для выполнения. Однако в отличие от студентов-наблюдателей они скорее сообщали о том, что

трудности состояли не в том, что к ним относились так, словно они «были в роли», которую пытались играть, и не в том, что им приходилось сталкиваться с разными ситуациями, а в том, что они не знали, как стал бы реагировать квартирант.

Было и несколько совершенно неожиданных открытий:

- хотя многие студенты сообщали о том, что многократно мысленно репетировали ситуацию, лишь некоторые упоминали о том, что заранее испытывали страх или волнение;
- с другой стороны, хоть нередко события разворачивались по неожиданному и неприятному сценарию, лишь в одном студенческом отчете содержались серьезные сожаления;
- лишь немногие студенты сообщали о том, что когда испытание закончилось, у них словно гора с плеч свалилась.

Гораздо чаще они писали о частичном облегчении. Они часто писали о том, что в ответ на гнев других членов семьи они тоже сердились и легко соскальзывали на субъективно узнаваемые чувства и действия.

В отличие от отчетов студентов-наблюдателей, лишь в немногих из этих отчетов присутствовала «бихевиоризация» сцены.

Фоновые понимания и социальные аффекты

Несмотря на интерес к социальным аффектам, превалирующий в социальных науках, и серьезное внимание, уделяемое им клинической психиатрией, на удивление мало было написано о производящих их социально структурированных условиях. Что же касается роли, которую играет в их производстве, контроле и распознавании фон общих пониманий, то это вообще *terra incognita*[1]. Недостаток внимания со стороны исследователей-экспериментаторов становится тем более удивительным, если вспомнить, что именно это отношение и волнует людей, стоящих на позициях здравого смысла и задумывающихся о том, как вести свои повседневные дела таким образом, чтобы они вызвали воодушевление и дружеское расположение или чтобы избежать нервозности, чувства вины, стыда или тоски. Связь между общими пониманиями и социальными аффектами может быть проиллюстрирована, если представить себе то, что делали студенты-наблюдатели,

[1] *Terra incognita* — неизвестная земля. — *Примеч. науч. ред.*

как действие, вызывающее замешательство и гнев за счет отношения к важному положению дел как к чему-то «очевидному», «естественному» и «реальному», хотя на самом деле это не так.

Существование определенной и прочной связи между общими пониманиями и социальными аффектами может быть продемонстрировано, а некоторые из ее черт и изучены с помощью преднамеренного показа недоверия, процедуры, которая для нас производит в высшей степени стандартизированные эффекты. Обоснование заключается в следующем.

Одно из фоновых ожиданий, описанных Шюцем, заключается в санкционированном использовании сомнения как правомочной черты мира, который подлежит общему пониманию. Шюц исходил из того, что для *совершения своих повседневных действий* человек принимает — принимает также и то, что принимает другой человек, и принимает то, что он принимает от другого человека, а другой человек принимает это от него, — что отношение очевидного соответствия есть санкционированное отношение между реальными изображениями объекта и предполагаемым объектом, который проявляется особым образом. Для человека, занятого своими повседневными делами, объекты таковы, каковы они и должны быть, и он ожидает, что их так же воспринимают и другие. Для обращения с этим отношением по правилу сомнения требуется, чтобы необходимость и мотивация такого правила были обоснованными.

Мы ожидали, что благодаря отличающемуся отношению выказанному правилу сомнения (недоверия) [4], суть которого заключается в том, что другой человек был таким, каким он и должен был быть по отношению к легитимной ткани общих ожиданий, у сомневающегося и у того, в ком сомневаются, должны быть различные аффективные состояния. Со стороны того, кому не доверяют, должно быть требование оправдания, а если его нет и, насколько «он может видеть», не будет, проявляется гнев. Для экспериментатора мы ожидали замешательства как следствия несоответствия, по мнению его «жертвы», между той небольшой вещью, которую доказали провокации экспериментатора относительно того, что «все могут видеть», и тем компетентным человеком, которым он наряду с другими «в конце концов» считал себя, но которым, в соответствии с требованиями процедуры, не мог считать себя.

Как и часы Сантаяны, эта формулировка не была ни верной, ни неверной. Процедура давала и нам и экспериментаторам больше, чем мы ожидали.

Студентов проинструктировали, как вовлечь кого-либо в разговор, а также представить себе, что то, что другой человек говорит, исходит из его скрытых мотивов, которые одновременно являлись его настоящими мотивами. Студентам нужно было исходить из того, что другой человек старался провести их или ввести в заблуждение.

Только в двух случаях из тридцати пяти студенты действительно попытались выполнить задание с помощью незнакомых людей. Большинство студентов опасались, что такая ситуация выйдет из-под контроля, а потому выбирали друзей, соседей по комнатам и членов семей. Но даже и тогда выполнению задания предшествовало множество «мысленных репетиций», серьезное обдумывание возможных последствий и очень тщательный отбор «жертв».

Исполнение ролей от начала и до конца эксперимента давалось им с трудом. Студенты говорили об остром осознании того факта, что они находились «в искусственной игре», о невозможности «проживать роль» и о том, что зачастую они не знали, «что дальше делать». Слушая участника эксперимента, экспериментаторы упускали из виду задание. Когда одна студентка сказала, что не смогла получить никаких результатов, ибо так много усилий было направлено на поддержание себя в состоянии недоверия, она говорила от имени нескольких своих товарищей. Она сказала, что была не в состоянии представить себе, как ее приятели-собеседники могли обманывать ее, поскольку они говорили о таких незначительных вещах.

Для многих студентов допустить, что другой человек был не тем, кем казался, и что ему следует не доверять, было тем же самым, что и допустить, что этот человек сердился на них и ненавидел их. С другой стороны, многие жертвы, хоть они и сетовали, что у студента не было оснований сердиться на них, добровольно предпринимали попытки объясниться и помириться. Когда это оказывалось бесполезным, следовали проявление нескрываемого гнева и «ссора».

Для двух студентов, которые попытались поступить так с незнакомыми людьми, ожидаемое и ярко выраженное смятение быстро материализовалось. После того одна студентка замучила водителя автобуса вопросами о том, доедет ли она на этом автобусе до нужной ей улицы, и получила несколько заверений в том, что да, доедет, выведенный из себя мужчина закричал так, что услышали все пассажиры: «Послушайте, леди, я же уже ответил вам, не так ли? Сколько раз я должен повторять одно и то же?!» Вот что написала потом студентка: «Я бросилась в хвост автобуса и попыталась сесть так, чтобы меня никто не видел. У меня похолодели ноги, горело лицо, и я ненавидела задание, которое получила».

Те студенты, которые аналогичным образом поступали с друзьями или членами семьи, редко сообщали о чувстве стыда или замешательстве. Вместо этого они были удивлены, а вместе с ними и мы, когда выяснили, что, как написал один из студентов, «когда я начал играть роль ненавидящего человека, я на самом деле начал испытывать нечто вроде ненависти, и к тому времени, когда я вышел из-за стола, я уже был основательно зол». Еще большее удивление вызвало у нас то, что многие сообщали, что процедура доставила им удовольствие, в том числе и тот настоящий гнев, которые испытывали не только другие, но и они сами.

Хотя в большинстве случаев объяснения студентов без труда восстанавливали обычные отношения, некоторые эпизоды «приняли серьезный оборот» и оставили в замешательстве одну или обе стороны, которых не устроило предложенное объяснение. Это можно проиллюстрировать отчетом студентки-домохозяйки, которая в конце обеда с некоторым беспокойством начала расспрашивать мужа о том, почему он накануне так поздно пришел с работы, и затронула вопрос о том, правда ли, что он, как и уверял ее, на прошлой неделе играл в покер. Не спросив его о том, чем он на самом деле занимался, она потребовала объяснений. Он саркастически ответил: «Похоже, ты чем-то взволнована. Знаешь, что следовало бы сделать? В этом разговоре, без сомнения, было бы гораздо больше смысла, если бы я знал, что именно». Она обвинила его в том, что он сознательно уходит от темы, хотя тема не была упомянута. Он настаивал на том, чтобы *она* сказала *ему, о чем именно идет речь.* Она этого не сделала, и он прямо спросил: «Ладно. Это была шутка?» Вместо ответа она пристально посмотрела на него. Он не на шутку растерялся, стал очень заботливым, вежливым и настойчивым. В ответ она призналась ему, что проводит эксперимент. Он явно огорчился, ушел и весь оставшийся вечер был молчаливым и подозрительным. Тем временем она продолжала сидеть за столом, задетая и уязвленная ремарками, которые вызвали ее заявления о том, что ему надоела не работа, «со всеми намеками, которые в них содержались или могли содержаться», и особенно с намеком на то, что ему надоела не работа, а дом и она. Она написала: «Меня действительно взволновали его ремарки... Во время эксперимента я нервничала и волновалась больше, чем он... по поводу того, каким невозмутимым он казался». Больше никто из них не захотел и не попытался обсуждать

ситуацию. На следующий день муж признался в том, что был не на шутку взволнован и что последовательно пережил следующие реакции: решимость оставаться спокойным, шок по поводу «подозрительного характера» жены; удивление, когда он понял, что ее нелегко обманывать; решимость заставить ее предложить свои собственные ответы на его вопросы без всякого опровержения или помощи с его стороны; огромное облегчение, когда выяснилось, что столкновение спровоцировано экспериментом, и, наконец, осталось чувство неловкости, которое он охарактеризовал как «его пошатнувшиеся представления о моем (жены) характере, сохранявшиеся в течение всего вечера».

Фоновые понимания и замешательство

Выше был приведен аргумент в пользу того, что возможность общего понимания состоит не в демонстрируемых мерах разделенных знаний социальной структуры, а в характере действий, совершаемых согласно ожиданиям повседневной жизни как моральной. Для членов общества знание фактов социальной жизни, основанное на здравом смысле, есть знание реального мира, наделенное законным статусом. Для членов общества это знание, основанное на здравом смысле, не только создает портрет реального общества, но, подобно самореализующемуся убеждению, характеристики реального общества производятся посредством мотивированного согласия с этими фоновыми ожиданиями. Следовательно, стабильность согласованных действий должна напрямую зависеть от того, каковы реальные условия социальной организации, которые гарантируют мотивированное согласие человека с этой фоновой текстурой релевантности как с легитимным порядком убеждений о жизни в обществе, видимом «изнутри» общества. Преданность человека мотивированному согласию, увиденная с его точки зрения, состоит из его понимания «естественных фактов жизни в обществе» и его принятия этих фактов.

Подобные соображения позволяют предположить, что чем прочнее понимание членом общества того, что *каждый, похожий на нас, обязательно знает*, тем сильнее он будет обескуражен, когда «естественные факты жизни» оспариваются для него как описание его реальных обстоятельств. Чтобы проверить это предположение, потребуется такая процедура, которая модифицирует *объективную* структуру общеизвестной обстановки за счет того, что лишает законной силы фоновые ожидания. Более конкретно, эта модификация должна состоять в том,

что человека подвергают разрушению фоновых ожиданий повседневной жизни и одновременно:

- делают затруднительным для него интерпретацию этой ситуации как игры, эксперимента, обмана, игры и т. п., т. е. как чего-то отличного от того, что известно, в соответствии с отношением к повседневной жизни, как вопрос осуществимой морали и действия;
- делают необходимым, чтобы он реконструировал «естественные факты», но дают ему недостаточно времени для того, чтобы он выполнил эту реконструкцию с уважением к требуемому господству практических обстоятельств, в которых он должен почувствовать необходимость в связи с его знанием «естественных фактов»;
- требуют, чтобы он выполнил реконструкцию естественных фактов самостоятельно и без согласованной проверки правильности реконструкции.

Предположительно у него не должно быть иной альтернативы, кроме как попытки нормализовать получающиеся в результате несоответствия внутри порядка событий повседневной жизни. Под влиянием самого развивающегося усилия события должны были бы утратить их воспринимаемый нормальный характер. Человек должен был быть не в состоянии воспринять статус события как типичный. Суждения о сходстве должны были бы его подвести. Он должен был быть не в состоянии приписать наблюдаемые проявления аналогичным порядкам событий, известным ему по прошлому опыту. Он должен был быть не в состоянии определить, не говоря уж о том, чтобы «увидеть с одного взгляда» условия, при которых события могут быть воспроизведены. Он должен был бы быть не в состоянии установить между этими событиями связи «цели—средства». Должна быть подорвана уверенность в том, что моральная власть знакомого общества добивается их появления. Стабильные и «реалистичные» совпадения намерений и объектов должна была раствориться; под этим я понимаю, что способы, по-другому знакомые ему, в которых объективно воспринимаемая обстановка играет одновременно и роль мотивирующих основ чувств, и сама мотивируется направленными на нее чувствами, должны были стать неотчетливыми. Короче говоря, реально воспринимаемая членами общества окружающая обстановка при потере ее общеизвестного фона должна была бы стать «особенно бессмысленной» [5].

5-2588

В идеале поведение, направленное на такую бессмысленную окружающую обстановку, должно быть поведением, отражающим замешательство, неуверенность, внутренний конфликт, психосоциальную изоляцию, острую и не поддающуюся описанию нервозность наряду с различными симптомами острой деперсонализации. Структуры взаимодействия также должны были быть соответствующим образом дезорганизованы.

Разрушение фоновых ожиданий имеет много последствий. Разумеется, мы бы удовлетворились и их меньшим количеством, если бы результаты процедуры их разрушения полностью поддерживали эту формулировку. Но так случилось, что процедура вызвала убедительную и легко обнаруживаемую неразбериху и нервозность.

Прежде всего необходимо точно определить, с какими ожиданиями мы имеем дело. Шюц писал о том, что характерная черта сцены, «которая знакома тебе и другим людям», сложна и состоит из нескольких компонентов. Поскольку этот вопрос будет обсуждаться ниже[1], сейчас я ограничусь лишь кратким перечислением.

Согласно Шюцу, индивид предполагает, предполагает, что другой тоже предполагает, и предполагает, что так же, как он предполагает, другой человек предполагает то же самое про него:

1) что определения, данные событию свидетелем, требуют каких-то фактов, которые связаны с обстоятельствами, специально не принимающими в расчет личное мнение или социально структурированные обстоятельства данного конкретного свидетеля, т. е. определения требуются как обстоятельства «объективной необходимости» или «факты природы»;
2) что связь бесспорного соответствия есть санкционированная связь между представленной видимостью объекта и предполагаемым объектом, который представляет себя в перспективе конкретного внешнего вида;
3) что событие, о котором известно так, как о нем известно, может реально и потенциально повлиять на свидетеля и может претерпеть влияние его действия;

[1] Schutz, «Common Sense and Scientific Interpretations of Human Action», в книге *Collected Papers I: The Problem of Social Reality*, p. 3–96 и «On Multiple Realities», p. 207–259. Гарфинкель, глава VIII и «Common Sense Knowledge of Social Structures», Transactions of the Fourth World Congress of Sociology, 4 (Milan, 1959), p. 51–65.

4) что смыслы событий есть продукты социально стандартизированного процесса присвоения имени, реификации и идеализации потока опыта пользователя, т. е. являются продуктами языка;
5) что имеющиеся определения события, какими бы они ни были, являются определениями, которые связаны с предыдущими случаями и могут быть снова использованы аналогичным образом в неограниченном количестве случаев, которые будут в будущем;
6) что имеющееся в виду событие сохраняется во времени как идентичное событие на протяжении всего потока опыта;
7) что данное событие имеет в качестве своего контекста интерпретации: а) общепринятую схему интерпретации, состоящую из стандартизированной системы символов; б) «то, что известно всем», т. е. установленный заранее корпус социально гарантированных знаний;
8) что имеющиеся определения, которые событие предлагает свидетелю, являются потенциальными определениями, каковые оно предложило бы другому человеку, если бы они поменялись местами;
9) что каждому событию соответствуют свои определения, происхождение которых связано с конкретной биографией свидетеля и других людей. С точки зрения свидетеля, такие определения не подходят для целей, находящихся под рукой любого из них, и оба — он и другой — отобрали и интерпретировали реальные и потенциальные определения событий эмпирически идентичным способом, достаточным для всех практических целей;
10) что существует характерное несоответствие между публично признаваемыми определениями и личными, скрываемыми определениями событий, и это личное знание удерживается в резерве, т. е. что событие означает и для свидетеля и для другого больше, чем может сказать свидетель;
11) что изменения этого характеристического несоответствия остаются предметом автономного контроля свидетеля.

Дело *не* в том, что то, что событие демонстрирует как характерное определение, есть условие его принадлежности к окружающей обстановке, известной с позиции здравого смысла. Напротив, условия его

принадлежности есть атрибуции того, что его определения, *из чего бы они по существу ни состояли*, могут рассматриваться другим человеком в том случае, если они поменяются местами, или того, что его характерные признаки не связаны с личными предпочтениями, но должны рассматриваться всеми, т. е. являются отличительными признаками, перечисленными выше. Эти и только эти перечисленные отличительные признаки, *независимо* от каких бы то ни было других определений события, определяют характер общего, т. е. здравого смысла события. Какие бы другие определения события повседневной жизни ни существовали — будь то определения, являющиеся следствиями личных мотивов людей, их биографий, распределения доходов среди населения, родственных обязательств, организации промышленного производства или занятий привидений по ночам, — это событие является событием в окружающей обстановке, «известным совместно с другими людьми» только при одном условии: если оно имеет для свидетеля перечисленные выше определения.

Подобные атрибуции являются характерными признаками наблюдаемых событий, которые видны, но не замечаются. Демонстрационно они релевантны здравому смыслу, который актер извлекает из того, что происходит вокруг него. Они информируют свидетеля о любом появлении межличностной обстановки. Они информируют свидетеля о том, что подлинные внешние проявления есть внешние проявления реальных событий, но без этих неотъемлемых отличительных признаков они по необходимости воспринимаются предумышленно или сознательно.

Поскольку каждое из ожиданий, формирующих отношение к повседневной жизни, определяет ожидаемый отличительный признак обстановки, в которой действует актер, есть возможность нарушить эти ожидания предумышленным модифицированием сценических событий таким образом, чтобы разрушить эти атрибуции. Сюрприз по определению возможен с каждым из этих ожидаемых отличительных признаков. Степень неприятности сюрприза непосредственно зависит от того, в какой мере индивид как предмет моральной необходимости подчиняется их использованию в качестве схемы для приписывания наблюдаемым проявлениям их статуса как событий обстановки, которая воспринимается нормальной. Короче говоря, реалистичное понимание членом коллектива естественных фактов жизни и его приверженность их знанию как условию уважения к себе как к добросовестному и компетентному [6] члену коллектива есть условие, которое

необходимо для того, чтобы его замешательство в случае, когда основы его понимания становятся источником непреодолимой абсурдности, было максимальным.

Я разработал процедуру нарушения этих ожиданий, удовлетворяющую трем условиям; при которых их разрушение предположительно вызовет замешательство, т. е. такую ситуацию, которую человек не сможет обратить ни в игру, ни в шутку, ни в эксперимент, ни в хитрость и т. п. или при которой человек, по терминологии Левина[1], не сможет «покинуть поля»; когда у него будет мало времени для того, чтобы заново определить свои реальные обстоятельства, и когда он будет лишен согласованной поддержки для альтернативного определения социальной реальности.

Двадцать восемь учащихся подготовительных медицинских курсов индивидуально прошли через трехчасовое экспериментальное интервью. В качестве одного из способов привлечения интереса испытуемых, а также в качестве начала интервью экспериментатор назвал себя представителем одной из школ восточной медицины, который пытается понять, почему интервью, связанное с поступлением в медицинскую школу, было такой стрессовой ситуацией. Мы надеялись, что, определив экспериментатора как человека, принадлежащего к медицинской школе, студенты не смогут легко «покинуть поле», когда начнется процедура разрушения ожиданий. Как удовлетворялись два других условия: а) недостаток времени для того, чтобы заново определить реальные обстоятельства; б) невозможность рассчитывать на согласованную поддержку для альтернативного определения социальной реальности, — станет понятно из дальнейшего изложения.

Во время первого часа интервью студент сообщал «представителю медицинской школы» фактическую информацию, отвечая на такие вопросы, как «Какие источники информации о кандидате доступны медицинским школам?, «Людей какого типа ищут медицинские школы?», «Что должен делать во время интервью хороший кандидат?» и «Чего ему следует избегать?» Когда ответы на эти вопросы были получены, студенту говорили, что интересы «представителя», связанные с его исследованием, удовлетворены, и спрашивали, не хочет ли он послушать запись настоящего интервью. Все студенты с большой готовностью соглашались на это.

[1] Курт Левин — известный американский психолог, автор концепции социального поля. — *Примеч. науч. ред.*

На пленку была записана имитация интервью, «действующими лицами» которого были «интервьюер из медицинской школы» и «претендент». «Претендент» был неотесанным человеком с неграмотной речью, изобиловавшей разговорными выражениями, он давал уклончивые ответы, перечил интервьюеру, хвастался, порочил другие специальности и школы, настаивал на том, что результаты интервью ему известны. Сразу же после прослушивания записи студент давал подробную оценку этому претенденту.

Затем студента знакомили с информацией о претенденте, взятой из его «личного дела». Фактическая информация о действиях претендента и характерологическая информация представлялись в следующем порядке. Фактическая информация о действиях охватывала сведения о деятельности претендента, о его отметках, семейном положении, пройденных курсах, об участии в работе благотворительных обществ и тому подобном. Характерологическая информация состояла из оценок его характера, выполненных «доктором Гарднером, интервьюером медицинской школы», «шестью специалистами — психиатрами, членами приемной комиссии, которые слышали только запись интервью» и «другими студентами».

Намеренно представлялась информация, которая противоречила основным пунктам студенческой оценки. Например, если студент говорил, что претендент, скорее всего, происходит из «низов», ему сообщали, что отец претендента — вице-президент фирмы, выпускающей пневматические двери для поездов и автобусов. Если студент считал, что претендент невежественен, ему говорили, что он выделялся среди слушателей таких курсов, как поэзия Мильтона и драматургия Шекспира. Если студент утверждал, что претендент не умеет вести себя с людьми, он узнавал, что, работая ходатаем-волонтером в госпитале Сайденхэма в Нью-Йорк Сити, он получил $32 000 от тридцати «крупных жертвователей». На заявление о том, что претендент глуп и не сможет заниматься наукой, следовало сообщение о его отличных отметках по физической и органической химии и о том, что его дипломная работа выполнена на уровне кандидатской диссертации.

Студентам очень хотелось знать, что думали о претенденте «другие» и был ли он принят. Студенту говорили, что претендента приняли и что «шесть психиатров» нашли его личностные качества соответствующими требованиям и выразили свое мнение в настойчивых рекомендациях, которые и зачитывали студенту. Что же касается мнения других студентов, то студенту говорили, например, что оценки получены от тридцати человек, что двадцать восемь оценок полностью совпали с оценкой интервьюера медицинской школы, а что двое слегка колебались, но при получении первых же сведений примкнули к большинству.

После этого студенту предлагали прослушать запись вторично и снова просили оценить претендента.

Результаты. В выполнении этого задания приняли участие двадцать пять студентов из двадцати восьми. Описанное ниже не относится к троим, которые были убеждены в каком-то подвохе. О двоих из них мы поговорим в заключительном разделе этой главы.

Студенты предпринимали отчаянные попытки «управиться» с несоответствием фактической информации о претенденте и сделать ее фактически совместимой с их собственными и очень нелестными оценками. Например, многие говорили, что претендент «звучал» как простолюдин или был им. Когда им сказали, что он — сын вице-президента национальной корпорации, выпускающей пневматические двери для поездов и автобусов, они отвечали примерно так:

> «Ему следовало подчеркнуть, что он *может* рассчитывать на деньги».
>
> «Теперь понятно, почему он сказал, что должен работать. Наверное, отец заставил его работать. Это сделало бы большинство его жалоб необоснованными, в том смысле, что на самом деле у него все не так плохо».
>
> «Какое отношение это имеет к оценкам?»

Когда им говорили, что у него отличные оценки по естественным дисциплинам, студенты открыто демонстрировали свою растерянность.

> «Он изучал такие разные курсы... Я в растерянности. Возможно, интервью не очень хорошо отражает его характер».
>
> «Действительно, кажется, что он изучал много курсов. Они кажутся вполне нормальными. Не нормальными, но... мне ничего не приходит в голову».
>
> «По-моему, это можно проанализировать так. С точки зрения психологии. Один из возможных способов... Может быть, я скажу *ерунду*, но я так понимаю *эту ситуацию*... Возможно, у него был комплекс неполноценности, и это — компенсация комплекса неполноценности. Его *отличные* оценки... Его *хорошие* оценки — компенсация за его неудачу... возможно, в сфере межличностных отношений. Я не знаю».

«Надо же! И только третий кандидат в Джорджии! (*Глубокий вздох.*) Я понимаю, почему он возмущался, что его не приняли в "Фи Бета"[1]».

Попытки разрешить несоответствия, вызванные той оценкой характера претендента, которую сделали «Гарднер» и «шестеро других судей», были значительно менее частыми, чем попытки нормализовать информацию о поведении. Характерными были открытые выражения растерянности, чередовавшиеся с молчаливыми размышлениями.

(*Смех.*) Ну и ну! (*Молчание.*) А мне казалось, что все наоборот... (*Очень покорно.*) Может быть, я ошибаюсь. Мои представления не соответствуют действительности. Я в полной растерянности.

Невежливый. Он точно был самоуверенным. Но невежливым. Не знаю. Кто-то из нас немного не в себе. Либо интервьюер, либо я. (*Длинная пауза.*) Я в шоке. И вынужден сомневаться в своих умственных способностях. Возможно, мои жизненные ценности ошибочны. Не знаю.

(*Свистит.*) Я... Я не думаю, что он говорил, как хорошо воспитанный человек. Отнюдь. Одни интонации чего стоят! Я... Впрочем, возможно, вы заметили, когда он сказал: «Вы должны были сказать это с самого начала», еще *до того*, как он (записанный эксперт медицинской школы) улыбнулся! Но все равно! Нет, нет, я этого не понимаю! «Вы должны были сказать это с самого начала». Впрочем, может быть, он шутил. Проверял... Нет! Я воспринял это как грубость!

Уф!.. Это заставляет меня пересмотреть свою концепцию интервью... Фу ты!.. Я все больше и больше теряюсь...

(*Смеется.*) Ммм! Уф! Может быть, он выглядел совсем неплохо... Он проводил свою линию... Возможно... Если видишь человека, все воспринимается совсем иначе. Или, возможно, из меня никогда не вышло бы хорошего интервьюера. (*Размышляя и почти про себя.*) Они не упомянули ничего из того, о чем упомянул я. (*Г. Г.*: А?) (*Громче.*) Они не отметили ничего из того, что отметил я. У меня такое чувство, что я потерпел полную неудачу.

Вскоре после того как проходило оцепенение, вызванное информацией о поведении, студенты иногда спрашивали о том, как его оценили другие студенты. С мнением «других студентов» их знакомили только после того, как они узнавали оценку «доктора Гарднера» и высказывались по ее поводу. Иногда испытуемому говорили: «До вас тридцать четыре человека из тридцати пяти», иногда «сорок три из сорока пяти, девятнадцать из двадцати, пятьдесят один из пятидесяти двух». Числа всегда были большими. Для восемнадцати из двадцати пяти студентов сообщение этого мнения проходило в соответствии с нижеследующей стенограммой.

[1] В американских университетах и колледжах существуют объединения студентов — «братства», традиционно называемые буквами греческого алфавита. — *Примеч. науч. ред.*

(34 из 35.) Я не знаю... Я по-прежнему придерживаюсь своих первоначальных убеждений. Я... Я... Не могли бы вы сказать *мне*, в чем я ошибаюсь? Может быть, у меня... у меня неверная идея? Неверная установка? (Вы можете сказать мне? Мне интересно, почему такое расхождение.) Определенно... Я думал, что все будет совсем по-другому. Я ничего не понимаю. Я совершенно сбит с толку, честное слово. Я не понимаю, как я мог так ошибиться. Возможно, мои идеи... Мои оценки людей... Совершенно неверны? Может быть, у меня ошибочные... Может быть, мои представления о ценностях не такие.... Или отличаются от представлений остальных тридцати трех человек. Но я не думаю, что дело в этом, потому что... Говорю это без ложной скромности... Я разбираюсь в людях. В своей группе, в той организации, к которой я принадлежу... я обычно правильно оцениваю людей. Так что я *совершенно* не понимаю, как я мог так ошибиться. Не думаю, что я был усталым или в состоянии стресса... здесь... сегодня, но... я этого не понимаю.

(43 из 45.) (*Смех.*) Даже не знаю, что и сказать сейчас. Меня огорчает моя неспособность оценить парня лучше, чем я это сделал. (*Подавленный.*) Конечно, это не помешает мне заснуть, но (*очень подавлен*) я очень огорчен. Извините, что я не... У меня есть один вопрос... Возможно, я ошибаюсь... (Вы понимаете, почему они так оценили его?) Нет. Нет, не понимаю. Нет. Со всем этим биографическим материалом — да, но как это сделал Гарднер без этого материала, — нет, не понимаю. Я думаю, это делает Гарднера, Гарднера и меня, меня... (Остальные сорок пять студентов не получили биографического материала.) Да, да, да. Я вовсе этого не отрицаю. Я имею в виду себя, мне бессмысленно говорить... ну конечно! С их биографиями они будут приняты, особенно второй мужчина, Господи! Ладно, что еще?

(36 из 37.) Я бы вернулся к своему прежнему мнению, но не слишком близко к нему. Я просто не понимаю этого. Откуда у меня эти другие стандарты? Совпало ли мое мнение более или менее? (Нет.) Это заставляет меня задуматься. Очень забавно. Если, конечно, у вас не было тридцати шести странных людей. Я не могу этого понять. Может быть, дело в моей личности? (А это имеет какое-нибудь значение?) Конечно, имеет, если я приму, что они правы. То, что я считаю правильным, они правильным не считают. Это моя установка, и все же человек такого сорта должен был бы отвергнуть меня, не говоря уж о каком-

нибудь умнике... Конечно, вы можете так разговаривать с другими парнями... Но во время интервью? Сейчас я еще в большей растерянности, чем был в начале интервью. По-моему, мне нужно идти домой, посмотреться в зеркало и поговорить с собой. У вас есть какие-нибудь идеи? (Почему вы спрашиваете? Вас это волнует?) Да, и еще *как*! Это заставляет меня считать, что моя способность оценивать людей и мои ценности явно ненормальны! Эту ситуацию нельзя назвать здоровой. (А какое это имеет значение?) Если я действую так, как действую, у меня создается впечатление, что я кладу голову в пасть льва. У меня действительно были предубеждения, но сейчас они полетели к черту. Это заставляет меня задуматься о себе. Откуда у меня эти совершенно другие стандарты? Все указывает на меня.

Из двадцати пяти испытуемых семеро оказались не в состоянии объяснить свою ошибку в таком очевидном деле и «увидеть» альтернативу. Они очень страдали, и им нельзя было помочь. Пятеро решили проблему, приняв, что медицинская школа нашла хорошего человека, пятеро других, что он — мужлан. Хотя они и изменили свою точку зрения, они тем не менее не отказались от своих первоначальных взглядов. Они понимали точку зрения Гарднера «в общем», но это было понимание без убежденности. Когда их внимание привлекали к частностям, общая картина испарялась. Эти испытуемые были готовы принять во внимание и использовать «общую» картину, но всякий раз, когда речь заходила о трудно перевариваемых деталях того же самого портрета, они страдали. Принятие «общей» картины сочеталось с перечислением характеристик, которые не только были противоположностью тех, что присутствовали в изначальной оценке испытуемого, но и были усилены прилагательными в превосходных степенях: если прежде претендент был «неуклюжим», то он становился «чрезвычайно» уравновешенным, если прежде он был «невоспитанным», то он становился «очень» естественным», а если прежде он был «истеричным», теперь становился «очень» спокойным. Более того, они видели новые черты сквозь новую высокую оценку того, как слушал интервьюер претендента. Например, они *видели*, что интервьюер *улыбнулся*, когда претендент забыл предложить ему сигарету.

Еще трое испытуемых были убеждены в том, что имеет место какой-то обман, и на протяжении всего интервью вели себя исходя из этой убежденности. Они не продемонстрировали никакого смущения. Двое из них были очень удручены, когда оказалось, что интервью закончилось и его организаторы отказались от их услуг, не признавшись в обмане.

Трое других, которые страдали молча, поставили экспериментатора в тупик. Не показывая вида экспериментатору, они смотрели на интервью как на эксперимент, в котором от них требовалось решение каких-то проблем, и думали поэтому, что должны «сработать» как можно лучше и нисколько не изменить своего мнения, потому что только в этом случае они могут принести пользу проводимому исследованию. Экспериментатору было трудно понять их во время интервью, потому что они проявляли заметную нервозность, но их замечания были вежливыми и не относились к тем вопросам, которые их провоцировали.

Последние трое испытуемых оказались полной противоположностью всем остальным. Один из них настаивал на том, что оценки характера «семантически неоднозначны», а поскольку информации недостаточно, то и «тесная корреляция мнений» невозможна. Другой, единственный из всех, согласно его отчету, нашел, что второй портрет столь же убедителен, как и исходный. Когда ему открыли обман, он был обескуражен тем, что смог быть настолько уверенным. Третий перед лицом всего демонстрировал лишь незначительную растерянность в течение очень короткого периода времени. Однако он — единственный из всех испытуемых, кто уже проходил интервью в медицинской школе и имел там прекрасные контакты. Несмотря на то что его отметки были ниже, чем «посредственно», он оптимистически оценивал свои шансы на поступление и говорил о том, что предпочел бы делать дипломатическую карьеру, а не заниматься медициной.

И последнее наблюдение. Когда обман был раскрыт, двадцать два испытуемых из двадцати восьми продемонстрировали заметное облегчение, причем десять из них — с эмоциональными выражениями. Они единодушно признались в том, что новость об обмане позволила им вернуться к их первоначальным взглядам. Семерых испытуемых пришлось убеждать в том, что имел место обман. Когда факт обмана был обнародован, они спросили, во что им нужно верить. Зачем экспериментатор сказал им про обман? Чтобы они лучше чувствовали себя? Трудов не жалели, и то, что нужно было сказать, — будь то правда или ложь — было сказано для того, чтобы прояснить ситуацию и раскрыть обман.

Поскольку мотивированное согласие с ожиданиями, которое формирует отношение к повседневной жизни, зависит от точки зрения индивида на его понимание «естественных фактов жизни» и от его согласия с ними, разновидности в организационных условиях моти-

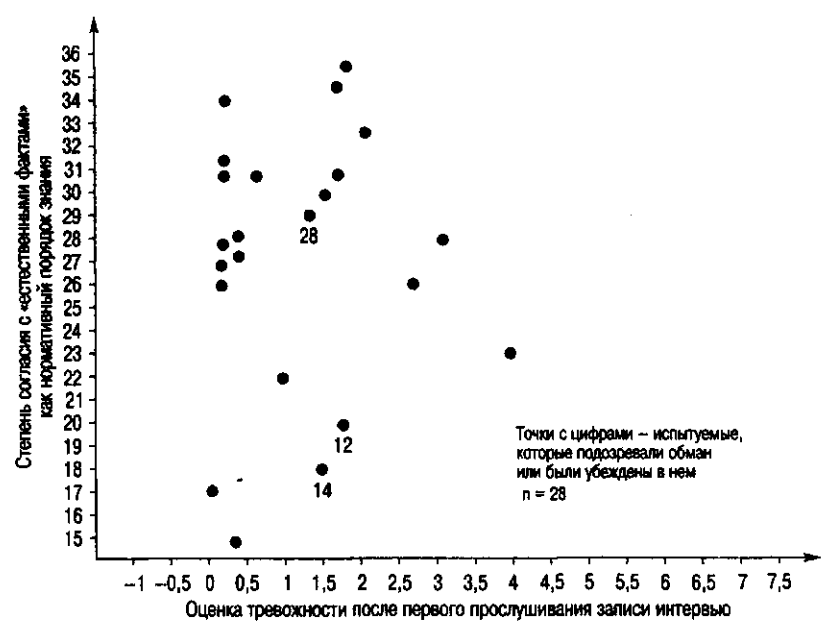

Рис. 2.1. Корреляция степени согласия испытуемого с «естественными фактами» как институционализированного порядка знания о домедицинских обстоятельствах жизни и оценки начальной тревожности (r = 0,026)

вированного согласия для разных членов коллектива будут зависеть от различного понимания членами «естественных фактов жизни» и их согласия с ними. Следовательно, серьезность описанных выше эффектов будет напрямую зависеть от возможной приверженности членов пониманию естественных фактов жизни. Более того, из-за *объективного* характера понимаемого общего морального порядка фактов коллективной жизни серьезность должна зависеть от их приверженности пониманию естественных фактов жизни и не должна зависеть от «личностных характеристик». Под личностными характеристиками я понимаю все характеристики индивидов, которые исследователи методично используют для отчета об их действиях, относя эти действия к более или менее системно понимаемым мотивационным переменным и переменным «внутренней жизни» и не обращая внимания на влияние социальной и культурной систем. Результаты наиболее традиционных способов оценки личности и процедуры клинической психиатрии удовлетворяют этим условиям.

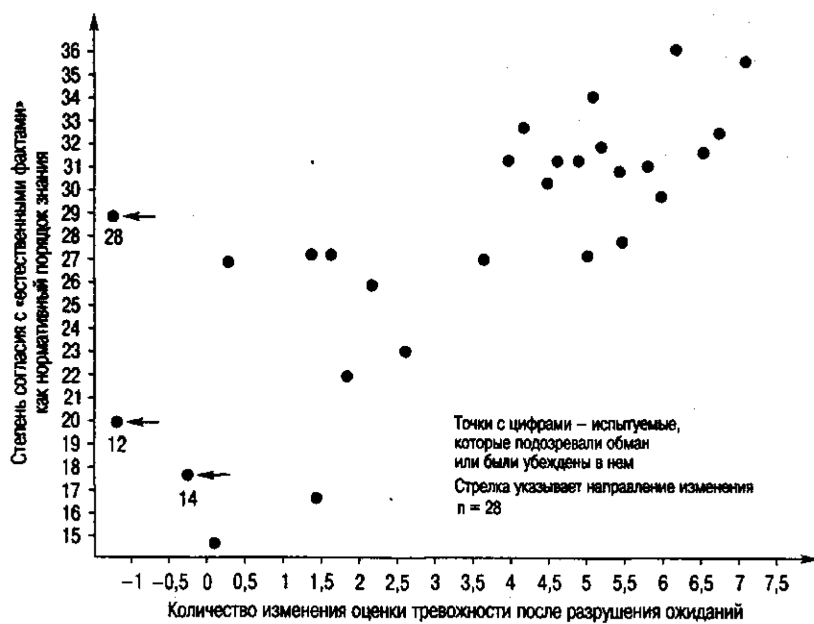

Рис. 2.2. Корреляция степени согласия испытуемого с «естественными фактами» как институционализированного порядка знания о домедицинских обстоятельствах жизни и оценки относительной тревожности (r = 0,751)

С помощью этого поддается обнаружению следующий феномен. Представьте себе некую процедуру, с помощью которой можно сделать убедительную оценку степени твердого понимания индивидом «естественных фактов жизни». Представьте себе и другую процедуру, процедуру оценки масштаба растерянности индивида, которая может иметь разную степень и представлять собой смесь разных проявлений, описанных выше. Для группы не отобранных специально людей независимо от их личностных качеств начальная связь между твердым «пониманием естественных фактов» и «замешательством» должна быть случайной. Когда нарушаются ожидания повседневной жизни, т. е. появляются условия для максимального волнения, сдвиг в демонстрируемом волнении индивидов соответствует исходному уровню понимания ими «естественных фактов жизни».

Тип феномена, о котором я говорю, графически представлен на рис. 2.1 и 2.2, при создании которых использованы результаты изучения двадцати восьми учащихся медицинских курсов, описанные выше.

До представления несовместимого материала был определен коэффициент корреляции согласия студентов с общепринятым моральным порядком фактов жизни медицинских курсов и их тревожностью, равный 0,026. После того как был представлен и безуспешно нормализован несовместимый материал и до того как был обнародован факт обмана, коэффициент корреляции составлял 0,751. Из-за того что оценочные процедуры были исключительно грубыми, из-за серьезных ошибок, возникших при разработке процедуры и при ее реализации, а также из-за дискуссии, возникшей *post hoc, эти результаты — не более чем иллюстрация того, о чем я говорю. Ни при каких обстоятельствах их нельзя рассматривать как экспериментальные данные.*

Релевантность общего понимания тому факту, что модели человека в обществе изображают его одержимым здравым смыслом

Результаты многих исследований свидетельствуют о том, что социальная стандартизация общих пониманий независимо от того, что стандартизируется, ориентирует действия человека на сценические события и вооружает людей критериями, с помощью которых обнаруживаются отклонения от хода событий, который воспринимается как нормальный, производится его восстановление и предпринимаются усилия по его поддержанию.

Теоретики социальных наук — в первую очередь социальные психиатры, социальные психологи, антропологи и социологи — использовали факт стандартизации для постижения характера и последствий действий, которые соответствуют стандартизированным ожиданиям. Как правило, но не всегда, они признавали тот факт, что благодаря этим же самым действиям люди обнаруживают, создают и поддерживают эту стандартизацию. Важным и превалирующим последствием пренебрежения этим фактом является заблуждение относительно природы и условий стабильных действий. Это происходит за счет превращения члена общества в жертву здравого смысла культурного или психологического типа или в того и другого вместе, и в итоге *неопубликованные* результаты любого завершенного исследования связи между действиями и стандартизированными ожиданиями будут непременно содержать такое количество несоответствующего материала, что потребуется коренная ревизия.

Под «жертвой культуры» я понимаю человека-в-обществе-социолога, который производит стабильные отличительные признаки этого общества за счет того, что действует в соответствии с установленными ранее и легитимными альтернативами действий, обеспечивающих общую культуру. «Жертвой психологии» является человек-в-обществе-психолога, который производит стабильные отличительные признаки этого общества, выбирая между альтернативными направлениями действий, к которым вынуждают психиатрическая биография, сдерживающая история и переменные ментального функционирования. Общим признаком в использовании этих «моделей человека» служит тот факт, что с направлениями рациональностей [7] здравого смысла суждений, которые включают в себя использование человеком знания социальных структур временной последовательности ситуаций «здесь и сейчас», основанных на здравом смысле, обращаются как с относящимися к сопутствующим явлениям.

Обманчивый характер использования одержимого здравым смыслом для характеристики связи между стандартизированными ожиданиями и течением действий приводит к проблеме адекватного объяснения как контролирующего соображения в решении исследователя рассматривать рациональности здравого смысла или пренебрегать ими, принимая решение о необходимых связях между течениями действий, при наличии таких проблематичных соображений, как перспективный выбор, субъективность и внутреннее время. Предпочтительное решение заключается в том, чтобы изображать то, к чему придут действия индивида, если он использует стабильные структуры, т. е. того, к чему они *пришли*, в качестве отправной точки теории, с которой и изображать необходимый характер путей, движением по которым создается конечный результат. Иерархии потребностей и общая культура как навязанные правила действий являются предпочтительными механизмами для того, чтобы заставить проблему необходимого умозаключения принять условия, хотя и ценой превращения человека-в-обществе в одержимого здравым смыслом.

Как действует исследователь, когда превращает члена общества в одержимого здравым смыслом? Чтобы проиллюстрировать особенности и последствия этого процесса, приведем несколько примеров.

Задание, которое я дал студентам, заключалось в том, чтобы торговаться с продавцами по поводу товаров, продаваемых по стандартным ценам. Релевантное стандартизированное ожидание заключается в «институционализированном правиле одной цены», составном элементе,

согласно Парсонсу[1], института контракта. Поскольку это правило хорошо усвоено, студенты-покупатели должны были бы стыдиться и бояться выполнять такое задание. Напротив, продавцы, как правило, сообщали о том, что они демонстрировали беспокойство и гнев.

Шестьдесят восемь студентов должны были предпринять одну попытку в отношении любого предмета, который стоил не более двух долларов, и должны были предложить значительно меньше запрашиваемой цены. Второй группе студентов из шестидесяти семи человек нужно было предпринять шесть попыток: три в отношении предметов, стоивших два доллара и меньше, и три — в отношении предметов, стоивших пятьдесят долларов и больше.

Результаты

А. Продавцов можно уволить за то, что они «одурманены» здравым смыслом, но в ином смысле, чем утверждают современные теории стандартизированных ожиданий, или недостаточно «одурманены». Некоторые продемонстрировали определенную тревожность; один разозлился.

Б. Двадцать процентов из тех, кто должен был предпринять одну попытку, и три процента тех, кто должен был предпринять серию попыток, отказались пытаться или прекратили усилия.

В. Когда эпизоды торговли анализировались как серии последовательных шагов — ожидание попытки, приближение к продавцу, обращение к нему с конкретным предложением; общение с продавцом, завершение эпизода и его последствия — оказалось, что в обеих группах страх чаще всего проявлялся на стадиях ожидания попытки и *первого* приближения к продавцу. Среди тех, кто должен был осуществить только одну попытку, число людей, сообщавших о дискомфорте, с каждым успешным шагом в последовательности шагов уменьшалось. Большинство студентов, которые торговались два и больше раза, сообщили о том, что к третьему эпизоду они уже получали удовольствие от задания.

Г. Большинство студентов сообщали о том, что испытывали меньше неудобств, когда торговались по поводу дорогих товаров, чем когда торговались из-за дешевых.

Е. Многие студенты, предпринявшие шесть попыток, сообщали о том, что, к своему удивлению, они поняли, что с определенными

[1] Talcott Parsons. «Economy, Polity, Money and Power», 1959.

реальными шансами на успех можно торговаться и в условиях, когда цены стандартные, и планируют заниматься этим и в будущем, особенно применительно к дорогим товарам.

Подобные результаты позволяют предположить, что из члена общества можно сделать жертву культуры: а) изображая члена общества человеком, который оперирует правилами, когда он на самом деле говорит об ожидаемой тревожности, которая мешает ему позволить развиваться, не говоря уж о том, чтобы противостоять ей, ситуации, в которой он имеет альтернативу — действовать или нет согласно правилу; б) не замечая практической и теоретической важности владения страхами; в) если по пробуждении тревожных чувств люди избегают поверхностно заниматься этими «стандартизированными» ожиданиями; стандартизация может заключаться в *приписываемой* стандартизации, которая поддерживается тем фактом, что люди избегают самих ситуаций, в которых могли бы получить знания о них.

Как непрофессиональное, так и профессиональное знание природы действий, управляемых правилом, и последствий нарушений правил преимущественно основано именно на такой процедуре. Воистину, чем важнее правило, тем более вероятно, что знание основано на тестах, которых избегали. Безусловно, странные открытия должны ожидать любого, кто изучает ожидания, которые составляют рутинные фоны рутинных действий, поскольку они редко подвергались исследованию, в том числе и такой незначительной ревизии, какую могла бы вызвать воображаемая репетиция их нарушений.

Другой способ, которым члена общества можно превратить в одержимого здравым смыслом, заключается в использовании любой из доступных теорий формальных свойств знаков и символов для изображения того, как индивиды истолковывают проявления окружающей обстановки как значительные. «Одержимого» делают несколькими способами. Я остановлюсь на двух.

1. Как правило, формальные исследования имели отношение либо к разработке нормативных теорий использования символов, либо в поисках описательных теорий довольствовались нормативными теориями. В любом случае необходимо проинструктировать истолковывающего индивида действовать в соответствии с инструкциями исследователя, чтобы гарантировать, что исследователь будет в состоянии изучать их применения как примеры того использования, которое он имеет в виду. Но, согласно Виттгенштейну[1], реальные использования

[1] Ludwig Wittgenstein. Philosophical Investigations (Oxford: Basil Blackwell, 1959).

человека есть рациональные использования в *некоей* «языковой игре». Какова же *их* игра? До тех пор, пока этот программный вопрос предан забвению, использования человека неизбежно не оправдают ожиданий. И это тем более будет так, чем более интересы испытуемых в применениях, диктуемые различными практическими соображениями, отличаются от интересов исследователей.

2. Доступные теории могут многое рассказать о таких знаковых функциях, как метки и указания, но они молчат по поводу таких значительно более общих функций, как глоссы, документированная репрезентация, эвфемизм, ирония и двусмысленные выражения. Ссылки на основанное на здравом смысле знание обыденных дел можно безопасно опустить при обнаружении и анализе меток и указаний как знаковых функций, ибо пользователи тоже не принимают их во внимание. Однако анализ иронии, двусмысленных выражений, глосс и тому подобного предъявляет другие требования. Любая попытка рассматривать связанный характер манеры говорить, смысла, точек зрения и порядка неизбежно требует обращения к основанному на здравом смысле знанию повседневных дел.

Хотя исследователи пренебрегали этими «сложными» использованиями, они все-таки не отмахивались полностью от их проблемного характера. Вместо этого они приукрашивали их, изображая поведение члена языковой общины либо как связанное с культурой или нуждающееся в принуждении, либо воспринимая объединение в пары явлений и предполагаемых объектов — объединение в пары «знака» и «референта» — как ассоциацию. В каждом из этих случаев процедурное описание подобных символических использований предотвращается за счет пренебрежения поверхностной работой пользователя.

Именно эта поверхностная работа наряду с ее доверием к знанию социальных структур, основанному на здравом смысле, и с ее обращением к этому знанию с силой воздействует на наше внимание каждый раз, когда навязываются несоответствия. Наше внимание было вынужденным, потому что наши испытуемые должны были сражаться именно со своей поверхностной работой и знаниями, основанными на здравом смысле, как с проблемами, которые несоответствия представляли им в виде практических проблем. Каждая процедура, которая включала отклонение от ожидаемого течения рутинных дел, независимо от того, было ли это отклонение существенным или незначительным, пробуждало в испытуемых осознание того, что экспериментатор прибегает к двусмысленному разговору, к иронии, к глоссам, к эвфемизму или ко лжи. Это происходило всегда при отклонениях от обычного ведения игры.

Студенты были проинструктированы играть в «крестики-нолики» и привлекать в качестве испытуемых людей разного возраста, обоего пола, а также более знакомых и менее знакомых. Нарисовав матрицу для игры, они предлагали испытуемому первому сделать ход. После того как этот ход был сделан, экспериментатор стирал знак, поставленный испытуемым, переносил его в другой квадрат и делал свой ход, не делая никаких указаний относительно того, что в игре есть что-то необычное. В половине из 247 случаев студенты сообщали о том, что испытуемые относились к ходу как к жесту со скрытым, но определенным значением. Испытуемые были убеждены в том, что «экспериментатор преследовал какую-то цель», о которой он ничего не говорил, и что бы он на «самом деле» ни делал, это не имело никакого отношения к игре в «крестики-нолики». Он заигрывал с испытуемым, комментировал его глупость, делал оскорбительные или неприличные жесты. Аналогичные эффекты проявлялись и тогда, когда студенты торговались по поводу товаров со стандартными ценами, просили собеседников пояснить смысл их тривиальных высказываний, без приглашения присоединялись к группе беседующих незнакомых людей или во время ординарного разговора время от времени «случайно» бросали взгляд на разные предметы в помещении.

Другой способ превращения человека в культурного дурака заключается в упрощении коммуникативной текстуры его поведенческой среды. Например, давая физическим событиям предпочтительный статус, можно теоретизировать исходя из того, как сцена индивида как текстура потенциальных и реальных событий содержит не только внешности и атрибуции, но также и живые внутренние состояния самого человека. Мы добивались этого с помощью следующей процедуры.

Студентов проинструктировали выбрать кого-нибудь, но только не члена семьи, и в ходе тривиального разговора, никак не указывая на то, что происходит нечто необычное, настолько приблизить свое лицо к лицу испытуемого, чтобы их носы почти соприкасались. Согласно большинству из 79 отчетов, независимо от того, были ли пары однополыми или разнополыми, были ли они просто знакомыми или близкими друзьями (приглашать незнакомых в качестве испытуемых было запрещено), и независимо от разницы в возрасте (исключение составляли эпизоды, в которых участвовали дети), процедура мотивировала в *обоих* —

в экспериментаторе и в испытуемом — атрибуции сексуального намерения со стороны другого, хотя подтверждения такого намерения были исключены из самой процедуры. Подобные атрибуции со стороны другого сопровождались импульсами самого человека, которые сами по себе становились частью сцены: он становился не только объектом желания, но и субъектом. Неподтвержденное приглашение сделать выбор имело свою сопровождающую конфликтную неуверенность относительно признания выбора и того, что тебя выбрали. Попытки избегания, замешательства, острого смущения, желание скрыть это и прежде всего неуверенность в этих чувствах так же, как и неуверенность в страхе, надежде и гневе — все было присуще этим ситуациям. Наиболее заметно эти эффекты проявились в мужских парах. Интересно, что экспериментаторам не удавалось восстановить ситуацию. Испытуемые лишь частично принимали их объяснения, что это было сделано в рамках «эксперимента по курсу социологии». Нередко они жаловались: «Хорошо, пусть это будет эксперимент, но почему ты выбрал *меня?*» Следует отметить, что и экспериментатор и испытуемый хотели кого-то дальнейшего разрешения проблемы, чем такое объяснение, но точно не знали, из чего оно может или должно состоять.

И последнее. Член общества может быть превращен в поверхностного дурака, если рутинные действия представить как действия, руководимые предшествующими соглашениями, при условии, что вероятность того, распознает ли человек отклонение, зависит от существования предшествующего соглашения. То, что это является исключительно делом теоретических предпочтений того, кто теоретизирует важные феномены из существования, можно увидеть, если считать общим местом тот факт, что люди будут связывать друг друга соглашениями, условия которых они на самом деле никогда не согласовывали. Это преданное забвению достояние общих пониманий имеет далеко идущие последствия, когда оно открыто привносится в изображение природы «соглашений».

Очевидно, что какими бы особыми ни были условия общих пониманий — в качестве прототипа можно рассматривать любой контракт, — они приобретают для людей статус соглашений только в той мере, в какой согласованные условия имеют при себе невысказанные, но понятые оговорки «и т. д.» [8]. Конкретные условия формулируются в соответствии с правилом соглашения за счет того, что они подводятся под юрисдикцию оговорки «и т. д.». Это не происходит раз и навсегда, но по существу связано как с внутренним, так и с внешним временны́м течением действий, и за этот счет — с прогрессивным развитием обстоятельств и их вероятности. Следовательно, представление о соглашении как о страхующем инструменте, с помощью которого люди всегда способны «здесь и сейчас» предсказать будущие действия друг друга, и вводит в заблуждение, и неверно. Более правильно другое: общие понимания, которые были сформулированы согласно правилу соглашения, используются людьми для нормализации того, чем оказываются их реальные действия. Случайности не только могут возникнуть, но люди в любой момент времени знают, что здесь и сейчас случайности могут материализоваться или могут быть изобретены в любое время таким образом, что придется решать, удовлетворяет или нет условиям соглашения то, что стороны действительно делают. Оговорка «и т. д.» служит для создания уверенности в том, что неизвестные условия есть со всех сторон, и в этой связи соглашение в любой момент может быть ретроспективно перечитано, чтобы в свете настоящих практических обстоятельств выяснить, из чего «действительно» оно состоит «прежде всего» и «всегда». Тому, что работа по подведению нынешних обстоятельств под действие правила ранее согласованных действий является порой спорной, не должно быть позволено замаскировать ее распространенное и рутинное использование в качестве постоянного и непременного отличительного признака «действий в соответствии с общим пониманиями».

Этот процесс, который я буду называть методом обнаружения соглашений посредством извлечения или внушения уважения к правилу практических обстоятельств, есть версия практической этики. Хотя ученые, занимающиеся социальными науками, уделили ему мало внимания (если вообще уделили хоть какое-то внимание), это вопрос самой постоянной и банальной заботы в повседневных делах и теориях здравого смысла, посвященных этим делам. Умение преднамеренно манипулировать соображениями «и т. д.» ради продвижения конкретных преимуществ есть профессиональный талант юристов, этому особо обучают в юридических школах. Однако не следует думать, что этим занимаются лишь одни юристы или те, кто делает это преднамеренно. Это общепринятый метод для явлений общества как системы действий, управляемых правилами [9]. Он доступен как один из механизмов, посредством которых можно управлять теми потенциальными и реальными успехами и неожиданными удачами, с одной стороны, и разочарованиями, фрустрацией и неудачами — с другой, с которыми люди неизбежно сталкиваются, потому что стараются

не нарушать соглашений и одновременно сохранять воспринимаемую разумность реальных социально организованных действий.

Мелким по масштабу, но точным примером этого феномена является постоянно воспроизводимая процедура, в которой экспериментатор вовлекает других в беседу, спрятав под пальто диктофон. Во время разговора он распахивает пальто и говорит: «Видите, что у меня есть?» Наступает пауза, за которой практически неизбежно следует вопрос: «Что вы собираетесь с этим делать?» Испытуемые сталкиваются с нарушением ожиданий, что разговор будет «между нами». То, что факт записи разговора обнародован, мотивирует новые возможности, которые стороны затем попытаются ввести под юрисдикцию того соглашения, о котором они никогда специально не упоминали и которого никогда раньше не существовало. Таким образом, разговор, запись которого теперь очевидна, приобретает новый и проблематичный смысл, если принять во внимание неизвестные цели, в которых он может быть использован. На этой основе к секретности, о которой договорились, отнеслись так, как будто она существовала всегда.

Заключительные замечания

Я отстаивал точку зрения, согласно которой забота о природе, производстве и о распознавании разумных, реалистичных и анализируемых действий не есть монополия философов и профессиональных социологов. Само собой разумеется, что члены общества по необходимости озабочены этими проблемами и как характерными признаками, и для социально управляемого совершения их повседневных дел. Изучение знания и действий, основанных на здравом смысле, заключается в том, чтобы относиться как к проблематичным феноменам к реальным методам, посредством которых члены общества, изучая социологию на любительском или профессиональном уровне, делают наблюдаемыми социальные структуры повседневных действий. «Повторное открытие» здравого смысла возможно, быть может, потому, что профессиональные социологи как члены общества слишком тесно были связаны со знанием социальных структур, основанным на здравом смысле, и как с предметом, и как с источником их опросов. Они мало занимались им только и исключительно как программной темой социологии.

ГЛАВА 3

Знание социальных структур, основанное на здравом смысле: документальный метод интерпретаци в непрофессиональном и профессиональном поиске фактов

С точки зрения социологии термином «общая культура» обознача ся социально санкционированные основы умозаключений и дейст которые используются людьми в их повседневных делах и котор как они полагают, используются другими аналогичным образом. циально-санкционированные-факты-жизни-в-обществе-которые- бой-добропорядочный-член-общества-знает описывают такие вог сы, как ведение семейной жизни, организация рынка, распределе почестей и наград, компетентность, ответственность, добрая воля, ход, мотивы между членами общества, частота, причины неприят тей и средства против них и наличие добрых и дурных целей за ви мыми действиями. Такие социально санкционированные факты сс альной жизни состоят из описаний с точки зрения интересов чл коллектива в управлении его практическими делами. Основывая с использование на работах Альфреда Шюца[1], мы будем называть по ное знание социально организованных сред согласованных дейст «знанием социальных структур, основанным на здравом смысле»

Раскрытие общей культуры состоит в раскрытии специалиста области социальных наук *изнутри общества* существования зна

[1] Alfred Schutz, Collected Papers I: The Problem of Social Reality (1962); Collected P II: Studies in Social Theory (1964); Collected Papers III: Studies in Phenomenolc Philosophy (1966).

социальных структур, основанного на здравом смысле. В этом раскрытии специалисты по социальным наукам рассматривают знание и процедуры, которые члены общества используют для его накопления, тестирования, передачи и для управления им, как объекты теоретического социологического интереса.

Эта глава посвящена знанию социальных структур, основанному на здравом смысле, как объекту теоретического социологического интереса. Она посвящена описаниям общества, которое его члены, *в том числе и профессиональные социологи*, как условие их осуществимых прав без помех управлять заключениями о смысле, факте, методе и каузальной текстуре, а также сообщать их, т. е. как условие их «компетентности», — используют и рассматривают как известное сообща с другими членами общества и принимаемое вместе с другими членами общества как данность. Более конкретно, глава посвящена описанию работы, посредством которой принимаются решения о смысле и факте, и того, как совокупность фактических знаний о социальных структурах формируется в ситуациях выбора, основанных на здравом смысле.

Документальный метод интерпретации

Существует бесчисленное количество ситуаций социологического исследования, в которых исследователь — будь то профессиональный социолог или человек, предпринявший изучение социальных структур в интересах управления своими практическими повседневными делами, — может приписать наблюдаемым реальным явлениям статус события поведения, только задействуя биографию и подходы к явлениям. Он делает это, «вставляя» эти явления в свои предположительные знания о социальных структурах. В соответствии с этим часто случается, что, для того чтобы исследователь мог решить, что сейчас находится у него перед глазами, он должен ждать дальнейшего развития только для того, чтобы, дождавшись, обнаружить, что это будущее, в свою очередь, определяется *своей* историей и своим будущим. Ожидая увидеть, что произойдет, он понимает, что такое же он видел раньше. Либо так, либо он принимает вмененную историю и перспективы как данность. Например, мотивированные действия имеют именно такие причиняющие беспокойство свойства.

Поэтому оказывается, что исследователь зачастую должен выбирать между альтернативными направлениями интерпретации и исследования — между фактами, гипотезой, догадкой, фантазией и так далее, — вопреки тому факту, что в строгом смысле слова «знаю» он не знает и не может знать, что он делает, *до того, как он это сделает, или в то время, как он это делает*. Специалисты, проводящие полевые исследования, и прежде всего те, кто проводят этнографические и лингвистические исследования в условиях, в которых они не могут предположить знания социальных структур, возможно, лучше всех знакомы с подобными ситуациями, но такие ситуации знакомы и профессиональным социологам, проводящим другие исследования.

Тем не менее совокупность знаний о социальных структурах так или иначе формируется. Каким-то образом принимаются решения о смысле, фактах, методе и каузальной текстуре. Как это происходит в ходе исследования, в течение которого должны быть приняты подобные решения?

Карл Маннгейм[1], будучи озабочен проблемой социолога, нуждающегося в получении адекватного описания культурных событий, важным примером которой можно назвать известное веберовское «поведение с субъективным смыслом, придаваемым и управляемым в процессе поведения», предложил примерное описание одного процесса. Маннгейм назвал это «документальным методом интерпретации». Он противоположен методам буквального наблюдения, тем не менее имеет распознаваемое сходство с тем, что в действительности делают многие профессиональные и непрофессиональные социологи.

Согласно Маннгейму, документальный метод включает в себя поиск «....идентичного соответственного паттерна, лежащего в основе совершенно разных пониманий смысла»[2].

Метод заключается в отношении к реальному явлению как к «документу», лежащему в основе предположенного паттерна, как к «указывающему на» него и как к «выступающему от его имени». Не только выводы относительно лежащего в основе паттерна делаются исходя из его индивидуальных документальных свидетельств, но и индивидуальные документальные свидетельства, в свою очередь, интерпретируются на базе того, «что известно» о лежащем в основе паттерне. Они используются для детальной разработки друг друга.

[1] Karl Mannheim. «On the Interpretation of Weltanschauung» в *Essays on the Sociology of Knowledge*, p. 53–63.

[2] Ibid., p. 57.

Этот метод используется в повседневной жизни, когда возникает необходимость постижения того, «о чем говорит» человек, если он не говорит того, что имеет в виду, или при распознавании таких распространенных явлений и объектов, как почтальоны, дружеские жесты и обещания. Он также узнаваем и в принятии решений относительно таких социологически анализируемых событий, как гоффмановские стратегии управления впечатлениями, кризисы идентичности Эриксона, райзмановские типы конформности, системы ценностей Парсонса, магические практики Малиновского, расчеты взаимодействия Бэйла, типы девиации Мертона, латентная структура установок Лазарфельда и профессиональные категории Бюро переписи населения США.

Как получается, что по ответам респондента на вопросы анкеты исследователь определяет его «установку», проинтервьюировав персонал офиса — сообщает об их «бюрократически организованной деятельности», а изучив преступления, известные полиции, — определяет параметры «реального преступления»? Что это за работа, посредством которой исследователь таким образом систематизирует по смыслу наблюдаемые и предполагаемые события, что считает логичным относиться к наблюдаемым реальным проявлениям как к свидетельствам того события, которое он намерен изучать?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно детализировать работу документального метода. С этой целью была разработана демонстрация документального метода, которая преувеличивала отличительные черты этого метода в употреблении и позволяла поймать на лету «производство факта».

Эксперимент

Участие в эксперименте принимали десять студентов последнего курса, которым сказали, что факультет психиатрии проводит исследование: изучение альтернативных средств психотерапии «как способа давать людям советы относительно их личных проблем». Экспериментатор, которого ложно представили как студенческого консультанта по обучению, индивидуально познакомился со всеми испытуемыми. Сначала испытуемого просили обсудить подоплеку какой-либо серьезной проблемы, по которой он хотел бы получить совет, а затем задать консультанту несколько вопросов, на каждый из которых можно было бы ответить односложно — «да» или «нет». Испытуемому было

обещано, что консультант постарается ответить наилучшим образом. Сидя в соседней комнате, экспериментатор-консультант выслушивал вопросы и давал свои ответы через переговорное устройство. Описав свою проблему и ситуацию, в которой она возникла, испытуемый задавал свой первый вопрос. После стандартной паузы экспериментатор отвечал «да» или «нет». Затем испытуемый поступал согласно инструкции: он вынимал вилку из розетки, в результате чего консультант лишался возможности слышать его комментарии, и записывал их на пленку. После того как это было сделано, испытуемый снова включал микрофон и задавал свой следующий вопрос. Получив ответ, он вновь записывал на пленку свой комментарий, и так повторялось до тех пор, пока не были заданы, как минимум, десять вопросов и не были получены десять ответов. Испытуемому было сказано: «Большинство людей хотят задать по меньшей мере десять вопросов».

Последовательность ответов, среди которых было равное количество «да» и «нет», была предопределена таблицей случайных чисел. Все испытуемые, задавшие одинаковое количество вопросов, получили в ответ одинаковые серии «да» и «нет». После того как обмен вопросами и ответами был завершен, испытуемого просили обобщить свои впечатления об этом «обмене». Следовало интервью.

Ниже в качестве иллюстраций приводятся неотредактированные стенограммы.

Пример 1. *Испытуемый*: Итак, вот моя ситуация. Я исповедую иудаизм и в течение примерно двух месяцев встречаюсь с девушкой, принадлежащей к другой религии. Мой отец напрямую не высказывается против этого, но в то же время я чувствую, что ему это не нравится. Мама считает, что, поскольку отец напрямую не возражает, я должен продолжать встречаться с ней до тех пор, пока он не сделает какие-либо прямые замечания по этому поводу. Почему я чувствую, что ему это не очень нравится, хотя он ни разу не сказал мне: «Не встречайся с ней»? Потому что время от времени он делает такие замечания и так высказывается, что мне становится не по себе от того, что я с ней встречаюсь. Мой вопрос: как вы считаете, должен ли я при нынешних обстоятельствах продолжать встречаться с ней или прервать отношения? Позвольте мне сформулировать вопрос позитивно: считаете ли вы, что я должен продолжать встречаться с этой девушкой?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Нет. Это интересно. Я вроде как чувствую, что между мной и отцом нет большой неприязни, но, возможно, он чувствует, что

ситуация может привести к ней. Мне кажется, возможно, постороннему легче увидеть то, чего я в данный момент не вижу. Сейчас я хотел бы задать свой второй вопрос.

Экспериментатор: Пожалуйста.

Испытуемый: Как вы считаете, мне нужно обсудить с отцом эту ситуацию или нет? Должен ли я обсудить с отцом вопрос о том, что я встречаюсь с девушкой, принадлежащей к другой религии?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Мне это кажется логичным, но я не знаю, что сказать ему. Честно. Он не кажется мне по-настоящему понимающим. Иными словами, мне кажется, что он боится обсуждать эту ситуацию. Во всяком случае пока мне так кажется. Но мне кажется, что если для меня это важно, если я действительно хочу продолжать встречаться с ней, я должен решиться и поговорить об этом с папой. Я, правда, не знаю, что сказать ему, потому что я же встречаюсь с ней. Я не влюблен в нее, нет, но я не знаю, что будет дальше. Мне кажется, наша дискуссия должна коснуться того, что может быть в будущем и как он будет к этому относиться. Возможно, сейчас он и не очень против, потому что мы только встречаемся, но, возможно, он видит будущие сложности, которые он уже сейчас хотел бы устранить. Я готов задать третий вопрос.

Если я поговорю с отцом и если он скажет, чтобы я продолжал встречаться с ней, но если в то же самое время у меня сложится впечатление, что на самом деле он против и говорит так только потому, что хочет быть хорошим отцом, должен ли я и при этих условиях продолжать встречаться со своей девушкой?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Я очень удивлен таким ответом. Я ожидал отрицательного ответа на этот вопрос. Возможно, это связано с тем, что вы не очень хорошо представляете себе моего отца и его реакции, а он производит впечатление чувствительного человека и поэтому действует очень осторожно. Даже если он и может сказать: «Действуй. Продолжай встречаться с ней», я, возможно, буду чувствовать себя виноватым, зная, что на самом деле он совсем этого не хочет. Так что я не знаю, насколько это мне поможет. Ладно, возможно, мы поговорим об этом позже, а пока займемся другим вопросом. У меня готов четвертый вопрос.

Если после разговора с отцом и после его положительного ответа я все-таки буду чувствовать, что этот ответ не отражает его истинного мнения, как вы думаете, правильно ли я поступлю, если попрошу маму серьезно поговорить с ним и выяснить его истинное отношение к ситуации?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Что ж, такой ответ кажется мне справедливым. У меня такое чувство, что с мамой он будет откровеннее. Разумеется, это может создать проблему. Будет ли мама после разговора абсолютно честна со мной? Она производит впечатление более либерального человека, чем папа, не говоря о том, что она может и сказать неправду, но, возможно, в ходе разговора с отцом она попытается довести до его сведения мою точку зрения, и тогда у меня снова будут два ответа. Если посмотреть на ситуацию с этих позиций, не думаю, что я добьюсь хотя бы небольшого успеха, но, по крайней мере, мне кажется, что мы продвигаемся вперед. Я готов задать пятый вопрос.

Как вы считаете, должен ли я рассказать девушке, с которой встречаюсь, о тех проблемах, которые у меня возникли дома, или мне следует подождать... Впрочем, это уже другой вопрос. Считаете ли вы, что я должен рассказать своей девушке о тех проблемах, которые возникли у меня с родителями в связи с ее религиозной принадлежностью?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Я снова удивлен. Конечно, это может зависеть от моего отношения к девушке и от того, как долго я собираюсь встречаться с ней. Но лично я считаю, что сказать ей — это правильно, потому что если — такое возможно — она воспринимает наши отношения серьезнее, чем я, а такое не исключено, нам лучше понимать всю ситуацию, и если она чувствует, что это может быть препятствием, может быть, это положит конец ситуации прямо сейчас. Я думаю, что, возможно, сделаю это не лучшим образом, и она, возможно, не поймет, в чем заключается реальная ситуация, и отреагирует на это так, что наши отношения испортятся. Произойдет что-нибудь в этом духе. Я готов задать шестой вопрос.

Если я влюблюсь в эту девушку и начну строить планы на женитьбу, как вы считаете, порядочно ли я поступлю, если попрошу ее принять иудаизм?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Нет. Такой ответ загоняет меня в угол. Нет. Я воспитан в определенной вере и убежден в том, что и она тоже. И я строго придерживаюсь своей религии. Нельзя сказать, что я ортодокс и все такое прочее, но, конечно, всегда есть давление семьи и прочих обстоятельств. Я абсолютно уверен в ее чувствах. К несчастью, я никогда не видел семьи, в которой переход из одной веры в другую был бы успешным. Так что я не знаю. Я думаю, что, возможно, меня склонят к тому, чтобы я обратился к ней с такой просьбой. Но не думаю, что буду способен это сделать. Я готов задать седьмой вопрос.

Считаете ли вы, что было бы лучше, чтобы, поженившись, мы либо вообще не обсуждали религиозные вопросы или оба стали исповедовать одну из двух религий и чтобы мы воспитывали своих детей в духе какой-то третьей, нейтральной религии, отличной как от ее религии, так и от моей?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Возможно, решение проблемы было бы именно в этом. Если бы мы смогли найти религию, которая в определенной мере включает постулаты наших обеих религий... Насколько я понимаю, это практически невозможно. Возможно, в некотором роде, эта нейтральная религия должна быть чем-то, созданным нами самими, потому что если честно, то я считаю, что религиозное воспитание, неважно, о какой религии идет речь, если оно не доведено до абсурда, — хорошая вещь. Каждый должен получить определенную долю религиозного воспитания наряду с прочим. Возможно, решение проблемы могло бы быть именно таким. Мне кажется, что я должен пройти по этому пути чуть дальше и посмотреть, что будет. Я готов задать восьмой вопрос.

Если мы поженимся, не лучше ли нам жить в каком-нибудь новом месте, где мы не будем общаться со своими родителями и избежим давления с их стороны в связи с нашими религиозными различиями?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Кажется, я готов согласиться с таким ответом. Я чувствую, что, убегая от проблемы, многого не добьешься, и, возможно, это — одна из тех ситуаций в жизни, которую в конце концов наши родители примут, и мы будем жить в согласии с ними. Как минимум, я надеюсь, что если такая ситуация сложится, это сработает. По-моему, для обеих семей будет лучше, если мы не убежим от проблемы, а постараемся решить ее. Так что нам лучше остаться здесь и постараться решить ее. Я готов задать девятый вопрос.

Если мы поженимся и нам предстоит растить детей, считаете ли вы, что мы должны сказать им, что в свое время у нас были религиозные различия, или мы должны воспитывать их в новой религии, которая является их религией и о которой мы говорили, и пусть они верят, что мы изначально придерживались именно ее?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Кажется, я снова согласен с вами. По-моему, им нужно сказать, потому что, без сомнения, это станет известно им. И если они действительно узнают о том, что когда-то у нас были религиозные различия, они будут считать, что мы увиливаем или пытаемся что-то скрыть от них, а в этом тоже нет ничего хорошего. Так что лучше всего сказать. Я готов задать десятый вопрос.

Считаете ли вы, что если у нас будут дети, что из-за нас, своих родителей и наших трудностей, они будут иметь какие-то религиозные проблемы?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Даже не знаю, согласен я с таким ответом или нет. Возможно, у них и будут проблемы, если они растеряются и почувствуют, что не знают, что хорошо, а что плохо, и чью религию — отца или матери — выбрать, если не захотят предпочесть свою собственную. Но мне почему-то кажется, что если их религия будет благотворной и удовлетворит их потребность в религии, у них не будет никаких проблем. Но я полагаю, что только время сможет ответить на этот вопрос. Я закончил свои комментарии.

Экспериментатор: Хорошо. Я сейчас приду.

Экспериментатор приходит в комнату к испытуемому и, вручив ему перечень позиций, которые он может прокомментировать, уходит. Ниже приводится комментарий испытуемого.

Испытуемый: Разговор показался мне односторонним, потому что все время говорил только я. Но мне кажется, что, не зная деталей ни о личностях разных людей, вовлеченных в эту ситуацию, ни того, насколько сложна сама ситуация, мистеру Макхью было очень трудно давать полные ответы на мои вопросы. Что касается полученных мною ответов, то я должен сказать, что большинство из них совпали с теми ответами, которые я дал бы сам, зная, чем отличаются друг от друга люди. Один или два ответа явились для меня сюрпризом, и мне показалось, что он потому так ответил, что не осведомлен о личностных качествах людей, вовлеченных в эту ситуацию, и о том, как они реагируют или могут прореагировать в том или ином случае. Полученные мною ответы оптимальны; по мере того как мы продвигались вперед, я чувствовал, что в основном он отдает себе отчет в ситуации, которую я описывал, и они имеют для меня большое значение. Я чувствовал, что в целом его ответы были полезны для меня и что он преимущественно старался действовать с пользой для дела, а не стремился упростить ситуацию или прервать разговор.

В большинстве случаев я услышал то, что хотел услышать. Возможно, я не услышал того, что мне действительно хотелось услышать, но, может быть, с объективной точки зрения это были лучшие ответы из возможных, потому что человек, вовлеченный в ситуацию, становится в известной мере слепым и не может встать на объективную точку зрения. И поэтому эти ответы человека, не вовлеченного в ситуацию и имеющего объективную точку зрения, могут отличаться от ответов человека, который вовлечен в нее. Я искренне верю в то, что ответы, которые

он дал мне, — результат его полного осознания моей ситуации. Возможно, он вполне справился со своими обязанностями. Например, когда я спросил, поговорить ли мне с отцом, он был настроен отрицательно по отношению к тому, о чем я собирался говорить. Полностью. Он знал общую ситуацию, но ему неизвестно ни насколько мы с отцом близки, ни насколько сложным может получиться этот разговор. И если бы он сказал: «Поговори», — зная, что отец не станет слушать, возможно, это был бы не лучший ответ. Или если отец готов меня выслушать, он говорит, что это не поможет мне. Или не говорит. Это снова заставляет говорить о личностных качествах, о которых он понятия не имеет. И сам разговор, и полученные ответы, я убежден, имеют для меня очень большое значение. Я имею в виду, что это, возможно, именно то, чего я ждал от человека, полностью понимающего мою ситуацию. Я чувствую, что это имело большой смысл для меня, и было очень полезным. Я чувствую, что вопросы, которые я задал, были чрезвычайно уместными и действительно помогли обоим понять ситуацию и мне и тому, кому я их задавал, и, как я уже говорил ранее, я преимущественно согласился с ответами. Иногда я удивлялся, но понимал, что это связано с тем, что он не имеет полной информации ни о ситуации, ни о вовлеченных в нее личностях.

Пример 2. *Испытуемый*: Я хотел бы узнать, стоит ли мне сейчас поменять предмет, в котором я специализируюсь, или нет. Сейчас это физика, но у меня неважные отметки, и я вряд ли получу в качестве среднего балла «С»[1]. Я бы хотел переключиться на математику. С математикой у меня тоже есть небольшие трудности, но мне кажется, я смогу с ними справиться. Я завалил несколько курсов по математике здесь, в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, но я все пересдал, и у меня «посредственно». Я вплотную подошел к тому, чтобы получить «хорошо» по одному курсу, потому что занимался им больше, чем другими, но мой вопрос остается прежним: стоит ли мне менять специализацию?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Итак, он говорит «нет». Если я останусь на физике, мне придется подтянуть отметки, что будет чрезвычайно трудно, потому что в этом семестре я работаю не очень хорошо. Если в течение этого семестра я получу семь отметок «отлично», тогда я смогу рассчитывать на то, что, возможно, в феврале получу диплом физика. Но что в таком случае делать с ядерной физикой, с этим позорным клеймом? Я ненавижу этот предмет. А без ядерной физики диплома не получить.

[1] В американской системе оценок высший балл, соответствующий российскому «отлично» — А, «хорошо» — В, «посредственно» — С. — *Примеч. науч. ред.*

Как вы считаете, могу я получить диплом физика при минимальных знаниях по ядерной физике?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Он говорит «да». Но я не понимаю, как это возможно. Я неважный теоретик. Я совершенно не умею заниматься. Я медленно читаю и трачу на занятия мало времени.

Вы считаете, что я могу улучшить эти показатели?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Он считает, что я могу значительно улучшить эти показатели. Мне все время вдалбливали, как нужно заниматься, но я никогда не занимался так, как положено. Я занимаюсь плохо. У меня нет серьезного стимула для того, чтобы справиться с физикой. Или есть?

Как вы думаете, есть у меня веские основания для того, чтобы получить диплом физика?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Он считает, что да, имею. Я думаю, что, возможно, так и было бы, если бы меня не преследовали мои скверные прошлые отметки. Получить диплом будет ужасно трудно.

Вы считаете, что я могу успешно учиться и одновременно поддерживать хорошие отношения с женой и выполнять свою работу? Я плохо занимаюсь в университете, и у меня нет серьезного стимула учиться, когда я прихожу домой. Правда, когда жена дома, мне нравится заниматься. Но это мешает нам делать домашние дела, а когда она не занимается домашней работой, это действует мне на нервы, потому что дела все время накапливаются. Как вы считаете, я смогу успешно заниматься дома?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Он говорит «нет». Я с ним согласен.

Нужно ли мне каждый вечер после ужина ходить в университет и заниматься там?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Он говорит, что мне не нужно ходить заниматься в университет. Куда же мне ходить? Должен ли я ходить в университетскую библиотеку и заниматься там?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Он считает, что я должен ходить заниматься в библиотеку. В какую? Там может не оказаться всей литературы, которая мне нужна, но это не обязательно. У меня есть еще, как минимум, три вопроса. Считаете ли вы, что для начала я могу приобрести достаточно

хорошие учебные навыки и стимулы и настолько развить их, что мне не придется напрасно сидеть ночами.

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Он говорит «нет». Я не могу приобрести такие учебные навыки, чтобы с их помощью достичь своей цели. Исходя из этого, вы все еще считаете, что я могу получить диплом физика?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Итак, диплома я не получу. Что же мне делать? Вы еще здесь?

Экспериментатор: Да. Я здесь.

Испытуемый: Если вы не думаете, что я приобрету... навыки, необходимые для того, чтобы улучшить свою успеваемость и получить диплом физика, советуете ли вы мне бросить университет?

Экспериментатор: Мой ответ — «да».

Испытуемый: Он считает, что мне нужно бросить университет. Вы еще здесь?

Экспериментатор: Да.

Испытуемый: У меня есть еще один вопрос. Я хотел бы поступить на службу в воздушный флот. Я прошел подготовку в службе офицеров резерва воздушного флота. Но чтобы получить офицерское звание, мне нужен диплом. Если у меня не будет диплома, весьма вероятно, что я не смогу его получить, хотя есть некоторые основания считать, что, может быть, это и удастся, хоть это и нежелательно. Вопрос заключается в следующем: получать ли мне офицерское звание и идти ли на службу в воздушный флот?

Экспериментатор: Мой ответ — «нет».

Испытуемый: Не могу сказать, чтобы меня это сильно радовало, хотя на самом деле для той работы, которой я мечтаю заниматься, мне диплом не нужен. Вы еще здесь? Вернитесь.

Ниже приводятся комментарии испытуемого.

«Насколько я понял из разговора, с моей стороны весьма глупо стремиться к получению какого бы то ни было диплома. На самом деле я всегда чувствовал, что для работы, которая меня интересует, а именно для изобретательства, диплом вовсе не обязателен. Чтобы заниматься изобретательством, нужны определенные знания по математике и по физике, но степень для этого не нужна. Из разговора я понял, что мне нужно бросить университет и получить офицерское звание, но как — я не знаю. Но, с другой стороны, было бы очень здорово получить диплом. С дипломом я мог бы поступить в другой университет. Иначе у меня не будет высшего образования. У меня также сложилось впечатление, что мои учебные навыки никогда не усовершенствуются, во всяком случае настолько, насколько бы мне хотелось. Я не получу диплома. Я получу офицерское звание, и мне бесполезно заниматься как в университете, так и дома. Особенно по вечерам. Интересно, нужно ли мне вообще заниматься где бы то ни было или я должен научиться делать все, что нужно, в университете? Что делать? У меня такое чувство, что мои родители и родители моей жены очень расстроятся, если я вообще не получу диплома или не получу его прямо сейчас. Мне кажется, что этот последний разговор основан на том, что человек уже давно должен был бы научиться делать. Задавать самому себе вопросы и давать на них разные ответы, «да» или «нет», обдумывать причины, почему правильно «да» или «нет»; спрашивать себя, насколько валиден ответ или его ожидание, что да, человек должен достичь поставленной цели, или просто существовать. Лично я считаю, что могу лучше успевать по математике, чем по физике. Но все выяснится только в конце лета».

Результаты

Изучение стенограмм выявляет следующее.

А. *Прохождение через стадию обмена вопросами—ответами.* Никто из испытуемых не испытывал трудностей ни когда задавал десять вопросов, ни когда обобщал и оценивал совет.

Б. *Ответы были восприняты как ответы-на-свои-вопросы.*

1. Как правило, испытуемые воспринимали ответы как ответы-на-свои-вопросы». Перцептивно ответы экспериментатора были мотивированы вопросами.
2. Испытуемые непосредственно видели, «что консультант имел в виду». Они «на лету» схватывали то, о чем он говорил, т. е. что он имел в виду, а не то, что выражал словами.
3. Как правило, испытуемые признавали — во время диалога и во время постэкспериментального интервью, — что ответы были советами по поводу обсуждавшейся проблемы и что этот совет как способ решения проблемы нужно было найти в ответах.
4. Все испытуемые говорили о том, что «получили совет», они выражали свою признательность за этот «совет» и подвергали «совет» критике.

В. *Не было запрограммированных вопросов; последующий вопрос был мотивирован ретроспективно-проспективными возможностями настоящей ситуации, которая изменялась после каждой пары «вопрос—ответ».*

1. Никто из испытуемых не задавал заранее запрограммированных вопросов.
2. Настоящие ответы изменяли смысл предыдущих пар вопрос—ответ.
3. Судя по всему, во время обмена вопросами и ответами действовало предположение, что ответ должен быть получен и что если ответ не был очевидным, помочь понять его смысл мог активный поиск, одна часть которого включала формулирование такого вопроса, который должен был помочь выяснить, что именно консультант имел в виду.
4. Много усилий было потрачено на то, чтобы понять смысл, вложенный в ответ, но не очевидный в момент его получения.
5. Текущий ответ-на-вопрос мотивировал последующий набор возможностей, из которых отбирался очередной вопрос. Следующий вопрос возникал в качестве продукта размышлений над предшествующим течением разговора и над предположенной основополагающей проблемой как темой, отличительные признаки которой подтверждались и расширялись с каждым обменом вопрос—ответ. Отличительные признаки основополагающей «проблемы» досконально разрабатывались в результате обмена. Смысл проблемы последовательно приспосабливался к каждому текущему ответу, в то время как ответ мотивировал свежие аспекты основополагающей проблемы.
6. Основополагающий паттерн был разработан и составлен за время обмена вопросами—ответами и приспособлен к каждому текущему ответу таким образом, чтобы поддерживать «направление совета», разработать то, что «действительно уже прозвучало как совет» раньше, и мотивировать новые возможности как возникающие отличительные признаки проблемы.

Г. *Ответы в поисках вопросов.*

1. В ходе обмена вопрос—ответ испытуемые иногда начинали с отклика, аналогичного ответу, и изменяли предшествующий смысл своих вопросов так, чтобы приспособить его к отклику как к ответу на ретроспективно исправленный вопрос.
2. Идентичные выражения было возможны при ответах на несколько разных вопросов одновременно и при составлении ответа на сложный вопрос, который в терминах строгой логики утверждения, требующего доказательств, не предполагал ответа «да» или «нет» либо только «да» или «нет».
3. Аналогичные выражения были использованы для ответа на несколько разных вопросов, разделенных во времени. Испытуемые назвали это «пролить новый свет» на прошлое.
4. В настоящих ответах были заложены ответы на будущие вопросы, которые никогда не были заданы.

Д. *Обращение с неполными, неподходящими и противоречивыми ответами.*

1. В тех случаях, когда ответы не удовлетворяли испытуемых или были неполными, они предпочитали ждать следующих ответов, чтобы решить, какой смысл был заложен в предыдущих ответах.
2. Неполные ответы воспринимались испытуемыми как неполные из-за «недостатков» этого метода оказания помощи консультантом.
3. Неподходящие ответы были таковыми по «причине». Если причина была найдена, на ее основе принималось решение о смысле ответа. Если в ответе был «здравый смысл», то это было скорее всего то, что отвечавший «посоветовал».
4. Если ответы оказывались несообразными или противоречивыми, испытуемые не останавливались, а находили, что за это время «советчик» узнал больше, что он решил изменить свое мнение, что он недостаточно знаком со сложностями проблемы или что виноват плохо сформулированный вопрос и его нужно переформулировать.
5. Несообразные ответы приписывалась знаниям и намерениям «советчика».
6. Противоречия требовали, чтобы испытуемый выбирал настоящий вопрос, на который отвечал этот ответ, что они делали, снабжая вопрос дополнительным смыслом, который соответствовал смыслу, стоявшему «за» тем, что советовал консультант.

7. В случаях противоречивых ответов много усилий прилагалось к рассмотрению возможного намерения ответа для того, чтобы освободить его от противоречия или бессмысленности, а отвечавшего — от ненадежности.
8. Число испытуемых, принимавших во внимание возможность обмана, превышало число тех, кто проверял ее. Все подозрительные испытуемые неохотно действовали, предполагая, что их обманывают. Подозрения исчезали, если в ответах консультанта был «здравый смысл». С наибольшей вероятностью это происходило тогда, когда ответы соответствовали предыдущим мыслям испытуемого о проблеме и тем решениям, которые он считал предпочтительными.
9. Подозрения превращали ответ в событие «всего лишь речевой деятельности», внешне лишь случайно совпадающее с заданным вопросом. Испытуемым было трудно поддерживать эту структуру и управлять ею. Многие испытуемые «так или иначе» находили в ответах смысл.
10. Становясь подозрительными, испытуемые одновременно, хотя и временно, отказывались продолжать диалог.

Е. *«Поиск» паттерна и его восприятие.*

1. Забота о паттерне и его поиск присутствовали во всех случаях. Паттерн, однако, воспринимался с самого начала. Вероятнее всего, паттерн видели при первой очевидности «совета».
2. Испытуемым было очень трудно понять скрытый смысл произвольности высказываний. Предопределенное высказывание воспринималось как уловка отвечавшего, а не как высказывание, решение о котором было принято заранее и которое прозвучало независимо от вопроса испытуемого и его интересов.
3. Когда испытуемые задумывались о возможности обмана, выражение, использованное советчиком, подтверждало паттерн обмана, а не паттерн совета. Таким образом, связь высказывания с лежащим в основе паттерном как его обоснованием оставалась неизменной.

Ж. *Ответам был приписан сценический источник.*

1. Испытуемые приписывали ответу консультанта ту мысль, которая была сформулирована в их вопросах. Например, когда испытуемый спрашивал: «Должен ли я ходить заниматься в университет каждый день после ужина?» и слышал «Нет», он так комментировал этот ответ: «Он сказал, что мне не нужно ходить в университет заниматься». Это было присуще практически всем.
2. Все испытуемые удивлялись, когда выяснялось, что они сами внесли большой вклад в «совет, который получили от советчика».
3. Узнав про обман, испытуемые сильно огорчились. В большинстве случаев они пересматривали свое мнение о процедуре и подчеркивали неадекватность целям экспериментатора (в качестве таковой они все еще считали изучение средств, с помощью которых дают советы).

З. *Неопределенность каждой данной ситуации будущих возможностей оставалась независимой от прояснения, которое вносили обмены вопросами и ответами.*

1. Существовала неопределенность: а) в статусе выражения как ответа; б) в его статусе как ответа-на-вопрос; в) в его статусе как подтверждения совета в том, что касается основополагающего паттерна; г) в основополагающей проблеме. В то время как после обмена вопросами и ответами выражения представляли «совет относительно проблемы», их функция как совета также конкретизировала всю схему проблематичных возможностей таким образом, что суммарный эффект заключался в трансформации ситуации испытуемого, в которой неопределенность ее горизонтов оставалась неизменной, а «проблемы так и оставались без ответов».
2. Будучи членами коллектива, испытуемые консультировались с институционализированными характеристиками общности как со схемой интерпретации.
3. Принимая решение о разумном и правомочном характере совета, полученного от советчика, испытуемые делали конкретные ссылки на различные социальные структуры. Однако подобные ссылки не были сделаны ни на одну социальную структуру. Испытуемые придерживались следующего мнения: если советчику полагалось знать и если он демонстрировал испытуемому, что он знает, о чем говорит, и если испытуемому нужно было

серьезно обдумать описание его обстоятельств, полученное от советчика как основание для своих дальнейших размышлений и для управления этими обстоятельствами, испытуемый не позволял советчику и сам не проявлял желания использовать *какую бы то ни было* социальную структуру. Ссылки, которыми испытуемый пользовался, были ссылками на социальные структуры, рассматриваемые им как реально или потенциально известные обоим — и ему и советчику. Причем это относилось не к *любым* социальным структурам, известным и тому и другому, а только к *нормативно валидизированным социальным структурам*, воспринимавшимся испытуемым как условия, которым должны удовлетворять его решения в том, что касается его собственного здравого и реалистичного понимания его обстоятельств и «хорошего» характера совета советчика. Эти социальные структуры состояли из нормативных отличительных признаков социальной системы, *видимой изнутри*, которые для испытуемого были определяющими для его членства в разных коллективах.

4. До случаев использования правил для выбора между фактом и не фактом испытуемые давали мало указаний на то, какими были те нормативные структуры, к которым могли бы иметь отношение их интерпретации. Правила подтверждения этих определенных нормативных порядков судя по всему вступали в игру только после того, как набор нормативных отличительных признаков был мотивирован как релевантный его интерпретивным задачам, а затем как функция того факта, что действия, связанные с интерпретацией, идут полным ходом.

5. Испытуемые предполагали, что известные всем отличительные признаки коллектива есть совокупность основанных на здравом смысле знаний, которые есть них. Они использовали эти предположенные паттерны для приписывания тому, что они слышали от советчика, и его статусу подтвержденного свидетельства определенных нормативных отличительных признаков коллективного характера эксперимента, семьи, учебного заведения, дома, работы, на которые были направлены интересы испытуемого. Эти свидетельства и отличительные признаки общности опирались друг на друга, они взаимно разрабатывали друг друга и расширяли свои возможности.

И. *Решение о правомочности было идентично приписыванию совету его воспринимаемого здравого смысла.*

Через ретроспективно-перспективный обзор испытуемые оправдывали «разумный» смысл и санкционируемый статус совета как основание для управления своими делами. «Разумный» характер совета состоял в его совместимости с нормативными порядками социальных структур, которые, как полагали, разделялись и испытуемым и советчиком и были известны им обоим. Стоявшая перед испытуемым задача принятия решения об обоснованном характере того, что ему посоветовали, была идентична задаче приписывания тому, что предложил консультант: а) его статуса как примера в классе событий; б) вероятности его проявления; в) его сравнимости с прошлыми и будущими событиями; г) условий его проявления; д) его места в наборе отношений «средство—цель»; е) его необходимости согласно естественному (т. е. моральному) порядку. Испытуемые приписывали эти ценности — типичность, вероятность, сравнимость, каузальную текстуру, техническую эффективность и моральную необходимость, — используя в качестве схемы интерпретации институционализированные отличительные признаки коллектива. Таким образом, стоявшая перед испытуемым задача решить, является ли совет консультанта «истинной», была идентична задаче приписывания сказанному консультантом его ценностей, воспринимаемых нормально.

К. *Воспринимаемые нормально ценности не столько «приписывались», сколько управлялись.*

Через работу документирования, т. е. через поиск и определение паттерна, через отношение к ответам консультанта как к мотивированным смыслом, заложенным в вопросах, через ожидание последующих ответов для прояснения смысла предыдущих, через нахождение ответов на незаданные вопросы воспринимаемые нормально ценности совета устанавливались, тестировались, заново пересматривались, сохранялись и восстанавливались. Короче говоря, управлялись. Поэтому считать документальный метод процедурой, посредством которой предложения получают членство в научном сообществе, — заблуждение[1]. Скорее верно другое: документальный метод таким образом развивает совет, что он постоянно «приобретает свое членство».

---

[1] Kaufman. *Methodology of the Social Sciences* (New York: Oxford University Press, 1944), в первую очередь с. 33–36.

Примеры из социологических исследований

Примеры использования документального метода можно найти в любом социологическом исследовании [2]. Его очевидное использование встречается в исследованиях групп лиц, организованных как социальная, муниципальная или политическая общность, когда утверждения гарантируются благодаря критериям «исчерпывающего описания» и «кольца правды». Он также широко используется при проведении опросов, когда исследователю, сопоставляющему записи, сделанные во время интервью, или редактирующему ответы на вопросы анкеты, нужно решить, «что имел в виду респондент». Когда исследователь обращается к «мотивированному характеру» действия, к теории, к подчинению человека легитимному порядку и к тому подобному, он будет использовать для «документирования основополагающего паттерна» то, что наблюдал. Документальный метод используется для резюмирования объекта. Например, как непрофессионал может сказать о чем-то, сказанном «Гарри»: «Правда, это очень похоже на Гарри?», — точно так же исследователь может использовать некоторые из наблюдаемых отличительных признаков того, о чем он говорит, как характеризующий индикатор предполагаемого предмета обсуждения. Такие сложные сцены, как промышленные предприятия, группы лиц, организованных как социальная, муниципальная или политическая общность, или социальные движения часто описываются с помощью «цитат» из стенограмм и цифровых таблиц, которые используются для резюмирования предполагаемых событий. Документальный метод используется всегда, когда исследователь конструирует жизненный цикл или «естественный ход событий». Задача придания историчности биографии человека состоит в использовании документального метода для такого отбора и систематизации прошлых событий, который позволяет сделать нынешнее положение дел релевантным прошлому и будущему.

Использование документального метода не ограничивается случаями «мягких» процедур и «частичными описаниями». Он встречается также и в случаях скрупулезных процедур, в которых описания предназначены для исчерпывания определенного поля возможных объектов, подлежащих наблюдению. Читая журнальную публикацию в поисках точного ответа, исследователи, которые пытаются реконструировать отношения между описанными процедурами и результатами, зачастую наталкиваются на брешь: им не хватает информации.

Брешь возникает тогда, когда читатель спрашивает, как исследователь принял решение о соответствии между тем, что действительно наблюдалось, и обозначенным событием, свидетельством которого признается реальное наблюдение. Проблема читателя заключается в следующем: ему приходится решать, что описанное наблюдение есть буквальное проявление обозначенного события, т. е. что реальное наблюдение и обозначенное событие идентичны *по смыслу*. Поскольку связь между ними есть символическая связь, читателю, чтобы решить, есть соответствие или нет, нужно обратиться к некоторым грамматическим правилам. Эти правила состоят из некоей теории обозначенных событий, на базе которой рекомендуется принимать решения о том, кодировать ли реальные наблюдения как полученные данные. Именно в этот момент читатель должен пустить в ход интерпретивную работу и допущение об «основополагающих» вопросах об обществе, «известных всем», в терминах которых сказанное респондентом воспринимается как синоним того, что имеет в виду наблюдатель. Правильное соответствие возможно и изучается на разумной основе. Правильное соответствие есть продукт работы исследователя и читателя как членов общества людей, верящих в одно и то же. Таким образом, даже в случаях жестких методов, когда исследователь должен предложить, а читатель — оценить опубликованные результаты как компоненты «тела» социологического факта, используется работа документального метода.

Социологические ситуации исследования как ситуации выбора, основанного на здравом смысле

Нет ничего необычного в том, что профессиональные социологи говорят о своих процедурах, которые «производят факты», как о процессах «ви́дения сквозь» внешнюю оболочку основополагающей реальности, как о процессах проникновения через «видимость» и «схватывания неизменного». Там, где речь идет о наших испытуемых, их процессы нельзя представить как «смотрение сквозь», они состоят в примирении с ситуацией, в которой фактическое знание социальных структур — фактическое в смысле гарантированных основ дальнейших умозаключений и действий — должно быть собрано и сделано доступным для потенциального использования, несмотря на то что

ситуации, которые оно предполагает описывать, в любом надежном смысле, неизвестны, в своих реальных и предполагаемых логических структурах преимущественно неопределенные и модифицируемые, тщательно изучаются и расширяются, если не создаются, тем самым фактом и той самой манерой, с которыми к ним обращаются.

Если многие отличительные признаки документальной работы наших испытуемых узнаваемы в работе профессиональных социологов по производству фактов, точно так же многие ситуации профессионального социологического исследования имеют те же самые отличительные признаки, что и наши ситуации с испытуемыми. Конкретно подобные отличительные признаки профессионального социологического исследования можно описать следующим образом.

1. Вероятно, что в ходе интервью исследователь обнаружит, что сам обращается к сериям нынешних ситуаций, *будущие состояния которых производятся рассматриваемым способом обработки* и, как правило, неясны или даже неизвестны. С поражающей частотой эти здесь-и-сейчас возможные будущие состояния до того, как будет понято действие, которое должно реализовать их, можно обрисовать лишь в общих чертах. Существует необходимое различие между «возможным будущим состоянием дел» и тем, «как-осуществить-будущее-из-настоящего-положения-дел-как-из-реальной-отправной-точки». В действительности «возможное будущее положение дел» может быть очень ясным. Но такое будущее не представляет интереса. Вместо этого мы озабочены тем, «как осуществить его из здесь-и-сейчас будущего». Именно это состояние — назовем его для удобства «операционным будущим» — как правило, неясно или неизвестно. Например, опытный специалист по проведению опросов может с поразительной ясностью и определенностью описать, на какие вопросы анкеты он хочет получить ответы. То, как реальные ответы реальных испытуемых будут оценены «в качестве ответов на вопросы», включено в набор процедурных решений, известных под названием «правила кодирования». Любое распределение ответов на вопросы, которое возможно при действующих правилах кодирования, есть «возможное будущее положение дел». После соответствующей разъяснительной работы подобные распределения становятся для подготовленных полевых исследователей четко и определенно вообразимыми. Но с поразительной частотой оказывается, что даже к концу *реального* проведения опроса вопросы и ответы, которые *действительно* были заданы и получены при разных способах оценки реальных откликов испытуемых

как «ответов на вопросы», при том, что известны практические потребности, которые должны быть удовлетворены при выполнении реальной работы опроса, остаются лишь набросками, открытыми для любого «разумного решения» вплоть до сочинения результатов опроса для публикации.

2. Имея установленное будущее, любое будущее, которое известно определенным образом, можно сказать, что альтернативные пути актуализации будущего состояния как набор постадийных операций от какого-то начального нынешнего состояния, как правило, эскизно, непоследовательно и непродуманно. И снова нужно подчеркнуть различие между перечнем доступных процедур, применительно к которым исследователи могут говорить это вполне определенно и четко, и сознательно запрограммированными постадийными процедурами, неким набором предрешенных «что-делать-в-таком-то-случае» стратегий для манипулирования последовательностью реальных нынешних состояний дел в *их течении*. На практике подобная программа, как правило, неосуществима.

Например, одна из задач, решаемых в процессе «управления взаимопониманием», заключается в таком управлении поэтапным течением разговора, которое позволяет исследователю задавать вопросы в выгодной последовательности и одновременно удерживать над неизвестными и нежелательными направлениями, в которых ситуация как функция течения реального обмена вопросами и ответами может фактически двигаться[1]. Как правило, исследователь, чтобы приспособиться к нынешней возможности, заменяет запрограммированное поэтапное решение серией *специальных* тактик, и только эти тактики, как правило, управляются тем, что исследователь надеется в конце концов выяснить к концу разговора. При подобных обстоятельствах правильнее говорить о том, что исследователи скорее действуют для реализации их надежд или для того, чтобы избежать страхов, чем для реализации обдуманного и просчитанного плана.

3. Часто случается, что исследователь предпринимает какое-то действие, и только после появления некоего реального результата этого действия мы действительно видим, что он рассматривает завершенные последовательности для ретроспективного поиска в них их определенного характера. В такой мере, в какой *принятое решение* определяется

[1] Ср.: Robert Merton и Patricia L. Kendall, «The Focused Interview», *American Journal of Sociology*, 51 (1946), p. 541–557.

работой ретроспективного поиска, можно сказать, что результат подобных ситуаций появляется *до* принятия решения. Когда пишется журнальная статья, подобные ситуации возникают с драматической частотой.

4. До своего действительного выбора среди альтернативных образов действия на базе ожидаемых последствий исследователь по разным причинам зачастую не в состоянии предвидеть последствия его альтернативных образов действий и, чтобы узнать, какими они могут быть, возможно, вынужден положиться на свою реальную вовлеченность.

5. Зачастую, столкнувшись с каким-то реальным состоянием дел, исследователь может счесть их желательными, а потому воспринимать их как цель, к которой его ранее предпринятые действия, в том виде, как он ретроспективно понимает их, были направлены «всегда» или «в конце концов».

6. Часто оказывается, что природа будущего состояния дел исследователя проясняется только в результате реального манипулирования им нынешней ситуацией и как функция этого реального манипулирования. Следовательно, цель исследования может быть постепенно определена как последствие активности исследователя в совершении действий для достижения цели, отличительные признаки которой как любое нынешнее состояние его исследовательских действий он отчетливо не видит.

7. Как правило, подобные ситуации есть ситуации «несовершенной информации». Результатом становится то, что исследователь не в состоянии оценить — не говоря уж о том, чтобы рассчитать, — влияние, которое его неведение в данной ситуации оказывает на результат его действий. Он также не может до совершения действий оценить ни их последствия, ни ценность альтернативных образов действий.

8. Информация, которой он обладает и на базе которой выбирает стратегии, редко кодифицирована. В результате его оценки вероятности успеха или неудачи, как правило, имеют мало общего с рациональным математическим понятием вероятности.

В своей деятельности исследователи, как правило, должны иметь дело с ситуациями, обладающими вышеупомянутые отличительные признаки, и должны соблюдать следующие дополнительные условия: должно совершаться какое-то действие, это действие должно совершаться таким образом, чтобы совпадать по времени, темпу, продолжительности и фазам с действиями других людей. Необходимо каким-то образом справляться с рисками неблагоприятных результатов, предпринятые действия и их результаты будут подвергнуты рассмотрению другими людьми и должны быть оправданными для них, выбор образа действий и полученные результаты должны быть оправданы внутри процедур «разумного» обзора и весь процесс должен происходить в условиях корпоративно организованной социальной активности и при его мотивированном одобрении этой активности. В своих «диалогах» исследователи называют эти отличительные признаки своих реальных ситуаций исследований и необходимость управлять ими своими «практическим обстоятельствами».

Поскольку их отличительные признаки столь легко распознаются в действиях повседневной жизни, ситуации с такими отличительными признаками вполне могут быть названы «ситуациями выбора, основанного на здравом смысле». Можно порекомендовать исследователям, когда они, приписывая статус «полученных данных» результатам своих исследований, обращаются к «разумности», прибегать к использованию таких отличительных признаков, как эти, в качестве контекста интерпретации для принятия решения о точности и обоснованности. Данные, полученные в результате документальной работы, решение о которых принято в обстоятельствах ситуаций выбора, основанного на здравом смысле, могут быть названы «обоснованными данными».

Проблема

Многое из того, что составляет «суть социологии», состоит из «обоснованных данных». Многие, если не большинство ситуаций социологических исследований есть ситуации выбора, основанного на здравом смысле. Тем не менее дискуссии на страницах учебников и журналов редко признают тот факт, что социологические исследования проводятся под покровительством здравого смысла *в критических ситуациях, когда принимаются решения о соответствии между наблюдаемыми проявлениями и подразумеваемыми событиями*. Вместо этого доступные описания и концепции исследовательского принятия решений и решения проблем приписываются следующим противоположным отличительным признакам ситуации того, кто принимает решение [3].

1. С точки зрения того, кто принимает решение, существует как отличительный признак каждого из его «здесь и сейчас» состояния дел,

некая узнаваемая цель со специфическими отличительными признаками. Применительно к социологическому исследованию эта цель заключается в нынешней проблеме исследователя, для решения которой и предпринимается исследование. Конкретные отличительные признаки цели состоят из критериев, посредством которых, для любого нынешнего состояния дел, он принимает решение об адекватности, с которой была сформулирована его проблема. С их точки зрения также событие, «адекватное решение», определяется как один из наборов возможных явлений.

2. Исходят из того, что принимающий решение должен установить для себя задачу разработки программы манипулирования каждым последующим нынешним состоянием дел, которое таким образом изменит каждое нынешнее состояние, что в результате их последовательности они придут в соответствие с ожидаемым состоянием, т. е. с целью, с решенной проблемой [4].

Эти отличительные признаки могут быть иначе сформулированы в терминах правил доказательства. В качестве подлежащего расчету состояния дел проблему исследователя можно рассматривать как предложение, «обращение» о членстве, т. е. гарантированный статус которого находится на рассмотрении. Правила процедуры, посредством которой решается его гарантированный статус, таким образом, операционно определяют то, что понимается под «адекватным решением». В идеальном случае исследовательской активности от исследователя требуется принятие решения о шагах, которые определяют адекватное решение до того, как совершить шаги, о которых принято решение. От него требуется принятие этого решения до проведения операций, посредством которых о возможностях, предлагаемых предложением, будет решено, имели ли они место в действительности или нет. Таким образом, задача принятия решения об адекватном решении имеет логический приоритет перед реальным наблюдением. Следовательно, наблюдение считается «запрограммированным», или предполагаемому событию дается «операциональное определение», или создаются условия для того, чтобы состоялось предполагаемое событие, или делается «предсказание».

Бросающийся в глаза аргумент от имени этого акцента заключается в том, что документальный метод с точки зрения науки — неправильная процедура; что его использование искажает объективный мир в зеркале субъективных предрассудков и что там, где существуют ситуации выбора, основанного на здравом смысле, они играют роль

исторических неприятностей. Сторонники таких методов, как те, что используются, например, при проведении опросов и лабораторных экспериментов, утверждают, что у них «растет» освобождение от ситуаций с характеристиками, основанными на здравом смысле, и от документальных операций с ними. После Второй мировой войны было написано огромное количество учебников по методам, предназначенным для борьбы с подобными ситуациями. Эти методы заключались в описании способов трансформирования ситуаций здравого смысла в ситуации, поддающейся расчету. Более конкретно, в описании способов, согласно которым к использованию математических моделей и статистических схем заключения прибегают как к подлежащим расчетам решениям проблем принятия строгих решений о точности, объективности и обоснованности. Критериями адекватности исследований считаются огромные суммы, затраченные на их проведение, и многие научные карьеры покоятся на убежденности, что так оно и есть.

Тем не менее общеизвестно, что в огромном числе методологически приемлемых исследований и, парадоксально, именно в той степени, в какой в них использованы строгие методы, просматривается бросающееся в глаза редкое несоответствие между теоретическими свойствами предполагаемых *социологических* результатов исследований и математическими допущениями, которые должны удовлетворяться, если статистические измерения предполагается использовать для буквального описания предполагаемых событий. В результате статистические измерения чаще всего используются скорее как индикаторы, как символы предполагаемых результатов исследования, как представляющие их или выступающие от их имени, чем как их буквальные описания. Следовательно, там, где решения о социологических данных должны приниматься на основании статистических результатов [5], строгие методы декларируются как решения задач буквального описания на основе «разумных» соображений.

Даже если возможно показать, что эти отличительные признаки присутствуют в социологическом исследовании, не говоря уже о том, что они очевидны, не является ли тем не менее неправильным, что хоть ситуация исследования может получить документальную обработку, о фактическом статусе его результатов будет принято другое решение? Например, разве не об этом свидетельствует наличие структур ограничений, налагаемых на анализ *после свершившегося факта*? И разве не об этом свидетельствует тот факт, что автор полевого исследования, узнавший после изучения своих записей, на какие вопросы он должен

получить ответы «в завершающем анализе», может обратиться за грантом для проведения «подтверждающего изучения гипотезы», возникшей у него в результате размышлений? Существует ли здесь поэтому какая-нибудь *необходимая* связь между отличительными признаками ситуации выбора, основанного на здравом смысле, использованием документального метода и *корпусом социологических фактов*? Должен ли документальный метод обязательно использоваться профессиональными социологами для решения вопроса о точности, объективности и обоснованности? Существует ли необходимая связь между теоретическим предметом социологии, как он конституируется установкой и процедурами «социологического ви́дения», с одной стороны, и канонами адекватного описания, т. е. доказательством — с другой?

Между методами буквального наблюдения и работой документальной интерпретации исследователь может выбрать первые и достичь строгого буквального описания физических и биологических свойств социологических событий. Это было многократно продемонстрировано. До сих пор выбор делался либо ценой пренебрежения свойствами, которые делали события социологическими, либо за счет использования документальной работы для решения проблем «податливых» частей.

Выбор должен зависеть от условий, при которых проводится буквальное наблюдение и выполняется документальная работа. Это включает формулирование проблемы социологических доказательств в терминах, которые позволяют дескриптичное решение, и решение этой проблемы. Без сомнения, научная социология — это «факт», но только в том смысле, который вкладывал в этот термин Феликс Кауфманн, а именно в терминах набора процедурных правил, которые *действительно* руководят использованием методов, рекомендованных социологами, и провозглашают полученные данные основанием для дальнейших выводов и исследований. Проблема доказательства заключается в том, чтобы сделать этот факт постижимым.

ГЛАВА 4

Некоторые правила принятия решений, которые соблюдают присяжные[1]

Присяжные принимают решения, сохраняя разумное уважение к установленному социальному порядку. Данная работа призвана показать ряд особенностей этого процесса принятия решений, вытекающих из вышеупомянутого факта. Сначала будут рассмотрены некоторые особенности деятельности присяжных, понимаемой как *метод социального исследования*. Затем мы опишем некоторые правила принятия решений, соблюдаемые присяжными в повседневной жизни, а после этого — правила принятия решений, составляющие «официальную линию поведения» присяжных. Затем будут выдвинуты следующие предположения: 1) присяжные считают необходимым несколько изменять правила, используемые в повседневной жизни; 2) изменения, которые они производят, незначительны и создают неопределенную ситуацию выбора; 3) именно умение справляться с этой неопределенностью, а не «рассудительность» характеризует деятельность присяжного.

Деятельность присяжных как метод социального исследования

Деятельность присяжных как метод социального исследования характеризует несколько особенностей. Задача присяжных как органа принятия решений состоит в вынесении решения касательно конфликта между сторонами, решения, обеспеченного правовой санкцией. Такое решение называют «вердиктом». Этапы выполнения этой задачи заключаются в том, что присяжные: а) выносят решение относительно

[1] В сотрудничестве с Солом Мендловитцом, Юридическая школа, Университет Ратджерса (Saul Mendlovitz, The Law School, Rutgers University).

ущерба и его размеров; б) выносят решение относительно распределения вины; в) выносят решение о правовых мерах. Вопрос определения ущерба — это вопрос о том, какой вид страдания [1] на законном основании можно признать за той или иной социально квалифицированной категорией лиц. Под распределением вины подразумевается то, что присяжные определяют социально допустимые причинно-следственные отношения между субъектом и результатом. Рекомендуя правовые меры, присяжные решают, что требуется предпринять, чтобы восстановить справедливость [2]. Иными словами, присяжные участвуют в определении «разумных причин и правовых мер» [3].

В процессе совещания присяжные, соотнеся описания происшедшего и его причин в изложении адвокатов, прокуроров, свидетелей и самих присяжных, квалифицируют их как релевантные или нерелевантные, оправданные или неоправданные, точные или неточные основания для вынесения вердикта. Что конкретно определяют присяжные, рассматривая вопросы, касающиеся дат, скоростей, вреда, причиненного истцу, и т. п.?

Если использовать нечто близкое к терминологии самих присяжных и попытаться понять их диалектику [4], присяжные определяют, что есть факт, а что есть иллюзия; что действительно произошло, а что имело «только видимость» происшедшего; что есть притворство, а что истина, вне зависимости от отвлекающей видимости; что заслуживает доверия, а что, как это часто представляется присяжным (в противоположность заслуживающему доверия), просчитано и сказано предумышленно; что есть спорное, а что несомненно; что *остается* предметом спора в противовес несущественным вопросам, в рассмотрении которых в дальнейшем будут заинтересованы только лица, преследующие своекорыстные цели; что есть лишь частное мнение, а с чем пришлось бы согласиться любому верно мыслящему человеку; что есть то-что-может-быть-и-так-но-только-для-эксперта-а-мы-не-эксперты, с одной стороны, а что есть то-что-мы-знаем-и-что-не-узнается-из-книг — с другой; что есть то-что-вы-говорите-может-быть-верно-а-мы-ошибаемся, а что есть возможно-мы-все-двенадцать-человек-ошибаемся-но-я-в-этом-сомневаюсь; что есть достаточная мера и мера, не отвечающая нуждам; что есть мера-являющаяся-средним-из-нескольких-незаявленных-и-неизвестных-сумм и что есть наиболее-подходящая-для-нее-мера-на-которой-могут-сойтись-двенадцать-человек-если-вы-вообще-хотите-что-нибудь-получить.

Присяжные приходят к единому мнению относительно того, что в действительности произошло. Они определяют «факты» [5], т. е. между альтернативными заявлениями о скорости езды или меры ущерба присяжные выбирают то утверждение, которое было бы, вероятно, правильно использовать как основание для дальнейших выводов и действий. При этом они проверяют логичность альтернативных заявлений с помощью моделей здравого смысла [6]. Модели здравого смысла — это модели, которые используют присяжные, чтобы, к примеру, представить, каким образом в данной культуре водит машину некий известный контингент лиц, с какой обычно скоростью, по каким обычно перекресткам и по каким обычно мотивам. Проверка показывает, что то, что логично, вероятно, правильно рассматривать как то, что действительно произошло. Если интерпретация сделана на основе здравого смысла, значит, она соответствует действительности [7].

Разделение заявлений на те, которые могут, и те, которые не могут служить основанием для вывода, создает совокупность признанных фактов и признанных схем отношений между этими фактами. Это разграничение создает «массив знаний» [8], который частично предстает в виде хронологической истории, а частично — в виде совокупности общих эмпирических отношений [9]. В любое данное время этот «массив» рассматривается присяжными как «дело». Под «делом» подразумевается логическая форма «действительного» в противовес логическим формам «предполагаемого», «возможного», «нереального», «гипотетического» и т. п.

Решение рассматривать, скажем, заявленные скорость, направление движение и т. д. как элементы «дела», является, с точки зрения присяжных, определяющим. Решения относительно того, что «в действительности произошло», дают присяжным основания для того, чтобы рассчитывать на социальную поддержку вынесенного ими вердикта. «Массив знаний» позволяет им сделать вывод о правомерности ожидания социальной поддержки при выборе вердикта.

Правила принятия решений присяжных

Методология присяжных состоит из правил, диктующих выбор описаний, которые следует рассматривать как «дело». Из нескольких групп переменных, определявших то, что следует включить в «дело», нас будет интересовать только одна группа: особенности реального и потенциального социального структурирования судебного заседания

и деятельности вне суда, которые рассматривались присяжными как универсалии, обязательные с этической и моральной позиций, т. е. нормы взаимодействия как в суде, так и вне суда [10].

Приведем отдельные из норм, которые можно назвать правилами, определяющими, что присяжным следует рассматривать как «дело». Соблюдение этих норм определяло удовлетворение или неудовлетворение присяжных вынесенным вердиктом.

Решения [11] в отношении фактов верны в следующих случаях:

1. Они принимаются с учетом времени, требуемого для того, чтобы к ним прийти.
2. Они не требуют от присяжного в качестве условия их принятия допущения о том, что адекватная доля сомнения диктует необходимость действовать так, будто он ничего не знает, т. е. верны те решения, которые не требуют от присяжного неиспользования того, О Чем Любому Сведущему Члену Общества Известно, Что Это Знает Каждый.
3. Они не требуют от присяжного в качестве условия их принятия, чтобы он занял нейтральную позицию касательно отношений между присяжными за пределами суда.
4. Они не требуют, чтобы присяжный подвергал сомнению то, Что Знает Каждый о том, как обычно распределяются полномочия, власть, ответственность и знания между различными социальными типами людей и как они ими выказываются.
5. Количество переменных, определяющих проблему (и посредством этого — адекватность решения), может быть сведено к минимуму, если исходить из того, что члены суда присяжных разделяют общие модели здравого смысла.
6. Сведены к минимуму возможность и необходимость угадывать скрытый смысл событий.
7. Ситуация рассматривается лишь в объеме, необходимом для нахождения социально одобряемого решения непосредственной проблемы.
8. Репутация присяжных к моменту окончания разбирательства остается незапятнанной.

В ходе своей деятельности в суде присяжного в той или иной форме «просят» скорректировать правила принятия решений, которые он использует в повседневных делах. Присяжные усваивают дополнительные, культурально определенные процедуры социальной жизни, которые мы будем называть «официальной линией присяжных».

Далее следует перечень правил, составляющих официальное направление, правил, которые присяжные считают необходимым использовать.

1. Между тем, что законно и тем, что справедливо, хороший присяжный выбирает то, что законно.
2. Выбор хорошего присяжного не зависит от симпатии.
3. Для хорошего присяжного «закон» и «доказательства» — единственные правомерные основания для принятия решений.
4. Хороший присяжный не выходит за рамки данных судьей инструкций.
5. Хороший присяжный воздерживается от вынесения суждения, пока не завершены все важные процедуры судебного разбирательства. Сюда входят нарочитое невнимание к заключительным выступлениям адвоката и прокурора и неведение учетных записей во время слушания дела.
6. Хороший присяжный временно отстраняется от личных предпочтений, интересов и социальных предрассудков, т. е. от своей субъективной точки зрения в пользу позиции, равнозначной позициям, обнаруживаемым во всей социальной структуре. Его точка зрения равнозначна точке зрения Любого Человека [12].
7. Как социальный тип хороший присяжный анонимен по отношению к социальным типам спорящих сторон и их законных представителей. Его позиция им неизвестна. То, что он решит, нельзя узнать по каким-либо социальным признакам, выказываемым в ходе разбирательства посредством своего внешнего вида, манеры, вопросов, личных данных и т. д.
8. Хороший присяжный воздерживается от применения формул, которые он обычно использует, решая свои собственные повседневные проблемы. Формулы, специфичные в отношении его повседневной жизни вне суда, воспринимаются хорошим присяжным лишь как формулы, теоретически применимые к ситуации, рассматриваемой в суде. Хороший присяжный считает верными лишь те формулы, которые применимы вне зависимости от конкретной биографии, специальных знаний, конкретного времени, места и лиц.

9. Хороший присяжный независим в своих суждениях, но не исключает возможности того, что другие лица могут и имеют право придерживаться противоположного мнения.
10. Хороший присяжный воздерживается от выражения позиции, связанной с непоколебимой убежденностью в чем-либо. Хороший присяжный не будет настаивать на своей точке зрения «из самолюбия», а не «руководствуясь доводами сторон и стремлением к истине».

То, что мы перечислили, — это правила, *о которых говорили присяжные*. Они описывают не только качества хорошего присяжного, но и то, что реальные присяжные стали называть и воспринимать как их отношения с судом. В общем и целом реальные присяжные не хотели, чтобы эти отношения были меньше того, что своим обращением с присяжными подразумевал судья.

Присяжные узнавали правила официальной деятельности из разнообразных источников: учебников, предназначенных для присяжных; инструкций, получаемых в суде; процедур *voir dire* (допроса в суде), когда суд предлагал присяжным дисквалифицироваться, если они приводили доводы, почему они не могут выступать в роли присяжных. Присяжные узнавали эти правила от работников суда; друг от друга, из телепрограмм и кинофильмов. Несколько присяжных получили краткие наставления от своих детей, изучавших в вузах гражданское право. Наконец следует отметить тот факт, что в ходе выполнения повседневных дел еще до начала деятельности в суде у присяжных накапливалась информацию о соответствующих процедурах, которые, с их точки зрения, были лишь теоретическими, отвлеченными, игровыми, притворными, «высококлассными», «низкопробными» и т. д.

Принятие решений в стиле присяжных

По мере того как человек «становился присяжным», происходила модификация правил повседневной жизни. Однако у нас сложилось впечатление, что у того, кто претерпел значительное изменение, манера принятия решений изменялась не более чем на 5%. Человек на 95% присяжный еще до того, как он сталкивается с судебной системой. В чем же состояло происходившее изменение и как это изменение характеризует человека, выступающего в роли присяжного?

Решения присяжного, разграничивающие факты и иллюзии, мало чем отличаются от решений, которые он принимает, справляясь с рутинными делами. Тем не менее определенное отличие все же существует. Это отличие связано с созданием «массива», служащего основанием для вывода о правильности вынесенного вердикта.

Решения, принимаемые в повседневной жизни и отделяющие факты от иллюзий, не ограничены исключительным стремлением дать определение ситуации ради самого определения[1]. В комнате же для присяжных присяжные обязаны определить лишь, какова рассматриваемая ситуация в действительности, т. е. кто, кому и какие страдания причинил. Предназначение дискуссии присяжных именно в прояснении оснований выбора вердикта как таковом. Присяжным, конечно, известно, что это прояснение является одним из этапов в манипулировании ситуациями спорящих сторон, однако они закрывают глаза на его отношение к выбору вердикта. Иными словами, присяжный рассматривает ситуацию как объект, представляющий исключительно теоретический интерес.

В противоположность шаблонам повседневной жизни, которые достаточно хорошо известны, чтобы служить надежным основанием для обыденных социальных суждений, присяжный начинает понимать значение «исключительно теоретического» характера социальных структур, которые от них отличаются. Модификация этих правил состоит в том, что присяжный может рассматривать их в хейзинговском смысле «духа игры»[2], т. е. как то, за чем присяжный готов «просто следовать, чтобы увидеть, куда это приведет». Государственная служба в качестве присяжного заставляет с почтением относиться к церемонности судьи, когда он, к примеру, во время *voire dire* спрашивает присяжных, могут ли они привести какие-либо причины, по которым они не смогут вынести абсолютно справедливый и законный приговор. Судья и другие служащие суда побуждают присяжного воспринимать себя как человека, способного действовать в соответствии с «официальной линией». Присяжные обычно с готовностью воспринимают это

[1] Schutz, «On Multiple Realities», p. 272. [Шюц А. О множественности реальностей // Социологическое обозрение. Т. 3. № 2. 2003. С. 18.]

[2] Johan Huizinga, «Homo Ludens, A Study of the Play Element in Culture» (New York: Roy Publishers, 1950), особенно глава 1. [Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 352 с.]

предложение. В конечном счете присяжного побуждают реструктурировать свои обыденные представления о «фундаментальных» и «производных» событиях. Однако, откликнувшись на побуждение рассматривать ситуации спорящих сторон как дело, представляющее исключительно теоретический интерес, присяжный неожиданно оказывается в замешательстве. Он начинает понимать, что то, что он призван рассматривать описанным выше образом, спорящими сторонами рассматривается с предельной серьезностью. Действия, которые с позиции заданных обществом шаблонов повседневной жизни кажутся простыми и очевидными в своем значении и последствиях, усилиями спорящих адвокатов становятся довольно противоречивыми. Спорящие стороны настойчиво дают явно противоречащие друг другу трактовки рассматриваемых событий. Любопытно, что в этих условиях из трех вариантов — что говорящий ошибается, что говорящий лжет и что его слова можно принять на веру, присяжные обычно выбирают последнее.

Очевидно, от присяжного требуется изменить привычные правила социальных суждений. Состоит ли тогда изменение правил принятия решений, пригодных для повседневной жизни, в том, что присяжные заменяют их правилами, составляющими официальную линию поведения присяжных? Думаем, нет. Стать присяжным не означает стать рассудительным. По-видимому, это означает скорее следующее.

1. Правила официального направления учитываются наряду и одновременно с правилами повседневной жизни, т. е. условия правильного выбора определены нечетко. Нередко присяжные сетовали на то, что ситуации, которую они пытаются сделать внятной с правовой точки зрения, недостает ясности, хотя они *уже* вынесли вердикт.
2. Ретроспективно описывая свое совещание, присяжные обычно выделяли свидетельства нормативной интеграции и избегали свидетельств аномии.
3. Такие избирательные повторные рассмотрения с целью «разрешения» неопределенностей ситуаций «выбора» проходили в обстановке напряжения и были полны разночтений. Однако эти разночтения оставались личным делом присяжных. На публике присяжные либо указывали на соответствие принятых решений официальному направлению, либо воздерживались от каких-либо комментариев.

4. Если в процессе совещания присяжные незначительно отступали от официального направления, то тут же возвращались к формулам повседневной жизни, а когда в дальнейшем интервьюеры обращали их внимание даже на самые незначительные отступления, реакцией присяжных была досада. Если мы будем исходить из того, что структурные условия чувства досады в целом те же, что структурные условия чувства стыда [13], непростое расхождение между публичными и личными представлениями о себе (Я-концепциями) приведет к предположению, что, становясь присяжным, человек подвергает себя риску дискредитации, если не реальной дискредитации как таковой.
5. В интервью присяжные путем создания мифа скрывали истинную меру неопределенности ситуации. Так, а) как было установлено интервьюерами с привлечением других источников, вне зависимости от того, какие процедуры реально использовались, присяжные отождествляли их с процедурами, регламентируемыми официальным направлением; б) рассуждая абстрактно о том, как присяжные приходят к своим решениям, присяжные рассказывали о том, как принимается *правильное* решение; в) рассуждая об идеальном случае, присяжные говорили так, будто они знают правила принятия решений до того, как приступают к совещанию; присяжные не упоминали и не давали себе труда обсуждать тот факт, что именно в ходе совещания они узнают, как принимаются решения; г) мы заметили, что в рассказах о том, как принимаются решения, подчеркивались интегративные свойства дискуссии и игнорировались аномичные свойства; д) присяжные весьма неохотно говорили о том, что они узнают, что от них ожидается в ходе самого совещания либо в дальнейшем, ретроспективно. В их рассказах, напротив, подчеркивалось, что с они с самого начала знают, что от них ожидается, и используют эти знания.
6. Если в ходе интервью внимание присяжных обращалось на расхождение между созданной ими абстрактной картиной и «реальной практикой» [14], они начинали нервничать. Присяжные пытались получить от интервьюера заверение в том, что, по мнению судьи, вердикт, несмотря ни на что, был правильным. Следует также отметить, что подобные отзывы вели к быстрому прекращению контакта с интервьюером.

Принятие решений в ситуациях выбора на основе здравого смысла

В исследованиях процесса принятия решений обычно подчеркивается, что людям заранее известны условия, в которых они будут выбирать одну из совокупности альтернативных последовательностей действий и что, осуществляя действие, они по мере появления новой информации корректируют свои прежние решения.

Мы полагаем, что в ситуациях выбора на основе здравого смысла, ситуациях, свойства которых в целом принимаются как нечто само собой разумеющееся, т. е. в повседневных ситуациях, все в действительности происходит не так. Следует учитывать иную позицию, выступающую в качестве альтернативы представлению о том, что решения принимаются на основании требований ситуации. Она указывает на вероятность того, что человек ретроспективно определяет принятые решения. *Результат предшествует решению.*

В представленном здесь материале присяжные в действительности не имели понятия об условиях, определяющих правильное решение, пока решение не было принято. Они лишь ретроспективно могли определить, каковы были действия, которые сделали их решения правильными. Получив результат, они обращались к предшествующим событиям, чтобы найти его объяснение, то, что привело к этому результату, и придать своим решениям некоторую упорядоченность, по сути, «официальность».

Если сказанное выше верно, принятие решений в повседневной жизни должно иметь в качестве существенной особенности *задачу обоснования своих действий человеком, принимающим решение.* Правила принятия решений в повседневной жизни, т. е. правила принятия решений в более или менее социально рутинизированных и регламентируемых ситуациях, имеют большее отношение к проблеме наделения результатов законной историей, чем к вопросу определения еще до реальной ситуации выбора тех условий, при которых будет выбрана одна из совокупности возможных последовательностей действий.

В связи с этим правомерно будет сделать несколько кратких замечаний.

1. Процедура принятия решений до реальной ситуации выбора условий, при которых будет выбрана одна из совокупности возможных последовательных действий, — это дефиниция рациональной стратегии[1]. Следует отметить, что данное рациональной свойство процесса принятия решений в повседневной жизни совершенно отсутствует[2].
2. Изучающие процесс принятия решений, возможно, найдут полезным вернуться к законам Кассирера[3], описывающим способы последовательного прояснения человеческих ситуаций. Сформулированный Кассирером «закон непрерывности» гласит, что всякий результат — это осуществление предшествующего определения ситуации. Его «закон нового подчеркивания» утверждает, что любой результат развивает предшествующее определение ситуации. Эти «законы» напоминают нам, что люди *в ходе осуществления последовательности действий* раскрывают сущность ситуаций, в которых они действуют, и что собственные действия субъектов являются первоочередными детерминантами смысла ситуации, в которой они, говоря буквально, *обнаруживают* себя.
3. В заключение мы выдвигаем предположение: вместо того чтобы воспринимать присяжного как непрофессиональную копию судьи, его следует рассматривать как обычного человека, который при изменении в структуре и операциях комиссии присяжных способен изменить основания своих решений, оставшись непоколебимым в ожидании поддержки своим действиям.

---

[1] John Von Neumann & Oskar Morgenstern, *Theory of Games and Economic Behavior* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1947).

[2] Ср.: Alfred Schutz, «The Problem of Rationality in the Social World», *Economica*, 10 (May, 1943), p. 130–149.

[3] Robert S. Hartman, «Cassirer's Philosophy of Symbolic Forms», in *The Philosophy of Ernst Cassirer*, ed. Paul Arthur Schilpp (Evanston, Ill.: The Library of Living Philosophers, Inc., 1949, p. 297 ff.

ГЛАВА 5

Переход и управляемое достижение полового статуса индивидом с «межполовой» принадлежностью. Часть 1[1]

Любое общество осуществляет строгий контроль над переходом своих членов из одного статуса в другой. Что касается полового статуса, этот контроль осуществляется особенно строго. Изменения допускаются только в жестко регламентированных случаях, причем в дальнейшем они обычно рассматриваются как «временные» и «игровые» вариации того, чем человек «в конечном счете» является «на самом деле». Таким путем общество осуществляет строгий контроль над своей половой структурой и ее изменением.

С точки зрения тех, кто считает, что имеет «нормальный пол», их социальная среда имеет нормальную половую структуру. Эта структура четко разграничивается на две составляющие — «естественные», т. е. *нравственные*, данности: мужской и женский пол. Эта дихотомия предусматривает разделение на тех, кто «естественно», «исходно», «прежде всего», «исконно», «с самого начала» и «навсегда» принадлежит к одной части, и на тех, кто принадлежит к другой. Изменение в частоте этих нравственных данностей может происходить лишь тремя путями: вследствие рождения, смерти и миграции. За исключением юридического изменения в свидетельстве о рождении нет никакого законного пути от статуса представителя мужского к статусу представительницы женского пола либо наоборот. Даже это юридически правомерное изменение вызывает серьезные сомнения у членов общества, которые воспринимают свою «настоящую» половую принадлежность как нечто само собой разумеющееся.

Нормативную, т. е. легитимную половую структуру населения с точки зрения членов общества, относящих себя к числу лиц с «нормальным полом», можно описать с помощью следующей таблицы вероятностей перехода из одного полового статуса в другой.

		В момент 2: Мужской пол	В момент 2: Женский пол
В момент 1	Мужской пол	1,0	0,0
	Женский пол	0,0	1,0

Данное исследование посвящено одному из ряда случаев, соответствующих нормативно запрещенным левой нижней и правой верхней ячейкам. Этих людей изучают на факультетах психиатрии, урологии и эндокринологии в Медицинском центре университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. Они имеют серьезные анатомические нарушения. Во всех случаях смена пола происходила на поздних стадиях развития и осуществлялась на основе более или менее четко выраженного личного выбора. Серьезные анатомические аномалии — например, в случае, который будет представлен здесь, речь идет о 19-летней девушке, воспитывавшейся как мальчик, имевшей наряду с вполне «женскими параметрами» 95–63–95 развитый пенис и мошонку — контрастировали с внешностью, которая во всех остальных отношениях соответствовала половым стандартам нашей культуры. Смене пола у каждого из этих людей сопутствовало полное согласие с принятой в культуре концепцией дихотомизированной половой структуры, в которую они настойчиво себя включали. Подобная настойчивость не сопровождалась какими-либо дефектами личности, интересными с клинической точки зрения. Эти люди во многом отличаются от трансвеститов, транссексуалов и гомосексуалистов.

Во всех случаях обследуемые добивались права жить с выбранной ими половой принадлежностью, осознавая при этом, что разоблачение повлечет за собой определенный ущерб в форме снижения статуса, психической травмы и материальных потерь. Каждый из обследуемых упорно добивался того, чтобы к нему относились и он относился

[1] В сотрудничестве с Робертом Столлером (доктор медицины, Институт нейропсихиатрии, Университет Калифорнии, Лос-Анджелес) (Robert J. Stoller, M.D., The Neuropsychiatric Institute, University of California, Los Angeles). Приложение к этой главе — на с. 309.

к другим в соответствии с обязательными прерогативами выбранного пола. Обследуемым были свойственны удивительная осведомленность и интуитивное понимание организации и действия социальных структур, которые для тех, кто воспринимает свой пол как нечто само собой разумеющееся, являются привычным «видимым, но не замечаемым» фоном их повседневной жизни. Они также обладали незаурядными навыками общения. Эти их знания и навыки общения носили главным образом инструментальный характер, хотя отнюдь не только.

Работу по достижению и закреплению за собой права иметь выбранный пол с учетом возможности разоблачения и личного ущерба в рамках социально структурированных условий, в которых осуществлялась эта работа, я буду называть «переходом».

В жизни этих людей работа по половому переходу и социально структурированные случаи полового перехода проходили на фоне их упорных, но не всегда успешных попыток выработать шаблонное поведение в повседневной деятельности. Эти трудности указывают на абсолютную значимость половой принадлежности в повседневной жизни как инвариантного, но незаметного фона в структуре значимых переменных, составляющих реальный ход событий повседневной жизни. Опыт людей со смешанным полом позволяет по достоинству оценить важность этих фоновых переменных, которые иначе трудно было бы заметить и понять в силу их рутинности, жесткой встроенности в фон значимых переменных, которые просто «есть» и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся.

В этой работе я ограничусь рассмотрением одного клинического случая. Я бы хотел рассказать о том, что конкретно этой женщине приходилось скрывать, о структурной значимости ее тайны, о социально структурированных ситуациях кризиса, о стратегиях совладания с трудностями и оправданиях, которые она использовала, а также о значении всего этого в практическом подходе к данной проблеме как к социологическому феномену.

Агнес

Агнес обратилась на факультет психиатрии университета Калифорнии, Лос-Анджелес (УКЛА) в октябре 1958 г. Она пришла к доктору Роберту Столлеру по направлению от частного врача из Лос-Анджелеса, к которому ее, в свою очередь, направил врач из ее родного города, Нортвестерн-сити. Агнес было 19 лет, она была белой, незамужней, материально независимой. На тот момент она работала машинисткой в местной страховой компании. Ее отец, работавший механиком, умер, когда она была еще ребенком. Ее мать содержала семью (где Агнес была младшей из четырех детей), работая специалистом средней квалификации на авиационном заводе. Агнес сообщила, что воспитывалась в католической вере, но уже три года не причащалась. Она заявила, что больше не верит в Бога.

Внешне Агнес была настоящей женщиной. Она была высокой, стройной, обладала женскими формами. Ее параметры были 95–63–95. У нее были длинные русые волосы, приятное юное лицо с нежной кожей и без какого-либо пушка, изящно выщипанные брови, никакого макияжа, кроме губной помады. Во время своего первого визита она была одета в облегающий свитер, который подчеркивал ее узкие плечи, выпуклую грудь и тонкую талию. Ступни и кисти рук хотя и были несколько больше, чем они обычно у женщин, все же никоим образом не выделялись в этом отношении. Ее манера одеваться никак не отличала ее от обычной девушки ее возраста и социального положения. В ее наряде не было ничего броского и нарочитого, как не было и никакого намека на безвкусие или неловкость в ношении одежды, типичную для трансвеститов и женщин с нарушением половой идентификации. У нее был мягкий голос альтового тембра, в котором иногда проскальзывали хриплые нотки, похожие на те, что можно услышать в голосе женоподобных мужчин-гомосексуалистов. Ее манеры были вполне женственны, хотя и с некоторой неуклюжестью, типичной для среднеподросткового возраста.

Подробное описание ее медицинских, физических и эндокринологических особенностей было представлено в другой работе[1]. Обобщая ее медицинские, физические и эндокринологические характеристики, можно сказать, что до хирургического вмешательства она имела фигуру и оволосение по женскому типу. У нее была крупные, развитые молочные железы и вместе с тем нормальные внешние гениталии мужчины. В ходе проведенных за два года до обращения в УКЛА абдоминальной лапаротомии, исследований тазовых органов и надпочечников не было обнаружено ни матки, ни яичников, ни каких-либо

[1] A. D. Schwabe, David H. Solomon, Robert J. Stoller, & John P. Burnham, «Pubertal Feminization in a Genetic Male with Testicular Atrophy and Normal Urinary Gonadotropin», *Journal of Clinical Endocrinology and Metabolism*, 22, No. 8 (August, 1962), 839–845.

9-2588

остаточных признаков женской системы органов, никаких аномальных тканевых образований в брюшной полости, в забрюшинной или тазовой области. Двухсторонняя тестикулярная биопсия показала некоторую атрофию яичек. Результаты большого количества лабораторных анализов крови и мочи, а также рентгенологического исследования груди и черепа находились в границах нормы. Мазок со слизистой оболочки щеки и биопсия кожи обнаружили отрицательный (мужской) хроматин. Мазок из уретры также показал некоторое ороговение клеток, что свидетельствует об умеренно высокой эстрогенной (женской гормональной) активности.

Агнес родилась мальчиком с внешне нормальными мужскими гениталиями. В ее свидетельстве о рождении был указан мужской пол, и ей дали соответствующее имя. Вплоть до семнадцатилетнего возраста все считали ее мальчиком. В биографии, поведанной в ходе многочасовых бесед, мужская роль неизменно и настойчиво преподносилась как трудная, не поддающаяся исполнению. В своих рассказах Агнес всячески подчеркивала признаки своей естественной женственности и избегала свидетельств мужественности. Вторичные женские половые признаки развились в пубертатный период. По ее словам, средние классы еще можно было вынести, но три последних года обучения в школе дались с огромным трудом. В семнадцать лет, по окончании предпоследнего класса, она отказалась возвращаться в школу для завершения обучения. Это было в июне 1956 г. После тщательного планирования, репетиций, сидения на диете, «чтобы стать симпатичной», и других приготовлений подобного рода в августе 1956 г. она уехала из родного города, чтобы побыть месяц у бабушки в Мидвест-сити. По прошествии месяца, следуя собственному плану, она покинула бабушкин дом, никому не сообщив, где ее можно будет найти. В гостинице она переоделась в женский наряд, надеясь найти работу в том же городе. По разным причинам ей не удалось осуществить этот план и, позвонив предварительно матери, она вернулась домой. Осенью 1956 г. она вошла в больницу своего родного города, чтобы подвергнуться обследованию и пробной лапаротомии, которая была осуществлена под контролем ее личного врача. В течение осени 1956 г. и по окончании госпитализации она продолжила обучение с помощью репетитора, который был приглашен по договоренности ее матери с системой муниципальных школ. В декабре 1956 г. занятия с репетитором закончились, и Агнес устроилась машинисткой на небольшое промышленное предприятие на окраине города. Она проработала там вплоть до августа 1957 г., когда в компании с подругами переехала в Лос-Анджелес. Вместе с подругой она сняла жилье в Лонг-Бич и устроилась на работу в небольшую страховую компанию в деловом центре Лос-Анджелеса. В декабре 1957 они переехали в центр Лос-Анджелеса, «поближе к работе». В феврале 1958 г. она познакомилась с Биллом и в апреле 1958-го, чтобы быть ближе к нему, переехала в Сан-Фернандо-Веллей. В марте 1958-го она бросает свою работу и на момент переезда в Веллей уже не работает. После череды конфликтов со своим другом в апреле 1958 г. она возвращается в родной город, чтобы встретиться со своим прежним врачом и получить от него справку, которая бы «разъяснила» состояние Агнес ее другу. Врач намеренно использовал в этой справке общие фразы, чтобы скрыть реальный характер проблемы. Друг Агнес лишь на время удовлетворился этим объяснением. Его все более настойчивое требование интимных отношений, а также планы по вступлению в брак, которые Агнес отвергала, привели к череде все более серьезных размолвок. В июне 1958 г. Агнес рассказала другу правду о своем состоянии, и их отношения стали развиваться на этой основе. В ноябре 1958 г. Агнес впервые появилась в УКЛА. Регулярные еженедельные беседы проводились до августа 1959 г. В марте 1959 г. в УКЛА была проведена хирургическая операция, в ходе которой с пениса и мошонки сняли кожу, ампутировали пенис и яички, кожу с ампутированного пениса использовали для влагалища, а кожу с мошонки — для половых губ.

На протяжении этого периода Агнес регулярно посещала доктора Роберта Столлера, психиатра и психоаналитика, доктора Александра Розена, психолога, и меня. Около тридцати пяти часов наших с нею бесед были зафиксированы на магнитофонной пленке. Мои примечания в данной статье основаны на транскрипциях этих материалов, а также на материалах, собранных Столлером и Розеном, с которыми эта работа осуществлялась совместно.

Агнес — нормальная женщина

Агнес постоянно испытывала озабоченность по поводу своей полноценности как женщины. Характер ее опасений, а также их несуразность с точки зрения «здравого смысла» позволяют нам по крайней мере предварительно описать некоторые непривычные особенности, которые люди с легитимным полом демонстрируют как *объективные* черты с точки зрения лиц, способных воспринимать свой собственный

нормальный половой статус как нечто само собой разумеющееся. Для таких членов общества воспринимаемая социальная среда состоит из естественных мужчин, естественных женщин и лиц, нравственно им противоположных, т. е. неполноценных, преступных, больных, греховных. *Агнес была едина с «нормальными людьми» в своем согласии с этим определением реального мира лиц, имеющих пол, и, как и они, относилась к нему как к вопросу объективной, институционализированной данности*, т. е. нравственной данности.

Агнес твердо настаивала на том, что она нормальная женщина и что к ней следует относиться как к нормальной женщине. Далее следует примерный список свойств «лиц с нормальным полом» как культурных объектов. Изучая эти свойства, являющиеся по сути антропологическим изложением представлений членов общества, к началу следует добавлять неизменную оговорку: «С точки зрения взрослого члена нашего общества...» Примерами служат первые два свойства.

1. С точки зрения взрослого члена нашего общества, воспринимаемое окружение «лиц с нормальным полом» состоит из представителей двух и только двух полов — «мужского» и «женского».

2. С точки зрения взрослого члена нашего общества, популяция нормальных людей — это нравственно дихотомизированная популяция. Вопрос ее существования решается как вопрос мотивированного согласия с такой структурой общества как с легитимным порядком. Он не решается как вопрос биологического, медицинского, урологического, социологического, психиатрического или психологического свойства. Вопрос ее существования решается путем учета вероятности обеспечения реального соблюдения этого законного порядка, а также условий, определяющих эту вероятность.

3. Взрослый член общества включает себя в эту среду и причисляет себя к той или другой ее части не только в качестве условия самоуважения, но и в качестве условия, посредством которого реализуется его право на жизнь без чрезмерного риска и вмешательства со стороны других людей.

4. Представители нормальной популяции — для него настоящие представители этой популяции — являются в сущности, исходно, в первую очередь, всегда в прошлом, настоящем и будущем, раз и навсегда, в конечном счете либо «мужского», либо «женского» пола.

5. «Нормальные люди» при определении функции рассматривают одни признаки как существенные [1], а другие качества, действия, отношения и тому подобное — как преходящие, временные, случайные,

ситуационные и т. д. Для «нормальных членов общества» пенис у мужчин и влагалище у женщин — существенные признаки. Тем, кто обладает пенисами и влагалищами, приписываются соответствующие чувства, действия, обязанности перед обществом и т. п. (Однако обладание пенисом или влагалищем как биологическое событие следует отличать от обладания пенисом или влагалищем либо тем и другим как культуральным событием. Более подробно разница между биологическими и культуральными пенисом и влагалищем как социально используемыми признаками «естественной половой принадлежности» будет рассмотрена далее.)

6. Признание «нормальными членами общества» новых членов общества представителями мужского или женского пола происходит даже не в момент их появления, т. е. рождения, а раньше. Оно также распространяется на все предшествующие и последующие поколения. Это признание не изменяется со смертью данного члена общества [2].

7. Для «нормальных членов общества» наличие в их среде объектов, имеющих пол, является «естественным явлением». Эта естественность несет с собой в качестве одной из составляющих своего значения понятие правильности, т. е. нравственного надлежания данного положения дел. Поскольку это естественное явление, для членов нашего общества существуют только *естественные* мужчины и *естественные* женщины. С их точки зрения, правильное общество состоит только из тех, кто имеет либо одну, либо другую половую принадлежность. Поэтому «настоящий» член общества — в рамках того, что он принимает, и того, принятия чего он ожидает от других как надлежащих представлений о «естественном» в отношении распределения в обществе лиц, имеющих пол, — находит странными заявления таких наук, как зоология, биология и психиатрия. Эти науки утверждают, что решения, касающиеся половой принадлежности, могут быть проблематичны. «Нормальный член общества» находит странным и сомнительным «научное» сочетание у человека *и* мужских *и* женских признаков, процедуру для определения пола, при которой складываются перечни мужских и женских признаков и в качестве критерия пола берется избыток, практику использования первых трех лет обучения для определения пола или согласие с возможностью существования в обществе мужчин с влагалищами и женщин с пенисами.

Эта характеристика на основе «здравого смысла» ни в коей мере не ограничивается лишь мнением непрофессионалов. Например, ведущий специалист крупного факультета психиатрии этой страны так

отреагировал на рассказ об описываемом случае: «Не понимаю, почему стоит уделять столько внимания таким случаям. Она, в конце концов, — очень редкое явление. Эти люди, по сути, ошибка природы». Вряд ли мы могли бы сформулировать точку зрения, более соответствующую «здравому смыслу». Мера приверженности членов общества нравственному порядку полового разделения, вероятно, состоит в недоверии к характеристике, отличающейся от «естественных фактов жизни». Как мы увидим в дальнейшем, Агнес, хотя и ненамеренно, во многом позволила нам понять институциональную мотивированность этого недоверия.

Я уже неоднократно подчеркивал, что для настоящего члена общества «нормальное» означает «в соответствии с нравами». Следовательно, половая принадлежность как естественное явление означает половую принадлежность как естественное и *нравственное* явление. Поэтому готовность члена общества относиться к нормальной половой принадлежности как к объекту теоретического интереса для определения реальной сущности людей, имеющих пол, требует абстрагирования от институционально упорядоченных жизненных условий. Однако мы обнаруживаем, что «нормальный член общества» *не* относится к половой принадлежности, своей собственной или чужой, как к чему-то, представляющему лишь теоретический интерес, хотя это в принципе ограничивает наш исследовательский интерес к феномену «нормальной половой принадлежности», что характерно и для других наук. «Нормальный член общества» также относится к полу лиц, окружающих его в повседневной жизни, как к качеству, «определяемому *природой*». Это качество, как только оно было определено «природой», сохраняется на всю оставшуюся жизнь независимо от времени, ситуации или практической выгоды. Принадлежность человека к мужскому или женскому полу в действительности и в глазах «нормальных членов общества» сохраняет свою инвариантность на протяжении всей его предшествующей и будущей жизни, а также за ее пределами. Его половая принадлежность остается неизменной на протяжении любого реального и потенциального отрезка жизни. Говоря словами Парсонса, она «неизменна перед лицом любых обстоятельств».

8. С точки зрения «нормального члена общества», если исследовать популяцию лиц, имеющих пол, в один момент сосчитав число представителей мужского и женского пола, а в следующий раз, исследовав ту же популяцию вновь, не будет обнаружено никаких переходов из

одного пола в другой, за исключением официально санкционированных переходов.

Наше общество запрещает своевольные или беспорядочные смены перемещения из одного пола в другой. Оно требует, чтобы подобные переходы осуществлялись в соответствии с известными правилами, подобными тем, которые действуют в отношении маскарадов, театральных представлений, вечеринок, светских мероприятий, шпионажа и т. п. И для тех, кто их осуществляет, и для тех, кто их наблюдает, такие изменения ограничиваются факторами времени, ситуации и жизненных обстоятельств. От совершившего изменение ожидается, что «по окончании представления он прекратит играть». По пути домой с вечеринки человеку могут напомнить, что вечеринка «уже закончилась» и что в своем поведении ему следует вернуться к себе такому, какой он есть «на самом деле». Подобные предупреждения как «первая линия социального контроля» представляют собой типичные санкции, посредством которых человеку предлагают действовать в соответствии с ожидаемыми установками, внешними проявлениями, профессией, манерой одеваться, образом жизни и т. п., предписанными основными институтами. В нашем обществе они состоят главным образом из профессиональных и родственных договоренностей с их подразумеваемой обязательностью. Их значение таково: они заставляют человека соблюдать их вне зависимости от его желаний, т. е. «нравится ему это или нет». С точки зрения нормального члена общества, изменение соотношения полов в населении возможно только через рождение, смерть и миграцию.

Агнес отлично осознавала, что пошла альтернативным путем, что этим путем идут крайне редко и что смена пола строго наказуема. Как и Агнес, нормальный член общества знает, что есть люди, изменяющие пол, однако, как и она, он считает таких людей ненормальными, странными. Обычно ему трудно «понять» изменение как таковое, поэтому он ратует за наказание либо за лечение. Агнес придерживалась той же точки зрения [3], хотя ее пол был для нее делом личного выбора между двумя возможными альтернативами. Кроме того, перед Агнес стояла тягостная необходимость обосновать свой выбор. Выбор состоял в том, чтобы предпочесть жить как «человек с нормальным полом», кем она, собственно, всегда и являлась.

Агнес согласилась с данным описанием реального мира, хотя и признавала, что в этом мире есть люди (к которым она себя причисляла), сменившие пол. Агнес противопоставляла свои прежние годы

тому, что она убежденно расценивала как нормальную половую принадлежность. Стремясь изменить свое свидетельство о рождении, Агнес рассматривала это изменение как исправление ошибки, совершенной людьми, не ведавшими об «истинных фактах».

Агнес была убеждена, что на свете не слишком много людей, которым она могла бы рассказать о своем поступке и которые бы «действительно поняли». Поэтому для нее обычно важное взаимопонимание с другими людьми имело в себе нечто мучительное, особенно когда речь шла о дихотомии полов, а именно: Агнес не могла поверить, что ее обстоятельства, как они представлялись ей, были бы восприняты более или менее сходным образом ее собеседником, если бы он оказался на ее месте. Мы можем назвать этот феномен проблематичным «общим пониманием» касательно половой принадлежности между лицами, имеющими пол, относящимися к полу друг друга как к тому, что известно им обоим, и к тому, что воспринимается ими как нечто само собой разумеющееся.

9. В культуральной среде лиц с «нормальным полом» мужчины имеют пенисы, а женщины — влагалища. С точки зрения «нормального члена общества», даже когда мужчина является обладателем влагалища или женщина — обладательницей пениса, его или ее, как бы это ни было трудно, все же можно причислить к одному или другому лагерю. Агнес разделяла эту точку зрения как естественное явление жизни, хотя то же самое общество включало в себя по меньшей мере одну женщину с пенисом, ее саму, а после операции — женщину с искусственным влагалищем. Общество включало в себя и других таких людей, о которых Агнес знала из печатных изданий и бесед с врачами в своем родном городе и в Лос-Анджелесе. По ее словам, ни с кем из этих людей она не была знакома лично.

10. То, что Агнес могла настаивать на своей принадлежности к естественной популяции лиц, имеющих пол, несмотря на то что до операции она была женщиной с пенисом, а после операции — женщиной с искусственным влагалищем, указывает еще на одно важное свойство человека с естественным полом. Сравнивая представления Агнес не только с представлениями «нормальных членов общества», но и с представлениями «нормальных членов общества» о людях, чьи половые органы по тем или иным причинам изменяют свой внешний вид либо поражаются или исчезают вследствие старения, болезни, травм, хирургического вмешательства, мы отмечаем, что «нормальные члены общества» и Агнес настаивают совсем не на том, что женщина должна обладать влагалищем (мы рассмотрим только случай нормальной женщины; те же аргументы справедливы в отношении мужчин). Они настаивают на обладании *либо* влагалищем, сотворенным природой, либо влагалищем, которому *следовало бы быть там всегда*, т. е. на *легитимном* обладании. Нас интересует влагалище как предмет законного владения. *Это влагалище, на которое человек наделяется правом.* Хотя «природа» является предпочтительным и «настоящим» источником этого права, в качестве такого источника могут выступать и хирурги, если они исправят ошибку природы, т. е. если они исполнят роль агентов природы для обеспечения «того, что природой подразумевалось на этом месте». Не *просто этим влагалищем*, а *именно этим влагалищем* как *тем, что полагается.* Точно так же, как для члена некого языкового сообщества то или иное речевое высказывание есть случай слова-в-языке, либо для игрока тот или иной ход есть ход-в-игре гениталии, служащие для нормального члена общества признаком нормальной половой принадлежности, представляют собой пенисы-и-влагалища-в-нравственном-мироустройстве-лиц-имеющих-пол. (Я говорю описательно. Я рассматриваю эти «сущности» как атрибуты, которые члены общества обнаруживают вокруг себя. Во избежание недоразумений я бы хотел подчеркнуть, что речь идет о фактах. Я не утверждаю платонический реализм в качестве основного принципа философии социальной науки.)

Эту особенность иллюстрирует опыт общения Агнес с двоюродной сестрой, женой брата и тетей. Говоря о том, что она охарактеризовала как «ревность» жены брата, примерно ее ровесницы, к незнакомому с ними обеими гостю ее брата, который явно предпочел ей Агнес, Агнес прокомментировала изменение отношения к ней со стороны жены брата от симпатии, которую она испытывала до ее приезда в Мидвест-сити, до осуждения — впоследствии. По словам Агнес, она чувствовала, что жена брата относится к ней как к «фальшивой», а не настоящей женщине. Агнес сказала, что жена брата чувствовала в ней соперницу. (Описанное соперничество было обоюдным, поскольку Агнес сообщила, что ей трудно «выкинуть жену брата из головы».) То же самое касается двоюродной сестры Агнес: легкое неодобрение с ее стороны до поездки Агнес в Мидвест-сити сменилось открытой враждебностью по ее возвращении. Агнес объясняла это негодованием сестры по поводу того, что Агнес не стремилась подражать ей в деле ведения хозяйства и отношениях с противоположным полом. Агнес также сравнила соперничество двоюродной сестры с разительным изменением

отношения со стороны старшей тети, которая сопровождала ее мать в Лос-Анджелес, чтобы позаботиться об Агнес во время ее восстановления после операции по удалению пениса. Агнес охарактеризовала тетю как безусловно нормальную женщину. Тетя, сообщила Агнес, отражала отношение других членов семьи. Это отношение, сказала Агнес, заключалось в общем принятии до поездки в Мидвест-сити, ужасе и осуждении после ее возвращения и вновь принятии ее и отношении к ней как «в конечном счете настоящей женщины» (Агнес процитировала слова тети) после операции и во время наших бесед, когда тетя пребывала в Лос-Анджелесе. Важно отметить: в каждом случае предметом интереса было не обладание пенисом или искусственным влагалищем. В отношениях Агнес с двоюродной сестрой и женой брата пенис Агнес по первому впечатлению противоречил ее претензиям, выражавшимся другими аспектами ее внешнего вида, на обладание чем-то настоящим. В случае с тетей, хотя влагалище и было искусственным, оно все-таки *было* настоящим, поскольку теперь оно рассматривалось как то, на что Агнес всегда имела право. И тетя и мать Агнес были поражены тем фактом, что операция вообще состоялась «в этой стране». Следует, конечно, подчеркнуть, что врачи из Медицинского центра УКЛА своими действиями восстановили и подтвердили претензии Агнес на статус нормальной женщины.

Следует упомянуть еще некоторые особенности Агнес как естественной женщины.

Агнес не только открыто выражала свое притязание «Я всегда была девочкой», но и подкрепляла его созданием весьма идеализированной биографии, в которой свидетельства ее исходной женственности преувеличивались, а свидетельства смешения различных признаков, не говоря уже о ясных доказательствах мужского воспитания, преуменьшались. Дитя-Агнес, со слов Агнесс, не любило играть в жесткие игры, такие как баскетбол; ее *самой большой* проблемой была необходимость играть в мальчишеские игры; ее обычно считали неженкой; Агнес всегда была самой маленькой по росту; она играла с куклами и готовила куличики для своего брата; она помогала матери по дому; Агнес не помнит, какие подарки получала от отца, когда была маленькой. Я както поинтересовался у нее, становилась ли она в один строй с мальчиками в школе. «Для чего это становиться с мальчиками в один строй?!» — отозвалась она удивленно и возмущенно. Когда я разъяснил ей, что имел в виду построение на занятиях танцами или на медосмотре в школе, Агнес сказала: «Никогда». Я спросил ее, неужели она никогда не проходила с мальчиками медосмотр. Агнес ответила утвердительно: «Да, никогда». Теперь рассмотрим самоподачу Агнес как 120-процентной женщины. Не только в своих рассказах, но и временами в разговоре со мной Агнес представала как жеманное, невинное, немного легкомысленное, пассивное, восприимчивое «юное существо». Агнес описала своего друга как некий антипод 120-процентной женщины — 120-процентного мужчину, который, как сообщила она во время первой нашей беседы и неоднократно повторяла на протяжении восьми напряженных недель после операции, когда спали послеоперационные осложнения, а влагалище наконец оказалось тем, что обещали врачи, «вообще не заинтересовался бы мной, если бы я была ненормальной». Пенис, которым обладала естественная женщина, при неоднократных расспросах представал как отросток, единственное назначение которого -- служить проводником урины. По словам Агнес, ее пенис никогда не находился в эрегированном состоянии; никогда не вызывал у нее интереса; никогда не подвергался исследованию ею или кем-либо еще; никогда не задействовался в играх с другими детьми; никогда не двигался «по ее воле»; никогда не служил источником удовольствия; он всегда был лишь отростком, прикрепленным к ней жестокой прихотью судьбы. Когда после удаления пениса Агнес спросили, что теперь, когда у нее нет ни пениса ни мошонки, она думает о них, она ответила, что не видит необходимости думать о них что-либо, кроме того, что можно думать по поводу удаленного физического дефекта.

Агнес часто привлекала мое внимание к недостаточности своей биографии, которая объяснялась тем фактом, что окружающие, и особенно ее друг, воспринимали ее как девушку. Агнес рассказала о семнадцатилетнем пробеле в своей жизни и указала на то, что окружающие приписывают нынешней ее женственности непрерывность с момента рождения. Она отмечала, что только с того времени, как изменилась, смогла приобрести женскую биографию, которую она и окружающие в свете ее нынешней внешности и нынешних условий могли бы рассматривать как события ее прошлого. Агнес не хватало биографии, которая могла бы служить контекстом для проживания ситуаций в настоящем. Для окружающих, и особенно для друга Агнес, настоящая женщина должна была соответствовать ожиданиям, которые сама Агнес подкрепляла в своем друге. Два предшествующих года были для Агнес постоянным источником кризисов, о которых я расскажу

подробнее, когда речь пойдет о ее переходе и специальных средствах его осуществления.

Еще одна особенность нормальной естественной женщины обнаруживается в данном Агнес описании и настойчивом утверждении своего извечного желания быть такой, какой она всегда себя ощущала. В ее описаниях это желание имело загадочную, неизвестную природу и выстояло перед злоключениями несведущего мира, который безуспешно пытался сбить ее с пути нормального развития. Агнес постоянно подчеркивала: «Я всегда хотела быть девочкой; и я всегда была девочкой, но мир по ошибке навязывал мне совсем другое». Неоднократно в ходе наших бесед я интересовался, чем она объясняет это столь твердое желание. Смысл ее ответов неизменно сводился к «это необъяснимо».

Учитывая то, что Агнес полностью разделяла принятое в среде «нормальных людей» разграничение на нормальных естественных мужчин и нормальных естественных женщин, ей было легче провести различие между собой мужчиной или женщиной, чем между собой естественной женщиной или мужчиной-гомосексуалистом. Уже само упорное подчеркивание женской предыстории, маскулинности своего друга, неэстетичности своего пениса и тому подобное обнаруживает характерную особенность: неизменно женскую идентификацию. Инструментальный реализм, направленный ею на освоение выбранного полового статуса, в значительной мере имел своей целью освоение ситуации, позволяющее избежать того, что она рассматривала как ошибочную и унизительную идентичность. Те, кто путали эти две идентичности, совершали в ее глазах объективно определимую ошибку, проявляли невежество и несправедливость. Те из ее защит, которые дорого обходились ей в плане эффективности и ориентации в действительности, были направлены на сохранение дистанции между ее естественной нормальной женственностью и мужской гомосексуальностью. Время от времени в ходе наших встреч, когда я выводил разговор на тему гомосексуалистов и трансвеститов, Агнес оказывалась в весьма затруднительном положении, одновременно испытывая и интерес к этой проблеме, и тревогу по ее поводу. Манера Агнес в такой ситуации походила на легкую депрессию. Ее ответы становились скупыми. Порой, отвергая свою осведомленность в том-то или том-то, она говорила прерывающимся голосом. Она настаивала на том, что не имеет ничего общего с гомосексуалистами и трансвеститами. «Я не такая, как они», — твердила она. «В старших классах я избегала мальчиков, которые вели себя как маменькины сынки... любого, у кого были такие проблемы... я держалась от них подальше и даже дразнила их, чтобы не общаться... Я не хотела, чтобы меня заметили в их компании и решили, что я из их числа. Я не хотела, чтобы меня считали такой же, как они».

Как «нормальным членам общества» зачастую трудно понять, «почему человек себя так ведет», т. е. проявляет гомосексуальные тенденции или надевает одежду противоположного пола, так и Агнес демонстрировала некоторую недостаточность «понимания» в отношении подобного поведения, хотя обычно говорила о них сдержанно и никогда — с возмущением. Ее было неприятно сравнить себя — по моей просьбе — с гомосексуалистами и трансвеститами. Хотя ее заинтересовала информация о том, что один трансвестит, которым занимается другой исследователь, хотел бы с ней пообщаться, она отказалась от встречи с ним. Она не думала и о том, чтобы поговорить с кем-либо из других наших пациентов, упомянутых мною в беседах, пациентов, опыт и переживания которых были сходны с ее опытом и переживаниями. Когда я сообщил ей, что группа из семнадцати человек из Сан-Франциско, прошедших либо только планирующих операцию по удалению пениса, выразила заинтересованность во встрече и обмене опытом с теми, кто столкнулся с аналогичными проблемами, Агнес заявила, что ей трудно представить, о чем бы они могли говорить, и заверила, что эти люди ее абсолютно не волнуют.

Как мы убедились, она настаивала на том, что ее мужские половые органы — это ошибка природы, ее личная беда, несчастный случай, к тому же «это от меня не зависело». Она так и не смирилась с их наличием и рассматривала их как аномальный вырост. Порой она говорила о них как об опухоли. Поскольку половые органы не могли выступать как существенные признаки ее женственности, а Агнес нуждалась в существенных и естественных признаках принадлежности к женскому полу, в качестве таковых она называла неизменное желание быть женщиной и выпуклые груди. Она описывала свои «женские» чувства, поведение, круг общения и тому подобное не как дело личного решения или выбора, а как нечто *заданное*, естественное явление. По ее мнению, они естественно проявились бы с самого начала, если бы не вводящее в заблуждение, фрустрирующее, непонимающее окружение.

В качестве существенных признаков своей женственности она называла прежде всего грудь. Несколько раз во время наших бесед она

вспоминала облегчение и радость, которую испытала, заметив в двенадцатилетнем возрасте, что у нее начинает развиваться грудь. Она сказала, что утаила свое открытие от матери, брата и сестер, поскольку «это было не их дело». Из ее дальнейших замечаний стало ясно, что она боялась, что они сочтут развитие груди медицинской аномалией и, учитывая ее возраст и неправомочность, могут направить ее, вне зависимости от ее желаний, вопреки этим желаниям и тому, на чем она могла бы настоять, на лечение и тем самым поставить под угрозу развитие груди. Агнес очень гордилась размером своей груди, а также другими параметрами. Перед операцией она боялась того, что «врачи из УКЛА» решат без ее ведома во время операции, что в целях излечения ей лучше удалить грудь, а не пенис и мошонку. Вследствие эндокринологических изменений и других обстоятельств после операции Агнес потеряла в весе. Ее грудь уменьшилась; обхват груди сократился с 95 до 86 см. Огорчение, которое она испытала, было достаточно интенсивным, чтобы счесть его одним из факторов, составляющим непродолжительную, но серьезную постоперационную депрессию. По окончании медицинской работы, проделанной в отделениях эндокринологии и урологии, но до операции, Агнес позволила себе некоторый оптимизм, который она, однако, старательно сдерживала, постоянно отмечая, что решение от нее уже не зависит, напоминая себе, мне, Столлеру и Розену, что прежде, особенно после обследования в родном городе, позволив себе надеяться, она осталась «ни с чем, только с ободрением. Одни слова». Когда ей сказали явиться в Медицинский центр УКЛА и сообщили, что было принято решение удалить ей пенис и заменить его искусственным влагалищем, она испытала большое облегчение. Она восприняла решение медиков как авторитетное доказательство обоснованности ее претензии на естественную принадлежность к женскому полу. Даже осложнения вследствие операции стали восприниматься Агнес как желанные доказательства ее женственности. Например, после операции у нее развилось легкое недержание мочи, поэтому врач посоветовал ей носить специальную прокладку. Когда я немного шутливо заметил, что это, конечно, для нее в новинку, она засмеялась и была явно польщена и довольна.

Можно припомнить множество эпизодов, когда мои знаки внимания воспринимались Агнес как комплимент ее женственности; например, когда я держал ее за руку, переводя через улицу; обедал с нею в Медицинском центре; предложил повесить ее пальто; нес ее сумку; придерживал перед ней дверь автомобиля; интересовался, удобно ли она устроилась прежде, чем закрыть дверь, а сам садился за руль.

В такие моменты ее поведение напоминало мне, что быть женщиной было для нее будто получить изумительный подарок. Именно в таких ситуациях она наиболее отчетливо демонстрировала особенности «120-процентной женщины». Она вела себя как человек, только что посвященный в общество своей мечты.

Обретение качеств, приписываемых нормальной женщине

Естественная нормальная женщина была для Агнес приписываемым объектом [4]. Как и «нормальные люди», она считала свою женственность неизменной и независимой от условий ее проявления, желаний, договоренностей, случайного или осмысленного выбора, случайностей, соображений выгоды, доступных ресурсов и возможностей. Она оставалась для нее неизменной в проекции и на прошлые и на будущие условия и возможный опыт. Она оставалась самотождественной в своей сущности при любых вообразимых трансформациях реальной внешности, любом времени и любых обстоятельствах. Она была неизменна перед лицом любых обстоятельств.

Атрибутируемая нормальная естественная женщина была тем, чего Агнес стремилась достичь.

Говоря о том, что Агнес достигла статуса женщины, мы имеем в виду два значения «достижения».

1. Превращение в женщину было сопряжено для Агнес с повышением статуса, поскольку принадлежность к мужскому полу представляла для нее меньшую ценность, чем принадлежность к женскому полу. Принадлежность к женскому полу была намного привлекательнее и в ее собственных глазах, и, в чем она была не без оснований убеждена, в глазах окружающих. До изменения и после него превращение в женщину воспринималось ею не только как повышение ее ценности, но и как то, к чему она, собственно, стремилась.

2. Второе значение достижения связано с задачей гарантирования и обеспечения себе атрибутируемых прав и обязанностей взрослой женщины путем освоения и использования необходимых навыков и способностей, эффективного демонстрирования женской внешности и женского поведения, а также мобилизации соответствующих чувств и намерений. Как и в норме, проверка этой работы по освоению женского статуса производилась под наблюдением и в присутствии других людей: нормальных мужчин и женщин.

Хотя претензии Агнес на естественную женственность можно счесть обоснованными, их не следует воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Очень многое упорно напоминало о том, что на женственность, о которой она заявляла, она могла претендовать лишь ценой бдительности и работы. До операции она была женщиной с пенисом. Операция как таковая привела к тому, что на смену одним трудностям пришли другие. Так, после операции она стала женщиной с «искусственным» влагалищем. «Ничто, сделанное человеком, не сравнится с тем, что сотворено природой», — с тревогой говорила Агнес. Ее друг был в этом с ней согласен. В действительности, по ее рассказам, он гордился своим суровым реализмом, настаивал на нем и внушил его ей. Кроме того, с ее новым влагалищем оказалось все не так просто. Вскоре после операции от введенной формы пошла инфекция. Когда форму удалили, появились спайки, и форма размером с пенис перестала помещаться в канал. Необходимо было вручную в уединении осуществлять манипуляции, чтобы удерживать канал открытым, и при этом заботиться о том, чтобы сохранить в тайне характер этих манипуляций. Эти манипуляции причиняли боль. Многие недели после операции Агнес испытывала дискомфорт, раздражение и унижение по поводу недержания кала и мочи. За этим последовала еще одна госпитализация. У нее отмечались перепады настроения и чувство, что она потеряла ясность, быстроту и четкость мыслей. Немотивированные перепады настроения приводили к серьезным ссорам с другом, который угрожал уходом, если она впредь не будет сдерживать свой гнев по отношению к нему. Кроме того, было нечто, что постоянно напоминало ей о том, что хотя сейчас у нее есть влагалище, вместе с ним у нее есть и мужская биография. «В моей жизни большой пробел», — говорила она. Вдобавок ко всему следовало учитывать тот факт, что публичное обретение женской внешности произошло только три года назад. Ее прежние «пробы» проходили главным образом в ее воображении. Она все еще училась вести себя и чувствовать как женщина. Она могла освоить эту роль, только реально исполняя ее. Это было связано с известным риском и неопределенностью. Таким образом, работа по обеспечению и гарантированию прав женщины, заключавшаяся в том, чтобы своими достоинствами — успешностью в исполнении женской роли — заслужить подобные атрибуты, вовлекала Агнес в ситуации, важнейшей особенностью которых было то, что она знала нечто жизненно важное и неизвестное другим в отношении

принятых условий взаимодействия и что она фактически занималась неопределенными задачами перехода.

Что же приходилось скрывать Агнес после и/или до операции?

1. До операции — противоречивые признаки ее женского облика; замаскированные мужские гениталии.
2. Что ее воспитывали как мальчика, и поэтому у нее не было предыстории, соответствующей ее облику привлекательной женщины.
3. Что она сменила пол только три года назад и все еще учится вести себя как та, за которую она желала быть принятой.
4. Что она была неспособна и будет неспособна выполнять то, чего ожидают от нее мужчины, которых она привлекала ровно настолько, насколько ей удавалось преподнести себя как сексуально привлекательную женщину.
5. У нее было искусственное влагалище.
6. Что она хотела, чтобы ей удалили пенис и мошонку и заменили их влагалищем. После операции — что у нее влагалище, созданное из кожи удаленного пениса, а половые губы — из кожи удаленной мошонки.
7. Было что скрывать и в отношении сексуальных услуг, которых требовал от нее ее друг и которые ей удавалось каким-то образом удовлетворять.
8. То, что она сделала и с чьей помощью, чтобы изменить свой облик.
9. Активная деятельность лиц, окружающих ее, направленная на осуществление операции, в особенности врачей и исследователей в УКЛА, а также, конечно, деятельность медицинского персонала все то время, когда она обращалась за медицинской помощью.

Агнес стремилась к тому, что к ней относились и она относилась к окружающим в соответствии с ее легитимным половым статусом, и вместе с тем вынуждена была хранить тайну, которая касалась не навыков и успешности воплощения этого статуса, а легитимности его обретения. Воплощение нового статуса сопровождалось у Агнес чувством, что она знает нечто, неизвестное другим, нечто, раскрытие чего, по ее убеждению, разрушит ее. Смена половой принадлежности предполагала принятие легитимного статуса, раскрытие которого было

10-2588

сопряжено с высоким риском, снижением статуса, психической травмой и материальными потерями. Такого рода переход сопоставим с конспирацией в политическом подполье, тайных обществах, в среде беженцев, преследуемых по политическим причинам, или чернокожих, ставших белыми. В случае Агнес это представляет особый интерес, поскольку изменение половой принадлежности сопровождалось пристальным вниманием к вопросу защиты своей новой идентичности от некоторых известных и множества неизвестных обстоятельств. Она осуществлялась за счет того, что Агнес активно и продуманно следила за тем, как она предстает перед другими людьми. Она уделяла пристальное внимание своим манерам, соблюдению правил приличия и поведению в межличностных отношениях. Необходимо было особенно стараться в ситуациях, знания о которых были недостаточно твердыми, правила поведения в которых отличались неопределенностью, ситуациях, предполагавших одновременно высокий риск и важный выигрыш, где одно невозможно без другого. Разоблачение грозило наказанием, унижением, потерей доброго имени и материальных благ. Практически в любой ситуации взаимодействия на заднем фоне сознания присутствовала мысль о необходимости хранить свою тайну. Избежание разоблачения было для Агнес делом первостепенной важности. Поэтому почти любая ситуации была для нее «проверкой на соответствие». Об Агнес правильнее было бы сказать, что она не осуществила переход, а постоянно была занята работой по переходу.

Переход

Работу по достижению и закреплению за собой права жить как нормальная, естественная женщина, одновременно учитывая возможность разоблачения и личного ущерба в рамках социально структурированных условий, в которых осуществлялась эта работа, я называю переходом Агнес. Ситуации ее активности — очень многие из них — неизменно были ситуациями «структурированного напряжения». Их можно рассматривать как социально структурированные ситуации потенциального и реального кризиса. Говоря социологически, этот стресс является «нормальным стрессом» в том смысле, что он происходил именно по причине активных попыток Агнес соблюдать *легитимный порядок* половых ролей. Каждая из многообразия структурно различных ситуаций требовала бдительности, находчивости, стойкости, твердой мотивации, предварительного планирования в неизменном сочетании с импровизацией, а также сообразительности, остроумия, знаний и, что очень важно, готовности «разъяснять основания», т. е. либо давать, либо быть готовой дать правдоподобные объяснения, либо избегать ситуаций, где эти объяснения могут потребоваться.

Переход не был делом личного желания Агнес. Он был ей необходим. Агнес должна была быть женщиной. Нравилось ей это или нет, она должна была осуществлять переход. Успехи приносили Агнес радость, а неудачи вызывали страх и раздражение. Когда я попросил ее рассказать о чем-то «действительно хорошем», что с ней произошло, она сообщила о первом месте работы после возвращения в родной город; о вечеринках в родном городе после смены пола; о жизни со своей подругой в Лос-Анджелесе; о своем мастерстве в качестве стенографистки; о череде все более выгодных мест работы; об операции восемь недель спустя, когда влагалище наконец приобрело нужный вид, перестало причинять боль и, к удивлению хирургов, поддалось усилиям Агнес добиться его пятидюймовой глубины. «Конечно, лучшее, что случилось в моей жизни, — это Билл».

Когда я спросил Агнес, произошло ли что-то «действительно плохое», ее напряжение стало столь очевидным, что мне пришлось переформулировать вопрос и спросить, произошло ли что-то «плохое, но не ужасное». На это она ответила: «На меня обращали внимание (в средних и в особенности в старших классах), обращали внимание на то, что у меня нет ни друзей, ни приятелей, ни вообще кого бы то ни было. (*Пауза.*) У меня не было друзей, потому что в любых отношениях я вела себя не так, как все. У меня не могло быть бойфренда. Я не *хотела* бойфренда. Потому что я была такой, какой я была, у меня не могло быть и подружек, поэтому я... У меня не было друзей, потому что в отношениях такого рода я не могла вести себя так, как все». Я спросил, почему она не могла иметь друзей? «Как я *могла* иметь подружек? Как я *могла* иметь приятелей?» Я спросил, почему нет? «Вероятно, я чувствовала, что это невозможно. В школе я не заигрывала с девчонками, не дружила с ребятами, в общем, не делала ничего такого, потому что очень отличалась от всех». По другим ее рассказам, особенно трудные периоды жизни можно кратко, но, конечно, неполно, представить в виде следующего перечня: взросление; три года в старших классах; жизнь дома сразу после изменения облика; отношение семьи, соседей и бывших друзей после возвращения из Мидвест-сити; глубокое разочарование, когда после обследования и пробной лапаротомии в ее родном городе ей сообщили о невозможности что-либо

предпринять; попытки удовлетворить сексуальные притязания Билла; эпизод, когда она наконец сообщила Биллу, что у нее есть пенис; беседы с нами в УКЛА с надеждой на то, что решение будет положительным и вскоре будет сделана операция; страх, что врачи решат удалить грудь вместо пениса, что она связала себя обязательствами в отношении операции, и решение от нее больше не зависит; после операции — восстановление, длившееся около шести недель и сопровождавшееся легкой депрессией, резкими перепадами настроения, которые она была не в состоянии ни контролировать, ни объяснить себе или своему другу, а также чередой серьезных ссор со своим другом; проблемы с влагалищем, которое плохо заживало и оказалось меньше, чем она рассчитывала; серьезная инфекция мочевого пузыря, которая потребовала повторной госпитализации; уменьшение обхвата груди с 95 до 86 сантиметров, а также сопутствующий этому страх, что наличие пениса является необходимым условием сохранения ее женского облика; измененные отношения с Биллом в течение трех месяцев после операции; и наконец, в перспективе, Лос-Анджелес, если ее планам на брак не будет суждено сбыться.

«Действительно хорошими ситуациями» были ситуации, в которых работа по переходу позволяла ей чувствовать себя «нормальной, естественной девушкой», соответственно относиться к окружающим и восприниматься окружающими. «Действительно плохими» были ситуации, в которых эта ее работа по разным причинам не удавалась или обещала неудачу. Качество явной успешности или неудачности эти ситуации приобретали лишь в ретроспективе. Нам же наиболее интересны ситуации, с которыми необходимо было справляться *в процессе их развития*. Что это были за ситуации? Как Агнес справлялась с ними по ходу их развития? Во многих из этих ситуаций, несмотря на социально структурированный характер связанных с ними кризисов, Агнес удавалось приблизиться к их шаблонному проживанию, к «обычной жизни».

В качестве иллюстрации, предваряющей обсуждение этих вопросов, может служить следующая ситуация.

Прежде чем явиться на медосмотр по поводу работы в крупной страховой компании, которую она впоследствии получила, памятуя о прежних медосмотрах, Агнес решила, что позволит врачу обследовать себя только до пояса. Если же врач продолжит осмотр или как-либо даст знать о необходимости осмотреть область гениталий, Агнес решила заявить о том, что стесняется, а если этого окажется недостаточно, чтобы врач оставил свои намерения, она просто уйдет, может быть, изображая застенчивость, а может быть, и без объяснений. Для Агнес предпочтительнее было отказаться от работы, чем быть разоблаченной, при этом одно, безусловно, зависело от другого.

Ситуацию, которую Агнес раз за разом приходилось преодолевать, можно в целом описать как ситуацию, в которой достижение банальных целей и сопутствующего им удовлетворения предполагало риск разоблачения. Агнес использовала стратегию, позволявшую ей быть готовой ретироваться в случае возможного разоблачения, хотя и ценой потери определенных выгод. Характерной ситуацией перехода была ситуация, когда Агнес должна была быть готова выбрать и часто выбирала между сохранением женской идентичности и достижением *обычных* целей. Как правило, ситуация требовала одновременного удовлетворения обоих условий путем активного, выверенного ее преодоления. В отличие от других она знала, что эти условия — обретение возможности удовлетворить институционализированные и банальные потребности при минимизации риска разоблачения — строго ранжированы по своей приоритетности: женскую идентичность следовало защищать в первую очередь. Удовлетворение банальных потребностей было возможно только при удовлетворении приоритетного условия сохранения идентичности. Риск в этом плане влек за собой необходимость жертвовать удовлетворением других потребностей.

В качестве вариаций на эту тему может служить ряд разнообразных ситуаций.

Случаи перехода

Для упорядочивания своих мыслей касательно различных случаев, когда Агнес приходилось осуществлять переход, я попытался рассмотреть эти ситуации как некую игру. Однако оказалось, что только сравнительно небольшую часть того, что я узнал от Агнес, можно трактовать таким образом, не сталкиваясь с серьезными структурными противоречиями. Кроме того, материал, который *можно* рассматривать в рамках понятия игры, хотя и облегчает сравнение между собой случаев перехода, вместе с тем не является специфическим в отношении опыта «полового перехода» Агнес. Материал, ***специфический*** в отношении «полового перехода», трудно упорядочить с помощью понятия

игры в связи со структурными противоречиями, возникающими при использовании этой модели.

Перечисленные ниже формальные свойства игр облегчают анализ одной части собранного материала, но затрудняют анализ другой части.

1. Игры и события в играх имеют особую временну́ю структуру. Игроки на любой данный момент игры располагают потенциально доступным каждому знанием, что к определенному моменту времени игра завершится.
2. При неблагоприятном развитии событий игрок может «выйти» из игры или изменить ее на другую и т. п.
3. Нахождение «в игре» по определению предполагает временный отказ от исходных предпосылок и процедур жизни «всерьез». Многие исследователи игр отмечают эту особенность, говоря об игре как об «искусственном мире в микрокосме».
4. Совместные биографии, которые устанавливаются для каждого из игроков как функция от их реальной совместной игры, обеспечивают исходные посылки, специфичные для взаимодействия в рамках игры.
5. Завершенная игра представляет собой самостоятельный эпизод. Правила и реальный ход игры придают этому эпизоду целостный характер как структуре релевантностей.
6. Обычно победа и поражения в игре поддаются четкому определению; оба эти исхода редко подлежат реинтерпретации. Игрокам не нужно ждать развития событий вне самой игры, чтобы получить решения о характере игрового эпизода.
7. В той мере, в какой игроки соблюдают основные правила, определяющие игру, эти основные правила обеспечивают определение согласованности, результативности, эффективности, т. е. рационального, реалистичного действия в данных условиях. На самом деле действия, соответствующие этим основным правилам, определяют «честную игру» и «справедливость».
8. Хотя стратегии поведения в игре могут в значительной мере быть делом импровизации, а условия победы и поражения в ходе игры недостаточно ясны для участников, основные правила известны всем игрокам и не зависят от изменяющегося положения в игре или от используемых участниками стратегий. Игроки имеют доступ к основным правилам и считают их доступными как необходимую информацию, которой они располагают до возникновения необходимости обратиться к этим правилам для выбора между дозволенными альтернативами.
9. В рамках основных правил процедуры строгой инструментальной эффективности в принципе приемлемы для всех игроков, и каждый из игроков может исходить из них либо настаивать на них в отношении себя самого или своего оппонента, не обедняя своего понимания игры.

Понятие игры одновременно в качестве структуры релевантных средовых возможностей и в своей операциональной структуре проясняет некоторые из случаев перехода Агнес. Модель игры, к примеру, применима к решению ею проблемы пляжного костюма. Затруднительная ситуация состояла в том, чтобы пойти вместе с друзьями обоих полов на местный пляж Санта-Моники, не рискуя быть разоблаченной. Специальные приспособления позволили решить эту проблему. Агнес надела плотно облегающие трусы и купальный костюм с юбкой. Она сказала: «Не знаю почему, это чудо, но он незаметен». Она шла вместе с компанией, разделяя ее воодушевление по поводу купания, если (или) до тех пор, пока была твердо уверена, что сможет переодеться в купальный костюм в ванной или спальной комнате какого-нибудь частного дома. Общественных раздевалок и автомобилей следовало избегать. При отсутствии необходимых условий всегда можно было найти правдоподобное объяснение. Как отмечала Агнес, одно из них заключалось в заявлении о том, что она «не в настроении», чтобы купаться, но с удовольствием посидит на берегу.

Аналогично Агнес говорила о желательности того, чтобы работа находилась сравнительно близко, предпочтительно, чтобы до нее можно было добраться пешком и, в любом случае, — на общественном транспорте. Хотя Агнес умела водить машину, ее у нее не было. Она боялась, что попадет в аварию, потеряет сознание и таким образом подвергнется риску разоблачения.

Еще один пример. Приехав в Лос-Анджелес, она сняла квартиру вместе с приятельницей. Ситуация разрешалась негласной договоренностью подруг уважать частую жизнь друг друга и избегать наготы в присутствии друг друга. Однажды у Агнес возникла проблема. Снимая платье, она обнажила шрам, оставшийся от пробной лапаротомии. На дружеский вопрос соседки последовало разъяснение, что шрам

остался от операции по поводу аппендицита. Агнес сказала мне, что тогда ей пришло в голову, что подруга поинтересуется, почему после операции по поводу аппендицита остался такой длинный и безобразный шрам. Поэтому она, не дожидаясь расспросов, объяснила, что «были осложнения», рассчитывая на то, что приятельница плохо разбирается в медицине.

Более сложная игра, потребовавшая тем не менее использования игровых ресурсов, имела место, когда в гости к ее недавно женившемуся брату пришел друг. В момент, когда к брату Агнес пришел его друг, он, его жена, сама Агнес и ее двоюродная сестра Элис, по отношению к которой она испытывала чувство соперничества, сидели в гостиной. Позже брат проводил своего друга до машины. Когда он вернулся, то сообщил, что его друг поинтересовался, «кто эта симпатичная девчонка». Агнес сказала, что ее сестра Элис восприняла это замечание на свой счет. Когда же брат иронически заметил, что его друг имел в виду Агнес, Элис рассердилась. Здесь Агнес зависела от дисциплинированности семьи в том, чтобы оберегать ее от унижения. Однако сама эта семейная дисциплинированность, хотя и обеспечивала победу, придавала этой победе горький привкус. Агнес описала еще один структурно сходный инцидент: она вместе с братом совершала покупки и была принята продавцом за его жену. Агнес была польщена и приятно удивлена. Брата же это совсем не позабавило. Агнес могла рассчитывать, что брат не выдаст их семейный секрет, однако точно так же она могла предположить и то, что потом он напомнит ей, что не одобряет ее превращение.

Свидания, и в родном городе, и в Лос-Анджелесе до встречи с Биллом, могут служить еще одним примером ситуаций, обнаруживающих игровые свойства: эпизодический характер, предварительное планирование, использование инструментального знания правил, заведомо известных и приблизительно равно обязательных для всех участников. Несмотря на интерес к случайным знакомствам, Агнес от них отказывалась. Наиболее актуальны были старые знакомства, в частности потому, что позволяли Агнес отложить свидание до того момента, пока она не посоветуется с подругами по поводу предполагаемого кандидата. В отношении поцелуев и объятий Агнес придерживалась следующего правила: никаких поцелуев и объятий на первом свидании; возможно — на втором. Как говорила Агнес, «если ты нежничаешь с парнем на первом свидании и говоришь “нет” на втором, значит, у тебя проблемы». Некоторые ласки допускались, но ни в коем случае не

ниже талии. Агнес нравилась мысль, что тот или иной парень «сердцеед», но с сердцеедом она никуда бы не пошла. В любом случае, наличие других людей гарантировало безопасность, поэтому предпочтение отдавалось встречам в компаниях, на домашних вечеринках и церковных собраниях. Агнес не употребляла спиртное. По ее словам, ей не случалось быть пьяной, и она никогда не позволила бы себе напиться.

Один из наиболее сложных эпизодов игрового характера произошел, когда Агнес пришлось сдать мочу на анализ при медосмотре перед поступлением на работу в страховую компанию. Агнес подала заявку и прошла личное собеседование, и на тот же день было назначено медицинское обследование. У нее почти не было времени на подготовку. С тем, чтобы обойти риск, связанный с обнажением тела, Агнес решила действовать по ситуации. От нее потребовалось сдать мочу, а врач пригласил ее в свой кабинет, где с этой целью она могла использовать судно. Агнес надеялась, что сможет сделать это, закрывшись в туалете. Угроза заключалась в том, что медсестра, имевшая право входить в кабинет, могла застать Агнес за манипуляциями со своими гениталиями. Посидев на судне в бездействии, Агнес извинилась перед врачом, сказав, что у нее не получилось сдать мочу, но она с радостью принесет в тот же день чуть позже. Заручившись согласием врача, Агнес вернулась в квартиру, в которой жила с приятельницей. Ей вдруг пришло в голову, что по моче можно определить пол человека. Не зная наверняка, так это или нет и насколько тщательно будет проводиться анализ мочи, но в любом случае не желая рисковать, Агнес сказала приятельнице, что у нее немного больны почки и что она боится, что ее болезнь раскроется и ей откажут в работе. Приятельница любезно согласилась помочь и снабдила Агнес баночкой мочи, которую та выдала за свою собственную.

Другой случай произошел, когда она только что получила работу секретаря в небольшой фирме двух начинающих юристов. Она оказалась единственной девушкой в офисе. Агнес нравилась ее работа, в особенности потому, что была нанята, не будучи квалифицированным специалистом. Ее работодатели не имели средств, чтобы позволить себе что-то большее, и потому были готовы нанять менее образованного работника за меньшую плату. Это как нельзя лучше подходило Агнес, поскольку предоставляло возможность получить более интересную работу и усовершенствовать навыки стенографии. Операция в УКЛА по удалению пениса должна была пройти несколько месяцев

спустя после начала работы Агнес в этой юридической фирме. Необходимо было устроить отпуск, чтобы пройти операцию, но устроить его таким образом, чтобы обеспечить себе лишь временную замену. Кроме того, Агнес хотела получить от своих работодателей рекомендательное письмо на тот случай, если она не сможет вовремя вернуться на работу. Это письмо должно было утверждать, что Агнес проработала в фирме шесть месяцев, а не реальных два, чтобы ей потом не пришлось объяснять другому работодателю свое отсутствие, учитывая то, что она уже не раз прерывала свой рабочий стаж и, конечно, хотела продолжить работу в качестве секретаря в юридической фирме. Эта проблему удалось решить благодаря тому, что хирурги-урологи из УКЛА позвонили работодателям Агнес и сообщили им с ее согласия о том, что она на некоторое время будет госпитализирована по поводу серьезного заболевания мочевого пузыря.

Один из наиболее ярких эпизодов перехода, соответствующих модели игры, заключался в череде событий, завершившихся поездкой Агнес в Мидвест-сити, ее превращением и возвращением домой. Агнес отправилась в Мидвест-сити в августе 1956 г. В течение нескольких месяцев до поездки она готовилась к превращению. По ее словам, всего за два месяца она похудела на двенадцать килограммов. Этим она добилась привлекательной фигуры и в таком виде появилась впоследствии в УКЛА. Диета была делом ее личного выбора. Никто в семье, сказала Агнес, не знал о ее намерениях и о том, какая роль была уготована ее формирующейся привлекательной женской фигуре. На расспросы членов семьи она реагировала с возмущением: «Многие люди сидят на диете, правда?» Сидя долгими часами в своей комнате, Агнес упорно отрабатывала поведение, которое бы соответствовала ее новому облику. Ее семье было известно, что поездка в Мидвест-сити будет состоять из месяца каникул, проведенных с бабушкой. У Агнес было много родственников в Мидвест-сити, которые не видели ее уже много лет. Она намеревалась ограничить свои контакты с ними, оставаясь с бабушкой. Несмотря на то, что родня жила и в других городах, выбор пал на Мидвест-сити, поскольку это был крупный город. Согласно плану, к концу августа Агнес должна была одним ранним утром покинуть бабушкин дом, не сообщив ни причин отъезда, ни где ее можно будет найти. Сняв комнату в отеле в центре города, Агнес переоделась в женское платье и направилась в местный салон красоты, где ей сделали итальянскую стрижку, популярную благодаря Софи Лорен. Агнес планировала остаться в Мидвест-сити и устроиться

в нем на работу. Она выбрала этот город, поскольку, по ее словам, он был достаточно крупным, чтобы обеспечить трудоустройство и необходимую анонимность, и опять-таки достаточно крупным, чтобы не столкнуться с родней. Если бы она все же повстречались, рассуждала Агнес, никто из родственников не узнал бы ее, поскольку они не виделись уже много лет. Кроме того, если бы, встретив ее, кто-то из родственников подошел бы к ней, она бы отрицала свое знакомство с ним. Она рассчитывала на то, что «большинство людей в любом случае не стали бы настаивать на том, что знают вас». Как оказалось, ее «план был разработан недостаточно тщательно». Столкнувшись с необходимостью самостоятельно зарабатывать деньги, не имея опыта работы и не зная, как ее найти, обладая лишь посредственными навыками печатания на машинке и все еще не будучи уверенной в отношении своих навыков исполнения роли женщины, Агнес испугалась провала. Когда я спросил ее, почему она не вернулась к бабушке, Агнес ответила: «Как я могла? Она бы даже не узнала меня. Ей было семьдесят два. Как я вообще могла рассказать ей *что-либо подобное*?» И наконец, у нее было очень мало денег; по ее словам, «достаточно лишь для того, чтобы добраться до дома». Вечером дня превращения она позвонила матери, рассказала ей о своем поступке, и по ее настоянию тем же вечером на автобусе вернулась домой в женской одежде. По словам Агнес, поездку скрасили заигрывания нескольких солдат.

Случаи перехода, не подлежащие анализу с помощью модели игры

Многие ситуации не обладают свойствами игры. При анализе их с помощью игровой модели возникают структурные противоречия.

Одна из подобных ситуаций происходила очень часто: Агнес, действуя в роли «тайного ученика», училась «вести себя, как леди». Особенность этого процесса была следующей: Агнес и ее собеседники направляли свое внимание на значимую обоюдно понятную цель и в то же время другая, равно значимая цель, достижению которой способствовало третье лицо, оставалась известна только Агнес и сохранялась в тайне. В отличие от ситуаций, описанных выше (ситуаций, носящих эпизодический характер), такая ситуация имела непрерывный, развивающийся характер. Кроме того, ее «правила» становятся известны только в ходе реального взаимодействия, в результате реального участия и предполагают принятие соответствующего риска.

В рассказах Агнес фигурировало несколько человек, с которыми она вела себя, как леди, и у которых одновременно училась вести себя, как леди. Важным партнером-инструктором была мать Билла, в доме которой Агнес проводила много времени в качестве потенциальной невестки. Мать Билла имела голландско-индонезийские корни и работала портнихой. Обучая Агнес приготовлению голландских блюд, которые нравились Биллу, она учила Агнес, как вообще готовить. Агнес сказала, что мать Билла научила ее шить и разбираться в тканях; она научила ее выбирать одежду; они обсуждали магазины одежды, фасоны, подходящие Агнес, а также навыки ведения хозяйства.

Агнес говорила о «длинных лекциях», которые ей читал Билл, когда она совершала что-то, что он не одобрял. Однажды он вернулся с работы в пять часов и застал ее загорающей на лужайке перед домом. Она многое узнала из приведенных им в возмущении обстоятельных разъяснений по поводу того, что «подобная демонстрация на глазах у всех этих мужчин, идущих с работы» оскорбительна для него и привлекает внимание посторонних.

В другой раз Агнес пришлось прослушать лекцию Билла о том, как леди должна вести себя на пикнике. Лекция состояла в том, что Билл возмущенно анализировал недостатки подружки своего приятеля, которая, как он с негодованием рассказывал, настаивала, чтобы все было так, как она хочет, выражала свое мнение, хотя ей следовало бы помолчать, была резка, хотя ей следовало быть кроткой, жаловалась, вместо того чтобы принимать все как есть, открыто признавалась в своей искушенности, вместо того чтобы демонстрировать невинность, вела себя неприлично, вместо того чтобы отказаться от претензий на равенство с мужчинами, требовала знаков внимания, вместо того чтобы стремиться ублажить мужчину, который рядом с ней. Агнес с одобрением цитировала Билла: «Не думай, что другие встанут на твою сторону, если ты будешь так себя вести. Им жалко парня, который вынужден быть с ней. Они думают: "Где он только такую подцепил?!"»

Агнес сплетничала со своей подругой по снимаемой квартире и другими приятельницами, обсуждала мужчин, вечеринки и свидания. Она не только заняла пассивную позицию усвоения инструкций, но и научилась ценить эту позицию как желательное женское качество. Соперничество Агнес с двоюродной сестрой, несмотря на всю его мучительность, также послужило уроком, заставив ее задуматься над недостатками сестры и развивать в себе качества, противоположные тем, которые она находила в ней достойными критики.

В подобных ситуациях от Агнес требовалось соответствовать стандартам поведения, внешности, навыков, чувств, мотивов, устремлений и одновременно усваивать эти стандарты. Их усвоение было для нее непрерывной работой по самосовершенствованию. Их приходилось усваивать в ситуациях, когда окружающие исходили из того, что Агнес они, естественно, известны. Агнес приходилось усваивать их в ситуациях, когда она не могла показать, что только узнает их. Их приходилось усваивать через участие в ситуациях, когда от нее ожидали осведомленности в том, чему ее одновременно учили.

Очень похожей на тайное ученичество была ситуация, когда Агнес позволяла своему окружению давать ответы на его собственные вопросы. Я стал рассматривать это как «упреждающее следование». С сожалением вынужден признать, что это с пугающей частотой происходило во время наших с нею бесед. Когда я, готовя эту статью, вновь просмотрел письменные записи и прослушал магнитофонные записи наших бесед, то был неприятно поражен количеством эпизодов, когда я не мог определить, отвечает Агнес на мои вопросы или узнает из моих вопросов и, что более важно, из более тонких сигналов до и после вопросов, каковы должны быть ответы. Еще один пример: во время медицинского осмотра по поводу поступления на работу в страховую компанию врач прощупывал ее живот. Агнес плохо себе представляла, что он «ищет». «Возможно, он пытался нащупать мои "женские органы"» (конечно, таковых у нее не было) «или что-нибудь твердое». На все вопросы врача о боли или дискомфорте Агнес отвечала отрицательно. «Поскольку он ничего не сказал, я поняла, что он не обнаружил ничего необычного».

Другая категория событий была связана с тем, что Агнес участвовала в дружеской беседе, не располагая биографическими данными, чтобы поделиться и обменяться со своим собеседником. Как сказала Агнес, «Представляете, сколько пробелов в биографии мне нужно заполнить? Шестнадцать или семнадцать лет жизни, которые мне нужно восполнить. Я должна следить за тем, что говорю, за естественными фразами, которые могут слететь с языка... Я просто никогда не рассказываю о своем прошлом того, что заставило бы человека начать расспросы о нем. Я говорю общими фразами. Я не говорю ничего, что можно неправильно истолковать». Агнес сообщила, что перед мужчинами ей удавалось представать интересной собеседницей, поскольку она побуждала их говорить о себе. Собеседницы же, сказала она, объясняли общий и неопределенных характер ее замечаний касательно

собственной биографии, которые она произносила благожелательным тоном, ее любезностью и скромностью. «Вероятно, им казалось, что я просто не хочу говорить о себе».

Многократно имели место ситуации, структура которых не содержала каких-либо критериев, о которых можно было бы сказать, что с их помощью была достигнута та или иная цель, то есть не содержала свойства, присущего игровой деятельности. Напротив, успех в контролировании настоящего взаимодействия состоял в том, чтобы создать и сохранить образ достойной и привлекательной личности, действовать в настоящей ситуации в соответствии с предысторией и планами на будущее, о которых заявляла эта личность, и документальным подтверждением которых служил ее нынешний облик. Например, Агнес сказала, что вскоре после начала работы в страховой компании ей стало ясно, что она хочет уйти. Ее обязанности отличались монотонностью, не требовали квалификации, а сама работа не открывала перспектив для продвижения по службе. Небольшие новшества, которые она ввела, чтобы сделать работу более интересной, принесли лишь временное облегчение. Агнес всей душой хотела усовершенствовать свои навыки и сделать более выразительной свою трудовую биографию. По этим причинам она пожелала сменить работу на лучшую, но это означало пойти против воли Билла. Агнес была убеждена, что он не сочтет уважительной ни одну из этих причин и даже, напротив, использует их в качестве доказательства ее недобросовестного отношения к работе. Он предупреждал ее, что для него увольнение по таким основаниям неприемлемо и что если она уволится, это лишний раз продемонстрирует ее незрелость и безответственность. Когда же она тем не менее ушла с работы, то представила все так, будто от нее ничего не зависело. Ее уволили по сокращению. Это была неправда.

Еще одну категорию случаев перехода особенно трудно анализировать с помощью модели игры. Эти случаи отличаются следующим: непрерывным, развивающимся характером; ретроспективно-перспективной значимостью наличествующего облика; каждое данное состояние действия по своему значению тождественно ситуации-какой-она-создалась-к-настоящему-моменту; в них нельзя отказаться от банальных целей, отложить их реализацию или переформулировать; в них настойчивое стремление Агнес соответствовать стандартам естественной нормальной женщины находилось под угрозой или встречало открытое противодействие; в них средства по сохранению своей идентичности не только не находились в распоряжении Агнес, но и были неподконтрольны тем, с кем ей приходилось иметь дело. Все эти ситуации, и по отчетам самой Агнес, и по нашим наблюдениям, носили чрезвычайно стрессовый характер.

Одна из них состояла в неизменно актуальной для Агнес задаче, которую она обозначала как «не выделяться». По словам Агнесс, в старших классах это было крайне трудно. Она утверждала, «чтобы вы правильно поняли», что это ее уже не волнует и что стремление не выделяться сменилось страхом разоблачения. В действительности же оно осталось весьма актуальным. У меня создалось впечатление, что Агнес утверждала обратное из-за того, каким образом эта проблема возникла в нашем разговоре. Я поднял эту тему, поделившись с нею рассказом пациента Е. П. о своем упорном стремлении держаться в тени. Я описал ей Е. П. как человека намного старше ее, воспитывавшегося как девочка и пережившего в восемнадцатилетнем возрасте операцию по удалению рудиментарного пениса. Я сообщил Агнес, что Е. П. продолжал одеваться, как женщина, однако хотел, чтобы к нему относились как к мужчине; и что изменения в Е. П. произошли всего несколько лет назад. Я описал внешность Е. П. и проиллюстрировал его озабоченность проблемой неприметности его же рассказом о том, что «с ним всегда происходят такого рода гадости»: т. е. например, в каком-нибудь баре к нему подходит мужчина и говорит, «Извините, мы тут поспорили с другом. Вы мужчина или женщина?» Агнес тут же назвала Е. П. «ненормальным» и резко отвергла возможность сравнения ее с Е. П. По этому поводу она заявила, что не признает актуальности стремления не выделяться.

Агнес рассказала о том, как в старших классах ей удавалось держаться в тени: она никогда не ела в школьной столовой; не вступала ни в какие клубы; ограничивала свои передвижение и жестикуляцию; избегала разговоров; любой ценой «избегала мальчиков со странностями»; носила не по размеру просторную рубашку и сидела, скрестив руки на груди и прислонившись к парте, чтобы скрыть грудь; избегала заводить знакомства как с мальчиками, так и с девочками; в любом классе забивалась в дальний угол и не участвовала в классных дискуссиях, так что иногда «за весь день не произносила ни слова»; следуя заведенному режиму и плану передвижения вокруг школы, так что, как явствует из ее рассказов, всегда входила через одни ворота на школьный двор, всегда входила в школу через одну дверь, направлялась в класс одним и тем же путем, приходила всегда в одно и то же время, уходила через одну и ту же дверь, шла одним и тем же путем

домой и т. д. Этот рассказ прозвучал в ответ на мой вопрос: «Происходило ли что-нибудь особенно неприятное?» Отвечая на него, Агнес заметила: «Я не помню каких-то особенно неприятных ситуаций, но некоторые вещи были настолько очевидны, что их было трудно скрыть... Мой внешний вид в целом... было совершенно очевидно, что он не мужской, то есть не слишком мужской». Несмотря на все это, Агнес подвела одежда. По ее словам, в старших классах она одевалась «почти так же», как в начальной школе. Обычно ее туалет состоял из белых вельветовых штанов и просторной рубашки с расстегнутым воротом. Как оказалось, носить просторную рубашку в качестве специального приспособления предложил ее старший брат. Несмотря на развитие груди, Агнес предпочитала заправлять рубашку в брюки. Она сменила свой наряд только под воздействием брата, который был на несколько лет ее старше, посещал ту же школу и испытывал смущение по поводу ее женственного внешнего вида и отчитывал ее за то, что она одевается, как девочка. Именно брат настоял на том, чтобы она носила просторную рубашку. И кроме того, он выразил недовольство из-за того, что она носит книги, как девочка, показал ей, как должен носить книги мальчик, и настоял, чтобы она носила их именно так.

Еще один пример «ситуации непрерывного развития» состоял в необходимости как-то справиться с мнениями друзей, соседей и членов семьи после своего возвращения из Мидвест-сити. Это были люди, жаловалась Агнес, которые «знали ее с пеленок». В первой части своих комментариев на эту тему она категорично утверждала, что проблема, связанная со стремлением не выделяться, вообще не была проблемой, «даже когда я приехала домой из Мидвест-сити». Чуть позже, когда я стал расспрашивать ее о том, что сказали и как отнеслись к ней после ее возвращения мать, брат и сестры, прежние друзья, друзья ее матери и соседи, Агнес заметила: «Это было так необычно, что никто в городе не знал, как к этому относиться». Затем, после фразы «Все относились ко мне доброжелательно; даже доброжелательнее, чем раньше и принимали меня. Они только хотели разузнать», она изменила свой рассказ. Свою жизнь с момента возвращения из Мидвест-сити до поездки в Лос-Анджелес она охарактеризовала как «ужасную». Она исключила из своего рассказа свой первый опыт работы в родном городе. В одной из последующих бесед Агнес сказала, что никогда не вернется в родной город. После операции по удалению пениса, проведенную в УКЛА, она говорила о том, как ей хочется уехать из Лос-Анджелеса, поскольку ей казалось, что о ней слишком многое известно и слишком многие ее знают: «Все эти врачи, медсестры, интерны — все».

Частью этой ситуации было соперничество с двоюродной сестрой Эллис, а также сочетание соперничества и взаимного осуждения, существовавшего между Агнес и женой ее брата. По возвращении из Мидвест-сити Агнес столкнулась с явным осуждением и открытым выражением возмущения со стороны жены брата, тети и в особенности брата, который все допытывался, «когда она прекратит эти глупости». Для Агнес эти воспоминания были мучительны. Она не любила вспоминать о том времени. Чтобы услышать комментарии Агнес по поводу происшедшего, потребовалось приложить немало усилий, да и то результаты их были сомнительны по причине явного отрицания и идеализации с ее стороны. Она твердила «Они принимали меня» или отрицала, что могла знать, *что* думали окружающие.

Еще один подобный «случай» был связан с неудачной попыткой всех заинтересованных лиц справиться с низкой самооценкой Агнес, страдавшей из-за того, что после большого перерыва в учебе ей пришлось продолжить образование с репетитором, предоставленным системой государственных школ. Агнес не вернулась в школу в сентябре 1957 г., чтобы отучиться последний год. По ее рассказам, мать договорилась с завучем школы, чтобы к ней ежедневно приходил преподаватель. Агнес всячески уклонялась от прямого ответа на вопрос, что они с матерью обсуждали в этом плане и о чем договорились или не договорились в связи с дальнейшим обучением Агнес и репетиторством. Агнес заявила, что не располагает никакой информацией касательно этой договоренности, не знает, что ее мать думает по этому поводу и о чем конкретно она беседовала с завучем. Агнес также заявила, что не помнит, как долго продолжался каждый урок на дому и какова была продолжительность периода репетиторства. Уклончивость и мнимая амнезия заставили нас прийти к выводу, что это было время, о котором Агнес не любила «вспоминать». Агнес все-таки охарактеризовала, хотя и кратко, период, в течение которого занималась с репетитором, как период постоянного недовольства и хронического конфликта с матерью. В первых беседах относительно этого недовольства Агнес утверждала, что хотя у нее было много времени и что ретроспективно она понимает, что могла бы за этот период сделать больше: «Я чувствовала себя затворницей... мне хотелось куда-нибудь пойти, встречаться людьми, веселиться. До своего отъезда в Мидвест-сити я с трудом заставляла себя выйти из дома. Но после возвращения мне

захотелось выходить в свет, общаться, а мне приходилось сидеть в четырех стенах и бездельничать». Помимо этого Агнес вскользь отметила, что ее домашний преподаватель посещал также и других учеников, которые, по ее словам, «были не совсем нормальными». В свете нежелания Агнес воспринимать себя как человека ненормального у меня сложилось впечатление, что она не давала более развернутые комментарии из-за общего отказа признать за собой какую бы то ни было «ненормальность», а также утверждения, что если бы не ее непонимающее, враждебное окружение, она могла бы вести и чувствовать себя «естественно и нормально».

Одна из наиболее драматичных «ситуаций, не поддающихся анализу с помощью модели игры», начала свое развитие с момента операции по удалению пениса и длилась примерно шесть недель [5]. С момента начала послеоперационного восстановительного периода Агнес пыталась сохранить приватность ухода за своим влагалищем, самостоятельно принимая сидячие ванны и меняя бинты. Она настояла на том, чтобы делать это без наблюдения медсестер и интернов, к которым испытывала антипатию. Из ее рассказа следовало, что и она сама не нравилась медсестрам. Влагалище плохо заживало. Вскоре после операции развилась инфекция. Для облегчения заживания пришлось удалить крупную пластичную форму размером с пенис, что привело к образованию спаек и закрытию влагалищного канала по всей длине, включая наружное отверстие. Ожидаемая глубина канала была потеряна. Попытки восстановить ее вручную предпринимали и лечащий хирург, и, следуя его наставлениям, сама Агнес. Эти процедуры причиняли сильную боль. В течение почти недели после выписки из больницы Агнес страдала недержанием мочи и кала. Движения были ограниченны и причиняли боль. Новое влагалище требовало постоянного внимания и ухода. Оно было прикреплено к мочевому пузырю, который, соединяясь с кишечником, подавал неопределенные сигналы, так что когда он расширялся под давлением мочи, Агнес испытывала позывы к дефекации. В мочевом пузыре развилась инфекция. Она сопровождалась постоянной болью и периодическими сильными спазмами в животе. Удаление яичек нарушило баланс андрогена и эстрогена, что привело к немотивированным колебаниям настроения. Последовали ссоры с Биллом, который быстро потерял терпение и начал угрожать уходом. Несмотря на «кампанию», призванную удержать мать от приезда в Лос-Анджелес, Агнес стала все яснее осознавать, что ситуация выходит из-под контроля и что ей нечего рассчитывать на самостоятельное восстановление после операции. Это вызвало дополнительную тревогу: если появится мать, Агнес вряд ли удастся утаить от Билла и его семьи последний ужасный факт своей биографии, известный ей самой и ее матери, но неизвестный Биллу и его семье, а именно, тот факт, что Агнес воспитывали как мальчика. Вплоть до повторной госпитализации по поводу спазмов мочевого пузыря Агнес удавалось ухаживать за влагалищем и в целом следить за своим физическим состоянием, лежа днем в постели дома у Билла, а вечером возвращаясь в свою квартиру. Необходимо было как-то скрывать происшедшее от матери Билла, которой сообщили, что Агнес прооперировали по поводу «женских проблем». Кроме того, Агнес страдала депрессией средней степени тяжести, которая сопровождалась немотивированными и неконтролируемыми приступами рыданий, апатией, глубоким чувством тоски. Эти симптомы были нетипичны для Агнес и не прогнозировались в начале лечения. Билл отчитывал ее за чувство жалости к себе и требовал разъяснить, вызвано ли ее состояние физическими нарушениями или «она такая на самом деле», хотя на этот вопрос Агнес не могла дать ответ. Агнес жаловалась, что ее мысли и чувства потеряли свою яркость, что ей трудно сосредоточиться, она легко отвлекается и ей изменяет память. Все это усугублялось ее страхом перед собственной депрессией и навязчивыми мыслями о «сумасшествии».

После особенно сильного приступа спазмов мочевого пузыря Агнес вновь поместили в больницу и назначили соответствующее лечение. Спазмы удалось ослабить; были прописаны инъекции тестостерона; инфекция мочевого пузыря была взята под контроль; влагалищный канал вновь был раскрыт и стал подвергаться манипуляциям сначала вручную, а затем с использованием искусственного пениса. Примерно к концу шестой недели депрессия полностью исчезла. Влагалище заживало, осталась только повышенная чувствительность; добросовестно используя форму, Агнес достигла его глубины в пять дюймов и могла ввести пенис диаметром полтора дюйма. Ссоры с Биллом прекратились и сменились их совместным ожиданием того времени, когда можно будет вступить в половые отношения. Агнес описывала их отношения так: «Они не такие, как в самом начале. Сейчас мы похожи на супружескую чету с большим стажем».

В описаниях Агнес своих отношений с Биллом так или иначе фигурировали самые разнообразные ситуации, поддающиеся и не поддающиеся анализу с помощью модели игры. Если справедливо, что все дороги ведут в Рим, то у Агнес эти дороги сходились на фигуре Билла.

Приведу краткий пример: в ходе одной из наших бесед Агнес по моей просьбе подробно описала последовательность событий обычного дня в своей жизни и рассмотрела для каждого из этих событий возможность альтернативного образа действий. Описанная ею цепочка следствий приводила к Биллу, а от него — к ее секретам и «проблеме». Это происходило вне зависимости от того, с чего начиналась последовательность событий. Затем я попросил Агнес начать с чего-нибудь, по ее мнению, особенно прекрасного, представить нечто, что могло изменить это в худшую сторону, и рассказать, что тогда бы произошло. Агнес ответила: «Лучшее, что со мной когда-либо происходило, — это встреча с Биллом». Затем оба мы засмеялись, осознав бесполезность этого эксперимента.

Билл становился предметом обсуждения в любом нашем разговоре. Когда Агнес говорила об уверенности в себе как женщины, тут же возникал образ Билла как человека, с которым она могла ощущать себя «естественной и нормальной». Если Агнес обсуждала ощущение поражения, унижения, неполноценности как женщины, Билл оказывался тем, с кем она особенно остро испытывала это чувство, поскольку он, за исключением врачей, был единственным, кому она добровольно поведала свой секрет. После признания чувство неполноценности как женщины частично смягчилось благодаря уверениям Билла, что ей не следует чувствовать себя неполноценной, потому что она ничего не могла поделать со своим пенисом, и в любом случае это был не пенис, а опухоль или «что-то вроде аномального выроста». Билл был частью рассказов Агнес о своих профессиональных устремлениях, отношению к работе, трудовой дисциплине, заработке, шансах на продвижение по службе, профессиональной квалификации. Я уже упоминал о его «лекциях» о том, как должна вести себя леди, и хотя то, как он учил Агнес, было неизвестно, он все-таки делал именно это. К ведению хозяйства, быту, ее поведению с незнакомыми людьми, поведению в Лас-Вегасе, к требованию операции и настаивании на том, что если «врачи из УКЛА, которым только и нужно, что делать над тобой эксперименты, ничего не предпримут», чтобы Агнес отказалась от услуг врачей УКЛА и нашла врача, который бы ей помог, к интимным отношениям, дружбе и подготовке к свадьбе — ко всему этому Билл имел прямое или косвенное отношение.

Я уже отмечал ранее, что случаи перехода требовали от Агнес совершать работу по достижению атрибутируемого статуса естественной нормальной женщины. Причастность к этой работе Билла уменьшала значимость соображений строгой полезности и инструментальной эффективности в выборе ею стратегий и в оценке легитимности используемых ею процедур и их результатов. Из всех описанных Агнес ситуаций те, в которых фигурировал Билл, меньше всего поддавались игровому анализу. Одно из наиболее устойчивых структурных противоречий, возникающих при использовании игрового анализа, заключается в характере их совместной биографии, созданной их тесным взаимодействием, и в широком назначении, по которому эта совместная биография могла использоваться и использовалась обоими. Именно широкая релевантность этой биографии помогает понять сильный страх, который испытывала Агнес по поводу раскрытия перед Биллом, а также ее упорное нежелание рассказывать мне о том, как это признание произошло. Только к концу наших бесед и только когда я стал настаивать на том, чтобы она мне рассказала о признании, Агнес с горечью в голосе и постепенно поведала мне эту историю. Совместная биография помогла нам также понять, насколько все более неизбежным становилось для Агнес признание и насколько все более нестерпимыми становились ее душевные страдания по этому поводу.

Я ограничусь тем, что приведу два примера. В обоих случаях Билл задал вопрос, на который Агнес, находившейся в затруднительной ситуации и именно потому, что у нее не было иного выхода, кроме как оставаться в ней, мучительно трудно было найти ответ. До операции, прежде чем Билл узнал о состоянии Агнес, он задал следующий вопрос: «Почему ты отказываешься от интимных отношений?» После того как он все узнал, то, по словам Агнес, задал следующий вопрос: «Что они там говорят, в этом УКЛА? Если их врачи ничего ей не обещают, почему не уйти от них и не обратиться к врачу, который сделает что-нибудь, как это делают любому другому человеку?»

Агнес познакомилась с Биллом в феврале 1958 года. У нее была собственная квартира. Бил приходил к ней после работы и проводил у нее вечера. Они много нежничали друг с другом. Позволяя ласки и нежные прикосновения, Агнес тем не менее не разрешала Биллу класть руку между ее ног. Сначала он обвинил ее в жеманстве. Агнес отвечала на его первые требования интимных отношений заявлением о том, что она девственница. Это его не удовлетворило, поскольку, по ее рассказу, она охотно «и страстно» включалась в любовные прелюдии. (Агнес отрицала, что физические ласки когда-либо вызывали у нее эрекцию.) Продолжение отношений с Биллом было возможно

только при наличии правдоподобного объяснения. Агнес сообщила ему, что у нее болезнь, исключающая возможность интимных отношений; что от этой болезни нельзя быстро избавиться; что ей необходима операция; что после операции они смогут вступить в интимные отношения. О своей «болезни» она говорила общими фразами, неопределенно, что возбудило интерес Билла и желание узнать в подробностях, что это за болезнь. Агнес ответила, что ее знаний недостаточно, чтобы предоставить такую информацию, но она получит ее от своего лечащего врача из Нортвест-сити. В страхе, что Билл бросит ее, Агнес вернулась в Нортвест-сити и попросила лечащего врача написать разъяснительную записку Биллу. Записка врача, составленная специально в помощь Агнес, содержала лишь общую информацию о «болезни», которую невозможно излечить, пока Агнес не исполнится 21 год, поскольку проведение операции до этого возраста опасно для жизни пациентки. Естественно, все это было неправдой. Хотя Билл этого не знал, ответ его все же не удовлетворил. Он настаивал на том, чтобы Агнес рассказала ему, что конкретно у нее не в порядке, и после серьезной ссоры, последовавшей за отклонением его требования вступить в интимные отношения, признание стало необходимым условием продолжения ухаживаний либо брака. Агнес еще раз попыталась успокоить Билла, сказав ему, что ее болезнь отвратительна ей и будет отвратительная ему, на что он отреагировал вопросом: «Что может быть настолько отвратительным? Там что, член?» Агнес была убеждена, что у нее два пути: либо ни в чем не признаться и потерять Билла, либо рассказать ему все, надеясь, что он поймет, а если нет, то потерять его. В конце концов она призналась. Неоднократно, когда я расспрашивал ее о том, как Билл убедился в том, что она сказала правду — например, настоял ли он на личном осмотре, — Агнес отказывалась от дальнейших комментариев. Она утверждала, что имеет право на частную жизнь и ни при каких обстоятельствах не расскажет о том, как он удостоверился в правдивости ее признания. На мой вопрос «Что ему известно?» Агнес неизменно отвечала: «Он знает то же, что и вы» или «Он знает то же, что и врачи». Больше она ничего не говорила. Агнес рассказала, что до своего признания «он меня превозносил». После признания она больше не могла чувствовать себя, как прежде, чувствовать себя «его королевой». Агнес сказала, что до признания они часто рассматривали витрины магазинов, подбирая мебель для дома, планировали церемонию бракосочетания. «С апреля», когда она вернулась домой за разъяснительной запиской врача, разговоры о свадьбе прекратились, «поскольку все пребывали в сомнениях». Рассказ Агнес не мог быть воспринят с полным доверием. Дальнейшие разговоры происходили именно из-за возникших сомнений. Поэтому часть того, что сообщила Агнес, говоря «больше никаких разговоров не было», было связано с унижением, которое она испытала из-за возникшей в конце концов необходимости рассказать Биллу о своем пенисе и мошонке, которые и явились препятствием к интимным отношениям.

Чувство собственной неполноценности как женщины, возникшее после признания, вначале сопровождала неприятная мысль о том, что Билл, возможно, «ненормальный». Агнес отвергла ее, вспомнив, что Билл влюбился в нее до того, как узнал о ее состоянии; вспомнив рассказанные им истории о своих интрижках и любовных похождениях; проанализировав тот факт, что он счел ее пенис «чем-то вроде опухоли» и начал настаивать на проведении операции. В ходе наших бесед Агнес неоднократно подчеркивала, что ничто в его манерах, внешнем виде, характере, обхождении с ней, другими женщинами и мужчинами «не напоминало гомосексуалиста». Под гомосексуалистами Агнес подразумевала женоподобных мужчин, одевавшихся как женщины. Она находила неприятной возможность его «ненормальности», говоря о том, что она не могла бы его «даже» видеть, если бы думала, что он «ненормальный». После операции нам удалось получить описании внешнего вида и манеры поведения Билла от интерна-уролога и ординатора. Ординатор встретил Билла, когда тот выходил из палаты Агнес. Он регулярно навещал ее, когда она лежала в больнице. Ординатор сообщил, что был удивлен невысоким ростом Билла, тонкими чертами смуглого лица и некоторой манерностью. Он поднял глаза на ординатора, и тот прочел в его взгляде: «И вы и я знаем, что там». Нам не хотелось верить рассказу ординатора, поскольку его антипатия к Агнес была очевидна. Он выступал определенно против проведения операции, утверждая, что она не нужна и неэтична. Он был уверен, что имело место сношение через анальный проход, что, по его мнению, доказывала слабость анального сфинктера. В отношении неизвестного источника эстрогенов он придерживался той гипотезы, что Агнес одна либо с чьей-то помощью многие годы получала их извне. Несмотря на наши попытки поговорить с Биллом, он отказался от каких-либо контактов.

Что касается второго вопроса, случаи перехода заключались в оправдании перед Биллом ее «выбора врачей из УКЛА». Тема объяснения Биллу своих визитов в УКЛА возникала, хотя и по разным причинам, почти во всех наших разговорах не только до, но и после операции. Билл настаивал на том, чтобы Агнес заставила врачей из УКЛА лечить ее «без всяких подозрительных делишек. Они дурачат тебя. Они не собираются ничего делать. Они просто хотят провести исследование. Ты для них просто подопытный кролик». В ответ на это во время субботней утренней встречи с нами Агнес потребовала скорейшего принятия обязательств. Она твердила, что не в состоянии больше пререкаться с Биллом, поскольку «учитывая то, что ему известно, он совершенно прав. Но я знаю то, что не знает он». (Что она воспитывалась как мальчик и что причины нашего особого интереса к ней должны храниться в секрете от Билла.) Агнес приходилось справляться с нетерпением Билла из-за затянувшейся процедуры, убеждая его в том, что в УКЛА она в надежных руках, а также объяснять свои загадочные субботние беседы с нами нашими исследовательскими нуждами. Ей приходилось признавать справедливым его требование, чтобы она не мирилась со всеми этими «сомнительными штучками», а, поскольку с ней было что-то не в порядке, настаивала на том, чтобы мы либо что-то предприняли, либо отпустили ее. Вместе с тем у Агнес была цель пройти операцию у высококвалифицированных специалистов за минимальную плату или бесплатно, однако для этого она должна была участвовать в исследовании, причем не только из-за волновавших Билла анатомических отклонений — они представляли собой лишь часть того, что нас интересовало как исследователей. Наше внимание привлекал тот факт, что до семнадцатилетнего возраста Агнес воспитывалась как мальчик. Таким образом, Агнес не могла объясниться перед Биллом, поскольку, по ее словам, «это то, что известно мне, но неизвестно ему. Я более или менее уверена, что он думает, что меня здесь обманывают, водят за нос, дурачат. Будто врачи считают: о, вот глупенькая девочка, мы можем просто ее исследовать... Это большая проблема, потому что я не могу это опровергнуть, не могу доказать, что он ошибается, потому что, учитывая то что ему известно, он совершенно прав. Но в действительности, если бы *я* так считала, то была бы совершенно неправа. Вот почему мне нужно подождать. Потому что я знаю то, что он не знает. Вот почему мне нужно подождать».

После операции Агнес опять потребовались оправдания, поскольку она боялась своей депрессии и обилия трудностей, возникших в первые недели восстановления. По ее словам, только она разрешала одну проблему, как возникала другая. Происходящее пугало ее. Кроме того, она нуждалась в заверении, что она не «сумасшедшая», и призналась, что беседы с нами приносят ей облегчение, но у нее нет никакой возможности объяснить это Биллу. Когда она обсуждала эту тему с Биллом, он либо стоял на своем, либо требовал заверений, что ее психологические проблемы целиком объясняются физическими последствиями операции и что она в действительности *не такая*, т. е. не раздражительная, капризная, плаксивая, эгоистичная, что не таков ее *настоящий* характер. Даже после того как влагалище стало заживать так, как нужно, и депрессия прошла, Агнес была готова, и в действительности хотела, продолжать еженедельные беседы. Частично ее дискомфорт был связан с функциональным характером ее влагалища и вопросом, обещает ли Билл жениться на ней до или после интимных отношений. Она воспринимала как само собой разумеющееся то, что ей придется до брака согласиться на интимные отношения с новым влагалищем. Как она выразилась, «оно для этого и предназначено; для интимных отношений». Ее также беспокоила неопределенность, которую она ощущала, отдавая себе отчет в изменении их отношений с Биллом по сравнению с тем, какими они были прежде. Агнес также осознавала, что в дальнейшем их отношения изменятся еще в большей мере. «Сейчас, — говорила она, — мы похожи на супружескую чету с большим стажем». В то же время она выражала уверенность в том, что мы знаем о Билле больше, чем она, и больше, чем говорим. В одной из последних бесед она впервые за все время общения с нами поинтересовалась, что я думаю о Билле и не кажется ли он мне «ненормальным». Я ответил, что знаю о Билле только по ее рассказам и что я никогда не видел его, не общался с ним и поэтому не считаю себя вправе высказывать свое мнение о нем.

То, что в нашем присутствии Агнес осуществляла переход, — является особенностью ее обследования, причем ее проблема состояла в том, чтобы, «не подвергаясь исследованию», т. е. в ее понимании, сохранив неприкосновенность частной жизни, с гарантией пройти операцию у высококвалифицированных специалистов за минимальную плату. Так, хотя она и демонстрировала готовность пройти «все эти тесты», выполнить задание с карточками *Q*-сорт[1], руководствуясь разными инструкциями, ее поведение свидетельствовало о стремлении

[1] *Q*-сорт — вид психологического личностного опросника. — *Примеч. перев.*

скрыть свои истинные чувства. Агнес были вручены карточки Q-сорт и дано задание рассортировать их дома, а на следующей неделе вернуть психологу в рассортированном виде. Агнес сказала, что Билл постоянно подсматривал за тем, как она раскладывает карточки, «но я все смешала так, чтобы он не мог ничего понять». (Она засмеялась.) Еще одно свидетельство перехода в общении с нами связано с «секретами», которые Агнес удалось сохранить. Несмотря на семьдесят часов общения с нами троими и дополнительные беседы с персоналом отделений урологии и эндокринологии, а также несмотря на тот факт, что для получения информации использовались прямые и косвенные вопросы, было семь тем, в отношении которых мы так ничего и не выяснили: 1) возможность получения гормонов извне; 2) характер и мера «сотрудничества» Агнес с матерью и другими людьми; 3) какие-либо данные, не говоря уже о достоверной информации, касательно ее чувств и биографии в роли представителя мужского пола; 4) как использовался пенис помимо функции мочеиспускания; 5) как она достигала сексуального удовлетворения сама и доставляла его другим, в особенности своему другу, до и после признания; 6) характер каких-либо гомосексуальных чувств, опасений, мыслей, действий; 7) ее самоощущение как «ненастоящей женщины». Некоторые подробности осуществления ею этого перехода с *нами* прояснятся в следующем разделе, в котором обсуждаются конкретные особенности ее приемов перехода.

Если Агнес в общении с нами осуществляла переход, следует со всей честностью признать, что неоднократно в общении с нею я сам осуществлял переход. В беседах с Агнес я не раз сталкивался с необходимостью отклонить ее требования информации, с тем чтобы не предстать некомпетентным, а также сохранить контакт с нею. Например, я не смог сказать ей, существует ли разница между мочой мужчины и мочой женщины. Было несколько юридических моментов, по поводу которых Агнес задала вопросы, вполне очевидные, когда она их задала, но не пришедших мне в голову. Я не имел ни малейшего понятия, как на них ответить. Когда у Агнес были проблемы с мочевым пузырем и кишечником, она спросила у меня, сколько это может продлиться и что может еще произойти. Несколько раз перед операцией она интересовалась, что мне известно о наиболее вероятном решении. Агнес часто расспрашивала меня о деталях операции и послеоперационного ухода. Она задавала анатомические вопросы. Один из них касался загадочной «твердой вещи», нащупанной ею в основании нового влагалищного канала. Она полагала, что я смогу ей рассказать, что это. Моя жена защитила дипломную работу на тему гормона релаксина и его влияния на лобковый симфиз у морских свинок. Я определил упомянутую Агнес «твердую вещь» как лобковый симфиз и поведал ей, как действует релаксин посредством размягчения этого хряща перед прохождением через влагалищный канал детеныша морской свинки. Мне приходилось лелеять надежду, что, распространяя эту историю на людей, я не рассказывал Агнес небылицы, частично потому, что предпочел бы сказать ей правду, но, что более важно, ради сохранения дружбы, конфиденциальности и чувства, что мы с ней заодно, что между нами нет секретов, поскольку я уже был посвящен в ее частную жизнь и никакое ее признание не изменило бы нашу симпатию к ней или наше желание сделать все возможное, чтобы она была благополучна и счастлива. Поэтому обычно я пытался разузнать как можно больше о том, что ее интересовало и почему, а также убедить ее в том, что я могу ответить на ее вопросы, но ей лучше спросить у Столлера, врача, поскольку подобные вопросы имеют для нее большое значение и поэтому нуждаются в квалифицированных ответах. Должен признаться, что это объяснение было импровизацией, возникшей когда Агнес впервые застала меня врасплох своим вопросом. Поскольку эта стратегия оказалась эффективной, я прибегал к ней и в дальнейшем. Любопытно, что, несмотря на подобные заверения, Агнес не могла спросить меня, по-видимому, *знала*, что не может спросить меня, а я не был готов сказать ей откровенно, изменится ли и если изменится — то как, решение оперировать ее, если она даст разъяснение по семи темам, которые нас интересовали и по которым нам не удалось получить никакой информации.

Обзор средств управления «переходом»

В отличие от гомосексуалистов и трансвеститов Агнес была убеждена, что она в конечном счете естественная, настоящая, нормальная женщина. Эти претензии не сопровождались в ее поведении чем-либо напускным или притворным. В этом отношении Агнес последовательно разделяла мировоззрение «нормальных людей».

Однако между Агнес и «нормальными людьми» все же существовало важное различие, которое заключалось в том, что «нормальные люди» могут выдвигать подобные претензии без опаски, тогда как Агнес они вовлекали в неопределенность реакций окружающих.

Ее претензии на женственность должны были подкрепляться и регулироваться проницательностью, взвешенностью, мастерством, обучением, тренировкой, наблюдательностью, проверкой, анализом, обратной связью и т. д. Право относиться к окружающим как нормальная женщина и соответственно восприниматься окружающими было достигнуто ею в результате успешного преодоления ситуаций риска и неопределенности. Рассмотрим некоторые средства, позволившие ей обеспечить и гарантировать свое право.

Эти средства использовались со знанием и были мотивированы знанием о себе такого, что хранилось в секрете от всех других, даже значимых людей. Как я уже отмечал, раскрытие этой тайной информации о себе рассматривалось ею как потенциально унижающее и наносящее вред. Агнес не без оснований была убеждена, что, если произойдет разоблачение, мало что сможет заставить других людей «понять все правильно». В этом отношении феномен перехода Агнес соответствует описанной Гоффманом работе по созданию определенного впечатления в социальных кругах[1]. Однако это соответствие носит лишь поверхностный характер, что станет понятно из нашей дальнейшей дискуссии.

Когда я говорю, что Агнес добилась права на атрибутируемый статус естественной женщины посредством успешного преодоления ситуаций риска и неопределенности, я не имею в виду, что Агнес участвовала в некой игре, или что для нее это было делом интеллектуального порядка, или что она достигла такого самоконтроля, когда смогла легко и успешно переходить из одного пола в другой. Я уже упоминал некоторые доказательства этого. Можно привести и другие. Даже в воображении Агнес было не только трудно, но и крайне неприятно представлять себя в мужской роли. О некоторых моментах ей было настолько мучительно вспоминать, что она опускала их непредумышленно. Когда она узнала, что принято решение о проведении операции, сознание того, что ее будут оперировать, сопровождалось страхом, что, когда она будет лежать на операционном столе и от нее уже ничего не будет зависеть, врачи, не посоветовавшись с нею, решат удалить грудь вместо пениса. Эта мысль вызвала легкую подавленность, которая прошла лишь тогда, когда ее убедили в необоснованности ее опасений. Состояние естественной женщины являлось тем, что были призваны

[1] Erving Goffman, *The Presentation of Self in Everyday Life*, University of Edinburgh, Social Sciences Research Centre, 1956.

доказывать разнообразные стратегии. Агнес не играла. «Естественная женщина» была одним из множества институциональных ограничений, «иррациональных данностей», тем, *на чем* Агнес *настаивала*, несмотря на все противоречащие свидетельства, все соблазны альтернативных преимуществ и целей. «Естественная женщина» ослабляла взвешенность усилий Агнес, реальную доступность, не говоря уже об осуществлении выбора, а также последовательности в соблюдении норм строгой полезности и эффективности в выборе средств. Она накладывала «ограничения» на реализацию некоторых рациональных свойств поведения, особенно тех рациональных свойств, которые предусмотрены случаями, когда определенные игры используются в качестве процедурных моделей для формулирования формальных свойств практической деятельности.

Необходимо подчеркнуть не только недостатки анализа стратегии при обсуждении «средств управления» Агнес, но тот факт, что само выражение «средство управления» можно рассматривать лишь как предварительный термин. Он применим потому, что позволяет составить список этих приемов. По той же причине, по какой он позволяет перечислить приемы преодоления, он делает менее отчетливыми феномены, с которыми необходимо разобраться. *Эти феномены заключаются в текущих действиях Агнес, направленных на освоение жизненных обстоятельств путем манипулирования этими обстоятельствами как структурой релевантностей.* Мы постоянно сталкиваемся с размытостью, неопределенностью роли времени в структурировании биографии и перспектив текущих ситуаций на протяжении последовательности действий как функции от самих действий. Недостаточно сказать, что ситуации Агнес разыгрываются во времени, точно так же как недостаточно рассматривать это время как астрономическое. Существует также «психологическое время» воспоминаний, предчувствий, ожиданий. Любые попытки проанализировать «средства управления» Агнес без учета этого времени оправданны, но лишь в том случае, если рассматриваемые ситуации имеют эпизодическую структуру; и в своих рассуждениях Гофман либо приводит в качестве иллюстрации ситуации эпизодического характера, либо искусственно превращает анализируемые ситуации в таковые. Однако стратегический анализ неприменим, если события не являются эпизодическими. В этом случае необходимо проявить теоретическую изобретательность и принять ряд теоретических решений, вытекающих одно из другого, интенсивно используя при этом метафору с тем, чтобы соединить эти события

в единую правдоподобную картину. Эту рекомендацию можно, хотя и недостаточно точно, резюмировать, отметив: было бы неверно сказать, что Агнес осуществила переход. Необходимо использовать настоящее время: она осуществляет переход. Насколько бы неточной ни была эта формулировка, она обобщает трудности в жизни Агнес. Она также представляет *наши* трудности в точном и адекватном описании ее трудностей.

Перечислив некоторые из «средств управления» Агнес, мы обсудим ее жизненные обстоятельства, с тем чтобы понять эти приемы как манипуляции жизненными обстоятельствами, понимаемыми как структура релевантностей.

Средства перехода

Агнес использовала целый ряд известных приемов, чтобы скрыть от нас определенную информацию. Особенно активно она использовала эвфемизм — превращая то, о чем она говорила, в нечто значительно более привлекательное, ценное и приятное, чем это было в действительности. Приведу несколько примеров: данное Агнес описание своей первой работы, на которую она устроилась после возвращения из Мидвест-сити, мало чем отличалось от пустого словоблудия. «О, все было просто великолепно»; «Это была лучшая работа в моей жизни»; «Все были так милы; обстановка была такой дружеской»; «Я до сих пор переписываюсь со *всеми* девушками с той работы»; «Все было очень весело»; «Все просто излучали дружелюбие и радость». В своем рассказе Агнес обошла описание конкретных должностных обязанностей. Когда мы стали настаивать, она заявила, что «вообще» не находит их интересной темой для беседы. Кроме того, как мы заметили, Агнес акцентировала женский аспект своей биографии и всячески избегала упоминания того, что воспитывалась как мальчик.

Еще один способ утаивания информации состоял в том, чтобы говорить общими фразами, использовать намеки или осторожные, безличные ссылки и безличные предложения. Мы пришли к пониманию того, что именно это делала Агнес, когда в нашем представлении была «уклончива». Еще один излюбленный прием заключался в том, чтобы притвориться несведущей в теме разговора или отрицать, что нечто сказанное ранее действительно было сказано.

Когда обсуждение того, о чем ей не хотелось говорить, становилось неизбежным, Агнес использовала то, что мы назвали «легализмами».

Она отвечала и утверждала, что отвечает на буквальный смысл слов и вопроса. Либо, если я предлагал ей вспомнить, что она говорила ранее, она настаивала на дословном восстановлении сказанного. Одним из излюбленных приемов было прежде чем дать ответ позволить другим людям, и во многих случаях мне самому, взять инициативу в свои руки и посмотреть, куда это все приведет. Агнес давала возможность окружающим внушать ей ответы, ожидаемые на ими же заданные вопросы. Порой Агнес выдавала себя, интересуясь в разговоре, «нормальный» ли, с моей точки зрения, она дала ответ.

Во многих ситуациях, когда у нее было достаточно информации, она заранее планировала варианты развития событий и определяла условия выбора одной или другой линии поведения еще до осуществления выбора. Например, думая о том, как уклониться от медицинского обследования, если врач заявит о необходимости осмотреть половые органы, Агнес заранее рассмотрела различные варианты обоснования отказа. Она сказала: «Меня никогда не осматривал врач, и надеюсь, этого никогда не случится». Я спросил Агнес, как, по ее мнению, отреагировал бы врач, если бы она не позволила ему осмотреть ее половые органы. «Думаю, он бы зафиксировал это как нечто вроде идиосинкразии», — ответила она.

Когда это было возможно, и особенно когда речь шла о важных выигрышах и риске, Агнес заранее продумывала ситуацию. Она пыталась заранее разузнать о рискованных ситуациях. Например, ей очень хотелось попасть на государственную службу, однако она боялась, что медицинский осмотр при приеме на работу в государственные органы будет очень тщательным. Она вспомнила, что хозяин квартиры, которую она снимала, пожарный, должен был проходить эту процедуру, и попыталась узнать у него подробности. Агнес хотела уклониться от объяснения своих опасений по поводу прохождения процедуры обследования: «Он не понимал, о чем я в действительности расспрашиваю его относительно моей проблемы. Я задавала вопросы как бы между прочим. Я говорила что-то вроде — тебе нужно было пройти медицинское обследование, правда? Он отвечал — да. Я говорила: в самом деле? И что это за обследование? Серьезное? Они пытались узнать, насколько ты благополучен? Нет, отвечал он, все было не так серьезно. Это было не очень глубокое обследование».

Агнес особенно хорошо удавалось предоставлять информацию, которая мешала собеседнику предположить, что Агнес воспитывалась

как мальчик. «Откровенно говоря, я не хочу, чтобы кто-то меня проверял. Проверял, я имею в виду, выяснял мое прошлое... Не *думаю*, что это возможно, конечно, если они не выяснят что-то о том времени, когда я была моложе, но...» Поэтому при устройстве на работу Агнес уклонялась от предоставления информации, которая бы побудила работодателя «проверить» ее. Она описала процедуру заполнения анкеты при приеме на работу следующим образом: «На вопрос “Делали ли вам серьезные операции?” я всегда отвечаю “Нет”. “Есть ли у вас какие-либо физические недостатки?” Я всегда отвечаю “Нет”. “Не будете ли вы против тщательного медосмотра?” Я всегда отвечаю “Нет”. Я говорю, что не имею ничего против, поскольку если бы я отказалась, это отметили бы в анкете и, возможно, потребовали бы объяснений. Поэтому я стараюсь этого избегать, чтобы не привлекать к себе внимание. Если бы я начала делать что-то подобное, то, наверное, оказалась бы в гораздо худшей ситуации. Я имею в виду, тогда было бы труднее найти работу и всякое другое в том же духе. В любом случае, не думаю, что мне стоит быть откровенной в таких вопросах». Агнесс так резюмировала свою позицию: «Мне нужно постоянно немножко привирать, но это ложь во спасение, и я думаю, что она... она необходима и должна быть необходима, чтобы достичь результатов».

В одних случаях эта ложь во спасение была заранее продумана, в других — становилась импровизацией. Что касается ответов на вопросы анкет при устройстве на работу, они отличались некоторыми особенностями: 1) Агнес выбирала те ответы, которые, по ее мнению, не должны требовать дальнейших объяснений; 2) ответы хотя и содержали ложные сведения о ней, по сути были ответами, подходящими для *типичной* машинистки, какой себя преподносила Агнес, ответами, создающими ожидания, которые она надеялась оправдать при приеме на работу; 3) Агнес полагалась на свою способность сымпровизировать удовлетворительное объяснение для любых обнаруженных несоответствий. Агнес хорошо знала и чутко реагировала на конвенциональные ожидания в чрезвычайно широком круге повседневных ситуаций, с которыми ей приходилось сталкиваться: «я всегда сознаю», что может произойти. Присущее Агнес сознание обыденной, ничем не примечательной работы социальных структур, а также ее заинтересованность и готовность рассматривать их как основания для своих собственных действий придают действиям Агнес «манипулятивный» оттенок. Используя формулировку Парсонса, отдавая себе отчет в присущих ситуациям стабильных вероятностях, Агнес очевидно придавала наибольшую значимость полю «адаптации».

Перед Агнес неизменно стояла задача исключения смешивания атрибутов естественной женщины с альтернативными атрибутами мужчины, гомосексуалиста и т. п. Особенно часто ощущение двусмысленности возникало в разговорах Агнес с врачами и со мной. Агнес все время порывалась «исправить», «вывести из заблуждения» собеседника, замечания которого могли быть достаточно нейтральны, но воспринимались Агнес как намеренные или ненамеренные, неприятные для нее инсинуации, намеки на то, что она ненастоящая женщина, «фрик», гомосексуалист, ненормальная и т. п. Единственно верным выбором, безусловно, была естественная женщина. Агнес постоянно настаивала на том, чтобы я «правильной ее понял». Не раз она утверждала, что я заблуждаюсь, мотивируя это тем, что основной смысл искажается неверным подтекстом. Например, я как-то проанализировал некоторые материалы, в которых Агнес рассказывала о своих впечатлениях от жизни со своей приятельницей в Лос-Анджелесе и от их первых совместных вечеринок. Агнес сказала: «Мне казалось, что *окружающие* воспринимали меня как совершенно нормальную и естественную, и это вызвало естественное чувство удовлетворения от того, что меня так воспринимают». — «Ты имеешь в виду, что к тебе относились как к женщине?» — обобщил я. «Не как к *женщине*. Ко мне относились совершенно нормально, не видя во мне ничего необычного», — ответила Агнес. Когда бы в разговоре с Агнес я ни использовал выражение «вести себя как женщина», в ответе в том или ином варианте присутствовала тема: я и *есть* женщина, но другие бы неправильно поняли, если бы узнали, как меня воспитывали или что у меня находится между ног. Требование, чтобы я говорил об Агнес как о нормальной женщине, сопровождалось еще одним требованием: «Я хочу, чтобы вы правильно меня поняли». Например, «Я не испытывала уверенности, поскольку я должна была вести себя нормально. Я не могла вести себя иначе». Или дело было не в том, что первая вечеринка с приятельницей была «особенно приятна». Я охарактеризовал это событие как особенно приятное, на что получил резкий ответ: «Что вы имеете в виду? Это не было особенно приятно. Я сказала, что впервые в жизни веселилась, вышла в свет, развлекалась... Ничего особенно приятного. Все было, я бы сказала, *естественно!*»

Еще один момент, который волновал Агнес в связи с ее желанием, чтобы я все правильно понимал, был связан с моими записями. Однажды она спросила, что я записываю и, по-видимому, была смущена тем фактом, что беседы с ней фиксировались, хотя дискомфорт исчез

уже через четыре-пять сеансов. Подумав немного, Агнес, казалось, согласилась на ведение записей, сказав: «Конечно, вы всегда можете вернуться к своим записям и что-нибудь исправить в них. Каким бы умным ни был человек, он может неправильно понять слова другого, если они сказаны без надлежащих разъяснений. Сказанное может иметь отношение к делу. Наверное, другие врачи захотят послушать эти разговоры и там, где есть что-то подобное, они могут... использовать это».

Наконец, Агнес буквально не позволяла мне «неправильно понимать» объясняемые ею «причины» и «мотивы» своих действий. Она также стремилась сохранить контраст между своей биографией и планами на будущее и тем, как они могли предстать в художественной литературе, играх, притворстве, маскараде, предположениях, простом теоретизировании и т. п. Возможно, Агнес сама ощущала, что дальнейшие интерпретации будут связаны между собой событиями прошлого, установленными в обоюдно известной истории ее взаимодействия с тем или иным человеком, и, конечно, в особенности в истории взаимодействия с врачами и с Биллом. Во взаимодействии с нами возможность «неправильного понимания» создавала не только риск неблагоприятного решения в связи с операцией, но и благодаря установленным доверительным отношениям угрозу предательства.

В наших с нею беседах Агнес неоднократно подчеркивала, что «беззаботность», под которой она подразумевала демонстрирование непринужденности, была результатом тренировок. Она не раз говорила о выработанной «беззаботности». «Все выглядит так, будто ты *очень* беззаботна, но когда следишь за тем, что происходит вокруг, это нельзя назвать беззаботностью». Агнес подчеркивала важность демонстрирования непринужденности при сохранении внутренней бдительности. Когда я заметил: «То есть, хотя может казаться, что ты непринужденна, в действительности это не так, ты не чувствуешь себя непринужденно. Ты это имела в виду?» — она ответила: «Не совсем. Я чувствую себя непринужденно в том смысле, что я чувствую себя нормально, естественно и тому подобное, но я *сознаю*... что я... должна быть осторожна. Но не забывайте, при этом я остаюсь нормальной девушкой», — добавила она. Как тактику, сопутствующую отработанной беззаботности, Агнес упомянула стремление избегать каких бы то ни было тестов и, когда это возможно, заранее оценивать трудность и шансы на успех в выполнении теста, который ей могут предложить. Агнес явно старалась уклониться от любых испытаний, которые, по ее мнению, могла не пройти.

Средства управления как манипуляции структурой релевантностей: преодоление жизненных обстоятельств

Социологи давно пытаются описать условия организованной социальной жизни, при которых можно наблюдать феномены рациональности в поведении. Одно из подобных условий постоянно упоминается в социологических работах: *рутина как необходимое условие рациональной деятельности*. В этом отношении представляют интерес рациональные свойства деятельности, специфичные для поведения в повседневной жизни. Часто забывают, что Макс Вебер проводил различие между сущностной рациональностью и формальной рациональностью. Он практически единственный среди теоретиков социологии использовал это разграничение в своих работах.

Отношения между рутиной и рациональностью несообразны лишь тогда, когда они рассматриваются в соответствии с обычным здравым смыслом или в соответствии с рядом философских учений. Однако социологический подход предполагает почти как аксиому способность человека действовать рационально, т. е. способность человека *в своих повседневных делах* рассчитывать; действовать обдуманно; вырабатывать альтернативные планы действий; заранее определять условий, в которых он последует одному или другому плану; при выборе средств отдавать предпочтение наиболее эффективным; придавать значение прогнозируемости событий, предпочитая при этом «некоторый элемент неожиданности»; отдавать предпочтение предварительному анализу альтернатив и последствий перед импровизацией; придавать большое значение вопросу о том, что необходимо сделать и как; осознавать, осуществлять выбор и стремиться к нему; настаивать на «детальной» в противовес «обобщенной» характеристике ситуаций, расцениваемой в качестве важной и реалистичной информации, и так далее — причем эта способность базируется на способности человека воспринимать как нечто само собой разумеющееся, принимать на веру широкий диапазон характеристик социального порядка.

В своих повседневных делах, для того чтобы рационально рассматривать десятую долю этой ситуации, предстающую, как айсберг из воды, человек должен иметь возможность рассматривать скрытые от него девять десятых как не вызывающую сомнений и, что даже еще интереснее, как не предполагающую возникновения сомнений подоплеку,

очевидно связанную с его расчетами, но существующую незаметно для него. В своем анализе нормативного фона деятельности Эмиль Дюркгейм подчеркивал, что надежность и понятность сформулированных условий контракта базируется на незаявленных и *по существу не могущих быть установленными* условиях контакта, которые стороны принимают как нечто безусловно обязательное в их сделке.

Эти принимаемые на веру, воспринимаемые как нечто само собой разумеющееся фоновые характеристики ситуации, т. е. рутинные аспекты ситуации, делающие возможным «рациональную деятельность», в социологическом дискурсе обычно называют нравами и обычаями. Используемое таким образом понятие нравов описывает то, каким образом установившаяся практика оказывается одним из условий рациональной деятельности или, в терминах психиатрии, условием действенности принципа реальности. Поэтому понятие нравов используются для демонстрирования того, что стабильность установившейся социальной практики позволяет людям в ходе ведения и решения повседневных дел воспринимать действия, представления, устремления, чувства друг друга и т. п. как обоснованные, нормальные, понятные и реалистичные.

Случаи перехода Агнес и приемы его осуществления восстанавливают нарушенную у нее связь между установившейся практикой, доверием и рациональностью. Проанализировав эти случаи и приемы перехода в отношении к этой нарушенной связи, мы сможем избежать простого «диагноза» или гофмановского акцента на эпизодичности. Можно согласиться с Гофманом в его «сомнительном» представлении о том, что члены общества в целом и Агнес в частности стремятся управлять производимым ими впечатлением. Можно также допустить точность и прозорливость описаний этого стремления. И тем не менее, попытавшись воссоздать характеристики реального общества, населив его гофмановскими людьми, мы столкнемся со структурными несоответствиями, подобными тем, которые обсуждались в предшествующих разделах этой статьи.

Обзор случаев и приемов перехода Агнес можно использовать как иллюстрацию того, насколько искусно и эффективно она притворялась. Нам пришлось бы согласиться с Гофманом в том, что, точно так же как его члены общества, занятые управлением производимым впечатлением, она была мастерским притворщиком и что, как и в описанном Гофманом обществе притворщиков, ложь обеспечивала Агнес и ее

партнерам стабильность их социально структурированного взаимодействия.

Однако недостатки в интерпретационной процедуре Гофмана проявляются со всей очевидностью, когда его представления используются для анализа других аспектов жизни Агнес. Трудности связаны в первую очередь с отсутствием у членов гофмановского общества умышленности, расчета или того, что Агнес называет «сознанием» как свойства управления впечатлением. При эмпирическом применении теории Гофмана постоянно возникает соблазн в порыве возмущения оказать давление на владеющего информацией: «Ну, давай, ты знаешь больше. Почему ты не признаешься?» Случай Агнес помогает нам понять, чем объясняются эти трудности.

Агнес продуманно, расчетливо и целенаправленно (т. е. так, как, в представлении Гофмана, должны признаваться те, кто владеет информацией, если считать этот способ анализа верным) подходила к тому, что другие (а) не только принимают на веру, но и (б) требуют друг от друга принимать на веру на основании общих представлений о нормальности, разумности, понятности, рациональности и законности, а также (в) требуют друг от друга доказательств этой веры в любой ситуации, когда решение проблем повседневной жизни осуществляется продуманно, расчетливо и целенаправленно. Агнес стремилась бы действовать именно так, принимая на веру, *но для нее установившаяся практика как одно из условий эффективного, просчитанного, взвешенного освоения жизненных обстоятельств была проблематична.* Не принимать во внимание эту проблематичность, по ее убеждению, означало рисковать разоблачением и крахом. Поэтому анализ случая Агнес позволяет найти новый подход к сущности жизненных обстоятельств. Он также приводит нас к пониманию управления впечатлением (в случае Агнес оно заключалось в средствах управления переходом) как попыток преодоления жизненных обстоятельств в качестве структуры релевантностей в ходе постоянно возникающих ситуаций межличностного взаимодействия. Наконец, он позволяет нам узнать, что представляет собой эта «озабоченность» производимым впечатлением, установив связь между вниманием к «внешней стороне» и этой структурой релевантностей.

В ходе одной из наших бесед Агнес поставила под сомнение необходимость дальнейшего исследования. Она хотела узнать, какое отношение оно имеет к вероятности положительного решения относительно операции. Ее также интересовало, поможет ли «врачам» то, что они

очевидно связанную с его расчетами, но существующую незаметно для него. В своем анализе нормативного фона деятельности Эмиль Дюркгейм подчеркивал, что надежность и понятность сформулированных условий контракта базируется на незаявленных и *по существу не могущих быть установленными* условиях контакта, которые стороны принимают как нечто безусловно обязательное в их сделке.

Эти принимаемые на веру, воспринимаемые как нечто само собой разумеющееся фоновые характеристики ситуации, т. е. рутинные аспекты ситуации, делающие возможным «рациональную деятельность», в социологическом дискурсе обычно называют нравами и обычаями. Используемое таким образом понятие нравов описывает то, каким образом установившаяся практика оказывается одним из условий рациональной деятельности или, в терминах психиатрии, условием действенности принципа реальности. Поэтому понятие нравов используются для демонстрирования того, что стабильность установившейся социальной практики позволяет людям в ходе ведения и решения повседневных дел воспринимать действия, представления, устремления, чувства друг друга и т. п. как обоснованные, нормальные, понятные и реалистичные.

Случаи перехода Агнес и приемы его осуществления восстанавливают нарушенную у нее связь между установившейся практикой, доверием и рациональностью. Проанализировав эти случаи и приемы перехода в отношении к этой нарушенной связи, мы сможем избежать простого «диагноза» или гофмановского акцента на эпизодичности. Можно согласиться с Гофманом в его «сомнительном» представлении о том, что члены общества в целом и Агнес в частности стремятся управлять производимым ими впечатлением. Можно также допустить точность и прозорливость описаний этого стремления. И тем не менее, попытавшись воссоздать характеристики реального общества, населив его гофмановскими людьми, мы столкнемся со структурными несоответствиями, подобными тем, которые обсуждались в предшествующих разделах этой статьи.

Обзор случаев и приемов перехода Агнес можно использовать как иллюстрацию того, насколько искусно и эффективно она притворялась. Нам пришлось бы согласиться с Гофманом в том, что, точно так же как его члены общества, занятые управлением производимым впечатлением, она была мастерским притворщиком и что, как и в описанном Гофманом обществе притворщиков, ложь обеспечивала Агнес и ее партнерам стабильность их социально структурированного взаимодействия.

Однако недостатки в интерпретационной процедуре Гофмана проявляются со всей очевидностью, когда его представления используются для анализа других аспектов жизни Агнес. Трудности связаны в первую очередь с отсутствием у членов гофмановского общества умышленности, расчета или того, что Агнес называет «сознанием» как свойства управления впечатлением. При эмпирическом применении теории Гофмана постоянно возникает соблазн в порыве возмущения оказать давление на владеющего информацией: «Ну, давай, ты знаешь больше. Почему ты не признаешься?» Случай Агнес помогает нам понять, чем объясняются эти трудности.

Агнес продуманно, расчетливо и целенаправленно (т. е. так, как, в представлении Гофмана, должны признаваться те, кто владеет информацией, если считать этот способ анализа верным) подходила к тому, что другие (а) не только принимают на веру, но и (б) требуют друг от друга принимать на веру на основании общих представлений о нормальности, разумности, понятности, рациональности и законности, а также (в) требуют друг от друга доказательств этой веры в любой ситуации, когда решение проблем повседневной жизни осуществляется продуманно, расчетливо и целенаправленно. Агнес стремилась бы действовать именно так, принимая на веру, *но для нее установившаяся практика как одно из условий эффективного, просчитанного, взвешенного освоения жизненных обстоятельств была проблематична.* Не принимать во внимание эту проблематичность, по ее убеждению, означало рисковать разоблачением и крахом. Поэтому анализ случая Агнес позволяет найти новый подход к сущности жизненных обстоятельств. Он также приводит нас к пониманию управления впечатлением (в случае Агнес оно заключалось в средствах управления переходом) как попыток преодоления жизненных обстоятельств в качестве структуры релевантностей в ходе постоянно возникающих ситуаций межличностного взаимодействия. Наконец, он позволяет нам узнать, что представляет собой эта «озабоченность» производимым впечатлением, установив связь между вниманием к «внешней стороне» и этой структурой релевантностей.

В ходе одной из наших бесед Агнес поставила под сомнение необходимость дальнейшего исследования. Она хотела узнать, какое отношение оно имеет к вероятности положительного решения относительно операции. Ее также интересовало, поможет ли «врачам» то, что они

получат «истинные факты». Я спросил Агнес: «Как ты себе представляешь эти факты?» — «Как я представляю эти факты или как, по моему мнению, представляет их любой другой человек?» — задала она встречный вопрос. Этот ответ можно считать главной темой при рассмотрении жизненных обстоятельств как структуры релевантностей. Тему, раскрывающую сущность ее жизненных обстоятельств, затрагивает еще одно замечание Агнесс. До операции я спросил ее о том, как они с Биллом обсуждали и участвовали в подготовке свадьбы. В своем ответе Агнесс отметила, что их дискуссии с Биллом были сосредоточены на необходимости операции. Она твердо отклонила мой вопрос, заявив: «Вы же не говорите о том, как развлечетесь в Нью-Йорке, когда тонете посередине океана... Вас волнует насущная проблема».

Жизненные обстоятельства

Обстоятельства Агнес были примечательны тем, что арена событий прошлого и будущего увязывалась с часами и датами и регулировалась ими. Ее будущее было датированным будущим, в частности, потому, что ее настоящие действия и обстоятельства были наполнены предвосхищением избавления от «ее проблемы», которое должно было произойти к некому конкретному моменту. То, что долгие годы этот момент не был установлен, ни в коей мере не умаляет определенности этого будущего, несмотря на то что конкретная календарная дата оставалась неизвестной. Посредством специфического поведения Агнес должна была не только освоить эту арену, но и установить свою нравственную ценность. Для нее нравственно достойный человек и «естественная, нормальная женщина» были тождественны. При выполнении работы, в любовных делах, стремлении выйти замуж, выборе приятелей, регулировании отношений с друзьями и родственниками из Нортвест-сити задача достижения статуса нормальной естественной женщины должна была быть реализована в конкретный срок, в конкретные временные рамки, к конкретному моменту. Наверное, ни в чем это не проявлялось так ярко, как в ссорах, предшествовавших признанию перед Биллом, а также в проблемах с заживанием нового влагалища, ставших центральным моментом в постоперационной депрессии. Агнес вновь и вновь оценивала себя, постоянно сравнивая ожидаемые и реальные результаты, стараясь достичь соразмерности и стабильности различий между ними. Агнес прилагала большие усилия к тому, чтобы путем концептуальной репрезентации и практического освоения поставить под контроль как можно больше сфер жизни. Ожидания в тех сферах жизни, которые для людей, в большей мере способных воспринимать свою нормальную половую принадлежность как нечто само собой разумеющееся, не были связаны с критической оценкой и анализом «знаний категории здравого смысла» общества, для Агнес были делом активного и критического размышления, а результаты этого размышления были связаны с высшими уровнями ее иерархии планов. Содержание биографии и планов на будущее было жестко структурировано в соответствии с его значимостью в отношении к достигнутому статусу естественной женщины. Агнес действительно было трудно найти такую область, которая бы не могла путем несложных умозаключения стать значимой в отношении поставленной цели.

Агнес была щепетильна в своем отношении к личному прошлому, настоящему и будущему. Она рассуждала следующим образом: я пережила ужасные годы в старших классах, в детстве у меня не было друзей, меня воспитывали как мальчика, у меня такое лицо и такая грудь, я назначаю свидания и провожу время с подругами так же, как это делают нормальные девушки, я потеряла семнадцать лет из-за того, что окружающие не понимали, что мой пенис — это ошибка природы, и отказывались что-либо предпринимать, поэтому я *заслуживаю* статуса, который, к несчастью, мне приходится требовать. Для Агнес вероятность отношения к себе как к естественной, нормальной женщине была вероятностью нравственного порядка. Она оценивала свои шансы в категориях достойности и виновности. Ей было неприятна мысль, что перечень подобных факторов может охарактеризовать лишь вероятность того, что она «женщина». В отношении ее прошлого и ожидаемого подтверждения ее претензий исправление ее состояния носило характер нравственной необходимости. Ей был нужен некий план и некое объяснение того, что уже случилось, а также того, чем все закончится. Агнес было трудно воспринимать что-либо в его отношении к «ее проблеме» как случайность. В происходящем она стремилась отыскать закономерности и разумные основания. Происходящее вокруг Агнес содержало в себе в качестве инвариантных свойств способность реально или потенциально повлиять на нее и поддаться ее влиянию. Назвать это эгоцентризмом было бы серьезной ошибкой. Для Агнес убежденность в том, что она правильно и реалистично понимает закономерности происходящего вокруг нее, подразумевала уверенность в том, что ее оценки подлежат проверке без отказа от значимости того, что она знала, того, что она воспринимала как факт,

предположение, догадку и иллюзию вследствие особенностей ее организма и социальных позиций в реальном мире. Повседневные события и причинно-следственные взаимосвязи между ними отнюдь не представляли для Агнес теоретического интереса. Возможность иного ви́дения мира, «просто посмотреть, куда все это приведет» — специфическое абстрагирование от релевантностей и их переструктурирование, широко используемое учеными-теоретиками, — была для Агнес лишь забавой; как она выразилась, «пустыми словами». Когда ей предлагали посмотреть на мир несколько иначе, предложение оказывалось равносильным призыву участвовать в чем-то угрожающем и невыносимом. Агнес нисколько не стремилась активно изменять «социальную систему». Напротив, она видела выход в приспособлении к ней. Настрой Агнес никак нельзя назвать революционным или утопичным. Она не служила какому-то «делу» и избегала таких «дел» в отличие от многих гомосексуалистов, пытающихся переучить враждебное окружение, найти в нем свидетельства того, что оно не таково, каким представляется, а содержит в скрытом виде те же типы, по отношению к которым оно действует враждебно и осуждающе. Вызов системе был для Агнес бессмысленным риском. Она хотела попасть в систему. Просто «комитет по проверке полномочий» совершил ошибку.

Время играло особую роль, конституируя для Агнес значимость настоящей ситуации. Что касается прошлого, мы отмечаем у Агнес явную тенденцию к историзации, созданию и презентации социально приемлемой биографии. Мы уже отмечали тот факт, что выбор, кодирование и логическое упорядочивание различных элементов привело к созданию биографии, которая была настолько последовательно «женской», что мы остались без ответа на ряд важных вопросов. Два года напряженной деятельности в роли женщины позволили Агнес получить богатый опыт, который использовался в процессе историзации. Отношение Агнес к собственной истории требовало постоянного пересмотра тянущегося за нею шлейфа событий прошлого в поиске фактов, подтверждающих и укрепляющих ее нынешнюю ценность и нынешние устремления. Агнес прежде всего была человеком с историей. Или, точнее, она умело, последовательно и тенденциозно занималась историзацией.

В плане будущего обращает на себя внимание то, что ожидания Агнес были ожиданиями определенной временно́й последовательности событий. В этом отношении существовал трудновыносимый «зазор». Именно хронологические характеристики служили для Агнес источником информации о событиях. События не могли «просто происходить». Они происходили с определенной скоростью, имели определенную продолжительность, этапы, и именно на это обращала внимание Агнес как на параметры их смысла и признаки, позволяющие понять, «каковы они на самом деле». Агнес мало интересовали события как таковые, вне их временны́х характеристик, таких как скорость, продолжительность, этапность. Отличительной чертой «реализма» Агнес было то, что она воспринимала окружающее с ожиданием запланированной последовательности событий. Нас поразила точность и объем памяти Агнес. Во многом это впечатление происходило из той легкости, с какой она датировала события и восстанавливала их четкую хронологию. Подобная ориентация была призвана придать событиям прошлого и ожидаемого будущего статус средств достижения цели, а актуальному опыту — целенаправленный характер.

С почти удивительной легкостью настоящее положение дел, воспринимаемое как нечто само собой разумеющееся, могло трансформироваться в одну из проблематичных возможностей. Даже незначительные отклонения от того, что ожидала и на что рассчитывала Агнес, могло иметь для нее чрезвычайно положительные или отрицательные последствия. Агнес достигла в лучшем случае нестабильной рутинности повседневной деятельности. Можно было бы предположить, что ее заинтересованность в практической проверке, рассудительность, расчетливость и т. п. сопровождались использованием объективных норм для оценки точности и реалистичности своих решений, т. е. что она знала, что говорила, и что ее заявления соответствовали действительности. Однако это было не так. Агнес не оценивала точность и реалистичность своих решения на основании объективных, логических правил. Ее правила доказательности носили значительно более социально детерминированный характер. Их можно резюмировать следующим образом: я права или не права в зависимости от того, кто со мной согласен. Проверяя и констатируя различия между тем, что она называла «подлинными фактами», и тем, что она считала «лишь видимостью», она ориентировалась прежде всего на мнение лиц, превосходящих ее по статусу. Быть правой или ошибаться означало для Агнес быть *по существу* правой или неправой. В вопросах, касающихся шансов на реализацию права на статус естественной, нормальной

женщины, Агнес редко прибегала к понятию меры неправоты. Для нее правильность оценки событий была связана с возможностью подтверждения общественностью в том смысле, что другие люди, *по типу сходные с нею* (т. е. нормальные женщины), воспринимали бы эти события точно так же, как она. Агнес не доверяла характеристике, если ее смысл оказывался специфичен, индивидуален в ее отношении, и опасалась подобной интерпретации как нереалистичной. Желая подчеркнуть реальность событий — опасаясь догадок и не доверяя им, — Агнес настаивала на том, что реальными являются события, могущие быть подтвержденными лицами, оказавшимися в сходных обстоятельствах. В сходных обстоятельствах означало в положении нормальной женщины. Хотя Агнес допускала, что в мире есть люди с такими же, как у нее, проблемами, не с ними и не с нормальными женщинами существовало взаимопонимание, основанное на взаимозаменяемости позиций. «Никто, — утверждала Агнес, — не может по-настоящему понять, через что мне пришлось пройти». Оценивая объективность своих представлений о себе и других людях, Агнес прежде всего считала и старалась воспринимать как нечто само собой разумеющееся то, что она нормальна, что она как все.

Агнес — практический методолог

Практики Агнес придают демонстрированию нормальной половой принадлежности в повседневной деятельности «сдвиг перспективы». Это происходит потому, что оно показывает, *что* и *как* нормальная половая принадлежность реализуется посредством речи и поведения как непрерывных процессов практического опознавания, которые в отдельных и конкретных случаях осуществляются естественным путем, с использованием членами общества «видимого, но не замечаемого» фона обыденных событий, процессов, таких, что вопрос члена общества «Что за феномен нормальная половая принадлежность?» сопровождает в качестве рефлексивного свойства эту реализацию, рефлективность которой использует данный член общества, полагается на нее и проясняет ее с тем, чтобы оценить и доказать рациональную адекватность всех практических целей этого индексного вопроса и его индексных ответов.

Говорить серьезно об Агнес как о практическом методологе означает фактически рассматривать непрерывное изучение ею повседневной деятельности как методов, используемых членами общества для

принятия правильных решений относительно нормальной половой принадлежности в обычной жизни. Это изучение вооружило Агнес знаниями о том, как члены общества используют упорядоченные свойства повседневности в качестве процедур для автоматического определения проявлений-сексуальности-как-обычной. Пристальное внимание Агнес к внешнему виду, адекватной мотивации, релевантности, доказательству, демонстрированию; ее восприимчивость к речевым нюансам; мастерство в распознавании и преодолении «тестов» были приобретены в ходе освоения тривиальных, но обязательных социальных задач для обеспечения обычных прав на жизнь. Агнес располагала достаточными знаниями, чтобы рассказать «нормальным членам общества», каким образом в обыденных условиях они представляют половую принадлежность как очевидное, известное, опознаваемое, естественное и действительное явление. Особенность Агнес состояла в том, что она рассматривала «естественные явления» социально признанной, социально регулируемой сексуальности как некий регулируемый процесс созидания, предполагающий превращение этих явлений жизни в подлинные, релевантные, доказуемые, проверяемые, исчислимые, доступные для учета, поверхностного представления, описания в небольшом рассказе, перечисления или профессиональной психологической оценки; иными словами, предполагающий совместное с окружающими превращение этих явлений жизни в видимые, подлежащие сообщению — рассчитываемые — в любых практических целях.

Общаясь с другими людьми, Агнес усвоила то, как они представляют друг другу свидетельства своих прав на существование в роли *настоящих* мужчин и женщин. Она узнала, каким образом, создавая нормальную половую принадлежность «без необходимости думать о ней», они избегали проявлений, способных служить основанием для сомнений в том, что их истинная половая принадлежность совпадает с заявляемой. Одними из наиболее важных подобных проявлений были ситуативные индексные детали речи. Агнес научилась помещать эти детали в разговор для создания все более поддающихся речевому выражению совместных биографий.

Методологические приемы Агнес дают нам основание рекомендовать направление исследования и утверждать, что лица с нормальной половой принадлежностью являются культурными событиями, характер которых как видимой упорядоченности практической деятельности состоит в опознавании и воспроизведении членами общества

определенных практик. Мы узнали от Агнес, которая рассматривала людей с нормальной половой принадлежностью как культурные события, создаваемые членами общества, что видимую-изъяснимую нормальную половую принадлежность создают практики членов общества как таковые, которые совершают это исключительно и целиком в реальных, отдельных, конкретных случаях посредством реально засвидетельствованной обычной речи и обычного поведения.

Агнес — создатель познаваемой личности

Непомерные стрессы в жизни Агнес были неотъемлемой частью ее согласованных практик с нормальными людьми, посредством которых она созидала в любых практических целях «нормальную естественную женщину» в ее очевидности как нравственное состояние, нравственный способ чувствования и поведения. Практика перехода Агнес позволяет обсудить два из множества составляющих феноменов, создавших человека с нормальной половой принадлежностью как условное, практическое достижение: 1) Агнес как случай «реальной вещи»; 2) Агнес — самотождественная личность.

1. *Случай реальной вещи.* Считая себя членом сообщества лиц с нормальной половой принадлежностью, Агнес рассматривала это сообщество включающим в себя не только мужчин с пенисами и женщин с влагалищами, но и, поскольку сама была его членом, женщину с пенисом, а после операции — женщину с искусственным влагалищем. С точки зрения Агнес и врачей, порекомендовавших операцию как «гуманный» шаг, хирурги исправили исходную ошибку природы. Горестное признание Агнес: «Ничто, сделанное человеком, не сравнится с тем, что сотворено природой» — выражало реалистическую социальную истину, касающуюся претензий на нормальную половую принадлежность. Сама Агнесс, ее семья и врачи сходились во мнении, что она по праву получила влагалище, что она противостояла своей аномалии как злому року и что из-за жестокой насмешки судьбы она была наказана непониманием, преодолевая между тем жизненные трудности, как это может делать только страдающий от непонимания «случай реальной вещи». Операция предоставила ей и окружающим свидетельства социально реалистичного характера ее претензий.

Агнес была свидетельницей бесконечного числа доказательств «нормальными людьми» их мнения: «нормальные люди» считают, что нормальная половая принадлежность как случай реальной вещи

является событием сама по себе, подлежит оценке в своих собственных терминах, а также что рассчитываемость нормальной половой принадлежности достигается путем изучения того, как люди с нормальной половой принадлежностью представляются здравому смыслу, обычного человека или специалиста. Агнес так не считала. Они и не *могла* так считать. Для Агнес в отличие от лиц с нормальной половой принадлежностью банальное признание нормальной половой принадлежности как «случая реальной вещи» состояло в серьезном, ситуативном, превалирующем достижении, реализуемом совместно с другими людьми посредством деятельности, успешность которой сама по себе делает ее результат объектом *prejuge du monde* («предрассудков»), по Мерло-Понти [6]. Мучения и торжество Агнес были заключены в непередаваемой и специфичной для нее наблюдаемости мер, с помощью которых общество скрывает от своих членов собственную организующую деятельность и таким образом заставляет их воспринимать свои характеристики как четко установленные, самостоятельные объекты. Для Агнесс человек с очевидно нормальной половой принадлежностью *состоял* из последовательной, организованной работы, обеспечивающей возникновение подобных объектов [7].

2. *Самотождественная личность.* То, что работа по переходу и случаи перехода упорно не поддавались попыткам Агнес выработать шаблоны поведения для повседневной деятельности, указывает, насколько прочно укоренены внешние-проявления-нормальной-половой-принадлежности в восприятии членами общества обыденных ситуаций как неизбежных и одновременно незаметных структур релевантностей. Приемы перехода Агнесс можно охарактеризовать как приспособления, посредством которых она пыталась осуществлять контроль над изменившимися содержанием и структурой релевантностей. Направленные на достижение временной идентификации самой себя с естественной нормальной женщиной, эти приемы состояли в постоянных попытках решения проблемы константности объекта. Ее «приемы» заключались в работе по демонстрированию в любых практических ситуациях достойного человека с нормальной половой принадлежностью, который остается *явно* самотождественным при любых вариациях в реальных внешних проявлениях.

Агнес часто приходилось решать задачу этой объяснимой константности, старательно выверяя свои действия. Переход Агнес предполагал действия по контролированию изменяющихся структур релевантностей. Именно к этой структуре обращалась Агнес и другие люди

в поисках доказательств того, что она исходно является самотождественной личностью, всегда ею была и всегда будет ею. Агнесс сознавала, что использует определенные средства для демонстрирования константности достойной, самотождественной естественной нормальной женщины. Однако это осознание неизменно сопровождалось вопросом: «Средствами чего?»

Этот вопрос сделал бесполезными научные дискуссии о половых ролях, призванные определить, каким образом члены общества объясняют себе нормальную половую принадлежность. Агнес сочла приятным и безобидным рассматривать свою деятельность и деятельность нормальных людей как деятельность лиц, играющих роли или создающих их, лиц, знающих и стремящихся внедрить социально стандартизированные ожидания нормальной половой принадлежность с их «функциональными последствиями», которые еще до столкновения с реальными ситуациями их применения нормальный человек может «обсудить», учитывая все разнообразие того, что он может *сделать* со «сказанным», и использовать их в реальных ситуациях для осуществления выбора между вариантами подходящих высказываний или действий. Равно лестным было существование людей с психологически подтвержденной нормальной половой принадлежностью, возможности которых в соответствии с излюбленной версией фиксируются в раннем детстве социальными структурами семейного окружения посредством сложной программы подкреплений; или биологически нормальные люди, которые в конечном счете имеют один пол или другой в зависимости от того, каким оказывается остаток в соответствующей колонке при арифметическом сложении признаков; или социологически нормальный, для которых общество — это схема, в которой предписываются и внедряются половые «позиции», «статусы» и возможные отклонения, что является условием для поддержания этой схемы и для других «благих целей».

Каждый из перечисленных вариантов — типичный метод теоретизирования, происходящий из осознания чрезвычайно проблематичного феномена: *упорного управления собой как идентичной, самотождественной, естественной женщиной, а также как реальной достойной личности путем активных, разумных, продуманных и неизбежно видимых демонстраций в практических житейских ситуациях выбора.*

Обеспечение этого феномена было неизменной заботой Агнес. Ее приемы были постоянно направлены на хитроумное макиавеллиевское управление жизненными обстоятельствами, а в действительности, собственно, заключались в этом управлении. Однако для того чтобы хитроумно управлять обстановкой, в которой протекала ее деятельность, она должна была принять на веру ее релевантные характеристики и быть уверенной в том, что точно так же их принимают на веру ее нормальные визави. Агнес отличалась от нормальных людей, в присутствии которых и с неосознаваемой помощью которых она решала задачу сохранения этой веры. Таким образом, в плане предоставления и распознавания разумных оснований, в их использовании и воплощении мы обнаруживаем у Агнес сообразительность, восприимчивость, разборчивость, озабоченность, склонность к обсуждению, а также искусную практическую реализацию. Перечисление приемов перехода Агнес, а также такое рассмотрение ее «рационализаций», будто они направлены на управление впечатлениями, что соответствовало бы клиническому идеалу Гофмана, размывает феномен, который случай Агнес преподносит нашему вниманию. В своей повседневной деятельности Агнес приходилось выбирать между различными линиями поведения, хотя цель, которую она пыталась достичь, зачастую была ей неясна до того, как ей приходилось предпринимать действия, посредством которых в конечном счете могла реализоваться та или иная цель. Не имела никакой определенности Агнес и в отношении последствий своего выбора до того, как ей приходилась иметь с ними дело. Не было и четких правил, которые она могла бы использовать для осуществления выбора до того, как этот выбор приходилось осуществлять. Для Агнес устоявшиеся шаблоны поведения в повседневной жизни были «отделимыми» навыками гарантированных постоянных, кратких, ситуативных импровизаций. Все эти импровизации неизменно сопровождались речью, так что чем бы ни обернулось то или иное действие Агнес — чем-то хорошим или плохим, — ей приходилось постоянно «объясняться», предоставлять «правдоподобные объяснения» совершенных действий.

Все знают, что люди «рационализируют» свои и чужие поступки прошлого, актуальные ситуации и планы на будущее. Если бы я говорил только об этом, данное сообщение стало бы просто еще одной авторитетной версией общеизвестной истины. Я же использовал данный случай, чтобы показать, почему люди требуют этого друг от друга, и вновь открыть как социологический феномен то, что «способность давать правдоподобные объяснения» не только зависит от поддержания, но и способствует поддержанию устоявшихся шаблонов поведения в повседневной жизни, порождаемых «изнутри» ситуаций как их

свойства. Случай Агнес показывает, насколько тесно связаны «стабильность ценности», «константность объекта», «управление впечатлением», «обязательство по соблюдению законных ожиданий», «рационализация» с неизбежной работой члена общества по преодолению практических обстоятельств. Именно в отношении к этому феномену, исследуя переход Агнес, я задавался вопросом, каким образом в своих обыденных делах, «зная» общество только изнутри, члены общества производят стабильные, объяснимые практические формы деятельности, т. е. социальные структуры повседневной деятельности.

ГЛАВА 6

«Хорошие» организационные основания «плохой» клинической документации[1]

Проблема

В течение нескольких лет мы изучали практику отбора в Амбулаторной психиатрической клинике медицинского центра УКЛА, пытаясь получить ответ на вопрос: «По каким критериям отбираются пациенты?». Для анализа движения больничных популяций использовался метод Крамера[2], при котором вопрос рассматривался с точки зрения постепенного отсева кандидатов из исходной когорты претендующих на лечение по мере последовательного прохождения ею этапов первичного приема, психиатрического обследования и лечения [1]. Источником информации для нас служила клиническая документация. Наиболее важными документами были заявки на лечение в клинике и истории болезни. Для дополнения этой информации мы разработали «Формуляр клинической карьеры», который прилагали к истории болезни с тем, чтобы получить целостную документированную картину взаимодействия между пациентами и медперсоналом с момента обращения в клинику до окончания контакта. Истории болезни содержат записи, отражающие деятельность медперсонала, поэтому практически все они как источники данных для нашего исследования были результатом самоотчетов.

Метод когорт раскрывал широкие возможности практического применения и получения ценных результатов. С доступом к архиву не возникло никаких проблем. Поэтому при составлении заявления на

[1] В сотрудничестве с Эгоном Биттнером (Egon Bittner), Нейропсихиатрический институт Лэнгли Портера (The Langley Porter Neuropsychiatric Institute).

[2] M. Kramer, H. Goldstein, R. H. Israel, & N. A. Johnson, «Application of Life Table Methodology to the Study of Mental Hospital Populations». *Psychiatric Research Reports*, June, 1956, p. 49–76.

получение гранта на исследование мы думали о том, что отбор из клинического архива необходимой нам информации могли бы осуществлять наши сотрудники под руководством специалистов. Пилотажная попытка выяснить, какую информацию мы можем и не можем получить, заставила нас повысить планку необходимой подготовки до уровня младших научных сотрудников в области социологии. Мы позволили работникам, кодирующим информацию, использовать логические выводы и поощряли их к тщательному изучению данных. Но даже в этих условиях в составленном нами перечне оставалось немало вопросов, на которые не удалось получить ответы. Некоторая информация, которую удалось извлечь из предоставленного клинического архива, вместе с оценками ее надежности представлена в табл. 1. Так, например, пол был указан практически у всех пациентов; возраст — в 91% клинических случаев; семейное положение и адрес — в 75% случаев; раса, род занятий, вероисповедание и образование — примерно в трети случаев; профессиональный путь, этническая принадлежность, ежегодный доход, условия проживания, место рождения — в менее трети случаев. Из 47 вопросов, касавшихся истории контактов между кандидатами на лечение и медперсоналом, на 18 удалось получить ответы для 90% клинических случаев; по остальным 20 пунктам мы получили информацию в отношении от нуля до 30% клинических случаев.

После года работы в этом направлении мы, проанализировав свои затруднения в извлечении информации из клинического архива, пришли к выводу, что эти затруднения были результатом поиска информации, которую ни мы, никто другой, работающий или не работающий в клинике, не может получить, поскольку любая система самоотчета должна согласовываться с установившейся в клинике практикой. Мы связали недоступность информации с темой «хороших» организационных оснований «плохой» документации. Именно этой теме посвящены наши рассуждения.

«Нормальные естественные затруднения»

Затруднения, с которыми может столкнуться исследователь, используя клиническую документацию, можно условно разделить на две категории. Первую можно назвать общими методологическими затруднениями, вторую — «нормальными естественными затруднениями». Первую категорию мы охарактеризуем кратко; основной интерес для нас представляет вторая.

Таблица 1

Доступность необходимой информации и способы ее получения в отношении 661 клинического случая

Пункты	Информация отсутствовала, %	Информация была получена путем логического умозаключения с малой степенью определенности, %	Информация была получена путем логического умозаключения с достаточно высокой степенью определенности, %	Информация была получена из документальных источников, %
1	2	3	4	5
А. *Демографические характеристики пациента*				
Пол	0,2	–	0,3	99,5
Возраст	5,5	2,9	0,4	91,2
Семейное положение	11,8	5,4	3,9	78,9
Социальный статус	21,4	0,4	3,6	74,6
Раса	59,5	0,2	0,6	39,7
Род занятий	55,6	0,4	5,0	39,0
Вероисповедание	51,7	9,5	2,3	36,5
Образование	60,7	1,4	2,6	35,3

исключены из списка по причине отсутствия информации:
профессиональный путь;
продолжительность брака;
первый или повторный брак;
этническая принадлежность;
уровень дохода;
условия проживания;
основное лицо, оказывающее поддержку пациенту;
место рождения;
продолжительность проживания в Калифорнии.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Б. *Первый контакт*				
Как состоялся первый контакт	7,2	0,4	2,3	90,1
Сопровождал ли кто-то пациента и кто	—	2,0	2,0	96,0
Каким образом пациент был направлен в клинику	3,5	0,4	7,8	88,3
Лица извне, причастные к направлению пациента в клинику	2,5	0,2	3,0	94,3
Медработник, участвовавший в первом контакте	3,6	—	—	96,4
Число медработников, с которыми контактировал пациент	4,8	—	2,0	93,2
Распоряжение после первого контакта	5,0	0,3	11,9	82,8
В. *Первичное обследование и психологические тесты*				
Внешний вид пациента при диагностическом интервью	0,4	0,5	2,1	97,0
Медработник, проводивший диагностическое интервью	0,3	—	-	99,7

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Результаты психологического обследования	0,2	0,3	1,5	98,0
Причины непроведения психологического обследования	16,3	2,5	17,5	63,7
Г. *Консилиум по вопросу принятия/непринятия в клинику и лечение*				
Запланированный или незапланированный консилиум	44,6	10,9	34,9	9,6
Сотрудник клиники, ответственный за проведение диагностического интервью	50,3	—	—	49,7
Решение по результатам консилиума	8,0	9,7	10,3	72,0
Если пациент был прикреплен к терапевту, имя терапевта	8,3	—	-	91,7
Имя первого терапевта	3,8	—	—	96,2
Если пациент был включен в список ожидания, результат	—	0,3	9,6	90,1

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5
Если пациент не был поставлен на учет, причины	19,7	1,2	7,7	71,4
Если пациент не был поставлен на учет, как он был об этом уведомлен	31,5	2,7	6,8	59,0
исключены из списка по причине отсутствия информации; участники консилиума; количество прежних госпитализаций; клинические случаи, косвенно относящиеся к данному; назначение психологического обследования; назначение диагностического интервью; количество посещений по поводу диагностического интервью; уведомление о предстоящем прекращении контакта после диагностического интервью; проведенные психологические тесты; рекомендуемое лечение; назначенное количество терапевтических сеансов; количество пропущенных сеансов; количество бесед (интервью) с супругом (супругой), родителями, родственниками, друзьями и т. д.; лечащий врач; план посещений врача; реальная частота посещений; причины прекращения контактов после лечения				
Д. Психиатрические характеристики				
Суть жалоб пациента	7,0	0,2	1,9	90,9
Психиатрический диагноз	17,2	—	—	82,8
Обращался ли ранее за психиатрической помощью	19,0	1,7	46,5	32,8

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Мотивация к лечению	32,0	11,3	28,3	28,4
«Психологическая искушенность»[1]	40,2	14,0	23,9	21,9
Е. Клиническая карьера				
Момент прекращения	—	0,9	6,2	92,9
Обстоятельства прекращения	2,6	1,1	5,6	90,7
Куда был направлен пациент	3,5	0,3	7,6	88,6
Тип клинической карьеры	0,2	0,8	5,1	93,9
Количество дней контакта с клиникой	1,5	3,0	3,5	92,0
Количество дней без лечения	2,0	3,8	3,9	90,3
Продолжительность лечения в днях	8,8	0,4	0,4	90,4

Общие методологические затруднения являются предметом большинства опубликованных рассуждений об использовании клинической документации в исследовательских целях. Основное внимание к этим затруднениям обусловлено стремлением дать исследователю практическую рекомендацию о том, как «из свиного уха сшить кошелек».

[1] «Психологическая искушенность» — широкое понятие, включающее в себя способность пациента к самоанализу, самонаблюдению и самопознанию, а также готовность и мотивацию к работе в психотерапевтическом ключе. — *Примеч. перев.*

Под «кошельком» следует понимать вместилище данных, в котором с вынужденного согласия исследователя допускается наличие приемлемого процента удаленных и включенных фрагментов информации. В подобных рассуждениях осуществляется попытка снабдить исследователя правилами, которым необходимо следовать при приведении массива данных к виду достоверных ответов на его вопросы. При этом обычно происходит переструктурирование информации, направленное на создание чего-то подобного страховому документу, который должен обладать такими свойствами, как полнота, ясность, надежность и т. п. Трансформированный массив данных в большей мере, чем исходный массив, поддается различного рода методам социологического анализа, естественно, если исходить из того, что трансформированная информация достоверно соотносится со своим исходным вариантом [2].

Любой ученый, предпринимающий исследование с использованием клинических данных, практически обречен столкнуться с рядом трудностей. Более того, руководители больниц и клиник зачастую осведомлены об этих «недостатках» и обеспокоены ими не менее, чем сами исследователи. Распространенности «плохой документации», а также типичных оснований считать ее «плохой» было достаточно, чтобы возбудить наш интерес. Итак, мы пришли к вопросу о том, какие можно сделать выводы, описав значительное единообразие «плохой документации» как самостоятельного социологического феномена.

Мы стали рассматривать проблемы, связанные с документацией, как «нормальные естественные» затруднения. Мы *не* иронизируем. Мы *не* говорим: «Чего же вы еще ждете?!» Напротив, термин «нормальный естественный» используется в конвенциональном социологическом смысле и означает «в соответствии с господствующими нормами практики». «Нормальные естественные» затруднения — это затруднения, которые возникают по причине того, что сотрудники клиник, ведя отчетность, стремятся действовать в соответствии с установленными в клинике процедурами, которые воспринимаются ими как нечто более или менее само собой разумеющееся, как должный образ действия. «Нормальные естественные» затруднения — это затруднения, возникающие из-за того, что у сотрудников клиник фиксируется определенный стиль отчета о своей деятельности; из-за того, что сотрудники клиник, ведя отчетность, придерживаются этого стиля; а также из-за того, что система отчетности и отчетная деятельность сотрудников клиники являются составной частью привычного стиля

повседневного функционирования клиники — стиля, который считается для ее сотрудников правильным.

С затруднениями, о которых мы ведем речь, столкнется любой исследователь — работающий или не работающий в клинике, — если обратится к больничной документации, чтобы получить ответы на вопросы, в теоретическом и практическом смысле расходящиеся с организационно релевантными целями и заведенным порядком, в соответствии с которыми, собственно, и идет обычно заполнение этой документации. Попытавшись найти средство против этих затруднений, исследователь тут же обнаружит, что они обладают некоторыми любопытными свойствами. Они носят стойкий характер, переходят из одного клинического архива в следующий, они стандартны и обнаруживают значительное единообразие при сравнении систем отчета разных клиник, они не поддаются изменению и, кроме того, имеют оттенок неизбежности. Эта неизбежность становится очевидной благодаря тому, что серьезная попытка со стороны исследователя исправить положение дел убедительно показывает, насколько тесно связаны процедуры отчета с другими заведенными в клинике порядками и устоявшейся практикой. Процедуры отчета, их результаты и использование этих результатов являются неотъемлемой частью одной социальной системы, которую они характеризуют. Попытки изъять отдельные ее элементы может привести к резонансу во всей системе.

Если взглянуть на клиническую документацию таким образом, то самое банальное, что можно о ней сказать, это то, что она ведется «небрежно». Однако суть данного феномена в другом, а именно в связях между документацией и социальной системой, обслуживающей эту документацию и обслуживаемой ею. Трудности, с которыми сталкивается исследователь, имеют организационную подоплеку. И именно в ясном формулировании этой подоплеки состоит задача данной статьи. Ближе к концу мы рассмотрим некоторые организационные препятствия к улучшению ведения клинической документации.

Некоторые источники «нормальных естественных затруднений»

Часть рассматриваемой проблемы, на которую направлены основные усилия по исправлению ситуации, обусловлена второстепенным значением добавляемой информации. Организации, вынужденной функционировать в рамках строго установленного бюджета, приходится

учитывать сравнительные затраты на получение альтернативной информации. Поскольку разные способы ведения документации требуют разных затрат, необходимо осуществить выбор между различными вариантами распределения скудных денежных, временных, людских и квалификационных ресурсов, учитывая значимость конечных целей. Проблема, строго говоря, носит экономический характер. Например, информация о возрасте и половой принадлежности может быть получена путем простого взгляда на респондента; получение информации о роде занятий требует от интервьюера определенных, хотя и незначительных затрат времени и применения навыков; получение информация о профессиональном пути респондента требует значительных затрат. Данную экономическую проблему резюмирует вопрос, который практически неизбежно возникает в связи с любым рекомендуемым изменением в процедуре отчета: «Сколько времени это займет у медсестры (интерна, социального работника и т. д.)?»

Если бы препятствия к улучшению документации целиком сводились к вопросу о том, каков объем информации, который может позволить себе клиника, учитывая затраты на ее получение, решение проблемы состояло бы в изыскании денежных ресурсов для найма и обучения большого числа сотрудников, занятых исключительно ведением документации. Однако достаточно представить реализацию этой меры, чтобы понять, что существуют другие препятствия к «улучшению», не зависящие от числа учетчиков.

Рассмотрим, к примеру, ту часть проблемы, которая обусловлена второстепенностью информации, собираемой в соответствии с процедурой архивирования, т. е. когда единообразные данные собираются ради будущих, но неизвестных целей. Руководитель может быть готов требовать от сотрудников своего подразделения регулярности и скрупулезности в сборе информации. Однако он должен быть также готов к поддержанию их мотивации в такой последовательности, поскольку сотрудники, как и он, знают, что информация должна собираться ради неизвестных целей, которые может прояснить только будущее. В ходе сбора информации эти цели могут меняться в восприятии сотрудников от благих до незначительных и даже пагубных, причем по причинам, не связанным с самими архивируемыми данными.

Кроме того, сторонники одной или другой программы ведения документации склонны декларировать «ключевой» характер информации, на сборе которой они настаивают. И руководителям в клинике, и исследователям известно, что этот «ключевой характер» есть миф. Предположим, например, что некий социолог побуждает к регулярному сбору таких элементарных данных, как возраст, пол, раса, семейное положение, состав семьи, образование, род занятий и ежегодный доход. Вопросом, по которому ему придется приводить доводы против конкурирующих с ним претендентов на архивирование, будет не вопрос «*Стоит* ли того информация?», а «*Будет ли стоить* того информация?». Не нужно быть профессиональным исследователем, чтобы понять: обратившись к архиву почти по любому четкому вопросу, можно обнаружить погрешности в сборе информации. Окажется или нет, что собранная информация не подходит и должна быть собрана вновь, будет зависеть от того, в какой мере исследователь готов принять ограничения, накладываемые необходимостью переформулировать вопросы таким образом, чтобы архивированная информация позволяла получить на них ответы. По этой причине, если исследователь представит свои требования в четком проекте, руководитель, принимая во внимание ограниченные бюджетом расходы на процедуры отчетности, скорее предпочтет минимизировать бремя текущих расходов и согласиться на кратковременную максимальную нагрузку.

Существуют и другие трудности в обеспечении мотивации к сбору «ключевой» информации, возникающие в том случае, когда «хорошее исполнение отчетов» оценивается согласно исследовательскому интересу. Исследовательские стандарты зачастую противоречат служебным интересам сотрудников организации. Более того, обоснованные приоритеты профессиональной ответственности могут мотивировать бурные и законные сетования, а также — что еще более вероятно — тайное ведение документации не по форме, позволяющее работнику сохранять приоритетность других своих профессиональных обязанностей и при этом держать администрацию в относительном неведении.

Эта проблема соприкасается с другими источниками препятствий, которые связаны с обеспечением добросовестности работников в ведении документации как достойного с их точки зрения занятия. Разделение труда, существующее в любой клинике, заключается не только в различии используемых специальных навыков. Оно заключается также в неодинаковом нравственном значении, придаваемом обладанию и применению различных специальных навыков. Чтобы осознать разнообразие и серьезность затруднений, обусловленных этой организационной особенностью, достаточно вспомнить, в какой мере важна

документация в обеспечении удовлетворительного выполнения административных в противовес профессиональным медицинским обязанностям, а также скрытую вражду, существующую между различными профессиональными группами, по крайней мере в том, что касается взаимных требований должного ведения документации.

К чувству большей или меньшей значимости работника в зависимости от того, занимается он «бумажной работой» или чем-то другим, прибавляется постоянная обеспокоенность стратегическими последствиями уклонения от детальной конкретики в своих записях в свете непредсказуемости ситуаций, когда эти записи могут подвергнуться проверке. Документация может использоваться в интересах, которые лица, стоящие на более высоких ступенях медицинской административной иерархии, вероятно, не могут, но в первую очередь не обязаны и не склонны разъяснять и акцентировать. Отсюда неизбежно следует ведение документации не по форме, о котором известно каждому, но которое, естественно, противоречит официально зафиксированной и декларируемой практике. Характерно, что конкретная информация — кто, что, когда и где — заговорщицки держится в секрете действующими в клинике группировками, как это происходит в любых бюрократически организованных условиях. С точки зрения каждой профессиональной группировки, существуют некоторые нюансы, облегчающие выполнение ее участниками повседневных обязанностей, причем эти нюансы абсолютно не касаются участников других профессиональных группировок в данной клинике. Конечно, это не новость, если не считать того, что любому исследователю приходится сталкиваться с этим феноменом в своей исследовательской деятельности, когда, например, желая узнать смысл зафиксированного в документах, он вынужден обращаться к материалам, в них не зафиксированным, но тем не менее известным и для кого-то имеющим значение.

Еще один источник трудностей: медперсонал знает реалии жизни в клинике, поскольку состоит из социально информированных лиц, претензии которых на «реальные представления об этом» подкреплены вовлеченностью и позицией в данной социальной системе, вовлеченностью и позицией, предполагающих, что *вопрос нравственного долга* — необходимость хорошо разбираться в том, что происходит на рабочем месте. Как следствие этого нравственного долга возникает давнее и знакомое требование со стороны ведущих документацию: «Если уж вы пристаете к нам со своим исследованием, почему бы вам не узнать, как все происходит на самом деле?» Это случается особенно часто, когда используются стандартные отчетные бланки. Настаивая на том, чтобы заполнение происходило в строгом соответствии с пунктами бланка, исследователь рискует задать реальным исследуемым событиям структуру, производную от особенностей отчетности, а не событий как таковых.

Тесно связаны с этим трудности, обусловленные тем фактом, что форма отчета — что бы она в себя ни включала — задает не только категории, с помощью которых медперсоналу приходится описывать клинические события, но и, одновременно и неизбежно, правила ведения отчетности. Форма отчета включают в себя нормы, определяющие правильное ведение отчетности как профессиональную обязанность. Неудивительно, что исследователь может получить описание клинических событий ровно в той мере, в какой персонал придерживается формы отчета как обязательной к исполнению нормы. Однако в этом случае неудивительно и то, что информация, которую может получить исследователь, как и информация, которую он не может получить, подпадает под те же известные исследователю условия, что и другие сферы нормативно регулируемой деятельности: условия хорошо известных различий и хорошо известных источников различий между нормами и практикой, различий, чрезвычайно трудноисправимых.

Подобные различия невозможно понять, не говоря уже о том, чтобы исправить, пытаясь свалить вину на исследователей и персонал, ведущий документацию. Возьмем к примеру случай, когда работник пытается внести данные в соответствии с пунктами предоставленных исследователем отчетных бланков и, именно потому что он пытается добросовестно следовать заданной форме, сталкивается с трудностями в согласовании того, что ему известно из того, о чем требует сообщить отчетный бланк, с тем, что этот бланк задает, как правило, для определения значимости того, что ему известно. Рассмотрим, к примеру, вопрос, задающий фиксированные альтернативные ответы «да» или «нет». Однако руководствуясь тем, что ему известно по данной проблеме, работник, заполняющий бланк, приходит к выводу, что и ответ «да», и ответ «нет» исказит информацию или не будет соответствовать замыслу исследователя, когда он формулировал этот вопрос. Подходя к исследованию со всей серьезностью, работник может спросить себя, не следует ли ему сделать объяснительную заметку на полях. Но тогда не напрашивается ли он на неприятности со своим комментарием?

Возможно, ему следует дождаться встречи с исследователем и тогда напомнить ему об этом случае? Но почему только об *этом* случае? Как и другим работникам, составляющим отчеты, ему известно их огромное множество. Его замешательство вполне оправдано, поскольку, начни он делать заметки на полях, ему придется сделать их несчетное количество.

Со стороны исследователя от вносящего данные требуется только, чтобы тот рассматривал отчетный бланк лишь как основание сообщить о том, что он знает *так, как он это знает*. Таким образом, мы обнаруживаем, что заполняющий отчетный бланк искажает фактическую сторону случая именно потому, что стремится помочь, следуя установленной форме отчета. Он знает, что представляет информацию в искаженном виде, внутренне противится этому или как-то иначе страдает из-за этого. Легко представить, что его негодование и страдания созвучны переживаниям исследователя.

Далее, поскольку формы отчета содержат фиксированную терминологию, реальные события, которые характеризуются этими терминами, а также способы подведения реальных событий под описательную терминологию отчетной формы, весьма разнообразны. Релевантность терминологии отчетной формы событиям, которые она описывает, зависит от стабильности функционирования клиники и базируется на понимании и использовании составляющим отчет работником стабильных характеристик функционирования клиники как схемы лингвистического интерпретирования. При любом изменении в клинике — политики, организации, кадрового состава или процедуры — могут измениться значения терминов, используемых в отчетных формах, при абсолютной неизменности этих форм. Обескураживающе обнаруживать, насколько даже незначительные процедурные изменения могут сделать безнадежно туманными большие разделы той или иной формы отчета.

Трудности, обусловленные и тем, что работники клиники отчитываются о собственной деятельности, и тем, что отчетность ведется с использованием заготовленных форм, становятся еще более очевидными, если учесть, что откровенность в отчетах может поставить под угрозу карьеру работника и несет известный риск для организации. Таким образом, между сотрудниками клиники и их клиентами, а также между клиникой и окружающими ее группами обмен информацией осуществляется, мягко говоря, отнюдь не по принципам свободного рынка.

Главный источник затруднений: актуарное и контрактное использование документации

При рассмотрении вышеупомянутых затруднений в качестве контекста для их интерпретации было выдвинуто предположение, что процедуры и результаты отчета, а также их использование работниками клиники являются неотъемлемой частью одной и той же системы, которую они описывают; что методы и результаты ведения клинической документации состоят из свойств системы, которые они призваны характеризовать, и регулируются ими.

Однако хотя вышеуказанные затруднения *можно* интерпретировать в этом контексте, ничто *касающееся этих затруднений* не требует подобного. Кто-то скажет, что затруднения, которые мы рассматриваем, лишь доказывают некоторые недостатки в рациональном контроле клинической практики. Мы перечислили затруднения в процедурах отчетности, на которые руководство может направить усилия по их исправлению и таким образом можно устранить условия, способствующие некачественному ведению документации, или уменьшить их влияние.

Однако трактовать подобные затруднения как просчеты в управлении деятельностью по ведению документации означает упустить из вида важнейшую и, вероятно, не поддающуюся изменению особенность медицинской документации как элемента институционализированной практики. Мы полагаем, что перечисленные проблемы, список которых, очевидно, можно продолжить, либо проясняют, либо сами включают в себя свойства типичной истории болезни как воспроизводимого документа, фиксирующего взаимодействие между пациентами и персоналом клиники. Эта особенность клинической документации превращает перечисленные проблемы в «структурно нормальные затруднения», связывая системы отчета с условиями жизнеспособности клиники как корпоративно организованного предприятия сферы обслуживания. Теперь мы попытаемся показать, что клиническая документация, в том виде, в каком она существует, это не нечто, с чем медперсонал старается кое-как разделаться, не опасаясь наказания. Клиническая документация *состоит из процедур и последствий клинической деятельности как медико-юридического предприятия*.

При анализе содержания историй болезни нам показалось, что историю болезни можно читать одним из двух противоположных

и несовместимых способов. С одной стороны, ее можно считать *актуарным* [3] *документом*. С другой стороны, ее можно читать как *терапевтический контракт*. Мы используем термин «контракт» несколько в ином значении, чем он используется в обычной речи, которое, однако, не отличается от трактовки Дюркгейма, хотя здесь необходимо сделать пояснение.

Обычно «контрактом» называют документ, содержащий четкий перечень обязательств, принудительный характер которых осознается обозначенными сторонами договора. Но поскольку мы ведем речь конкретно о клиниках, термин «контракт» используется в смысле *определения* обычного взаимодействия между клиентурой и лечебными учреждениями, согласно которому клиентам предоставляются услуги учреждений. Одна из важнейших особенностей лечебной деятельности заключается в том, что ее реципиенты определяются лично и учреждениями как неспособные и неполномочные самостоятельно устанавливать условия своего лечения.

Таким образом, общепризнанной нормой считается то, что пациент «вверяет себя в руки врача», на время абстрагируясь от личных представлений о своем благополучии, о том, что ему необходимо или что пойдет ему на пользу. То же касается и преступника, *mutatis mutandis*[1], единственного, мнение кого не влияет на формулировку судебного приговора. Несмотря на эти ограничения в полномочиях, ни пациенты, ни преступники не теряют права на «обхождение, которое они заслуживают». Это объясняется тем, что «обхождение» состоит из эпизодов действия, которые в глазах участников согласуются с более широкой схемой обязательств. Эта схема обязательств связывает полномочия, в рамках которых призвано действовать медицинское или правовое учреждение, со специальными доктринами и практической профессиональной этикой, регулирующими деятельность учреждения. Принимая юрисдикцию в конкретных случаях, медицинские и правовые учреждения связывают себя обязательством удовлетворить законные общественные требования «хорошего лечения» и «хорошего правосудия». Необходимый, хотя и не единственный метод, посредством которого клиники демонстрируют, что они выполняют свои обязательства оказывать адекватную медицинскую помощь, заключается в составлении релевантных отчетов о взаимодействии с пациентами.

---

[1] Внося соответствующие изменения. — *Примеч. перев.*

Значение понятия контракта в нашем употреблении требует еще нескольких пояснений. Даже в обыденной речи признается, что то, что определяет контракт, не просто представлено в документе, подтверждающем существование этого контракта. Кроме того, ни условия, ни обозначения, ни формулировки, содержащиеся в документе, отнюдь не регулируют отношения сторон «автоматически». То, как они связаны с практикой, — вопрос интерпретации компетентными читателями. Как известно, культурально говоря, юристы являются компетентными читателями большинства контрактов; именно *им* судить, что на самом деле означают условия контракта. В действительности сама форма, придаваемая юридическим контрактам, подразумевает подобных читателей.

Однако с социологической точки зрения юридические контракты — это лишь одна из разновидностей контрактов. Более широкое понятие контракта, а именно его способность определять обычные отношения, также требует рассмотрения вопроса компетентного прочтения. Таким образом, мы пришли к необходимости проанализировать, каким образом происходит прочтение условий, обозначений и формулировок, содержащихся в историях болезни, в ходе которого они становятся пригодными для получения ответов на вопросы, касающиеся медико-юридической ответственности. С нашей точки зрения, *истории болезни составляются с учетом возможной необходимости изобразить отношения между сторонами, соответствовавшими ожиданиям санкционируемых действий клиницистов и пациентов.*

Называя тот или иной медицинский документ «контрактом», мы не заявляем, что этот документ содержит лишь утверждения о том, что должно было произойти в противовес тому, что в действительности произошло. Мы также не заявляем, что контрактное прочтение медицинского документа является наиболее распространенным, не говоря уже единственным. К клиническим записям обращаются по разным поводам и с разными запросами. Однако с какой бы целью ни использовались эти записи, каково бы ни было их назначение, соображения медико-юридической ответственности всегда играют решающую роль в качестве доминирующих структурных [4] интересов, когда возникает необходимость определить процедуры ведения документации и ее желательное содержание.

Хотя клинические материалы могут использоваться и в целях, отличных от тех, которые служат интересам контракта, *все* альтернативные варианты подчинены контрактной цели как структурно предпи-

сываемому приоритету. По причине этой приоритетности использование материалов в других целях неизменно приводит к противоречивым и ненадежным результатам. Однако опять-таки по причине этой приоритетности любая без исключения информация, содержащаяся в медицинском отчете, может трактоваться в рамках контрактной интерпретации. В действительности контрактное использование касается *любого* элемента истории болезни и определяет *любой* элемент истории болезни как часть «целостного документа», причем происходит это описанным далее образом.

Когда любая история болезни прочитывалась нами как актуарный документ, ее содержание оказывалось столь недостаточным, что оставляло нас в недоумении, почему вообще так рачительно велась настолько «плохая документация». С другой стороны, когда документы, составлявшие историю болезни, рассматривались как несформулированные условия потенциального терапевтического контракта, т. е. как документы, соединенные в истории болезни с очевидным предвидением некоего случая, когда на их основании необходимо будет сформулировать условия терапевтического контракта, когда рачительность, с какой велись истории болезни, при всей неравномерности количества и качества их содержания, будет «иметь смысл».

Начнем с того, что при анализе любой истории болезни бросается в глаза неизменная окказиональность, краткость и туманность содержащихся в ней пометок и информации. В своей окказиональности документы, составляющие историю болезни, очень похожи на реплики при разговоре с неизвестными слушателями, которые, уже зная, о чем идет речь, способны правильно истолковать намеки говорящего. Пометки, составляющие эти документы, обладают той ярко выраженной особенностью, что их смысл невозможно понять, не зная или не предполагая нечто о типичной биографии и типичных целях использующего эти выражения, о типичных обстоятельствах, при которых делаются такие пометки, о типичной предыстории контактов между пишущими и пациентом или о типичных отношениях реального либо потенциального взаимодействия между *пишущими и читающим*. Таким образом, *содержание истории болезни не столько раскрывает порядок взаимодействия, сколько предполагает изначальное понимание этого порядка для правильного прочтения*. Однако понимание этого порядка не подразумевает стремления к теоретической ясности, но соответствует прагматическому интересу к нему.

Далее, существует уполномоченное использование документации. Безусловно, полномочиями наделяется лицо, которое знакомится с нею с точки зрения активного медико-юридического участия в ведении данного конкретного клинического случая, и эти полномочия тем меньше, чем меньше это участие. Полномочия имеют отношение к тому факту, что позиция и мера участия этого лица важны в обосновании ожидания того, что оно имеет право на употребление таких выражений, понимает их и использует их правильно. Конкретное понимание и использование будет зависеть от ситуации, в которой окажется это лицо. Уполномоченный читатель знает, что точно так же, как его понимание и использование приурочено к ситуации, в которой он находится, выражения, с которыми он сталкивается, воспринимаются как приуроченные к ситуациям, в которых оказались их авторы. Возможность понимания базируется на едином, практическом и предписанном понимании «автором» и «читателем» общих задач.

Окказиональные выражения следует отличать от «объективных» выражений, то есть выражений, значение которых определяется согласно совокупности правил кодирования, которые и теми, кто их использует, и теми, кто их читает, воспринимаются не зависящими от каких-либо характеристик обоих, кроме их более или менее сходного понимания этих правил.

Документам из историй болезни было свойственно также то, что то, что могло трактоваться как их *реальное* содержание, в действительности не оставалось и не должно было оставаться неизменным по своему значению при различных случаях их использования. И реально, и по замыслу их значение зависит от обстоятельств. Чтобы понять, о чем в действительности идет речь в документах, требовалась конкретная ссылка на обстоятельства их использования: разумеется, *не* обстоятельства, исходно сопровождавшие их написание, *а наличествующие обстоятельства «читателя»* при определении их подобающего использования в *настоящих условиях*. Очевидно, что под «читателями» документов мы подразумеваем медперсонал.

Образцом актуарного документа может служить документ о взносах при оплате в рассрочку. Этот документ характеризует наличествующее состояние отношений между сторонами и их предысторию. Стандартная терминология и стандартный набор грамматических правил управляет не только возможным содержанием, но способом присоединения «записи» о предшествующих операциях. Становится возможным нечто вроде стандартного прочтения, одинаковой трактовки

документа разными читателями. Заинтересованный читатель не имеет никакого преимущества перед просто проинструктированным читателем. То, что читатель имеет право претендовать на правильное прочтение, т. е. претензия читателя на компетентное прочтение, определяется им и другими людьми без учета его личных особенностей, *его* операций с данным документом или *его* личной заинтересованности в прочтении данного документа.

Перечислять затруднения исследователя в использовании клинической документации означает вести речь о том, насколько ничтожно малая доля содержания этой документации поддается актуарному прочтению без каких-либо противоречий. Исследователь, пытающийся использовать актуарное прочтение документации, внесет в свой блокнот многочисленные указания на «пробелы» в данных, «небрежность» и т. п.

Однако истории болезни все же *поддаются* непротиворечивому прочтению клиницистом, если он точно так же, как историки или юристы используют те же документы, выработает *документированную репрезентацию* [5] содержания взаимодействия клиники и пациента как чего-то упорядоченного и понятного. Различные элементы историй болезни — это знаки, как осколки, позволяющие составить несчетное количество мозаик, соединенные не для описания отношений между медперсоналом и пациентом, а для создания возможности сотруднику клиники охарактеризовать отношения между пациентом и клиникой как нормальный ход клинических дел, когда и если вопрос нормализации возникает как вопрос практического интереса другого медика. В этом смысле мы говорим о том, что содержание историй болезни имеет контрактное, а не описательное назначение, поскольку контракт не используется для описания отношений и не использует их. Он предназначен для нормирования отношений сторон, под которым подразумевается то, что *quid pro quo* взаимообмена сторон в отчете об их отношениях организован таким образом, чтобы удовлетворять условиям некого прежнего законного соглашения, эксплицитного или имплицитного.

Элементы историй болезни соединяются на случай необходимости тому или иному сотруднику клиники сконструировать ход некого потенциального или уже происшедшего взаимодействия между клиникой и пациентом как «клинический случай», а следовательно, случай терапевтического контракта, нередко с целью оправдания хода реального или потенциального взаимодействия между медперсоналом и пациентами. Отсюда следует, насколько бы разнообразно ни было содержание историй болезни, оно поддается непротиворечивому прочтению медиком, если точно так же, как юрист «создает судебное дело», этот медик «создает из фрагментов клинический случай» как отчет о легитимной клинической деятельности *в ходе* вынужденного интерпретирования взаимной релевантности документов.

С этой точки зрения история болезни содержит единое свободное поле элементов, с помощью которого контрактный аспект отношений сторон может быть сформулирован в любом случае, когда требуется такая формулировка. Какие документы будут использованы, как они будут использованы и какое значение они примут, зависит от конкретных поводов, целей, интересов и вопросов, которые конкретный индивид будет использовать при их рассмотрении.

В отличие от актуарной документации документы, составляющие «папку с личным дело», очень незначительно ограничены в своем настоящем значении процедурами, посредством которых они были соединены в этой папке. В действительности значение документов не связано с реальными процедурами, посредством которых они были соединены, и в этом отношении способы и результаты компетентного прочтения этих документов отличается от способов и результатов компетентного актуарного прочтения. Если у какого-нибудь медика возникают «веские основания» обратиться к папке с историей болезни, его цели и намерения в этот момент определяют некоторую часть ее содержания как составных элементов сформулированного отчета. Если в ходе ознакомления с этой историей болезни его цели и намерения изменяются, ничего плохого не происходит, поскольку совокупность составляющих ее документов не укомплектована, пока читатель не решит, что ему этого достаточно. Основания для остановки не формулируются заранее как условия, которым должен удовлетворять некий ответ на его вопросы. Можно сказать, что возможное использование содержимого истории болезни следует за возникающими и изменяющимися целями его использования «пользователем», а не наоборот. Приступая к составлению контракта, пользователь не в состоянии сказать, какие документы ему необходимы, не говоря уже о том, на получении каких он будет настаивать. Для реализации своих намерений ему необходим метод фиксирования и извлечения информации, в полной мере предусматривающий развивающийся характер его знаний о практических обстоятельствах, справиться с которыми призвано помочь содержимое папки с историей болезни. Кроме того,

желательно, чтобы это содержание могло принимать любое значение, какое ему может придать читатель, при «комбинаторном» сопоставлении различных документов и при поиске альтернативных интерпретаций в соответствии с возникающими и изменяющимися намерениями читателя в реальной ситуации их прочтения. Таким образом, именно реально событие в условиях возможного использования документа определяет его значимость. Поэтому список документов, составляющих папку с историей болезни, не ограничен и может быть бесконечно длинным. Вопросы частичного совпадения и дублирования не важны. Они не только не возникают; вопросы частичного совпадения не могут получить ответ, пока «пользователь» не будет более или менее четко представлять, что он ищет и, возможно, зачем. В любом случае вопросы частичного совпадения и пропусков не могут быть решены, пока пользователь реально не изучит то, с чем он столкнулся.

Разъяснений требуют еще некоторые особенности «дублирования» и «пропусков» в описанных двух системах отчетности. В актуарном отчете информация может дублироваться ради целесообразности. Однако выписка о наличном состоянии банковского счета не добавляет никакой информации к тому, что можно заключить из прежнего состояния счета и последующих вкладов и снятий со счета. Если они не согласуются, это служит неопровержимым доказательством наличия пропуска. Актуарная запись регулируется принципом релевантности, с помощью которого читатель способен мгновенно оценить ее полноту и адекватность.

Клинический отчет этим свойством не обладает. Каждая последующая запись может сопоставляться с предшествующей таким образом, что то, что было известно тогда, теперь изменяет свой вид. Составные элементы истории болезни могут непрерывно соперничать друг с другом, претендуя на важную роль. Еще неизвестно, является ли повтором то, что сказано дважды, или второе имеет значение подтверждения первого. То же касается и пропусков. В действительности и совпадения и пропуски могут рассматриваться только в контексте некой избранной схемы интерпретации.

Крайне важно то, что компетентный читатель осознает, что не только составляющие элементы истории болезни состоят в отношениях взаимной квалификации и взаимного определения, но и элементы, в нее не входящие. Эти неупоминаемые элементы становятся очевидными в свете неких известных эпизодов, однако затем, в свою очередь, эти известные эпизоды также интерпретируются в свете того, что, как есть основания считать, происходило во время не фиксируемого в отчете развертывания рассматриваемого случая.

Схема для интерпретации документов может быть взята откуда угодно. Она может изменяться с прочтением любого конкретного пункта, с намерениями исследователя в объединении документов в историю болезни, «в свете сложившихся обстоятельств», а также с требованиями ситуации. Выяснение, определение и утверждение отношения смысла любого документа к «упорядочивающей схеме» остается целиком прерогативой читателя, исходящего из своего представления об их соответствии в каждом конкретном случае, после этого случая, в свете своих целей, в свете своих изменяющихся целей, в свете того, что он начинает обнаруживать, и т. д. Значение документов изменяется как функция от попыток соединить их в единый отчет о неком клиническом случае. Вместо того чтобы предугадывать содержание того или иного документа, мы изучаем папку с историей болезни и из нее составляем, буквально обнаруживаем в ней, что это был за документ. Затем читателю определять, есть или нет непрерывность, логичность и согласованность между смыслом документов. Читатель ни в коей мере не ограничен необходимостью заранее обосновывать или заранее знать, что чтó означает в истории болезни или что чем он будет считать [6].

Чтобы непротиворечиво прочесть историю болезни, медик должен ожидать от себя и других медиков, а также того, что другие медики ожидают от него осведомленности и использования знаний: 1) о конкретных лицах, о которых идет речь в документации; 2) о лицах, причастных к составлению этой документации; 3) о реальной организации клиники и процедурах, действующих на момент обращения к документации; 4) о совместной с другими лицами истории — пациентами и сотрудниками клиники; 5) а также о клинических процедурах, включая процедуры для прочтения документации, поскольку в эти процедуры вовлечены сотрудники клиники и пациент. В актуальных целях он использует эти знания для вычленения и составления из истории болезни документированной репрезентации отношений сторон [7].

Клиника, в которой мы проводили исследование, связана с университетским медицинским центром. Поскольку исследование является признанным направлением деятельности клиники, актуарная документация играет важную роль в ее повседневных делах. Однако контрактное значение историй болезни соперничает с их актуарным значением, что связано с насущной практической необходимостью

поддержания жизнеспособных отношений с университетом, с другими медицинскими организациями, с органами государственного управления, с судами и широкой общественностью в целом, посредством демонстрирования того, что деятельность клиники прежде всего соответствует деятельности легитимного психиатрического лечебного учреждения.

Заинтересованным сторонам, включая пациентов и исследователей, нетрудно расставить приоритеты, выбирая между этими двумя позициями. Во всем, начиная с соображений сравнительной экономики и кончая задачами рекламирования и обоснования деятельности, клиники должны удовлетворять условиям для ведения контрактной документации. Другие интересы необходимо являются не столь существенными и должны подчиняться первым.

На все это можно ответить, что мы придаем слишком большое значение этой теме; что в конечном счете клиническая документация призвана обслуживать интересы медицинской и психиатрической службы, а не исследовательские интересы. Мы полностью с этим согласны. Это именно то, о чем мы говорим, хотя говорим это, пытаясь увязать состояние документации с организационной значимостью приоритетности медицинской и психиатрической деятельности перед исследовательскими задачами. Проводя исследование в психиатрической клинике, исследователь неизбежно обнаружит особые механизмы, с помощью которых его исследовательская деятельность структурно отделяется от деятельности и подчиняется деятельности, посредством которой гарантируется качество и жизнеспособность клиники как учреждения сферы услуг. Это не означает, что медики не проводят исследование со всей серьезностью и последовательностью.

ГЛАВА 7

Методологическая адекватность в количественном исследовании отбора и его критериев в амбулаторной психиатрической клинике[1]

Количественные исследования, описывающие способы отбора пациентов для лечения в психиатрических амбулаторных клиниках, сходятся в выводе о том, что шансы кандидата на получение лечения зависят от множества факторов помимо того факта, что он нуждается в этом лечении. Шафер и Майерс[2] сравнили кандидатов на лечение в Благотворительной психиатрической амбулаторной клинике Нью-Хейвена (Grace New Haven Hospital Psychiatric Outpatient Clinic) с теми, кому оно было предоставлено, и заключили, что одним из релевантных критериев отбора является социально-экономический статус кандидата. Холлингхед и Редлич[3] сравнили классовый состав пациентов, поставленных на учет в различных лечебных учреждениях, и усмотрели в процессах отбора тенденцию к чрезмерной представленности среди пациентов, лечащихся в психиатрических клиниках, среднего класса и недостаточной представленности менее обеспеченных слоев населения. Розенталь и Франк[4] сравнили всех пациентов, первично

[1] При участии Эгона Биттнера (Egon Bittner). Нейропсихиатрический институт Лэнгли Портера (The Langley Porter Neuropsychiatric Institute).

[2] Leslie Schaffer & Jerome K. Myers. «Psychotherapy and Social Stratification: an Empirical Study of Practices in a Psychiatric Outpatient Clinic», *Psychiatry*, 17, 83–93.

[3] August B. Hollingshead & Frederick C. Redlich. *Social Class and Mental Illness* (New York: John Wiley & Sons, Inc., 1958).

[4] David Rosenthal & Jerome D. Frank. «The Fate of Psychiatric Clinic Outpatients Assigned to Psychotherapy», *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 127 (October, 1958), 330–343.

контактировавших с Психиатрической клиникой Генри Фиппса (Henry Phipps Psychiatric Clinic), с теми, кто был направлен на лечение. Они обнаружили, что эти две популяции различались по возрасту, расе, образованию, ежегодному доходу, источнику направления в клинику, диагнозу и мотивации. Сторроу и Брилл[1] сравнили популяцию всех пациентов, сделавших личный запрос в Психиатрическую амбулаторную клинику УКЛА, с популяцией тех, кто явился хотя бы на одно терапевтическое интервью. Эти две популяции различались по следующим характеристикам: психоневрозы, меньшая продолжительность заболевания, легкое нарушение «профессиональной адаптации», мотивация пациента к лечению, его желание получить пособие, вторичная выгода, экономический статус, вероисповедание, пол, возраст, реакция интервьюера, оценка терапевтом возможности лечения, а также уклончивость пациента. Авторы приводят длинный список «переменных», по которым две популяции либо не различались, либо различались незначительно. Вайс и Шайе[2] сравнили популяцию всех пациентов, выписанных после диагностического обследования или лечения в Психиатрической клинике Малькольм Блисс (*Malcolm Bliss Psychiatric Clinic*), с популяцией тех, кто не явился в клинику для дальнейшего обследования или лечения. Авторы сообщают, что популяции различались по полу, семейному положению, источнику направления в клинику и диагнозу. Не было обнаружено никаких различий по возрасту, вероисповеданию, месту рождения, месту рождения родителей, роду занятий, прежним госпитализациям в психиатрические учреждения, статусу первого интервьюера-специалиста, продолжительности терапии, количеству интервью или количеству переходов от одного терапевта к другому. Кatц и Соломон[3] сравнили три популяции всех пациентов, которым было предложено лечение после диагностического интервью в психиатрической клинике Медицинской школы Йельского университета, но которые не вернулись после первого посещения, после второго-четвертого посещения и после пятого и далее посещения. Авторы сообщают, что продолжительность контакта с клиникой зависела от возраста, семейного положения, образования, опыта прохождения психотерапии, источника направления в клинику, отношения терапевта к пациенту, а также заинтересованности пациента в лечении и его ожиданий, связанных с лечением.

[1] Hugh A. Storrow & Norman Q. Bill, «A Study of Psychotherapeutic Outcome: Some Characteristics of Successfully and Unsuccessfully Treated Patients». Доклад, представленный на заседаниях Калифорнийской медицинской ассоциации (California Medical Association), San Francisco, February, 1959.

[2] James M. A. Weiss & K. Warner Schaie, «Factors in Patients' Failure to Return to Clinic», *Disease of the Nervouse System*, 19 (October, 1958), 429–430.

[3] Jay Katz & Rebecca A. Solomon, «The Patient and His Experience in an Outpatient Clinic», *A.M.A. Archives of Neurology and Psychiatry*, 80 (July, 1958), 86–92.

В ходе сравнения прежних исследований [1] был выявлен ряд категориальных идей, исходно предполагаемых при описании процесса отбора как эмпирического феномена. Эти идеи являются составными частями проблемы отбора как такового. Поскольку они носят конституирующий характер, без их рассмотрения невозможно адекватное формулирование проблемы отбора. Для упрощения изложения мы будем называть эти конституирующие понятия «параметрами» [2] проблемы отбора. Мы будем называть эти идеи «последовательностью», «операциями отбора», «исходной популяцией претендующих на лечение», «составом последующей популяции» и «теорией, связывающей работу по отбору и клиническую нагрузку»[1].

В исследованиях не только по-разному рассматривались эти параметры; в каждом исследовании упускался из вида по крайней мере один из них. В результате, несмотря на тщательность, с которой были проведены исследований, пока нет никакой возможности определить, что же реально известно о критериях отбора. Из опубликованных результатов невозможно заключить, что пациенты отбирались на приведенных в сообщениях основаниях, кроме как посредством длинных цепочек логических выводов, для чего исследователю требуется *прежде всего заранее предполагать знание самих социальных структур, которые якобы описываются*.

Каковы эти параметры? Каким образом они необходимо заранее предполагаются? Как они рассматривались в исследованиях?

1. *Последовательность.* Первая из существенных идей в исследованиях отбора пациентов заключается в том, что группы пациентов, характеристики которых сравниваются, находятся на двух или более последовательных этапах процесса отбора. Во всех исследованиях совокупность популяций понимается как последовательность, где каждая популяция соотносится с предыдущей как популяция, отобранная из нее.

[1] Клиническая нагрузка — число пациентов, обслуживаемых клиникой или врачами за определенный период времени. — *Примеч. перев.*

Этот параметр неизбежно присутствует в исследованиях, поскольку в любом исследовании не только подразумевается, что изучаемые атрибуты являются возможными дискриминаторами сравниваемых популяций пациентов, но одна из сравниваемых популяций эксплицитно соотносится с другой как результат некоторых мероприятий по отбору [3].

2. *Операции отбора.* Конституирующая идея операций отбора обнаруживается при рассмотрении популяции на более позднем этапе последовательности в плане процессов, с помощью которых она составляется. Этот параметр определяется *неким* набором последовательных операций, выполняемых над исходной популяцией. Последующая популяция по определению является продуктом неких операций, выполненных над предыдущей популяцией и приведших к ее трансформации. Даже если операция, превращающая исходную популяцию в ее производное, не конкретизирована, признание ее как необходимой составляющей проблемы по крайней мере позволяет констатировать то, что предстоит исследовать в дальнейшем [4]. Вайс и Шайе[1] ведут речь именно об этом в заключительной части своей статьи, когда пишут:

> У нас сложилось впечатление, что различия, обнаружившие статистически значимую связь с невозвращением, имеют определенное значение при прогнозировании частоты невозвращений... Однако такого рода исследование методом поперечных срезов не позволяет проникнуть в суть динамики «прерывания терапии...»

В большинстве других исследований в предположениях и клинических интерпретациях уделяется должное внимание «операциям отбора».

3. *Исходная популяция претендующих на лечение.* Параметр «исходная популяция» необходим, поскольку любая программа последовательного отбора неизбежно требует ссылки на изначально данную популяцию. При такой ссылке может возникнуть вопрос, какая исходная популяция подходит для исследования клинического отбора и его критериев.

Понятие исходной популяции невозможно свести к *некой* популяции с такими атрибутами, как возраст, пол и т. п., пригодность которых в качестве критериев отбора необходимо оценить. Вне зависимости от того, какие атрибуты приписываются исходной популяции, подразумевается их *легитимность*. Это наглядно доказывает тот факт, что клиника постоянно получает запросы на услуги, официально не предусмотренные: например, в клинику обращаются люди с просьбами провести с ними гипноз или дать им ЛСД, чтобы узнать, что это такое. Легитимность этих атрибутов обусловлена тем, что любая исходная популяция должна характеризоваться сущностью запросов ее представителей на клинические услуги. Поэтому в любом случае работа по отбору, по крайней мере по умолчанию, понимается как деятельность, регулируемая медико-юридическими соображениями. С точки зрения не только медперсонала, но и соответственно пациентов, критерии отбора должны обладать способностью к подтверждению правомерности в отношении медико-юридического мандата, в рамках которого действует клиника. С позиции пациентов и медперсонала кандидаты на лечение не просто принимаются или отклоняются — т. е. «отбираются» -- на основании «пола», «возраста», «социально-экономического статуса», «мотивации» или «диагноза». Они принимаются или отклоняются на этих основаниях как «правомерных основаниях».

Поскольку, с точки зрения любого человека, недостаточно сказать, что исходная популяция «распределена по некоторому атрибуту», этого недостаточно и с точки зрения исследователя. Исходная популяция - это популяция, распределенная по некоторому атрибуту, в связи с чем клиника может обосновать результат отбора, если ей необходимо получить одобрение своих операций. Поэтому «исходная популяция», пригодная для изучения проблемы отбора в клинике, понимаемого как некая операция, регулируемая медико-юридическими правилами, необходимо является *легитимной исходной популяцией*.

Однако это не решает проблемы определения подходящей исходной популяции. Остается выяснить, следует ли рассматривать исходную популяцию как популяцию имеющих право или претендующих на лечение.

Согласно доктрине медико-юридической ответственности все члены общества составляют популяцию имеющих право на лечение. Определение популяция имеющих право на лечение — одна из задач эпидемиологических исследований. Однако данная популяция не может быть исходной популяцией, пригодной для исследования клинических процессов отбора пациентов. Это следует из того факта, что лица, имеющие право на лечение и нуждающиеся в нем, должны

[1] Weiss & Schaie, ibid, p. 430.

каким-то образом попасть в поле зрение психиатрической службы. Теоретик должен учитывать это, чтобы избежать отождествления популяции нуждающихся в лечении с популяцией, обращающихся за медицинской помощью. Клозен и Йарроу с соавторами[1] в своем известном исследовании показали «пути», ведущие к лечению. Эти «пути» включают в себя совокупность операций, посредством которых некая популяция имеющих право на лечение превращается в популяцию претендующих на лечение. Отсюда следует: сравнивая общую популяцию с клинической, как это сделали Холлингсхед и Редлич[2], мы узнаем лишь разницу между лицами, принятыми в клинику, и лицами, потенциально способными реализовать свое право на лечение.

Это приводит к выводу, что популяцию, созданную клиникой посредством неких операций, необходимо сравнивать с другой популяцией, которая находится на более раннем этапе взаимодействия с клиникой. Эта предшествующая популяция является популяцией имеющих право на лечение, претерпевшей изменение благодаря тому факту, что она уже вышла на рынок клинических услуг. Проще говоря, это популяция претендующих на лечение.

Такой популяцией является любая популяция, контактирующая с клиникой на любом этапе процесса отбора. Однако если возникает необходимость изучить влияние клинических операций на эту популяцию претендующих на лечение, требуется популяция более раннего этапа, поскольку чем дальше в последовательности клинических операций от момента первого контакта, тем в большей мере клинические операции оказывают интерферирующее влияние на результаты отбора из популяции претендующих на лечение. Так, например, если ссылаться на опыт Амбулаторной психиатрической клиники УКЛА, 67 % всех запросов делались по телефону. Примерно три четверти этих телефонных запросов не приводили к продолжению контакта. Оценивать численность популяции претендующих на лечение, не учитывая этого, означает оценивать численность популяции, которая уже сократилась почти вполовину (48 %).

Исключение из исследования процесса отбора задает популяцию претендующих, уже претерпевшую изменения под воздействием процедур отбора (Шафер и Майерс[1] исключили из своего исследования: а) пациентов, направленных только на консультацию; б) пациентов, у которых были диагностированы непсихиатрические синдромы; в) пациентов, которых сочли нуждающимися в госпитализации; г) пациентов, направленных в клинику, но не явившихся в нее; д) пациентов, которые «после неадекватного скрининга» были сочтены способными оплатить частную помощь специалистов). Трудности в оценке результатов этого исследования становятся очевидны, если задаться вопросом, как половой, возрастной, классовый и т. д. состав этой — должно быть, значительной — доли популяции претендующих на лечение соотносится с составом популяции, использованной в качестве исходной. Отбор можно было объяснить критериями, которые указали Шафер и Майерс, только в случае сходства составов этих двух популяций. Если они различались, нам придется заключить, что на результаты повлиял возраст, пол, класс или что-то еще. Во всех прежних исследованиях, за исключением одного [5], используемые исходные популяции обладали аналогичными недостатками.

Мы делаем вывод, что для адекватного формулирования проблемы отбора легитимная популяция претендующих на лечение должна рассматриваться как группа претендующих на лечение в том виде, в каком она предстает при первом контакте. *Иначе сами операции по отбору усложнят задачу описания этих процедур отбора, приводя к использованию сравнительной популяции, уже подвергнутой отбору неизвестными способами* [6].

4. *Состав последующей популяции.* Этот параметр подразумевает, что любая результирующая популяция состоит из двух субпопуляций: а) совокупности лиц, находящихся «внутри», по отношению к которым существует б) дополняющая популяция тех, кто «вне». Суммирование двух этих популяций восстанавливает предшествующую популяцию. Этот параметр предполагает выбор популяций, которые необходимо сравнить для определения критериев, использованных при отборе. При анализе проблемы отбора необходимыми элементами на каждом этапе данного процесса являются популяции тех, кто «внутри», и тех, кто «вне».

За исключением исследований Вайса, Шайе и Кадушин и без учета сравнений типа «имеющие право»/«внутри» [7], прежние исследования были направлены на сравнение либо популяции «внутри»

---

[1] J. A. Clausen & M. R. Yarrow, eds., «The Impact of Mental Illness on the Family», *The Journal of Social Issues*, 11 (1955), 3–64.

[2] См. также проанализированные в табл. 1 исследования: Futterman *et al.*, 1947, Schaffer & Myers, 1954; Brill & Storrow, 1959, не опубликовано.

[1] Schaffer L. & Myers J. K., ibid, p. 86.

с последующей популяцией «внутри», либо популяции «вне» с последующей популяцией «вне». Обосновывается это, видимо, тем, что если последующая популяция не выбывших из исходной группы лиц отличается по каким-то характеристикам от предыдущей, этими характеристиками объясняется осуществленный отсев кандидатов.

Учитывая конституирующую идею отбора из последовательных популяций, и сравнения типа «внутри-внутри», и сравнения типа «вне-вне» некорректны с процедурной точки зрения. Почему так происходит?

Сравнения типа «внутри-внутри»

Если на мгновение задуматься, то в отношении исследований с использованием процедуры «внутри-внутри» выяснится: а) хотя использовалось сравнение «внутри-внутри», замысел состоял в сравнении типа «внутри-вне», что привело к несовпадению реального и подразумеваемого сравнений; б) далее, если для оценки наличия связи между критериями и «выживаемостью» используются обычные статистические меры связи, например, хи-квадрат [8], правильным будет только подразумеваемое сравнение.

Рассмотрим пункт «а». Сам ход рассуждений и метод, используемый в процедуре «внутри-внутри», предполагает сравнение популяции невыбывших с популяцией выбывших. Доказательством этого служит тот факт, что предшествующая популяция состоит из двух групп: тех, кто находится «внутри» на начальном этапе и останется «внутри» в дальнейшем, и тех, кто находится «внутри» на начальном этапе, но в дальнейшем, при учете характеристик оставшихся «внутри», окажется «вне». Сравнение, направленное на последовательные популяции «внутри», искажает назначение этого сравнения, направленного на выявление критериев, с помощью которых производился отсев из исходной популяции. Поскольку мы неизбежно имеем дело с постепенным уменьшением исходной популяции, критерии отбора должны оперировать в любой данный «момент», разграничивая тех, кто в этот момент останется, и тех, кто должен быть исключен. Отсюда следует, что даже если эти этапы недифференцированы, сама проблема необходимо подразумевает наличие по крайней мере одного такого этапа, и на этом этапе сравнение необходимо происходит между популяцией «внутри» и популяцией «вне».

Рассмотрим пункт «б». Поскольку и популяция «внутри», и популяция «вне» на некотором более позднем этапе являются составными частями популяцией, какой она была на предшествующем этапе, на любом этапе популяция «внутри» и популяция «вне» имеют комплементарные составы. Если для определения критериев отбора исследователь использует хи-квадрат (χ^2), необходимо соблюдать известную осторожность, избегая сравнения значительной части предшествующей популяции с самой собой. Далее, чтобы рассматривать предшествующую и последующую популяции как независимые распределения, что является необходимым условием для корректного использования хи-квадрат, исходная популяция при одношаговой операции должна была бы сформировать маргинальные группы. Тогда «выжившие» сравнивались бы с дополняющими их лицами, отсеянными на последующем этапе. Специалисты в области статистики[1], у которых мы консультировались, в один голос утверждали, что использование хи-квадрата для сравнения последовательных популяций «внутри» некорректно, однако их мнения разделились в отношении вопроса о том, обусловлена эта некорректность тем, что корреляция ослабит результат или тем, что сравнение с помощью хи-квадрата последовательных «внутри»-популяций в случае с условными частотами не имеет ясного значения. В любом случае итог таков, что сравнение последовательных популяций «внутри» исказит вывод о наличии дискриминирующих атрибутов. Во всех прежних исследованиях с применением сравнения типа «внутри-внутри» для сравнения двух популяций использовался хи-квадрат, но ни в одном из них эта проблема не упоминалась.

Сравнения типа «вне-вне»

Учитывая, что задача определения критериев отбора решается путем использования схемы логических выводов, в котором должно предусматриваться уменьшение исходной популяции, сравнение типа «вне-вне» некорректно, поскольку оно использует непригодную схему логических выводов. Отличие схемы логических выводов, используемой при сравнении типа «вне-вне», от схемы, пригодной для использования при рассмотрении проблемы отбора, можно продемонстрировать

[1] Drs. Wilfred J. Dixon, Richard J. Hill, Charles F. Mosteller, William S. Robinson.

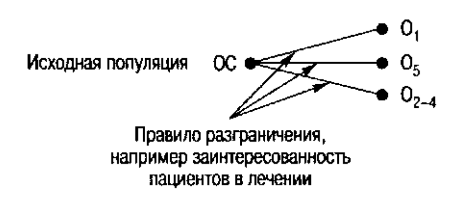
15-2588

на примере исследования Катца и Соломон[1], с применением сравнений «вне-вне».

Катц и Соломон использовали исходную когорту, состоявшую из 353 пациентов. Эта когорта могла претерпеть три варианта изменений: одна часть когорты могла быть исключена после одного визита (O_1) (от англ. *out* — вне); другая могла быть исключена после второго-четвертого визита (O_{2-4}); и третья — после пятого визита или позже (O_5). Строго говоря, исходная когорта была разделена на три возможных случая: O_1, O_{2-4} и O_5. Любое расхождение, например по такому атрибуту, как «заинтересованность пациента в лечении», представляет собой правило разграничения. Например, одно из правил разграничения, которое проверили Катц и Соломон, было следующим: пациенты с низким уровнем заинтересованности в лечении выбывают раньше; пациенты с высоким уровнем заинтересованности в лечении выбывают позже. Альтернативным правилом разграничения было следующее: пациенты выбывают раньше или позже вне зависимости от их заинтересованности в лечении. Теоретически ожидаемые популяции O_1, O_{2-4} и O_5 были сравнены с эмпирически наблюдаемыми популяциями, с тем чтобы установить меру отклонения наблюдаемых популяций от ожидаемых. Было решено, что критерии отбора действуют, когда наблюдаемые распределения значимо отклоняются от распределений, ожидаемых согласно разграничительному правилу об отсутствии связи.

Чтобы продемонстрировать непригодность этой процедуры для решения проблемы отбора, необходимо показать, что она не дает возможности делать выводы о критериях отбора без неоправданной ссылки на условия проблемы отбора [9].

Процедуру, которую использовали Катц и Соломон для разделения исходной когорты, можно представить в виде следующей структуры. Она описывает отношения между исходной когортой и последующими популяциями, образующимися согласно правилу разграничения:

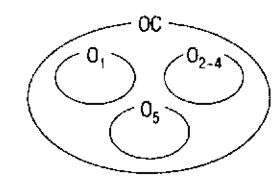

[1] Katz & Solomon, ibid, p. 86–92.

Анализ этой структуры обнаруживает, что: а) область возможных случаев состоит из O_1, O_{2-4}, O_5; б) исходная когорта может быть восстановлена путем сложения $O_1 + O_{2-4} + O_5$; в) значение последовательности неоправданно, поскольку в отношении исходной когорты как «начала» ее ответвления могут чередоваться, а популяции могут замещать друг друга, не изменяя смысл указанной выше структуры. Отсюда следует, что хотя O_1, O_{2-4} и O_5 предполагают разную продолжительность лечения, порядок их следования не является необходимой частью их значения. Их можно расставить в «естественном порядке» увеличения продолжительности лечения, однако эта расстановка не является более необходимой, чем любая другая расстановка, согласующаяся со значением продолжительности лечения в этой структуре, т. е. что указанные три периода лечения различаются по продолжительности. Рассмотрение же их исследователем как последовательности неоправданно.

Любой структуре соответствует определенная схема заключений [10], которая создается путем упорядочивания области возможных событий в соответствии с правилом включения. Совокупность необходимых заключений состоит из заключений, исчерпывающих область возможных событий. Эти заключения — результат сравнения всех подобластей, исчерпывающих область высшего порядка, которую эти подобласти разделяют.

Схема заключений, соответствующая структуре, которую использовали Катц и Соломон, такова:

Эта схема содержит подобласти O_1, O_{2-4} и O_5. Опять-таки становится понятно, что их можно упорядочить в соответствии с продолжительностью контакта, однако значение последовательных популяций не является неотъемлемым свойством области возможных случаев, нет в этой схеме и какого-либо сравнения, из которого бы с необходимостью следовало значение последовательных популяций. Напротив, все заключения из этой схемы подчиняются необходимости соответствовать исходному положению о том, что ни один из этих трех исходов не включает в себя другие. Что бы ни говорил исследователь об этих

трех популяциях, это должно согласовываться с исходным положением о том, что между тем, сколько «выжила» некая популяция, и тем, сколько она «выживет», нет необходимой смысловой связи.

Исходная когорта, разделенная с учетом значения последовательных популяций как неотъемлемого свойства области возможных случаев, как структура выглядела бы следующим образом:

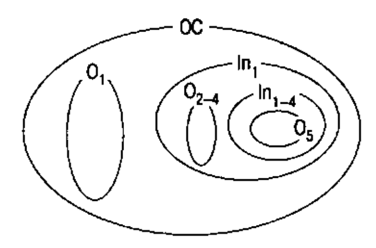
Исходная популяция OC $\quad In_1 \quad In_{1-4}$

O_1 — Популяция на первом этапе = $= In_1 + O_1$

O_{2-4} — Популяция на втором этапе = $= In_2 + O_{2-4}$

O_5 — Популяция на третьем этапе = $= In_{2-4} = O_5$

Совокупность возможных исходов теперь состоит из In_1; O_2; In_1-за-которым-следует-In_{2-4}; In_1-за-которым-следует-O_{2-4}; In_1-за-которым-следует-In_{2-4}-за-которым-следует-O_5. Если эту структуру возможных исходов упорядочить в соответствии с правилом включения, получится следующая схема заключений:

Мы увидим, что любая перегруппировка популяций в структуре изменяет их значение. Продолжительность и последовательность необходимо связаны между собой.

Если Катц и Соломон описывают исходную когорту как OC (100%) = $= O_1 + O_{2-4} + O_5$, то исходная когорта в соответствии с параметром последовательности описывается как OC (100%) [11] = O_1 + (In_1-за-которым-следует-O_{2-4}) + (In_1-за-которым-следует-In_{2-4}-за-которым-следует-O_5).

В исследовании Катца и Соломон схема заключений предполагает сравнение подобластей O_1, O_{2-4} и O_5 в отношении OC. Если следовать их интерпретации проблемы отбора, шансы на «выживание» описываются путем сравнения выбывших на каждом этапе как некой доли *исходной когорты*.

Схема заключений, возникающая при включении параметра последовательности в концепцию проблемы отборы, предполагает сравнение подобластей In_1 и O_1 в отношении OC: In_{2-4} и O_{2-4} в отношении In_1; и O_5 в отношении In_{2-4}. Если следовать этой процедуре, шансы на «выживание» описываются путем сравнения оставшихся и выбывших на каждом этапе как частей группы тех, кто остался в результате *предшествующего этапа*.

То, что эти различия играют роль в исследовании Катца и Соломон, иллюстрируют следующие таблицы — результат пересчета табл. 7 [12] из их статьи. Их таблица описывала отношения между источником направления пациентов, продолжительностью их лечения и их заинтересованностью в лечении.

Согласно процедуре Катца и Соломон, мы обнаружили следующее.

	Пациенты, направленные в «открытую клинику» из стационара, клиники и по «неотложной помощи», и прекратившие затем лечение				Пациенты, направленные в «обычную клинику» врачом или обратившиеся самостоятельно, и прекратившие затем лечение			
Заинтересованность пациентов в лечении	Исходная когорта (N)	1 визит, %	2–4 визита, %	Более 5 визитов, %	Исходная когорта (N)	1 визит, %	2–4 визита, %	Более 5 визитов, %
Явная, открыто выражаемая	(22)	31,8	45,4	22,8	(132)	8,3	4,5	87,2
Требует подкрепления	(28)	35,8	42,9	21,3	(43)	20,9	20,9	58,2
Слабая или полностью отсутствующая заинтересованность	(64)	67,2	23,5	9,3	(28)	42,8	39,3	17,9
Всего	(114)				(203)			

При пересчете данных Катца и Соломон с учетом необходимого значения последовательности их результаты приняли следующий вид:

Явная, открыто выражаемая	(22)	31,8	66,7	*	(132)	8,3	4,9	*
Требует подкрепления	(28)	35,8	66,7	*	(43)	20,9	26,5	*

Слабая или полностью отсутствующая заинтересованность	(64)	67,2	71,5	*	(28)	42,8	68,8	*

* Все процентные показатели в этой колонке составляют 100%, поскольку все лица, выбывшие после пятого визита и далее, — это те, кто остался после второго визита и далее.

Исходная таблица Катца и Соломон утверждает следующее. Если исходить из того, что то, как долго пациент контактировал с «открытой клиникой», и то, как долго он не будет прерывать контакт, — независимые друг от друга события, можно сделать вывод, что после одного визита лица, слабо заинтересованные или совсем не заинтересованные в психиатрическом лечении, выбывали в процентном соотношении чаще, чем те, кто был заинтересован в лечении. В дальнейшем лица, слабо заинтересованные или совсем не заинтересованные, выбывали в процентном соотношении реже, чем те, кто был более заинтересован в лечении. Лица, слабо заинтересованные или не заинтересованные в лечении, выбывали после первого посещения; лица с большей заинтересованностью в лечении выбывали позже.

Пересчитанная таблица основана на предположении, что то, сколько времени человек, направленный в открытую клинику, сохранит с ней контакт, включает в себя как зависимое условие то, сколько времени он находился в контакте с клиникой. Итог таков, что лица, слабо заинтересованные или совсем не заинтересованные в лечении, после первого визита выбывали значительно чаще, однако заинтересованность в лечении не влияла на вероятность выбывания после второго-четвертого визитов.

В отношении лиц, направленных в «обычную клинику», Катц и Соломон обнаружили, что в период между первым и вторым-четвертым визитами частота выбывания лиц, в разной мере заинтересованных в лечении, не изменяется. Пересчитанные же данные свидетельствуют о том, что частота выбывания изменяется: после второго визита и далее у лиц, слабо заинтересованных или совсем не заинтересованных в лечении, резко повышается частота выбывания [13].

Во всех случаях, когда существует необходимая связь между тем, как долго индивид находился внутри определенной группы, и тем, как долго он в ней еще будет находиться, а исследователь рассматривает эти события так, будто они происходят независимо друг от друга — т. е. использует сравнение типа «вне-вне», — описывая результаты буквально, исследователь представляет их некорректно. Если исследователь тем не менее будет рассматривать результаты сравнения типа «вне-вне» так, будто они подразумевают совокупность последовательно отбираемых популяций, его выводы нельзя будет продемонстрировать на основании одних только его данных. Чтобы наделить свои данные статусом результатов исследования, исследователю потребуется выйти за пределы своего исследования.

Приведенные выше критические замечания по поводу исследований с использованием сравнений типа «внутри-внутри» и «вне-вне» не касаются исследования Вайса и Шайе (Weiss & Schaie), поскольку в их исследовании лица, не явившиеся по назначению, по определению оказываются популяцией-«вне»; а лица, прошедшие сделанные им назначения, составляют популяцию-«внутри». Неприменимы эти критические замечания и в отношении исследований, где сравниваются только две популяции-«вне». В этом случае сравнения «внутри-вне» и «вне-вне» приводят к одинаковым результатам [14].

5. Мы отложим пока обсуждение пятого «параметра». Он касается необходимости выбора исследователем трактовки связи между работой [15], в результате которой образуются популяции «внутри» и «вне», и клинической нагрузкой на данном, предшествующем или будущем этапах. При рассмотрении этого соображения как параметра адекватно сформулированной проблемы отбора используются кавычки, поскольку, строго говоря, оно содержит утверждение связи четырех прежних параметров: «последовательности», «операций отбора», «исходной популяции претендующих на лечение» и «состава сравниваемых популяций». Их связь обеспечивается выбором исследователем некой теории, объясняющей отношения между работой, создающей популяцию «внутри» и популяцию «вне», с одной стороны, и клинической нагрузкой — с другой. Этот теоретический выбор неизбежно будет определять смысл, которым исследователь наделит результаты применения к полученным данным статистических методов. Важность этого выбора особенно велика в исследованиях социального отбора. Необходимость этого выбора будет рассмотрена далее, когда появится возможность более наглядно продемонстрировать его суть.

В табл. 1 обобщаются методологические решения, которые были приняты в прежних исследованиях в отношении параметров адекватно сформулированной проблемы процедур отбора.

Теперь мы покажем, что исследование критериев отбора, отвечающее всем условиям, которые представлены в данном обзоре, приводит к результатам, отличным от результатов прежних исследований, и одновременно поднимает вопросы методологической адекватности.

Таблица 1

Сравнение методологических решений относительно параметров проблемы отбора в прежних исследованиях

Исследование	Рассмотренные критерии	Последовательность отбора	Операции отбора	Исходная популяция претендующих на лечение состояла из	Сравниваемые популяции	Теория, связывающая процедуры отбора и клиническую нагрузку			Примечания
						Популяции, соотнесенные как:	Статистические процедуры	Теория, обосновывающая выбор статистических процедур	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Futterman, Kirkner, & Meyer (1947)	18 характеристик из личного дела	Уволившиеся из миротворческих сил. → Лечение в психиатрической клинике департамента по делам ветеранов	*Ad hoc*-комментарии	Лица, принятые в клинику и прошедших курс лечения. $N = 483$	Имеющие право на лечение/внутри	независимые совокупности	Анализ процентных отношений	Не упоминается	Психиатрическая клиника департамента по делам ветеранов Лос-Анджелеса. Различия между популяциями указывались при любом сравнении двух популяций — по 13 из 15 характеристик
Ginsburg & Arrington (1948)	Характеристики из историй болезни. Не конкретизированы за исключением тех, которые были приведены в «результатах»	Все пациенты, на которых была заведена документация в четырех клиниках. → Разное количество посещений: до пяти или более. Конкретные шаги не уточнены.	*Ad hoc*-комментарии	«Все пациенты, наблюдавшиеся в течение 2 месяцев» в трех клиниках и в течение года — в четвертой «для получения сопоставимой выборки». $N = 288$	Внутри/вне	последовательные популяции; упоминаются, но не конкретизируются порядковые и количественные показатели	Анализ процентных отношений	«Проверена» возможность эффектов последовательности	Порядок популяций не конкретизирован. Процедура определения наличия эффектов последовательности описана слишком туманна и потому не может быть воспроизведена. Клиника в Нью-Йорке, но не уточняется, какая клиника

1	2	3	4
Tissenbaum & Harter (1950)	Диагноз, консультации, улучшение состояния и характер медицинской помощи. Демографические характеристики не учитывались	Все, допущенные к лечению → выбывшие через 1 месяц или раньше → 1–3 месяца → 3–6 месяцев → 6–12 месяцев → 1–2 года → через 2 года или позже	*Ad hoc*-комментарии
Mensh & Golden (1951)	23 характеристики из истории болезни	Допущенные к терапии → выбывание через 1–4 → 5–9 → 10–19 → 20 или более терапевтических сеансов	*Ad hoc*-комментарии
Garfield & Kurz (1952)	Продолжительность лечения, источник направления в клинику, сторона, ответственная за прекращение контакта, оценки динамики состояния пациента врачом. Информация из истории болезни	Все, кому было предложено лечение → выбывшие раньше чем через 5 интервью → 5–9 → 10–14 → 15–19 → 20–24 → 25 или более интервью	*Ad hoc*-комментарии

Продолжение табл. 1

5	6	7	8	9	10
Все ветераны, «с которыми клиника контактировала на предмет лечения». Обозначались «допущенными». $N = 5655$	Вне/вне	независимые совокупности	Анализ графиков реальных данных	Не упоминается	Исследование проведено в «одной из крупных психиатрических клиник департамента по делам ветеранов», Бруклин, Нью-Йорк. Процедура внутри/вне приводит к другим результатам
Вся выборка мужчин-ветеранов, наблюдавшихся в терапевтических целях в течение 2 лет в психиатрической клинике департамента по делам ветеранов. Без учета предшествующих этапов контакта с клиникой. $N = 575$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2 (хи-квадрат)	Не упоминается	Процедура внутри/вне приводит к другим результатам.
Завершенная клиническая документация ветеранов, прошедших беседу с психиатрами. $N = 1216$	Вне/вне	независимые совокупности	Анализ процентных отношений	Не упоминается	Психиатрическая клиника департамента по делам ветеранов, Милуоки, Висконсин. Процедура внутри/вне приводит к другим результатам

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Katkov & Meadow (1953)	Признаки, оцениваемые в тесте Роршаха	Все пациенты с данными о прохождении теста Роршаха → без согласия терапевта прекратили приходить на прием до 9-го сеанса → посетили первые 9 терапевтических сеансов	Не упоминаются	Все пациенты с данными по тесту Роршаха. $N = 52$	Вне/вне	независимые совокупности	Дискриминантная функция для прогнозирования непрерывания лечения	Не упоминается	Психиатрическая клиника департамента по делам ветеранов, Бостон, Массачусетс. То же, что и при сравнении внутри/вне, поскольку сравнивались только две группы
Auld & Eron (1963)	Признаки, оцениваемые в тесте Роршаха	Все пациенты с тестовыми данными → выбыли после менее чем 9 интервью → выбыли после более чем 9 интервью либо прекратили посещение раньше с согласия терапевта	Не упоминаются	Все пациенты с данными по тесту Роршаха, проходившие лечение у основного штата сотрудников клиники. $N = 33$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2; бисериальный r (коэффициент корреляции), d Фестингера, тетрахорический r.	Не упоминается	Психиатрическая амбулаторная клиника, больница Нью-Хейвена. Критика прогностической формулы Katkov & Meadow. См. также Gibby, Stotsky, Hiler, & Miller, Journal of Consulting Psychology, 18: 185–191, 1954

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Myers & Schaffer (1954)	Социальный класс (Холлингсхед — Hollingshead)	(I) Допущенные к представлению на консилиум специалистом, проводившим первичное диагностическое интервью → выбыли после менее чем 1 недели → выбыли после 1–9 → выбыли после 10 недели или позже. (II) Допущенные → выбыли после единственного визита → выбыли после 2–9 → 10 визитов или более.	*Ad hoc*-комментарии	Клиническая документация на всех лиц, допущенных к представлению на консилиум специалистом, проводившим первичное диагностическое интервью. $N = 195$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Амбулаторная психиатрическая клиника, Нью-Хейвен, Коннектикут. Процедура внутри/вне приводит к другим результатам. См. примеч. на с. 333.
Schaffer & Myers (1954)	Социальный класс (Холлингсхед - Hollingshead)	(I) Допущенные к представлению на консилиум специалистом, проводившим первичное диагностическое интервью → выбыли после менее чем 1 недели → выбыли после 2–4 → выбыли после 5–9 → 10–24 → 25 недель или позже.	*Ad hoc*-комментарии	Клиническая документация на всех лиц, допущенных к представлению на консилиум специалистом, проводившим первичное диагностическое интервью. $N = 195$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Амбулаторная психиатрическая клиника, Нью-Хейвен, Коннектикут
		(II) Тот же первый шаг, что и в (I). → допущены к лечению → направлены в другие учреждения → кандидатура отклонена.	Неполное описание		Внутри/внутри		χ^2	Не упоминается	
		(III) Все имеющие право на лечение → допущенные к лечению	Неполное описание		Имеющие право на лечение/внутри		χ^2	Не упоминается	

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Auld & Myers (1954)	Социальный класс (Холлингсхед — Hollingshead)	Допущенные к представлению на консилиум специалистом, проводившим первичное диагностическое интервью, → выбыли после 7 интервью или раньше → выбыли после 8–19 → 20 или более интервью	Использовали эти данные для проверки гипотезы о том, что «в процессе взаимодействия... и для пациента и для терапевта выгоднее, если пациент принадлежит к среднему классу»	То же, что и у Myers & Schaffer (1954) $N = 65$	Вне/вне	независимые совокупности	Бисериальный r	Не упоминается	Амбулаторная психиатрическая клиника, Нью-Хейвен, Коннектикут
Winder & Hersko (1955)	Социальный класс (Hollingshead), два фактора: возраст и пол	Получили или получали лечение → выбыли после 1–9 → 10–19 → 20 терапевтических сеансов или позже	Не упоминаются	Истории болезни в выборке, отобранной случайным образом из общей популяции пациентов, прошедших или проходивших курс психотерапии. N — 100. Популяция = 1250	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Амбулаторная психиатрическая клиника департамента по делам ветеранов. Процедура внутри/вне подкрепляет приведенные результаты
Myers & Auld (1955)	Характер прекращения лечения	Лечение у врачей высшей категории и ординаторов → выбывание после 1–9 → 10–19 → 20 и более интервью	*Ad hoc*-комментарии	Та же, что и в исследовании Schaffer & Myers (1954) за исключением случаев студентов-медиков. $N = 126$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Амбулаторная психиатрическая клиника, Нью-Хейвен, Коннектикут. χ^2 использовался после объединения ячеек с целью коррекции малых частот, хотя это изменило исходную цель сравнения

1	2	3	4
Imber, Nash, & Stone (1955)	Социальный класс	«Все пациенты» → выбывание через 0–4 → после 5 и более интервью	Не упоминаются
Kurland (1956)	Командная ответственность и повторные поступления в клинику (R_x)	Подавшие заявку — выбыли сразу после диагностической беседы → выбыли после 1–2R_x → 3–5R_x — до 3 месяцев → 3–6 месяцев → 1–3 года → более 3 лет	*Ad hoc*-комментарии
Rubenstein & Lorr (1956)	Личностный опросник, модифицированная шкала F, самооценки, словарный тест, демографические характеристики	Приняты в клинику для интенсивного лечения → 5 визитов или меньше → 26 визитов и более	*Ad hoc*-комментарии

Продолжение табл. 1

5	6	7	8	9	10
«Были включены все пациенты» в возрасте от 18 до 55 «за исключением пациентов с органическими расстройствами, антисоциальным характерологическим расстройством, алкоголизмом, явным психозом и умственной отсталостью». $N = 60$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Амбулаторное отделение, Психиатрическая клиника Генри Фиппса, Больница Университета Джона Хопкинса. Результаты те же, что и при процедуре внутри/вне, поскольку сравнивались только две группы
Все пациенты за 9 лет, на которых имелась документация. $N = 2478$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Психиатрическая клиника департамента по делам ветеранов, Балтимор, Мэриленд. Процедура внутри/вне приводит к другим результатам
Выборка, состоящая из всех допущенных к лечению пациентов девяти психиатрических клиник департамента по делам ветеранов, сделавших 5 и менее либо 26 и более визитов. $N = 128$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Клиники «по всей стране». План исследования специально направлен на рассмотрение продолжительности вне зависимости от последовательности

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Frank, Gliedman, Imber, Nash & Stone (1957)	Демографические и психологически характеристики пациента; ситуация лечения; связь ситуации лечения с жизненной ситуацией пациента; лечение как таковое; характеристики терапевта	Реальное появление в клинике → выбывание после 3 и менее терапевтических сеансов → выбывание после 4 и более терапевтических сеансов	*Ad hoc*-комментарии	Все белые пациенты, появившиеся в клинике, за исключением тех, кто отвечал принятым в клинике критериям для направления в другие учреждения. $N = 91$	Вне/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Амбулаторное отделение, Психиатрическая клиника Генри Фиппса, Больница Университета Джона Хопкинса. Результаты те же, что и при процедуре внутри/вне, поскольку сравнивались только две группы. Попытка контролировать факторы, связанные с терапевтами; и терапевты и пациенты «стремились поддерживать контакт в течение по крайней мере 6 месяцев»
Kaduskin (1958)	Мнение пациента относительно истоков своих проблем; диагноз, уровень дохода, род занятий	Появление в клинике → не допущены к лечению → допущены к лечению и выбыли → допущены к лечению и не выбыли	То, как пациент понимал истоки своих проблем, сравнивалось с другими ситуационными переменными как прогностическими факторами хода взаимодействия с клиникой (career). Акцент на их релевантности для пациента как факторов в его ситуации	Выборка из «большей клинической популяции», состоящая из лиц, ожидающих первичного диагностического интервью, из которых треть была опрошена после ожидания и участия в первичном диагностическом интервью	Три вида истории отношений с клиникой: (1) появление — выбывание; (2) появление — допуск к лечению — выбывание (3) появление — допуск к лечению — полный курс лечения	идея последовательности при сравнении	Анализ процентных отношений	Не упоминается	Религиозно-психиатрическая клиника Американского фонда религии и психиатрии, Нью-Йорк

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Katz & Solomon (1958)	Демографические характеристики, источник направления в клинику, жалобы, отношение терапевта к пациенту, заинтересованность пациента в лечении, характеристики терапевта, использование лекарственных препаратов	Лица, которым было предложено лечение → выбыли после единственного → выбыли после 2–4 → выбыли после 5 и более визитов	*Ad hoc*-комментарии	Списки всех пациентов, обращавшихся в клинику и наблюдавшихся в ней, за исключением тех, кто после первичного диагностического интервью был направлен в другие учреждения	Вне/вне	независимые совокупности	Указывалось на «Значимые различия», но без упоминания использованных статистических мер	Не упоминается	Амбулаторная психиатрическая клиника, Йельский университет, Школа медицины. Процедура внутри/вне приводит к другим результатам
Weiss & Schaie (1958)	Демографические характеристики, источник направления в клинику, диагноз, прение госпитализации, медперсонал, продолжительность терапии и количество интервью	Функциональная последовательность прохождения или непрохождения клинических назначений	Указано на важность этого вопроса	Закрытые истории болезни лиц, которым была назначена определенная программа лечения. N = 603	Внутри/вне	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Психиатрическая клиника Малкольм-Блисс, Сент-Луис, Монтана
Rosenthal & Frank (1958)	Демографические характеристики, источник направления в клинику, диагноз, мотивация пациента, состояние при выписке, продолжительность терапии	(I) Первый визит → лечение	*Ad hoc*-комментарии	(I) Отчетная форма, разработанная для исследования и заполняемая медперсоналом для фиксирования диагностических результатов, этапов лечения и процедур. N = 3413	Внутри/внутри	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Психиатрическая клиника Генри Фиппса, Университета Джона Хопкинса, Школа медицины
		(II) Предложено лечение → выбыли после 5 и менее часов → выбыли после 6 и более часов		(II) Отчетные формы для пациентов, которым было предложено лечение. N = 384	Вне/вне	независимые совокупности		Не упоминается	

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Hollingshead & Redlich (1959)	Социальный класс (Hollingshead)	Популяция имеющих право на лечение из Нью-Хейвена → допущенных к лечению	Неполное описание	Популяция имеющих право на лечение по гос. переписи населения Нью-Хейвена. Популяция получивших лечение — из списка лиц, прошедших лечение у исследователей. $N = 155$	Имеющие право на лечение/внутри	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Жители района Нью-Хейвена, лечившиеся в «государственных клиниках» Нью-Хейвена, Коннектикут и близлежащих штатах
Rogers (1960)	Рассматривалась только частота выбываний	Направленные на лечение → (количество интервью на момент прекращения лечения в континууме от 1 до 144)	Сформулировано несколько вопросов	Автор объединил всех лиц, направленных на лечение, по данным психических клиник департаментов психического здоровья пяти штатов и одной клиники департамента по делам ветеранов. $N = 904$ пациентов из 53 клиник.	Вне/вне	независимые совокупности	Анализ процентных отношений	Не упоминается	Департамент психического здоровья штатов: Калифорния 1957; Айова 1954; Канзас 1956; Техас 1956; Висконсин 1956; Департамент по делам ветеранов Денвер 1957
Storrow & Brill (не опубликовано 1959)	44 пункта из отчетных форм, предлагаемых для заполнения на первичном диагностическом интервью	Первое реальное появление в клинике → лечение	*Ad hoc*-комментарии	Все лично явившиеся претенденты на лечение, на которых было заполнена стандартная отчетная форма для лиц от 18 лет и старше. $N = 433$	Внутри/внутри	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Амбулаторное и стационарное психиатрические отделения Медицинского центра УКЛА

1	2	3	4
Brill & Storrow (не опубликовано 1959)	Возраст, пол, вероисповедание, семейное положение, образование, место рождения, уровень дохода, социальный класс (Hollingshead)	Общая популяция округа Лос-Анджелеса → «обратившиеся за лечением»	*Ad hoc*-комментарии

Данные

В Амбулаторной психиатрической клинике Школы медицины университета Калифорнии было проведено исследование с использованием всех доступных архивных данных на пациентов, контактировавших с клиникой или прервавших контакт в период с 1 июля 1955 г., когда клиника начала функционирование, до 31 декабря 1957 г. Количество всех клинических случаев было определено путем подсчета всех историй болезни, телефонных звонков и письменных заявок в клинику. Итого было 3305 случаев [16]. Они рассматривались как исходная популяция претендующих на лечение. Был отобран каждый пятый случай, что привело к образованию выборки, составляющей 661 случай. Документация по этим случаям была закодирована [17] по пунктам, представленным в табл. 4. В отношении информации, которую ему удалось добыть, специалист, производивший кодирование, указывал, получил он ее путем анализа документов, логического умозаключения с высокой степенью определенности или логического умозаключения с малой степенью определенности. Результаты представлены в табл. 2 и 4. Использовались все случаи, относительно которых имелась информация по тому или иному пункту, вне зависимости от степени достоверности данных, указанной специалистом, их кодировавшим. При этих условиях приводимые в данной статье материалы основаны на лучшей [18] из доступной информации. Трудно сказать, смогли бы изменить результаты случаи, в которых по определенным пунктам отсутствовала информация. Для того чтобы как-то исправить затруднительную ситуацию, мы сравнили распределения ответов по тем пунктам, по которым в части случаев не удалось получить никакой информации,

Окончание табл. 1

5	6	7	8	9	10
Лично явившиеся претенденты на лечение, на которых была заполнена стандартная отчетная форма для лиц от 18 лет и старше. $N = 620$	Имеющие право на лечение/внутри	независимые совокупности	χ^2	Не упоминается	Амбулаторная психиатрическая клиника, Медицинский центр УКЛА

с половым составом по данным пунктам, поскольку информация о поле отсутствовала только у одного пациента. К сожалению, всей полнотой информации мы обладали лишь в отношении пола. В 21 сравнении все показатели хи-квадрат оказались статистически незначимыми [19]. Поэтому в наших дальнейших рассуждениях мы будем

Таблица 2

Частота случаев отсутствия информации по каждому из пунктов

	Всего случаев	Случаи с наличием данных	Случаи с отсутствием данных	
			количество	в процентах
Момент прекращения	661	661	0	0,0
Пол	661	660	1	0,2
Кто направил в клинику	661	639	22	3,3
Возраст	661	624	37	5,6
Возрастная группа (для мужчин)	284	272	12	4,2
Возрастная группа (для женщин)	376	352	24	6,4
Как состоялся первый контакт	661	613	48	7,3
Семейное положение	661	583	78	11,8
Предыдущие обращения за психиатрической помощью	661	535	126	19,1
Социальный ранг переписного района проживания	661	519	142	21,5

Таблица 3

Частота случаев отсутствия информации при прекращении контакта на разных этапах

	Все пригодные случаи	После первого контакта		После первичного диагностического интервью		После консилиума по поводу допуска к лечению		После лечения	
		вне	внутри	вне	внутри	вне	внутри	вне	внутри
Все случаи	661	419	242	54	188	92	96	16	80
Пол:									
мужской	284	187	97	19	78	33	45	4	41
женский	376	231	145	35	110	59	51	12	39
Всего	660	418	242	54	188	92	96	16	80
Источник направления в клинику	639	408*	231*	50*	181*	89*	92*	16	76*
Возрастная группа (для мужчин)	272	176*	96	19	77	32	45	4	41
Возраст	624	383*	241	54	187	91	96	16	80
Возрастная группа (для женщин)	352	207*	145	35	110	59	51	12	39
Как состоялся первый контакт	613	402*	211*	46*	165*	83*	82*	16	66*
Семейное положение	583	343*	240*	53	187	91	96	16	80
Предыдущие обращения за психиатрической помощью	535	304*	231*	52*	179*	86	93*	16	77*
Социальный ранг переписного района проживания	519	289*	230*	51*	179*	85	94*	15	79

Знаком * помечены случаи, когда информация отсутствовала на более чем двух пациентов.

исходить из того, что случаи с наличием и случаи с отсутствием информации по какому-то пункту неразличимы и что особенности «выживаемости» пациентов, на которых отсутствует информация по какой-то характеристике, аналогичны особенностям выживаемости всей когорты.

Концепция

В течение определенного промежутка времени некоторое число людей посредством телефонных звонков, письменных заявок и личного появления становятся известны медперсоналу как потенциальные «пациенты». Назовем любую группу этих людей с некой общей характеристикой, такой как возраст, пол и т. п., когортой. Члены каждой когорты проходят последовательность этапов, начиная по определению с первого контакта. На разных этапах этой последовательности они представляют разный интерес для себя и для медперсонала. Сотрудники клиники УКЛА обозначают эту последовательность разного вида интереса к потенциальным пациентам как «первый контакт», «первичное диагностическое интервью», «психологическое тестирование», «консилиум при диагностическом интервью», «лечение» и «прекращение». По окончании определенного периода времени контакт с клиникой прекращают все члены когорты. Эти этапы можно представить в виде схемы, изображенной на рис. 7.1.

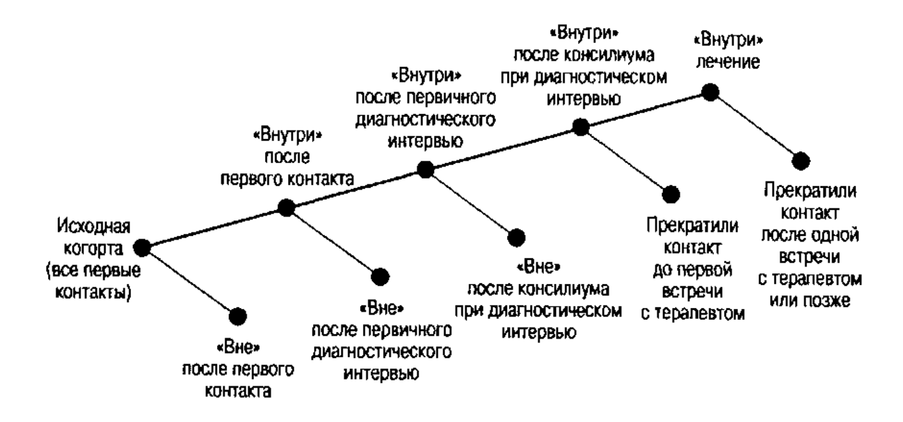

Рис. 7.1

Таблица 4

Доступность необходимой информации и способы ее получения в отношении 661 клинического случая

Пункты	Информация отсутствовала	Информация была получена путем логического умозаключения с малой степенью определенности	Информация была получена путем логического умозаключения с достаточно высокой степенью определенности	Информация была получена из документальных источников
1	2	3	4	5
А. *Демографические характеристики пациента*				
Пол	0,2	–	0,3	99,5
Возраст	5,5	2,9	0,4	91,2
Семейное положение	11,8	5,4	3,9	78,9
Социальный статус	21,4	0,4	3,6	74,6
Раса	59,5	0,2	0,6	39,7
Род занятий	55,6	0,4	5,0	39,0
Вероисповедание	51,7	9,5	2,3	36,5
Образование	60,7	1,4	2,6	35,3
Исключены из списка по причине отсутствия информации: профессиональный путь продолжительность брака первый или повторный брак этническая принадлежность уровень дохода условия проживания основное лицо, оказывающее поддержку пациенту место рождения продолжительность проживания в Калифорнии				
Б. *Первый контакт*				
Как состоялся первый контакт	7,2	0,4	2,3	90,1

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5
Сопровождали ли пациента и кто	–	2,0	2,0	96,0
Каким образом пациент был направлен в клинику	3,5	0,4	7,8	88,3
Лица извне, причастные к направлению пациента в клинику	2,5	0,2	3,0	94,3
Медработник, участвовавший в первом контакте	3,6	–	–	96,4
Число медработников, с которыми контактировал пациент	4,8	–	2,0	93,2
Распоряжение после первого контакта	5,0	0,3	11,9	82,8
В. *Диагностическое интервью и психологическое тестирование*				
Внешний вид пациента при диагностическом интервью	0,4	0,5	2,1	97,0
Медработник, проводивший диагностическое интервью	0,3	–	–	99,7
Результаты психологического обследования	0,2	0,3	1,5	98,0
Причины непроведения психологического обследования	16,3	2,5	17,5	63,7
Г. *Консилиум при диагностическом интервью и лечение*				
Запланированный или незапланированный консилиум при диагностическом интервью	44,6	10,9	34,9	9,6

Продолжение табл. 4

1	2	3	4	5
Сотрудник клиники, ответственный за проведение диагностического интервью	50,3	–	–	49,7
Решение по результатам консилиума	8,0	9,7	10,3	72,0
Если пациент был прикреплен к терапевту, имя терапевта	8,3	–	–	91,7
Имя первого терапевта	3,8	–	–	96,2
Если пациент был включен в список ожидания, результат	–	0,3	9,6	90,1
Если пациент не был поставлен на учет, причины	19,7	1,2	7,7	71,4
Если пациент не был поставлен на учет, как он был об этом уведомлен	31,5	2,7	6,8	59,0

Исключены из списка по причине отсутствия информации
участники консилиума;
количество прежних госпитализаций;
клинические случаи, косвенно относящиеся к данному;
назначение психологического обследования;
назначение диагностического интервью;
количество посещений по поводу диагностического интервью;
уведомление о предстоящем прекращении контакта после диагностического интервью;
проведенные психологические тесты;
рекомендуемое лечение;
назначенное количество терапевтических сеансов;
количество пропущенных сеансов;
количество бесед с супругом (супругой), родителями, родственниками, друзьями и т. д.;
лечащий врач;
план посещений врача;
реальная частота посещений;
причины прекращения контактов после лечения.

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5
Д. Психиатрические характеристики				
Суть жалоб пациента	7,0	0,2	1,9	90,9
Психиатрический диагноз	17,2	–	–	82,8
Обращался ли ранее за психиатрической помощью	19,0	1,7	46,5	32,8
Мотивация к лечению	32,0	11,3	28,3	28,4
«Психологическая искушенность»	40,2	14,0	23,9	21,9
Е. Клиническая карьера				
Момент прекращения	–	0,9	6,2	92,9
Обстоятельства прекращения	2,6	1,1	5,6	90,7
Куда был направлен пациент	3,5	0,3	7,6	88,6
Тип клинической карьеры	0,2	0,8	5,1	93,9
Количество дней контакта с клиникой	1,5	3,0	3,5	92,0
Количество дней без лечения	2,0	3,8	3,9	90,3
Продолжительность лечения в днях	8,8	0,4	0,4	90,4

Назовем каждый этап «состоянием». Назовем два связанных этапа «шагом». Назовем любую совокупность двух или более связанных этапов, начинающуюся с первого контакта и заканчивающуюся прекращением контакта, «клинической карьерой». Назовем связующие линии «деятельностью по отбору». Назовем совокупность связанных этапов «деревом».

Момент первого контакта фиксируется по определению. После первого контакта возможен любой мыслимый способ присоединения оставшихся этапов. Рисунок 7.1 — один из возможных вариантов дре-

17-2588

вовидной схемы. Он отражает последовательные мероприятия по отбору, соответствующие состояния и возможные истории взаимодействия с клиникой, описанные в Инструкции по клинической процедуре Амбулаторной психиатрической клиники УКЛА. Его, вероятно, следует рассматривать как официальную трактовку клиникой процедуры отбора. Есть основания полагать, что «дерево», описываемое когортами посредством их реальной динамики, будет отличаться от официального изображения «надлежащих процедур отбора». Например, хотя в официальной версии шаги имеют строгую последовательность — Первый-контакт—Первичное-интервью—Консилиум—Лечение — с возможностью прерывания контакта после каждого шага, члены реальной когорты из 661 пациента следовали и иными путями. В 70 из 661 случая имели место пропуски или транспозиция отдельных шагов. Поскольку все эти 70 случаев отражали положение дел после первого контакта, а также поскольку в 419 из 661 случая первый контакт оказывался единственным, 70 «аномальных» историй взаимодействия с клиникой представляют 29% всех тех, кто мог отклониться от историй взаимодействия, предписанных Инструкцией по клинической процедуре. В 51 из 70 аномальных историй взаимодействия с клиникой был пропущен этап психологического тестирования либо имела место обратная последовательность: Психологическое тестирование—Консилиум. Объединение шагов *психологическое тестирование* и *консилиум* позволяло рассматривать большинство случаев так, будто последовательность этапов истории взаимодействия с клиникой строго соблюдалась. Искажение, возникающее при использовании этого метода, составляет 27% аномальных историй взаимодействия с клиникой, или 3% всех случаев.

Согласуясь с темой данной статьи, древовидная схема описывает существенные признаки взаимодействия между клиникой и пациентом, понимаемого как последовательность трансформирующих популяцию операций [20]. Это дерево представляет последовательную деятельность по отбору, которая создает две популяции из популяции лиц, контактировавших с клиникой на предшествующем этапе: популяцию «внутри» и популяцию «вне». Таким образом, это дерево делает возможным четыре вида сравнения лиц, поддерживающих контакт, и лиц, прекративших контакт после очередного вмешательства с целью отбора. Эти четыре последовательных момента сравнения перечислены в табл. 5, в которой также описываются процесс разделения исходной когорты из 661 человек на тех, кто остается, и тех, кто выбывает.

Таблица 5

Последовательное уменьшение исходной когорты

Шаги по древовидной схеме	Количество		Кумулятивный процент от исходной когорты		Процент выживших на n-м этапе, которые были «внутри» и «вне» на этапе $n+1$	
	внутри	вне	внутри	вне	внутри	вне
Исходная когорта	661		100,0		100% ↙ ↘	
После первого контакта	242	419	36,6	63,4	36,6 ↓ ↘	63,4
После первичного диагностического интервью	188	54	28,4	71,6	77,7 ↓ ↘	22,3
После консилиума при диагностическом интервью	96	92	14,5	85,5	51,1 ↓ ↘	48,9
Первая встреча с терапевтом	80	16	12,1	87,9	83,3	16,7

Примечание. Стрелками обозначено процентное распределение всех оставшихся на предыдущем шаге на популяцию «внутри» и популяцию «вне».

Зависят ли шансы на «выживаемость» на n-м шаге от возраста, пола, семейного положения и т. д.? Чтобы понять этот вопрос и найти ответ на него, мы будем использовать метод рассмотрения понятия клиники как трансформирующей популяцию операции, в частности в отношении этих понятий к проблеме критериев отбора.

Метод этот таков. Представим взаимодействие между пациентами и сотрудниками клиники, описанное в некоем «дереве», как трансформирующую популяцию операцию. Исходная когорта, т. е. популяция претендующих на лечение, распределена определенным образом по некоторым категориям, например разделена на мужчин и женщин, на возрастные группы, лиц с разным семейным положением и т. п. Назовем любое подобное распределение на любом шаге в рассматриваемом «дереве» популяцией. Над исходной популяцией совершается некая операция, которая направляет одну часть этой когорты на следующий шаг, а другую отсекает. Таким образом, деятельность по отбору изменяет размеры и состав последующих популяций «внутри». На n-м

шаге существует некая популяция-внутри и некая популяция-вне. Взаимодействие между пациентом и клиникой после каждого n-го шага — неизвестные действующие силы, которые создают из предшествующей популяции-внутри последующие популяции внутри и вне на $n+1$ шаге. Этот процесс продолжается до тех пор, пока не произойдет прекращение контакта со всеми членами исходной когорты. По сути, он состоит в последовательном сокращении исходной популяции претендующих на лечение.

Согласно этой концепции, вопрос «Зависят ли шансы на “выживаемость” на n-м шаге от возраста, пола, семейного положения и т. д.?» равнозначен вопросу «Различимы ли по некоему конкретному признаку популяции внутри и вне на каждом этапе?» Однако равнозначен ли этот вопрос, *на который отвечает не только это, но и другие исследования*, вопросу «Какие критерии использовались при отбора лиц для лечения?»

Любую операцию можно описать в соответствии либо с одним, либо с другим правилом, приведенным ниже, но не с обоими.

Правило 1. Уменьшить число «выживших» на n-м шаге путем некого разделения с сохранением в популяции инвариантного соотношения по определенной характеристике. Направить одну часть популяции на этап $n+1$, а другую исключить.

Правило 2. Уменьшить число «выживших» на n-м шаге, изменив в популяции соотношение по определенной характеристике. Направить одну часть популяции на этап $n+1$, а другую исключить.

Если эмпирические последовательные популяции «внутри» и «вне» статистически *не*отличимы от теоретически ожидаемых в соответствии с правилом 1, мы скажем, что процессы создания эмпирических популяций «внутри» и «вне» описывает правило 1. Если эмпирические последовательные популяции «внутри» и «вне» статистически *отличаются* от теоретически ожидаемых в соответствии с правилом 1, мы скажем, что процессы создания эмпирических популяций «внутри» и «вне» описывает правило 2.

Таким образом, на вопрос о том, различаются ли пути отбора разных возрастных, половых и других когорт, можно ответить, выбрав первое или второе правило. Поскольку шагов всего четыре [21], выбор между правилами необходимо осуществить четыре раза. Выбранные четыре правила могут сочетаться по-разному. Назовем любое из возможных сочетаний правил 1 и 2 для совокупности из четырех последовательных шагов «программой отбора».

Метод выбора между двумя правилами на каждом из шагов или их совокупности представлен в приложении I. Таблица 5, описывающая шансы на «выживаемость» и вероятность прекращения контакта [22] для недифференцированной когорты на каждом из последовательных шагов в древовидной схеме, также конкретизирует правило 1 для получения совокупности историй взаимодействия с клиникой, при которых индивиды проходят полный путь от заявления, статуса кандидата до лечения вне зависимости от их характеристик на отдельно взятом этапе либо на протяжении последовательности из нескольких этапов.

Результаты

Программа отбора 1. Правило 1 описывает результаты преобразования когорт: а) по возрасту; б) по полу; в) по социальной категории переписного участка проживания [23]; г) по семейному положению; д) по женским возрастным группам на всех четырех шагах. Популяции, контактировавшие или прекратившие контакт на каждом из шагов, можно было воспроизвести с помощью следующей процедуры: исключить две трети исходных претендентов после первичного обращения; исключить приблизительно пятую часть оставшихся после первичного диагностического интервью; исключить на консилиуме половину допущенных к нему; исключить одну шестую тех, кто допущен к лечению, до их первого терапевтического сеанса. На каждом этапе отсева не учитывать то, что популяция состоит из лиц мужского и женского пола; либо детей, подростков, зрелых и пожилых людей; либо лиц — выходцев из районов западного Лос-Анджелеса низшей, среднего и высшей социальной категории; или лиц в возрасте до шестнадцати, а следовательно, не имеющих права вступать в брак, холостых (незамужних), состоящих в браке, разведенных или овдовевших.

Программа отбора 2. При использовании второй процедуры популяции «внутри» и «вне» необходимо воспроизводить с учетом: а) мужских возрастных групп; б) того, как произошел первый контакт пациента с клиникой; в) того, как пациенты был направлен в клинику. Программа воспроизведения каждой из этих групп требует выборочно исключить каждую из этих когорт с учетом каждой из этих трех характеристик, однако сделать это лишь при первом контакте. После первого контакта эти характеристики не учитывать: пропускать на следующий этап или исключать оставшихся в соответствии с правилом 1.

Конкретный путь отбора этих трех когорт был следующим.

А. *Мужские возрастные группы.* Как явствует из табл. 6, после первого контакта юношей и мужчин позднезрелого возраста выбыло значительно больше ожидаемых показателей. Детей и взрослых ранне- и среднезрелого возраста выбыло примерно столько, сколько ожидалось. Выбывание пожилых мужчин происходило реже, чем ожидалось. Эти различия обусловливали три пятых хи-квадрата для всей таблицы. Остальные различия распределялись по всем этапам. Дискриминирование в отношении мужских возрастных групп происходило на первом шаге и касалось только 27% всех мужских возрастных категорий, контактировавших с клиникой. Дальнейшее дискриминирование, хотя и имело место, обладало незначительным прогностическим значением как в отношении относительных размеров, так и в отношении состава.

Б. *Как произошел первый контакт пациента с клиникой.* Характер первого контакта пациента с клиникой играл значительную роль при отборе. 70% лиц, обратившихся в клинику с письменной заявкой или по телефону либо через личное посредничество третьего лица прекратили контакт после первичного запроса. Почти 98% хи-квадрата для всего процесса были обусловлены различиями между пациентами на данном шаге. После него популяции выбывших и невыбывших были неразличимы.

В. *Источник направления в клинику.* Частота выбывания лиц, обратившихся в клинику по собственному желанию и направленных неспециалистами, при первом контакте не отличались, причем обе группы выбывали чаще, чем теоретически ожидалось. Лица же, направленные специалистами-медиками, в том числе психиатрами, выбывали значительно реже, чем ожидалось. Этот эффект ограничивался преимущественно первым контактом. Дальнейшее взаимодействие с клиникой невыбывших после первого контакта не обнаруживало зависимости от источника направления. Большая часть различий между описанными группами проявлялась на этом шаге, на котором ею было обусловлено 85% хи-квадрата.

Программа отбора 3. Третья программа предполагает воспроизведение популяций «внутри» и «вне» в соответствии с опытом обращения в психиатрические службы. Характер этого опыта был связан с шансами на «выживаемость» при первом контакте и вновь на этапе консилиума по поводу приема в клинику. При первом контакте шансы на «выживаемость» лиц, ранее контактировавших с государственными психиатрическими заведениями, были меньше, чем ожидалось. Несколько выше ожидаемых были шансы на выживаемость лиц, имевших опыт лечения в государственных психиатрических клиниках. Эта закономерность проявлялась и после консилиума по поводу поступления в клинику. На этапе консилиума и лечения отсев происходил согласно правилу 1.

Проблема отбора

Три описанные выше программы отвечают на следующий вопрос: «Различались ли последовательные популяции “внутри” и “вне” по какой-либо характеристике?» Равнозначен ли этот вопрос вопросу, на который в действительности стремится ответить любое исследование отбора пациентов, а именно: «Какие критерии использовались при отборе лиц для лечения?» Означает ли тот факт, что популяции «внутри» и «вне» в возрастной когорте «программируются» в соответствии с правилом 1, что этим правилом описывается работа сотрудников клиники по отбору? Правило 1 гласит, что после первого контакта исходная популяция претендующих на лечение должна быть пропорционально сокращена на две третьих для сохранения исходного процентного соотношения мужчин и женщин. Это правило, очевидно, является инструкцией для составляющего программу. Описывает ли правило 1 использование возрастного критерия так, чтобы это позволило нам сказать, каким образом данный критерий реально применяется в ходе деятельности по отбору?

Дать однозначный ответ на эти вопросы невозможно, пока исследователь не выберет некую теорию, объясняющую связь между работой по отбору и клинической нагрузкой. Неизбежность выбора той или иной теории возвращает нас к пятому «параметру» [24] адекватно сформулированной проблемы отбора.

Ответы на эти вопросы зависят от нашей трактовки связей между работой по отбору и клинической нагрузкой. Выбор той или иной теории не только неизбежен; он является необходимым условием для определения того, что можно будет расценить как значимый результат. Этот выбор дает исследователю основания, для того чтобы определить, что означают результаты его статистических оценок. *Статистические критерии, дающие одинаковые математические результаты* [25], *при разной теоретической трактовке связи работы по отбору*

с клинической нагрузкой приведут к несопоставимым социологическим результатам.

Теоретически нам необходим метод, который бы по своей логической структуре соответствовал подразумеваемым характеристикам событий, которые мы исследуем. Нам хотелось бы исходить из того, что реальные наблюдения и то, что мы подразумеваем под ними, тождественны по своему значению. Математические результаты применения метода хи-квадрат приобретают статус социологического результата только и исключительно согласно правилам, которые использует исследователь, определяя соответствие между логической структурой событий статистической проверки и логической структурой событий, которые он якобы наблюдает. Это вполне очевидно и не нуждается в разъяснении. Какое отношение имеет это правило к намерениям исследователя определить, каким образом происходит отбор?

То, что одним и тем же статистическим результатам могут соответствовать разные социологические результаты, можно проиллюстрировать, рассмотрев некоторые из вышеприведенных данных. В отношении возрастной когорты хи-квадрат не достигал степени статистической значимости для последовательных популяциях «внутри» и «вне». Этот математический результат можно было бы рассматривать как следующий социологический результат: при переходе на следующие этапы критерия возраста не учитывался. С другой стороны, из того же статистически незначимого хи-квадрата можно было бы сделать абсолютно противоположный социологический результат, а именно: сотрудники клиники осуществляли отбор, учитывая возрастное распределение исходной когорты, на которое они ориентировались как на норму при отборе. Возрастное распределение исходной когорты определяло для них желательный возрастной состав популяции, который те, кто осуществлял отбор, стремились воспроизвести на последующих этапах. Согласно этой концепции отношений между работой по отбору и клинической нагрузкой статистически незначимый хи-квадрат является показателем того, в какой мере деятельность медперсонала по отбору согласуется с желательной практикой. Таким образом, при одном и том же результате хи-квадрата в первом случае ничто не может быть *менее* значимым, чем возраст претендента; а во втором случае — ничто не может быть *более* значимым, чем возраст претендента.

В случае значимого хи-квадрата — например, в отношении источника направления в клинику — можно сделать вывод о том, что при первом контакте происходила дискриминация, а впоследствии источник направления в клинику не учитывался. С другой стороны, можно было бы сделать вывод о том, что направлениям от специалистов уделялось особое внимание в стремлении клиники поощрять такие направления и поддерживать связи с соответствующими специальными учреждениями. После первого контакта это обязательство выполнено. С этого момента беспристрастное распределение требует, чтобы кандидаты принимались пропорционально частоте, с какой они обращаются, что обеспечивает последовательное соблюдение их интересов при обследовании и лечении в клинике. В последнем случае источник направления продолжает учитываться на всех этапах работы по отбору, создающей последовательные популяции «внутри» и «вне», тогда как в первом случае источник направления теряет свою значимость сразу после первого контакта.

Этих примеров должно быть достаточно, чтобы проиллюстрировать нашу мысль: чтобы осмыслить некий статистический результат, придав ему значение социологического результата о работе по отбору и популяциям, которые она производит, исследователь неизбежно должен выбрать некую концепцию.

Выбор некой концепции не только неизбежен; он имеет решающее значение, поскольку один и тот же статистический результат в разных теоретических случаях будет соответствовать разным социологическим результатам. Эти различия целиком зависят от теории самих процедур отбора, которые выбирает исследователь. В действительности, не выбрав некую теорию, исследователь не сможет ни решить, какие статистические критерии ему использовать, ни определить должные операции для их использования. Если статистические процедуры все же используются, полученные результаты могут иметь значение социологических выводов на том же логическом основании, что и шкура медведя может иметь значение медведя, или иметь значение любого другого объекта, который исследователь, не прилагая больших профессиональных усилий, сможет представить или, сделав более или менее правдоподобное умозаключение, — обосновать. Иными словами, одни и те же статистические результаты приведут к разным социологическим выводам относительно критериев отбора.

Очевидно, нас интересуют *социологические результаты* о критериях отбора. Сравнив несколько подходов к этому «параметру», мы сможем продемонстрировать еще некоторые соображения по поводу адекватности формулировки проблемы отбора.

Один из подходов — рассматривать связь между работой по отбору и клинической нагрузкой как линейную каузальную последовательность, при которой последовательные популяции понимаются как серия независимых событий. Назовем этот подход *моделью хи-квадрат*. Другой вариант — рассматривать эту связь как линейную каузальную последовательность, но трактовать эту последовательность как конечный марковский процесс с фиксированными вероятностями перехода. Назовем этот подход *моделью Маркова*. В обоих случаях возможное распределение характеристик в популяции на последующем шаге регулируется: а) характеристиками популяции на предшествующем шаге и б) некой операцией, произведенной над этой популяцией, операцией, разделяющей ее на тех, кто на следующем шаге будет «внутри», и тех, кто будет «вне». Третья концепция связывает работу по отбору и клиническую нагрузку как некий процесс, посредством которого осуществляющие отбор руководствуются в своем выборе желательным или, возможно, оправданным составом, к которому, с их точки зрения, должен привести отбор на некоем последующем этапе. Назовем эту теорию *моделью управления*.

Теоретик, который для получения некоего социологического результата использовал *модель хи-квадрат* в сочетании с методом хи-квадрат, при обнаружении статистически незначимого хи-квадрата в отношении половой когорты, был бы вынужден сделать следующие выводы. Статистически незначимый хи-квадрат описывает две популяции как результат совокупности решений по отбору, где все решения принимались независимо друг от друга и без учета пола. Условие независимости решений привносит дополнительные особенности, заключающиеся в том, что при отборе не учитывался состав всей популяции, момент отбора и ожидаемый состав популяции «внутри» на последующих этапах.

При использовании *модели Маркова* статистически незначимый хи-квадрат описывает последующие две популяции «внутри» и «вне» как результат совокупности решений по отбору, при которых включение или выбывание индивида не зависело от его пола. Однако к результатам добавляется то, что при отборе учитывался размер и пропорциональный состав популяции на непосредственно предшествующем шаге, однако только на непосредственно предшествующем шаге, а момент отбора учитывался, но только в смысле его следования за предшествующим шагом. В остальном отбор осуществлялся без учета ожидаемого конечного состава, но согласно некоему правилу фиксированных процентных соотношений для разделения остающихся и выбывающих в соответствии с пропорциональными показателями, которые должны были быть соблюдены в популяциях «внутри» и «вне» на последующем шаге [26].

Если используется *модель управления*, статистически незначимый хи-квадрат описывает две популяции как следствие отдельных решений по отбору, где каждое решение было принято с учетом как наличного, так и аккумулирующегося результата, причем аккумулирующийся результат регулируется как тем, каков стал бы конечный результат на данном этапе, так и конечной целью всей совокупности оставшихся шагов. При этом ставится задача в ходе отбора производить распределение оставшихся и выбывших, *соответствующее правилу иррелевантности* как санкционированной форме деятельности по отбору. Статистически незначимый хи-квадрат означал бы тогда, что осуществлявшие отбор определенно учитывали пол, причем учитывали его для того, чтобы создать популяцию, которая по размерам и половому составу соответствовала бы последующей клинической нагрузке.

Это, безусловно, не единственно возможные модели. И конечно, нет такого правила, которым можно было бы ограничить количество вариантов выбора. Как осуществляется выбор?

Поскольку выбор модели определяет смысл статистических результатов, а также поскольку предпочтительным является метод, соответствующей реальной деятельности по отбору, правило таково: выбирать концепцию, которая наиболее точно соответствует реальной деятельности по отбору в клинике. Это правило имеет ряд сопутствующих проблем, связанных с адекватностью.

Если бы, осуществляя выбор, мы руководствовались этим правилом, деятельность по отбору в УКЛА обладала бы признаками, которые могли бы служить основанием для предпочтения *модели управления* другим двум моделям. Начать с того, что сотрудники клиники сформулировали некие идеи относительно свойств, которыми должна обладать клиническая нагрузка. Их идеи касались клинической нагрузки на каждом из этапов, начиная с состава исходной популяции, претендующих на лечение, однако наиболее четко эти идеи были сформулированы в отношении популяции проходящих лечение. Далее, в клинике УКЛА был отмечен феномен несуществующего листа ожидания. Обратившихся просили «подождать». Им сообщали, что их допустили к лечению и что с ними свяжутся, как только освободится место. Этот пул создавался на случай неотложной необходимости.

ожидаемой, но неопределенной. Из «пула» происходил отбор для компенсирования «недостатков» популяции лечащихся, когда в ней, по мнению ординаторов, возникала временная нехватка или временный избыток. Еще один довод в пользу реалистичности *модели управления* связан с жалобами сотрудников клиники исследователям на неточность и *пристрастность* представления их работы, когда их выбор был описан как выбор без учета легитимных размеров и состава популяции лечащихся, которую от них требовалось получить.

Несмотря на свою правдоподобность, *модель управления* обладает рядом очевидных недостатков. Во-первых, при отборе в УКЛА использовалось множество критериев, о которых не было известно персоналу клиники. Например, психиатры настаивали на важности учета при отборе пациентов некоторых узкоспециальных психиатрических моментов и не принимали в расчет значимость критериев, минимизирующих риск снижения или потери профессионального реноме. Еще один пример: сотрудники клиники обычно подчеркивали, что на лиц с психопатией тратится много времени из-за их особой резистентности к лечению. Однако при этом обычно не упоминалось об организационном значении возможности рассчитывать на регулярные терапевтические сеансы; психопаты для них — «напасть», точно так же как «напасть» для них любой, чьи требования осложняют и нарушают установившуюся практику. Для использования *модели управления* необходимо разработать методы, позволяющие доказать наличие событий, которые она предусматривает.

Второй недостаток *модели управления* заключается в том, что она подразумевает контролирование медперсоналом состава последующих популяций. Ни *модель хи-квадрат*, ни *модель Маркова* не требуют от исследователя внимания к этому моменту, хотя его очень трудно проанализировать в целях строгого эмпирического доказательства. В отношении клиники УКЛА довольно просто показать, что если медперсонал действительно регулирует состав последующих популяций, то делает это в момент первого контакта, а затем вновь на этапе консилиума по поводу приема в клинику. Но даже и на этих этапах можно говорить лишь об отчетливой связи между этапом в процессе и распределением ответственности между пациентом и клиникой за решение о продолжении или прерывании контакта. Исход в значительной мере зависит от пациента и неизвестных особенностей взаимодействия пациента с медперсоналом, что существенно изменяет размеры и состав последующих популяций «внутри» и «вне». На других этапах действующие силы отбора усложняются еще более. Поэтому в лучшем случае *модель управления* лишь правдоподобна и будет оставаться лишь правдоподобной, пока не станет доподлинно известно, не говоря уже концептуально ясно, каким образом работают критерии отбора во взаимодействии между пациентом и медперсоналом.

Адекватное рассмотрение проблемы отбора было бы неполным без упоминания сделанного Вайсом и Шайе замечания о достаточности метода «поперечных срезов» для «ограниченных, но важных задач прогнозирования». Говоря о том, что хотя метод «поперечных срезов» не способен раскрыть «динамику», он все же обладает прогностической ценностью, Вайс и Шайе выражают общепризнанное мнение. То, что они называют прогностической ценностью, по смыслу совпадает с нашим утверждением о программируемости последовательных популяций «внутри» и «вне». Полностью отдавая себе отчет в осторожности и умеренности заявления Вайса и Шайе, мы все же находим необходимым сделать несколько оговорок в отношении этой «прогностической ценности».

1. Программируемость шансов на «выживаемость» обнаруживается не только с помощью метода «поперечных срезов». Решение ученого ограничиться в своем исследовании методом «поперечных срезов» не обеспечивает никакого преимущества перед исследованиями, в которых рассматривается задача программирования шансов на «выживаемость» и одновременно эксплицитно предусматриваются описанные ранее пять параметров. В действительности мы видим, что достоинство «прогностических» утверждений, основанных на методе «поперечных срезов», может быть поставлено под сомнение недетерминированностью результатов.

2. Возможно, программа, действующая в клинике УКЛА, не описывает популяции в других клиниках. Ограничившись тем, что советуют Вайс и Шайе, даже на основании выявленных различий мы не смогли бы определить, одинаковые или разные критерии отбора использовались в разных клиниках.

3. Программа, подобная той, которая описана в табл. 5, 6 и 7, действует лишь до тех пор, пока критерии для включения или невключения претендентов в клинический процесс не будут изменены под влиянием таких факторов, как административные распоряжения, численность и состав персонала клиник, отношения клиники с группами извне; иными словами, под влиянием особенностей взаимодействия

между пациентом и клиникой как социально организованной системы деятельности.

4. Но даже эта формулировка предполагает, что прогностические критерии тождественны критериям отбора. Однако эта тождественность никоим образом не является необходимой. Но ее использование исключает тем не менее возможность исследования, необходимого для прояснения отношения между этими критериями. Любой прогностический критерий, например, всегда можно разложить на ряд решений выбора. Один и тот же прогностический критерий может быть составлен из разных совокупностей решений, основания для которых носили вариабельный характер, маскируемый этим прогностическим критерием. Выход состоит не в том, чтобы, как предлагают Вайс и Шайе, направить внимание на прогнозирование исхода для отдельных случаев. Он состоит в том, чтобы продемонстрировать соответствие между критериями, действующими при принятии отдельных решений, и прогностическими критериями путем представления этих прогностических критериев как совокупности решений, принимаемых в отдельных случаях. Это критическое замечание аналогично критике использования экологических корреляций[1].

5. Если исследователи используют специально заготовленные опросные бланки для получения программирующей информации, и особенно если эти бланки предполагают заполнение их сотрудниками клиники с описанием собственной деятельности, бланки неизбежно приобретают смысл правил, управляющих отчетной деятельностью сотрудников клиники. Поэтому надежность их описаний, а также валидность событий, которые их просят описать, становятся неотделимыми от устоявшейся в клинике организованной повседневной практики, которую эти же люди осуществляют и ожидают друг от друга. Таким образом, утверждения, якобы обладающие прогностической ценностью, остаются зависимыми от обстоятельств. Их ценность как прогнозов зависит от тех же условий, что и шансов на «выживание», и факторов, определяющих эти шансы. Для наделения «ценностью» этих прогностических утверждений исследователь фактически должен изначально предполагать подобные условия. Таким образом, феномен, который необходимо принимать во внимание наряду с анализом критериев при попытке ответить на вопрос о прогностической

[1] W. S. Robinson, «Ecological Correlations and the Behavior of Individuals», *American Sociological Review*, 15 (June, 1950), 351–357.

Таблица 6

Сокращение исходной когорты на последовательных этапах в древовидной схеме по выбранным атрибутам когорты

Атрибуты	Исходная когорта 100%	Процент исходной когорты, оставшийся после				Процент невыбывших на n-м шаге, которые останутся после $n+1$ шага			
		первого контакта	первичного диагностического интервью	консилиума при первичном диагностическом интервью	лечения	Первый контакт	Первичное диагностическое интервью	Консилиум при первичном диагностическом интервью	Лечение
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Пол:									
мужской	284	34,2	27,5	15,9	14,5	34,2	80,4	57,7	91,1
женский	376	38,6	29,3	13,6	10,4	38,6	75,9	46,4	76,5
Всего	660					36,7	77,7	51,1	83,3
Возраст									
0–15	108	40,7	33,3	15,7	13,9	40,7	81,8	47,2	88,2
16–20	60	23,3	18,3	11,7	10,0	23,3	78,6	63,6	85,7
21–40	311	38,6	31,2	17,7	14,5	38,6	80,8	56,7	81,8
41–50	80	43,7	30,0	11,3	10,0	43,7	68,6	37,5	88,9
51 и старше	65	43,1	26,2	12,3	9,2	43,1	60,7	47,1	75,0
Всего	624					38,6	77,6	51,3	83,3

Продолжение табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Социальная категория переписного участка проживания									
Менее 49	31	41,9	32,3	12,9	12,9	41,9	76,9	40,0	100,0
50–59	81	44,4	29,6	17,3	14,8	44,4	66,7	58,3	85,7
60–69	94	53,2	45,7	25,5	20,2	53,2	86,0	55,8	79,2
70–79	147	42,2	32,7	15,0	10,9	42,2	77,4	45,8	72,7
80–89	116	39,7	31,0	13,8	12,9	39,7	78,3	44,4	93,7
90–99	50	46,0	36,0	28,0	26,0	46,0	78,3	77,8	92,9
Всего	519					44,3	77,8		84,0
Семейное положение									
Несовершеннолетний (16 лет и младше)	117	36,8	29,9	14,5	12,0	36,8	81,4	48,6	82,4
Холост (не замужем)	134	35,1	26,1	12,7	11,9	35,1	74,5	48,6	94,1
Состоит в браке	263	41,8	32,3	18,6	15,2	41,8	77,2	57,6	81,6
Живет отдельно от супруга (супруги)	69 { 23	58,0 { 56,5	46,4 { 52,2	18,8 { 26,1	14,5 { 21,7	58,0 { 56,5	80,0 { 92,3	40,6 { 50,0	78,9 { 83,3
Разведен (разведена)	32	56,3	40,6	9,4	6,3	56,3	72,2	23,1	66,7
Вдовец (вдова)	14	64,3	50,0	28,6	21,4	64,3	77,6	57,2	75,0
Всего	583					41,2	77,9	51,5	83,3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Мужские возрастные группы									
0–15	71	43,7	35,2	16,9	15,5	43,7	80,6	48,0	91,7
16–20	33	12,1	12,1	12,1	12,1	12,1	100.0	100,0	100.0
21–40	126	36,5	28,6	19,8	18,3	36,5	78,3	69,4	92,0
41–50	17	11,8	11,7	0,0	0,0	11,8	100,0	0,0	0,0
51 и старше	25	52,0	40,0	16,0	12,0	52,0	76,9	40,0	75,0
Всего	272					156,1	435,8	257,4	358,7
Женские возрастные группы									
0–15	36	36,1	30,6	13,9	11,1	36,1	84,6	45,5	80,0
16–20	27	37,0	25,9	11,1	7,4	37,0	70,0	42,9	66,7
21–40	185	40,0	34,1	16,3	11,9	40,0	85,1	47,6	73,3
41–50	64	51,6	34,4	14,1	12,5	51,6	66,7	40,9	88,9
51 и старше	40	37,5	17,5	10,0	7,5	37,5	46,7	57,1	75,0
Всего	352					41,1	75,9	46,4	76,5

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Как состоялся первый контакт									
письменное заявление	457 { 22	28,2 { 22,7	22,5 { 22,7	11,2 { 13,6	9,4 { 13,6	28,2 { 22,7	79,8 { 100,0	49,5 { 60,0	84,3 { 100,0
по телефону	412	28,4	22,3	10,9	9,2	28,4	78,6	48,9	84,4
лично, только направивший в клинику	23	30,4	26,1	13,0	8,7	30,4	85,7	50,0	66,7
лично, один	156 { 101	52,6 { 50,5	39,7 { 41,6	19,9 { 20,8	14,7 { 13,9	52,6 { 50,5	75,6 { 82,3	50,0 { 50,0	74,2 { 66,7
лично, в сопровождении	55	56,4	36,4	18,2	16,4	56,4	64,5	50,0	90,0
Всего	613					34,4	78,2	49,7	80,5
Источник направления									
Неспециалист, но не сам пациент	210	20,5	15,2	6,2	5,2	20,5	74,4	40,6	84,6
По собственному желанию	140	29,3	25,0	15,7	10,7	29,3	85,4	62,9	68,2
Специалист-медик, психиатр	289	50,9	39,4	19,7	17,3	50,9	77,5	50,0	87,1
Всего	639					36,1	78,3	50,8	82,6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Предыдущие обращения за психиатрической помощью									
государственная больница	33	18,2	12,1	3,0	3,0	18,2	66,7	25,0	100,0
и частные, и государственные учреждения	37	32,4	27,0	10,8	8,1	32,4	83,3	40,0	75,0
частный психиатр и частная больница	128	43,0	34,4	17,2	14,8	43,0	80,0	50,0	86,4
нет	290	45,9	34,1	16,6	14,1	45,9	74,4	48,5	85,4
государственная клиника	47	53,2	46,8	38,3	27,7	53,2	88,0	81,8	72,2
Всего	535					43,2	77,4	51,9	82,8

Таблица 7

Результаты использования хи-квадрата при сравнении популяций «внутри» и «вне» после первого контакта, первичного диагностического интервью и консилиума по поводу принятия в клинику по определенным атрибутам (См. Приложения I и II)

Атрибут	Таблица		Подтаблицы						Программа отбора
			После первого контакта		После первичного диагностического интервью		После консилиума		
	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p	
Пол									
Возраст									
Социальный ранг переписного участка проживания									
Семейное положение									
Женские возрастные группы									
Мужские возрастные группы									
Как состоялся первый контакт									
Источник направления в клинику									
Предыдущие обращения за психиатрической помощью									

ценности, состоит в том, что эти критерии можно понять только с учетом социально контролируемого процесса составления популяций «внутри» и «вне». Поэтому вопрос заключается не в том, можно ли запрограммировать популяции, а в том, остаются ли неизменными правила программирования в конкретной ситуации их изучения.

Поиск «прогностических критериев» без ссылки на социально контролируемые процессы, направленные на составление различных популяций, может привести к обнаружению огромного списка критериев. При игнорировании социально контролируемых процессов может создаться впечатление, что сотрудники клиники работают с тем же самым списком и что обстоятельства отбора представляли собой бесконечное число деталей реальных обстоятельств пациентов и медперсонала. Однако при анализе прежних исследований интерпретационная задача, очевидно, заключается в другом. Мы пытаемся обнаружить акцент на социально структурированном использовании критериев, т. е. критериев, действующих в корпоративно организованных рамках производимых клиникой операций. Прежние авторы рассматривали критерии отбора с использованием социальной системы как неявной схемы интерпретации. Таким образом, буквальное использование рекомендации, данной Вайсом и Шайет, откроет перед исследователями печальную перспективу расширения списков «факторов», наделенных «прогностической ценностью», но не имеющих ничего общего с проблемой критериев отбора.

И последнее соображение. Все прежние исследования, посвященные проблеме отбора, включая и то, что описывается в этой статье, ввиду реалистичности вопроса процедур отбора, а также значения их результатов, базируются на предположении, что «внутри» и «вне» — *по существу* дискретные события. Розенталь и Франк упоминают случаи, расходившиеся с этим предположением в их исследовании, однако рассматривают их как методологические казусы. Мы считаем, что эти случаи отражают нечто большее.

Вспомним, что критерии отбора нельзя описать вне связи с операциями, в которых они используются. В нашем собственном исследовании мы обнаружили, что «внутри» и «вне» были обособленными событиями лишь до тех пор, пока эти состояния определялись сотрудниками клиники с учетом своих *административных* обязанностей. Но когда медперсоналу приходилось определять «вне» и «внутри» в связи с *медицинскими* обязанностями, состояния «внутри» и «вне»

обретали в качестве *существенных* особенностей то, что когда бы ни приходилось принимать решение, *каким окажется клинический случай — еще предстоит увидеть*. Сотрудники, ответственные за пациента в медицинском плане, настаивали на этом. В результате клиника ежемесячно докладывала Департаменту штата по психическому здоровью о непомерно большом числе лиц, находящихся «на лечении». Сюда входили лица, за которых клиника несла активную ответственность, плюс дополнительная и порой многочисленная группа «инактивных» клинических случаев [27], сохранявших статус «на лечении», поскольку, с точки зрения медперсонала, в противном случае это влекло бы нарушение санкционированной медицинской практики. Терапевты и другие специалисты не хотели или не могли порекомендовать административное закрытие в этих случаях, поскольку это означало бы для них невыполнение своих медицинских обязанностей. Для описания этих случаев необходимо было знать их историю, прогноз, возможные, но неизвестные изменения ситуации как у пациентов, так и у медперсонала. Описывая клинический случай *в целях исследования*, медперсонал был не в состоянии вычленить из него историко-проспективные свойства.

При изучении клинических случаев на этапах, предшествующих лечению, обнаруживается тот же феномен, однако даже еще с большим акцентом на их особом временно́м характере. Мы могли причислить клинические случаи к категории «внутри» или «вне», не учитывая роли медицинской ответственности, т. е. относя критерии к другим клиническим операциям, нежели те, которые очевидно имеют непосредственное отношение к изучению процессов отбора. Настаивая на том, чтобы сотрудники клиники все же отнесли каждый случай к категории «внутри» или «вне», мы упускали из вида их сетования. Сотрудники, принимающие решения, сетовали на то, что мы неадекватно описываем *их* задачи и *их* манеру ведения клинических дел.

Рассматривая «внутри» и «вне» как сущностно дискретные события, исследователь тем самым привносит в данные характеристику, целиком являющуюся артефактом его метода описания клинической деятельности. Такие характеристики могут совершенно не согласовываться с характеристиками реальных процедур отбора. Трактовка подобных случаев как методологических казусов может фактически препятствовать выработке теории и методов, необходимых для адекватного изучения этих вопросов.

Заключительные замечания

Хотя мы рассматривали работу амбулаторных психиатрических клиник, параметры проблемы отбора и основанные на них аргументы, критика и методы носят общий характер и никоим образом не ограничиваются сферой психиатрии. Возможными направлениями их дальнейшего применения являются исследования образовательной и профессиональной мобильности, а также миграции, естествознание, исследования адаптации в семейной жизни, делинквентности и т. п.

Аргументы, приведенные в этой статье, касаются любой ситуации, когда уменьшение некой исходной популяции относится исследователем на счет процессов социального отбора. В общем, эти аргументы применимы в исследованиях, предметом которых является некий путь развития, формируемый через социальный отбор, связанный с последовательным сокращением исходной когорты лиц, действий, отношений, в действительности любых событий социальной структуры, понимаемых в соответствии с представлением о последовательно осуществляемых стратегиях, посредством которых образуются социальные структуры.

Приложение I

Метод использования хи-квадрата для оценки данных, содержащих условные частоты

Мы выражаем благодарность профессору Уилфреду Диксону из университета Калифорнии, разработавшему для нас следующий метод, который был использован для выбора между правилом 1 и правилом 2 на последовательных этапах при составлении представленных в тексте Программ отбора. Мы описываем этот метод, поскольку он позволяет использовать хи-квадрат для оценки данных при таком сокращении популяции, которое представлено в данном исследовании, где наличие условных частот в противном случае сделало бы использование хи-квадрата некорректным. Метод описан с разрешения профессора Диксона.

Проблема

Нам было необходимо сравнить популяции «внутри» и «вне» на каждом последующем шаге, используя все данные «внутри» и все данные «вне» на каждом конкретном шаге как крайние значения по столбцу, и все данные «внутри» на предшествующем шаге как крайние значения по строке. Однако условиям использования хи-квадрата для оценки всей таблицы и подтаблиц отвечали лишь последующие популяции-«вне». Вероятность появления последующих популяций-«внутри» на любом шаге зависела от их невыбывания на предшествующем шаге. Поэтому условия корректного использования хи-квадрата, т. е. однократности каждого события и независимости сравниваемых событий, не были соблюдены.

Таблица А — пример таблицы, которую нам нужно было проанализировать.

Таблица А

Эмпирическое число мужчин и женщин, оставшихся и выбывших после каждого шага

	Исходная когорта	Первый контакт		Первичное диагностическое интервью		Консилиум при первичном диагностическом интервью		Лечение	
		вне	внутри	вне	внутри	вне	внутри	вне	внутри
Мужчины	284	187	97	19	78	33	45	4	41
Женщины	376	231	145	35	110	59	51	12	39
Всего	660	418	242	54	188	92	96	16	80

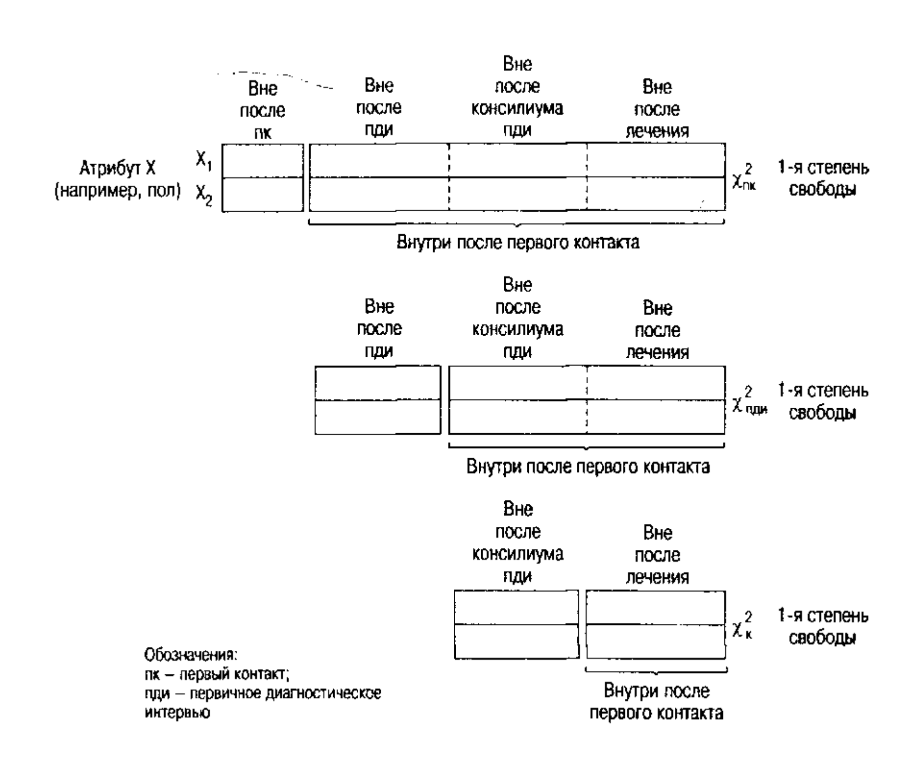

Рис. 1

Вне Вне Вне Вне
Y_1 Y_2 Y_3
$\chi^2_{пк}$ 3-я степень свободы
Внутри

Вне Вне Вне
Y_1 Y_2 Y_3
$\chi^2_{пди}$ 3-я степень свободы
Внутри

Вне Вне
Y_1 Y_2 Y_3
$\chi^2_{к}$ 3-я степень свободы
Внутри

Обозначения:
пк – первый контакт;
пди – первичное диагностическое интервью;
к – консилиум

Рис. 2

Метод

Таблица А была преобразована в таблицу Б.

Таблица Б

Эмпирическое число мужчин и женщин, прекративших контакт после каждого из шагов

	После первого контакта	После первичного диагностического интервью	После консилиума при первичном диагностическом интервью	До или после начала лечения	Исходная когорта
Мужчины	187	19	33	45	284
Женщины	231	35	59	51	376
Всего	418	54	92	96	660

$\chi^2_{табл.}$ обладает тремя степенями свободы.

Поскольку на любом этапе популяция-внутри состоит из суммы популяций-вне на всех последующих этапах, сравнение популяций

«внутри» и «вне» на каждом этапе заключалось в соответствующем разделении χ^2 для таблицы. Рисунок 1 иллюстрирует точное разделение, потребовавшееся для таблиц размером 2 × 4.

Рисунок 2 иллюстрирует точное разделение, потребовавшееся для таблиц с количеством строк более двух.

Приложение II

Выбор между правилом 1 и правилом 2

Если хи-квадрат для таблицы оказывался статистически незначимым, то утверждалось, что правило 1 описывает эмпирические популяции внутри и вне на всех шагах. Парциальные хи-квадраты использовались при выборе между правилом 1 и 2, только если хи-квадрат для таблицы достигал статистической значимости. Если хи-квадрат для всей таблицы был статистически значим и если статистически значимым был хи-квадрат подтаблицы, утверждалось, что правило 2 описывает эмпирические популяции внутри и вне на данном этапе. Если хи-квадрат для этой подтаблицы не достигал статистической значимости, утверждалось, что на данном этапе популяции внутри и вне описывает правило 1.

Процедура выбора между правилом 1 и правилом 2 резюмируется в следующей таблице.

Если хи-квадрат для всей таблицы был	Когда разделенный хи-квадрат был	
	статистически значимым, правилом, приписываемым данному шагу, было	статистически незначимым, правилом, приписываемым данному шагу, было
статистически значимым	правило 2	правило 1
статистически незначимым	правило 1	правило 1

Согласно результатам разделенных хи-квадратов была составлена Программа отбора. При статистически значимом хи-квадрате для составления программы требовалось три решения: по одному решению на каждое разделение таблицы хи-квадрат. При статистически незначимом хи-квадрате для всей таблицы Программа отбора определялась одним решением, т. е. последовательным применением правила 1 на всех трех шагах.

В табл. 7 представлены общие и разделенные хи-квадраты для всех атрибутов, рассмотренных в данном исследовании.

Вычисление хи-квадрата для подтаблиц производилось с помощью объясненного Мостеллером[1] метода Кимбола[2] для разбиения таблицы $m \times n$ на точную совокупность таблиц 2×2. Одиночные степени свободы были объединены, что позволило получить хи-квадрат для подтаблиц с двумя и более степенями свободы. Профессор Мостеллер[3] отметил, что в отношении этой процедуры пока нет никаких доказательств того, что результаты объединенных хи-квадратов с одиночными степенями свободы будут тождественны результатам разбиения таблицы на подтаблицы более чем с одной степенью свободы. Поэтому правильность решения объединить одиночные степени свободы базируется на практических основаниях.

[1] Из конспектов лекций, подготовленных профессором Чарльзом Мостеллером (Charles F. Mosteller), факультет статистики, Harvard University for Social Relations, 199, Spring, 1959, No. 6, Part II, p. 4–6.

[2] A. W. Kimball, «Short-cut Formulas for the exact partition of the χ^2 in Contingency Table s», *Biometrics*, 10 (December, 1954), 452–458.

[3] Из личных бесед.

ГЛАВА 8

Рациональные свойства научной и обыденной деятельности

Программа дисциплины требует, чтобы социолог научно описывал окружающий мир, который в качестве проблематичных феноменов включает не только действия другого человека, но и его знания о мире. Как следствие, социологу не избежать принятия *некоего* рабочего определения различных феноменов, подразумеваемых под термином «рациональность».

Обычно социологи дают определение рациональности, отбирая одно или несколько из свойств научной деятельности, как она теоретически описывается и понимается [1]. Затем это определение используется методологически, помогая ученому определить реалистичные, патологические, предвзятые, иллюзорные, мифические, магические, ритуальные и сходные характеристики повседневного поведения, образа мышления и представлений.

Однако постоянно сталкиваясь с существованием эффективных, последовательных, стабильных действий и социальных структур, несмотря на очевидные расхождения между знаниями и процедурами обычного человека и идеального ученого, социологи потеряли интерес к эмпирическому изучению рациональных свойств, обозначенных в их определениях. Они предпочитают исследовать особенности и условия нерациональности человеческого поведения. Результат этого таков, что в большинстве имеющихся на сегодня теорий социального действия и социальной структуры рациональные действия наделены статусом остаточных.

Надеясь исправить описанную тенденцию, мы видим задачу данной статьи в устранении этого статуса остаточности через восстановление в качестве предмета эмпирического изучения: а) разнообразных рациональных свойств поведения, а также б) условий социальной системы, при которых имеют место разнообразные рациональные действия.

Рациональное поведение

Термин «рациональность» используется для описания множества различных форм поведения. Для составления списка подобных форм нет нужды в выборе теоретиком одного или нескольких определений «рациональности». В классической работе Альфреда Шюца по проблеме рациональности[1] перечисляются значения этого понятия, и поэтому эта работа будет служить для нас точкой отправления.

Изложение приведенных Шюцем различных значений термина рациональности в виде описаний поведения приводит к следующему списку результатов поведения. В дальнейшем эти формы поведения будут обозначаться как «рациональности».

1. *Категоризация и сравнение.* Человеку свойственно анализировать свой опыт в поиске ситуации, с которой можно было бы сравнить ситуацию, актуальную для него в данный момент. Иногда рациональность имеет отношение к тому *факту*, что он анализирует эти две ситуации в плане их сопоставимости, а иногда — к его *стремлению* сделать вещи сопоставимыми. Сказать, что человек занимается сравнением, равнозначно утверждению, что он рассматривает какую-то ситуацию, какого-то человека или какую-то проблему как частный случай некой категории. Поскольку понятие «степень рациональности» характеризует меру стремления к классификации, то говоря, что поведение одного человека более рационально, чем поведение другого, часто имеют в виду частоту сравнения и успешность его осуществления.

2. *Допустимая ошибка.* Человеку может «требоваться» разная степень соответствия между наблюдаемым на практике и теорией, с точки зрения которой он именует, измеряет, описывает или как-то иначе подразумевает смысл своих наблюдений как исходных фактов. Он может уделять неодинаковое внимание степени соответствия. Один раз при описании происшедшего он допустит использование литературной аллюзии. Другой раз для тех же событий он будет подбирать упорядочивающую их математическую модель. Поэтому иногда говорят, что один человек рационален, а другой нет или менее рационален, и имеют в виду при этом, что один человек уделяет пристальное, а другой — незначительное внимание степени соответствия между тем, что он наблюдал, и тем, что он подразумевает в качестве выявленного факта.

[1] Alfred Schutz, «The problem of Rationality in the Social World», *Economica*, Vol. 10, May, 1953.

3. *Поиск «средств»*. Термин «рациональность» иногда используется в том смысле, что человек анализирует правила процедуры, которые в прошлом дали практический результат, необходимый сейчас. Иногда под рациональностью понимают тот факт, что человек стремится перенести доказавшие эффективность практические правила на аналогичные ситуации; иногда — частоту попыток такого распространения; а иногда рациональный характер действий связывают со способностью или склонностью человека использовать в настоящей ситуации приемы, оказавшиеся результативными в других ситуациях.

4. *Анализ альтернатив и последствий.* Часто термин «рациональность» используется для привлечения внимания к тому, что человек, оценивая ту или иную ситуацию, прогнозирует изменения, которые произведут его действия. Часто указывают не только на тот факт, *что* он «отрабатывает в воображении» различные варианты поведения, но и на тщательность, внимательность, время, детальность планирования при их анализе. Что касается «отработки в воображении», в качестве признаков «рациональных» действий человека обычно рассматриваются альтернативные последовательности действий-которые-будут-совершены, ясность, мера детализации, количество вариантов, яркость представления, объем информации, необходимой для выполнения каждой из альтернативных последовательностей действий.

5. *Стратегия.* Еще до осуществления выбора человек определяет условия, при которых он будет следовать тому или иному образу действий. Фон Нойман и Моргенштерн называют совокупность таких решений стратегией игрока[1]. Совокупность подобных решений можно назвать стратегическим характером прогнозов субъекта. О человеке, прогнозы которого основаны на убеждении, что завтра обстоятельства будут такими же, как вчера, иногда говорят, что он действует менее рационально, чем человек, рассматривающий несколько возможных вариантов динамики нынешней ситуации с помощью свода инструкций «что-делать-в-случае-если».

6. *Учет времени.* Говоря, что некто намеревается посредством некоторых действий реализовать некое будущее состояние дел, мы часто подразумеваем под таким намерением то, что этот человек ожидает определенной временно́й последовательности событий. Учет хронологии связан с мерой занятия им позиции по отношению к возможным вариантам временно́й реализации событий. Четкие, ограниченные рамки упорядоченных во времени возможностей противопоставляются «меньшей рациональности», при которой человек оценивает будущие события с позиции «все может произойти».

7. *Прогнозируемость.* Высокоспецифичные ожидания реализации во времени могут сочетаться с вниманием человека к прогнозируемым характеристикам ситуации. Он может стремиться получить предварительную информацию о ней, с тем чтобы установить некие эмпирические константы, или попытаться сделать ситуацию прогнозируемой, изучив логические свойства конструктов, которые он использует для ее «определения», либо проанализировав правила, регулирующие использование его конструктов. Соответственно сделать ситуацию прогнозируемой означает принять те или иные меры для уменьшения момента «неожиданности». Под термином «рациональность» в поведении часто подразумевают как предпочтение «минимальной неожиданности», так и использование каких бы то ни было мер для ее достижения.

8. *Правила процедуры.* Иногда рациональность связывается с правилами процедуры и логических выводов, с позиции которых человек оценивает правильность своих суждений, выводов, впечатлений и даваемых характеристик. Эти правила очерчивают разные способы определения *знания* о чем-либо — например, факт, гипотезу, доказательство, иллюстрацию, догадку. Нам наиболее важны два класса этих правил принятия решений: «картезианские» и «традиционные» правила. Согласно картезианским правилам, решение верно, поскольку человек следовал правилам, не считаясь с другими людьми, т. е. он принял решение, как его принял бы «любой», когда вопросы принадлежности к той или иной социальной группе рассматриваются как иррелевантные. «Традиционные» правила, напротив, предполагают, что решение верно или нет в зависимости от того, учитывается ли принадлежность к той или иной социальной группе как условие при принятии решения. Человек оценивает свое решение как правильное или неправильное в зависимости от того, с кем для него референтно важно придерживаться единого мнения.

Термин «рациональность» часто используется для обозначения использования картезианских правил принятия решений. Поскольку на такое принятие решений налагаются конвенциональные ограничения,

[1] John von Neumann & Oskar Morgenstern, *Theory of Games and Economic Behavior* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1947), p. 79.

19-2588

рациональность также часто связывают с мерой их подавления, контролирования, признания недейственными или иррелевантными.

9. *Выбор.* Под рациональностью также принято понимать то, что человек осознает реальную возможность осуществить выбор, либо то, что он его действительно осуществляет.

10. *Основания выбора.* Основания выбора человеком между различными альтернативами, а также характер обоснования выбора часто рассматриваются как рациональные свойства действия. Необходимо различать несколько поведенческих значений термина «основания».

А. Под рациональными основаниями иногда поднимают исключительно научный *массив*[1] информации как перечень утверждений, рассматриваемый человеком в качестве правильных оснований для дальнейших выводов и действий.

Б. Под рациональными основаниями иногда понимают такие свойства знаний человека, как «тонкая» или «грубая» структура даваемых им характеристик, либо то, представляет ли его «список» совокупность частных историй в противовес универсальным эмпирическим законам, либо меру кодификации этих материалов, либо меру соответствия используемого им *массива массиву* научных суждений.

В. Еще одно значение рациональности связано с тем, в какой мере основания выбора являются стратегиями действия, как отмечалось выше, в пункте 5.

Г. Основания выбора могут представлять собой то, что человек в буквальном смысле *обнаруживает* посредством ретроспективной интерпретации наличествующего результата. Например, человек может осознать эти основания, проанализировав предысторию некоего результата, определив, какое «действительно» он принял раньше решение. Таким образом, если факт настоящего рассматривается как ответ-на-некий-вопрос, этот факт заставляет человека задать вопрос, на который он может отвечать. Отбор, организация и унификация исторического контекста некоего действия после его осуществления для его общественно приемлемого или логически стройного объяснения — знакомое значение «рационализации».

11. *Сопоставимость отношений цели—средства с принципами формальной логики.* Человек может рассматривать предполагаемый образ

[1] Понятие *массива* знаний заимствовано из работы Феликса Кауфмана (Felix Kaufmann, *Methodology of the Social Sciences*, New York: Oxford University Press, 1944), в особенности p. 33–66.

действий как последовательность шагов в разрешении некой проблемы. Он может представить эти шаги в виде совокупности отношений «цели—средства», но считать проблему разрешенной только если эти отношения реализуются без нарушения идеала полного соответствия принципам формальной научной логики и правилам научной процедуры [2]. Факт, частота осуществления такого подхода, а также последовательность в таком рассмотрении проблем или успешность в следовании этой процедуре являются способами определения рациональности действий человека.

12. *Семантическая ясность и четкость.* Часто, говоря о рациональности, ссылаются на склонность человека рассматривать семантическую ясность конструкции как переменную с максимальным значением, приближение к которому является необходимым шагом при решении проблемы конструирования правдоподобного определения ситуации. О человеке, сохраняющем недоверие, пока не выполнено это условие приближенного максимального значения, часто говорят, что он более рационален, чем тот, кто готов доверять неизвестности.

Один человек может считать чрезвычайно важными задачи прояснения конструктов, составляющих определение ситуации, и оценки соответствия этих конструктов значениям, которые подразумеваются в терминологии, используемой другими. Другой человек может уделять мало внимания подобным задачам. Поведение первого иногда определяют как более рациональное, чем поведение второго.

13. *Ясность и четкость как таковые.* Шюц отмечает, что стремление к ясности и четкости может быть стремлением к четкости, отвечающим задачам человека. Разнообразные, теоретические и реальные, отношения между а) стремлением к ясности и б) задачами, которым служит ясность конструкта, раскрывают дополнительные поведенческие значения рациональности. Здесь играют роль две переменные: 1) внимательное отношение к задачам прояснения; и 2) значение, которое придает человек выполнению некоего проекта. Один из вариантов отношений между этими переменными превращает в дело, которое необходимо выполнить, саму задачу прояснения. Это, собственно, и есть значение «прояснения как такового». Однако это отношение между указанными двумя переменными может рассматриваться человеком как включающее независимый элемент вариабельности. Подобное отношение подразумевают, говоря о «прояснении, достаточном для настоящих целей». Рациональность часто означает высокую степень

зависимости одного от другого. Такая зависимость, рассматриваемая, как правило, при исследовательской или интерпретационной деятельности, иногда подразумевается при разграничении исследования и теории.

14. *Соответствие определения ситуации научному знанию.* Человек может допустить критику того, что он воспринимает как «факт» с точки зрения соответствия этого «факта» научным фактам. В качестве описания действий человека это «допускаемая легитимность подобной критики» означает, что в случае доказанного несоответствия то, что человек расценивает как правильные основания для логических выводов и действий (значение «факта»), будет им скорректировано в сторону приближения к научности. Часто действия человека называют рациональными в той мере, в какой он корректирует или готов скорректировать свои представления в сторону научности.

Нередко рациональность связывают с чувствами человека, сопутствующими его поведению, например «эмоциональная нейтральность», «неэмоциональный», «отстраненный», «беспристрастный». Однако для теоретических задач этой статьи тот факт, что человек может таким образом воспринимать окружающее, не важен. Тем не менее важно то, что человек использует свои чувства по поводу окружающего, чтобы придать разумный характер тому, о чем он говорит, либо доказательству чего-либо. Ничто не помешает исследователю горячо желать, чтобы его гипотеза подтвердилась. Однако он не может использовать свое горячее желание *или* отстраненность для придания разумности или обоснованности своему предположению. О действиях человека, относящегося к своим чувствам по поводу того или иного вопроса как к иррелевантным его смыслу, иногда говорят как о рациональных действиях, в то время как о действиях человека, который придает смысл и обоснованность, обращаясь к своим чувствам, говорят как о менее рациональных. Однако это справедливо только для идеально описываемой научной деятельности.

Научные рациональности

Вышеупомянутые рациональности могут использоваться для создания образа человека в смысле определенного характера поведения. Представим себе человека, который может [3] анализировать наличную ситуацию в поиске моментов, сопоставимых с ситуациями, известными из прошлого, а также анализировать свой опыт в поиске формул, которые, с его нынешней точки зрения, дали в прошлом практические результаты, которых он хочет добиться сейчас. Осуществляя эту задачу, он может уделять пристальное внимание этим сопоставимым моментам. Он может прогнозировать последствия действия в соответствии с формулами, которые представляются ему подходящими. Он может «отрабатывать в воображении» альтернативные варианты поведения. Он может заранее, до реального осуществления выбора определить для каждой из альтернатив условия, при которых ей необходимо следовать. Помимо этих упорядочивающих моментов человек может иметь намерение посредством своих действий произвести некий запланированный результат. Это может предполагать особое внимание к прогнозируемым характеристикам ситуации, которой он пытается манипулировать. Его действия могут предполагать осуществление выбора между несколькими средствами достижения одних и тех же целей или выбор между разными целями. Он может определять правильность своего выбора, обращаясь к эмпирическим законам и т. д.

При расширении перечня особенностей поведения этого типа путем включения в него всех вышеупомянутых рациональностей обнаруживается различие между интересами повседневной жизни и интересами научного теоретизирования. Если действия человека регулируются «обыденной установкой», возможны все рациональности, *за исключением четырех.* Сформулированные как идеальные принципы поведения, эти исключения гласят, что планируемые шаги при разрешении некой проблемы или при выполнении некой задачи, т. е. «отношения цели—средства», следует понимать таким образом: 1) что они остаются в полном соответствии с правилами, определяющими научно корректные решения «грамматики» (теоретических основ) и процедуры; 2) что все элементы должны быть уяснены совершенно отчетливо; 3) что прояснение знаний, правил исследовательской и интерпретационной процедуры должны рассматриваться как задача первостепенной важности; 4) что планируемые шаги должны основываться исключительно на научно верифицируемых предположениях, полностью соответствующих научному знанию. Поведенческие корреляты этих принципов были описаны ранее как рациональности (с 11 по 14). Для удобства изложения я буду называть эти четыре рациональности «научными рациональностями».

Суть этой статьи и исследовательской программы, основанной на приведенных в ней доводах, если они верны, заключается в том, что

Таблица 1

Свод предположений, связывающих рациональности с условиями их проявления

	В отношении всех действий, регулируемых правилами релевантности повседневной жизни, рациональности могут иметь место, ЕСЛИ			В отношении всех действий, регулируемых правилами релевантности научного теоретизирования, рациональности могут иметь место, ЕСЛИ		
	рассматриваются как идеальный стандарт действия	рассматриваются как оперативный стандарт действия	рассматриваются как свойство реальной практики	рассматриваются как идеальный стандарт действия	рассматриваются как оперативный стандарт действия	рассматриваются как свойство реальной практики
	1	2	3	4	5	6
1. Категоризация и сравнение	Да	Да	Да	Да	Да	Да
2. Допустимая ошибка	Да	Да	Да	Да	Да	Да
3. Поиск «средств»	Да	Да	Да	Да	Да	Да
4. Анализ альтернатив и последствий	Да	Да	Да	Да	Да	Да
5. Стратегия	Да	Да	Да	Да	Да	Да
6. Учет времени	Да	Да	Да	Да	Да	Да
7. Прогнозируемость	Да	Да	Да	Да	Да	Да
8. Правила процедуры	Да	Да	Да	Да	Да	Да
9. Выбор	Да	Да	Да	Да	Да	Да
10. Основания выбора	Да	Да	Да	Да	Да	Да
11. Соответствие отношений цели—средства с принципами формальной логики	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да
12. Семантическая ясность и четкость	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да
13. Ясность и четкость «как таковые»	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да
14. Соответствие определения ситуации научному знанию	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да

«Да» следует интерпретировать как «Эмпирически возможно в качестве стабильного свойства и/или *санкционируемой* модели».

«Нет» следует интерпретировать как «Эмпирически возможно только в качестве нестабильного свойства и/или *несанкционируемой* модели». Под этим подразумевается, что попытки стабилизировать данную характеристику или добиться соблюдения правил путем систематического поощрения и наказания являются операциями, которые необходимо умножить на аномические свойства взаимодействия.

То, что в этих утверждениях констатируется в отношении отдельно рассматриваемых рациональностей, констатируется и в отношении любого их сочетания.

научные рациональности фактически проявляются как стабильные свойства действий и как санкционируемые идеальные модели, только если действия регулируются научно-теоретической установкой. Для действий же, регулируемых обыденной установкой, характерно отсутствие этих рациональностей ни в качестве стабильных свойств, ни в качестве санкционируемых моделей. Там, где речь идет о действиях и социальных структурах, регулируемых исходными предпосылками повседневной жизни, любая попытка стабилизировать эти свойства или добиться следования правилам путем социально-систематического поощрения или наказания становятся операциями, которые необходимо умножить на аномические свойства взаимодействия. Вместе с тем все остальные рациональности (с 1 по 10) могут проявляться в действиях, регулируемых любой установкой, причем и как стабильные свойства, и как санкционируемые модели. Этот важный момент детально отражен в табл. 1.

Предшествующие утверждения подразумевались как утверждения эмпирического, а не доктринального характера. Реконструкция «проблемы рациональности» [4], предложенная в этой статье, базируется на обоснованности этих утверждений. Результаты их проверки зависят от обоснованности разделения «обыденной установки» и «научно-теоретической установки». Поэтому необходимым представляется краткое сравнение исходных предпосылок, лежащих в их основе. После него мы вернемся к основной линии рассуждений.

Исходные предпосылки двух установок

Обыденная и научно-теоретическая [5] установки были описаны Альфредом Шюцем[1] в его работах, посвященных конститутивной феноменологии обыденных ситуаций [6]. Поскольку приводимые в этой статье аргументы базируются на предположении, что данные установки не переходят одна в другую, необходимо провести сравнение исходных предпосылок, составляющих каждую из них.

[1] Alfred Schutz. «The Stranger», *American Journal of Sociology*, Vol. 49, May, 1944; «The Problem of Rationality in the Social World», *Economica*, Vol. 10, May, 1943; «On Multiple Realities», *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 4, June, 1945; «Choosing among Projects of Action», *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 12, December, 1951; «Common Sense and Scientific Interpretation of Human Action», *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 14, September, 1953.

1. Шюц полагает, что в повседневных ситуациях «практический теоретик» осуществляет упорядочивание событий, одновременно стараясь сохранить и санкционировать исходную предпосылку, что объекты окружающего мира таковы, какими они кажутся. Занимаясь повседневными делами, человек пытается их как-то интерпретировать, одновременно придерживаясь линии «официального нейтралитета» по отношению к интерпретационному правилу, предусматривающему возможность сомнения в том, что объекты окружающего мира таковы, какими они предстают. Исходное допущение субъекта состоит в ожидании несомненного соответствия между конкретным внешним проявлением объекта и подразумеваемым-объектом-проявляющимся-таким-образом. Выбрав одно из совокупности возможных отношений между реальной внешней стороной объекта и подразумеваемой в нем сущностью, например, отношение *несомненного* соответствия между ними, человек ожидает, что это предполагаемое несомненное соответствие является санкционируемым. Он предполагает, что другие люди придерживаются в большей или меньшей степени того же ожидания, а также предполагает, что, точно так же как он ожидает, данное отношение справедливо и для другого человека, другой человек ожидает, что оно справедливо и для него.

При научном теоретизировании используется совершенно иная интерпретационная процедура. Она предусматривает осуществление интерпретации при сохранении позиции «официального нейтралитета» по отношению к уверенности в том, что объекты окружающего мира таковы, какими кажутся. Повседневная деятельность, конечно же, допускает сомнение субъекта в том, что объекты таковы, какими они кажутся; однако это сомнение по сути своей является сомнением, ограниченным «практическими соображениями» теоретика. Сомнение практического теоретика ограничивается его вниманием к неким значимым, более или менее рутинным свойствам социального порядка, таким какими они «видятся изнутри», свойствам, которые он не ставит и не будет ставить под сомнение. Научное же теоретизирование регулируется чуждым идеалом сомнения, который в принципе ничем не ограничивается и, в частности, не признает нормативные социальные структуры как ограничивающие условия.

2. Шюц называет второе исходное предположение практическим интересом человека к событиям окружающего мира. Релевантные особенности событий, которые вычленяет в них его интерес, несут для

него в качестве инвариантного свойства свою способность реально и потенциально влиять на действия субъекта и подвергаться влиянию его действий. При этом предполагаемом свойстве событий человек исходит из того, что точность производимого им упорядочивания событий подлежит проверке, не исключающей релевантности того, что ему известно как факт, предположение, догадка, фантазия и т. п. в силу его физического и социального положения в реальном мире. Для него события, их взаимосвязи, их каузальная структура не представляют теоретического интереса. Он не допускает мысли, что при их рассмотрении следует исходить из интерпретационного правила о том, что он ничего не знает или что он может занять позицию полного незнания, «чтобы просто увидеть, куда это приведет». В повседневных ситуациях то, что он знает, является составной частью его социальной компетентности. То, что он знает так, как он это знает, с его точки зрения, персонифицирует его и для окружающих, и для него самого как социальный объект — настоящего члена группы. Он утверждает свою компетентность в качестве настоящего члена группы как одно из условий уверенности в том, что его понимание значений повседневных событий является реалистичным.

Интерпретационные правила научно-теоретической установки, напротив, предполагают, что смысл и точность любой модели подлежит проверке и определению с исключением суждений, основанных на релевантности того, что теоретику известно в силу его социального и физического положения в реальном мире.

3. Шюц описывает временну́ю перспективу повседневной жизни. В своей повседневной деятельности человек овеществляет поток опыта во «временны́х пластах». Он делает это при помощи схемы временных отношений, которую, с его точки зрения, он и окружающие используют стандартным одинаковым образом. Его разговор состоит для него не только из событий потока его опыта, но и из того, что было или могло быть сказано в тот или иной момент времени, который указывают последовательные позиции часовых стрелок. «Смысл разговора» постепенно осознается через последовательность осознаваемых значений уже пройденного в разговоре, и вместе с тем «пройденное в разговоре» наполнено предвосхищениями. Далее, как и в отношении любого Здесь-и-Теперь, а также последовательности Здесь-и-Теперь, разговор для него имеет и ретроспективное, и проспективное значение. Сюда входят ссылки из Здесь-и-Теперь на начало, продолжительность, темп, фазы и окончание. Эти определения «внутреннего времени» потока опыта координируются с социально используемой схемой временны́х определений. Человек использует схему стандартного времени как средство планирования и координирования своих действий с действиями других людей, средство соотнесения своих интересов и действий с интересами и действиями других людей. Использование им стандартного времени направлено на проблемы, которые решают подобные спецификации при планировании и координировании взаимодействия. Он также исходит из того, что схема стандартного времени — это целиком и полностью публичное дело, своего рода «одни большие часы, одинаковые для всех».

Существуют и другие способы расстановки временно́го упорядочивания в потоке опыта, создающие осмысленную картину событий «внешнего мира». Занимаясь научным теоретизированием, субъект использует стандартное время как средство для конструирования одного из эмпирически возможных миров (если, конечно, исходить из того, что теоретика интересуют действительные факты). Таким образом, то, что в силу заинтересованности субъекта в овладении практическими делами подразумевало бы использование времени для соотнесения своих интересов с поведением других людей, для него как ученого теоретика-социолога является «всего лишь» средством для решения его научной задачи, которая состоит в четком формулировании таких программ координированных действий в форме соотнесения причин и следствий. Еще один вариант использования времени обнаруживается при оценке событий, изображаемых «внутри театральной пьесы». Происходит отказ от ориентирования на стандартное время, которое становится теперь иррелевантным. Наблюдая за социальными структурами, изображенными в романе наподобие «Итана Фрома»[1], он допускает возможность узнать участь любовников прежде, чем последовательность действий, приведшую их к ней.

4. В своих повседневных делах человек использует схему коммуникации, отличную от схемы коммуникации ученого-теоретика. В повседневной жизни человек осмысливает события, использует изначально предполагаемый фон «естественных фактов жизни», которую, с его точки зрения, Любой из Нас обязан знать и которую обязан при-

[1] «Итан Фром» — произведение американской писательницы Эдит Уортон. — *Примеч. перев.*

нимать на веру. Использование этих естественных явлений жизни — условие сохранения подлинного членства в группе. Человек исходит из того, что эта подоплека используется им и другими людьми в форме нравственно предписываемых «правил кодирования». В терминах этих правил он определяет правильное соответствие между реальной внешней стороной объекта и подразумеваемым-объектом-предстающим-специфическим-образом.

Это исходное допущение существования общего интерсубъективного мира коммуникации резко модифицируется при научном теоретизировании. Для ученого-теоретика «релевантные другие» — это универсализированные Все-и-каждый. Они в идеале представляют собой лишенные плоти инструкции по надлежащим процедурам для определения чувствительности, объективности и доказанности. Конкретные коллеги — это в лучшем случае допустимые частные случаи этих высокоабстрактных «компетентных исследователей». Ученый-теоретик обязан знать только то, чему он принял решение доверять. Доверять результатам научных изысканий своих коллег на основании членства в профессиональной или любой другой группе — это лишь дело его выбора. Если он не доверяет чему-либо, то может обосновать это, сославшись на безличное включение себя в ряды «компетентных исследователей», сохраняющих анонимность в отношении коллективного членства и согласующих свои действия с инструкциями по процедурам. Этими действиями он может снизить риск критики за неоправданный ригоризм. Однако в повседневной жизни эти действия были бы чреваты изменением статуса в сторону криминальности, болезни или некомпетентности.

5. Человек принимает определенную «форму социальности». Наряду с другим форма социальности состоит в исходном предположении человека о существовании некоего характерного расхождения между своим «образом», который он приписывает другому человеку как представления этого человека о нем, и собственным представлением о самом себе в «глазах» другого человека. Он также исходит из того, что изменения этого характерного расхождения остаются в границах его автономного контроля. Это исходное предположение служит правилом, при помощи которого «обыденный теоретик» группирует свои элементы опыта. Посредством этого с общим интерсубъективным миром коммуникации соотносятся недекларируемые представления, которые в глазах субъекта распределены между людьми как

основания их действий, т. е. их мотивы, или в радикальном смысле этого термина их «интересы» как составляющие элементы социального взаимодействия. Он исходит из того, что есть нечто, что один человек знает и полагает, что другие не знают. Неведение одного состоит в том, что другому известно в качестве чего-то мотивационно релевантного для первого. При этом смысл совместно известного наполнен лично не высказываемым, тем, что избирательно утаивается. Таким образом, повседневные события наполняются этим неотъемлемым фоном «невысказанных смыслов», фоном того, что известно о себе и других и никого более не касается; иными словами — личной жизнью.

В правилах, регулирующих научное теоретизирование, это исходное допущение претерпевает существенную модификацию. В области научного *теоретизирования* не существует какого бы то ни было расхождения между публичной и частной жизнью, по крайней мере в том, что касается решений о смысле и доказательности. Все, что релевантно описанию любого возможного мира, является публичным и подлежащим обнародованию.

Есть и другие исходные предпосылки, однако для задач этой статьи достаточно продемонстрировать сам факт различия между данными «установками».

Эти две категории исходных предпосылок не переходят одна в другую. Неразличимы они и по степени выраженности. Переход от использования одних к использованию других — от одной «установки» к другой — обусловливает радикальное изменение в «сценическом» структурировании событий и отношений между ними. Эти две установки в буквальном математическом смысле приводят к логически несовместимым совокупностям событий. Природу различий между системами событий, определяемых этими двумя категориями интерпретационных предпосылок, можно проиллюстрировать, сравнив события, которые зритель наблюдает на телевизионном экране, когда он воспринимает их как события некой «истории», с событиями на экране, когда он воспринимает их как совокупность эффектов, производимых группой профессиональных актеров, действующих в соответствии с инструкциями кинопродюсера. Было бы величайшей философской дидактичностью сказать, что зритель наблюдает «разные аспекты одного и того же» или что события изображаемой истории — это «всего лишь» некритично воспринимаемые события экранизированного произведения.

нимать на веру. Использование этих естественных явлений жизни — условие сохранения подлинного членства в группе. Человек исходит из того, что эта подоплека используется им и другими людьми в форме нравственно предписываемых «правил кодирования». В терминах этих правил он определяет правильное соответствие между реальной внешней стороной объекта и подразумеваемым-объектом-предстающим-специфическим-образом.

Это исходное допущение существования общего интерсубъективного мира коммуникации резко модифицируется при научном теоретизировании. Для ученого-теоретика «релевантные другие» — это универсализированные Все-и-каждый. Они в идеале представляют собой лишенные плоти инструкции по надлежащим процедурам для определения чувствительности, объективности и доказанности. Конкретные коллеги — это в лучшем случае допустимые частные случаи этих высокоабстрактных «компетентных исследователей». Ученый-теоретик обязан знать только то, чему он принял решение доверять. Доверять результатам научных изысканий своих коллег на основании членства в профессиональной или любой другой группе — это лишь дело его выбора. Если он не доверяет чему-либо, то может обосновать это, сославшись на безличное включение себя в ряды «компетентных исследователей», сохраняющих анонимность в отношении коллективного членства и согласующих свои действия с инструкциями по процедурам. Этими действиями он может снизить риск критики за неоправданный ригоризм. Однако в повседневной жизни эти действия были бы чреваты изменением статуса в сторону криминальности, болезни или некомпетентности.

5. Человек принимает определенную «форму социальности». Наряду с другим форма социальности состоит в исходном предположении человека о существовании некоего характерного расхождения между своим «образом», который он приписывает другому человеку как представления этого человека о нем, и собственным представлением о самом себе в «глазах» другого человека. Он также исходит из того, что изменения этого характерного расхождения остаются в границах его автономного контроля. Это исходное предположение служит правилом, при помощи которого «обыденный теоретик» группирует свои элементы опыта. Посредством этого с общим интерсубъективным миром коммуникации соотносятся недекларируемые представления, которые в глазах субъекта распределены между людьми как

основания их действий, т. е. их мотивы, или в радикальном смысле этого термина их «интересы» как составляющие элементы социального взаимодействия. Он исходит из того, что есть нечто, что один человек знает и полагает, что другие не знают. Неведение одного состоит в том, что другому известно в качестве чего-то мотивационно релевантного для первого. При этом смысл совместно известного наполнен лично не высказываемым, тем, что избирательно утаивается. Таким образом, повседневные события наполняются этим неотъемлемым фоном «невысказанных смыслов», фоном того, что известно о себе и других и никого более не касается; иными словами — личной жизнью.

В правилах, регулирующих научное теоретизирование, это исходное допущение претерпевает существенную модификацию. В области научного *теоретизирования* не существует какого бы то ни было расхождения между публичной и частной жизнью, по крайней мере в том, что касается решений о смысле и доказательности. Все, что релевантно описанию любого возможного мира, является публичным и подлежащим обнародованию.

Есть и другие исходные предпосылки, однако для задач этой статьи достаточно продемонстрировать сам факт различия между данными «установками».

Эти две категории исходных предпосылок не переходят одна в другую. Неразличимы они и по степени выраженности. Переход от использования одних к использованию других — от одной «установки» к другой — обусловливает радикальное изменение в «сценическом» структурировании событий и отношений между ними. Эти две установки в буквальном математическом смысле приводят к логически несовместимым совокупностям событий. Природу различий между системами событий, определяемых этими двумя категориями интерпретационных предпосылок, можно проиллюстрировать, сравнив события, которые зритель наблюдает на телевизионном экране, когда он воспринимает их как события некой «истории», с событиями на экране, когда он воспринимает их как совокупность эффектов, производимых группой профессиональных актеров, действующих в соответствии с инструкциями кинопродюсера. Было бы величайшей философской дидактичностью сказать, что зритель наблюдает «разные аспекты одного и того же» или что события изображаемой истории — это «всего лишь» некритично воспринимаемые события экранизированного произведения.

Методология

Именно научные рациональности авторы, пишущие о социальной организации и принятии решений, обычно называют свойствами «рационального выбора». Однако здесь высказывается идея о том, что научные рациональности не являются ни свойствами, ни санкционируемыми моделями выбора, осуществляемого в сфере, регулируемой исходными предпосылками повседневной жизни. Если научные рациональности не являются ни стабильными свойствами, ни санкционируемыми моделями выбора, осуществляемого в сфере, регулируемой исходными предпосылками повседневной жизни, трудности, с которыми сталкиваются исследователи и теоретики касательно понятия организационных целей, роли осведомленности и неосведомленности во взаимодействии, затруднений в трактовке осмысленных сообщений в математических теориях коммуникации, аномалий, обнаруживаемых в исследованиях азартного поведения, затруднений в рационализации понятия анормальности в свете результатов кросс-культурных исследований, возможно, есть трудности, которые они сами себе придумали. Возможно, эти трудности обусловлены не сложностью изучаемых вопросов, а стремлением рассматривать действия в соответствии с научными представлениями, вместо того чтобы направить свое внимание на реальные рациональности, которые обнаруживает в своем поведении человек в ходе решения обыденных практических задач.

Шюц говорит нам, что означает выражение «субъект осуществляет рациональный выбор[1]».

> Рациональный выбор имел бы место, если бы субъект был в достаточной мере осведомлен о цели, которую необходимо реализовать, а также о подходящих для ее достижения средствах. Однако этот постулат подразумевает:
>
> 1. Знание о месте, которое занимает подлежащая реализации цель в системе планов субъекта (оно должно быть также известно ему самому).
>
> 2. Знание о ее взаимоотношениях с другими целями и ее совместимость или несовместимость с ними.
>
> 3. Знание о желательных и нежелательных последствиях, которые могут иметь место как побочный продукт реализации главной цели.
>
> 4. Знание о разных последовательностях средств, которые технически или даже онтологически пригодны для реализации этой цели вне зависимости от того, владеет субъект всеми или лишь некоторыми из этих элементов.
>
> 5. Знание о влиянии этих средств на другие цели, достигаемые с помощью других последовательностей средств, включая их вторичные эффекты и случайные последствия.
>
> 6. Знание о доступности этих средств для субъекта, выбор доступных средств, причем таких, которые субъект может применить.
>
> Приведенные выше замечания никоим образом не исчерпывают сложный анализ, необходимый для того, чтобы разложить на составляющие понятие рационального выбора в действии. Трудности еще более усугубляются, когда это действие носит социальный характер... В этом случае дополнительными детерминантами рассуждений субъекта являются следующие элементы. Во-первых, верная или неверная интерпретация его собственного акта другим человеком. Во-вторых, реакция других людей и ее мотивы. В-третьих, все перечисленные элементы знания (с 1 по 6), которые субъект правильно или ошибочно приписывает своим партнерам. В-четвертых, все многообразие категорий привычного и чуждого, близости и анонимности, личности и типа, которые мы раскрыли, описывая организацию социального мира.

Однако где тогда, спрашивает Шюц, можно обнаружить эту систему рационального выбора? «...Корни понятия рациональности располагаются не на уровне обыденных концепций социального мира, а на теоретическом уровне его научного наблюдения, и именно здесь оно находит поле для методологического применения».

Шюц заключает, что это понятие обнаруживается в логическом статусе, элементах и применении модели, которую ученый выбирает и использует как схему для интерпретирования событий.

> Это не означает, что рациональный выбор не существует в сфере повседневной жизни. В действительности было бы достаточно трактовать термины ясности и четкости в модифицированном и ограниченном значении как ясность и четкость, адекватные требованиям практического интереса субъекта... Что я хочу подчеркнуть, так это то, что идеал рациональности не является и не может быть *специфической* особенностью обыденного мышления, а потому он не может быть и методологическим принципом интерпретации человеческих установок в повседневной жизни.

Переосмысление проблемы рациональности для возвращения ее ученым заключается в обращенном к социологам призыве отказаться

[1] Schutz. «The Problem of Rationality in the Social World», p. 142–143.

от рассмотрения научных рациональностей как методологического правила интерпретации человеческих действий.

С точки зрения процедуры, как действовал бы исследователь, отказавшись рассматривать научные рациональности как методологическое правило?

Нормы поведения

При рассмотрении вышеупомянутых рациональных свойств действия как норм надлежащего поведения можно выделить четыре значения таких норм.

Во-первых, эти нормы могут включать в себя рациональности, принимаемые учеными-наблюдателями как *идеальные нормы* своей деятельности как представителей науки. Во-вторых, этот термин может обозначать рациональности как оперативные нормы реальной научной работы. В эмпирическом плане между этими двумя категориями норм нет полного соответствия. Например, в реальных условиях существует некая устоявшаяся практика в постановке и способах разрешения проблем, а также доверие исследователей к реальным исследовательским операциям, которые обычно не излагаются в учебниках по методологии. В-третьих, этот термин может означать социально используемый и социально санкционируемый идеал рациональности. Здесь речь идет о таких рациональностях, как стандарты мышления и поведения, которые не исключают соблюдения рутинного порядка действий в обыденной жизни. В повседневной речи такие стандарты называют благоразумным мышлением и поведением. В-четвертых, рациональности могут представлять собой оперативные нормы реальной деятельности в повседневной жизни.

Использовать рациональности как методологический принцип для интерпретации действий человека в обыденной жизни означает следующее.

1. Идеальные характеристики, которые принимаются учеными-наблюдателями как идеальные стандарты своей исследовательской и теоретической деятельности, используются для конструирования модели человека, действующего в соответствии с этими идеалами. Такой конструкцией, например, является игрок фон Ноймана [7].

2. Описав реальные действия, мы смотрим на модель, пытаясь путем сравнения выявить расхождение между тем, как бы повел себя смоделированный таким образом человек, и тем, как повел себя реальный человек. При этом задаются вопросы такого рода: «Если сравнивать с моделью, то в какой мере имело место искажение при воспроизведении? Какова эффективность средств, которые использовал реальный человек, если рассматривать их с точки зрения более широких знаний наблюдателя, где эти знания символизируют олицетворяют "текущее состояние научной информации"? Каковы ограничения, наложенные на использование норм технической эффективности в достижении целей? Сколько и какого рода информации необходимо для принятия решений, основанных на рассмотрении всех научно релевантных параметров проблемы, и какой частью этой информации обладает данный конкретный человек?»

Иными словами, модель показывает то, как действовал бы человек, если бы считалось, что он действует как идеальный ученый. Тогда возникает вопрос: чем объясняется тот факт, что реальные люди не соответствуют, а в действительности редко соответствуют модели ученого? В общем, модель этого рационального человека как стандарта используется в качестве основания для иронического сравнения; и из этого сравнения позволяет провести известное различие между рациональным, нерациональным, иррациональным и арациональным поведением[1].

Однако эта модель -- лишь одна из несчетного множества моделей, которые можно использовать. Что еще более важно, так это то, что *ее использование не диктуется никакой необходимостью.* Безусловно, *некая модель* рациональности необходима, но только для определения заслуживающих доверия знаний, а затем *исключительно, но неизбежно для научного теоретизирования. Она не является необходимой, и ее использования можно избежать при теоретизировании, направленном на решение задач обыденной жизни.*

Она необходима для научного теоретизирования, но *не* вследствие какой-то онтологической характеристики событий, которые стремятся понять и описать ученые.

Она необходима, поскольку правила, регулирующие использование их утверждений как оснований для дальнейших логических выводов, т. е. само определение достоверного знания, описывают такие

[1] Vilfredo Pareto, *The Mind and Society*, ed. Arthur Livingston (New York: Harcourt Brace & World, Inc., 1935), в особенности Vol. I. Marion J. Levy, Jr., *the Structure of Society* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1952).

санкционируемые процедуры, как, например, недопущение использования двух несовместимых или противоречащих друг другу утверждений как законных оснований для выведения истинности другого утверждения. Поскольку определение достоверного, научного или какого-либо другого знания состоит из правил, регулирующих использование утверждений как оснований для дальнейших логических выводов и действий, необходимость модели рациональности обеспечивается самим решением действовать в соответствии с этими правилами[1]. Модель рациональности для научного теоретизирования буквально представляет собой идеал теоретика, предполагающий возможность ясной экспликации значений этих правил.

То, что действия по изысканию и интерпретации регулируются тем, что для обыденного сознания является чуждыми правилами научной деятельности, является следствием того, что решение использовать то или иное утверждение как основание для дальнейших логических выводов зависит от того, может ли рассчитывать использующий его на *социальную* поддержку за его использование. Но в деятельности, регулируемой исходными предпосылками обыденной жизни, достоверные знания не подлежат таким строгим ограничениям в плане использования утверждений как законных оснований для дальнейших логических выводов и действий. В рамках правил релевантности обыденной жизни правильно применяемое утверждение — это утверждение, высказывая которое использующий его ожидает социальной поддержки и применением которого он демонстрирует другим людям доказательство своего настоящего членства в группе.

Рациональности как данные

Для понимания области наблюдаемых событий поведения нет никакой необходимости в формулировании определения рационального действия. Этот результат имеет важное и парадоксальное следствие: он позволяет нам исследовать свойства рационального действия как никогда тщательно [8]. Для рассмотрения рациональных характеристик деятельности можно не использовать образ идеального ученого как средство конструирования дескриптивных категорий поведения — рациональное, нерациональное, иррациональное и арациональное являются таковыми категориями, — а подойти к ним с эмпирической задачей описания их так, как они обнаруживаются по отдельности в приведенном выше списке рациональностей или в группах этих характеристик. Использующий этот подход должен был бы рассмотреть склад ума субъекта и характерные для него отношения с другими людьми как факторы, возможно, объясняющие наличие этих рациональностей, но без иронического сравнения.

[1] Kaufmann, ibid, p. 48–66.

Свойства рациональности следует рассматривать не как методологический принцип для интерпретации деятельности, а лишь как эмпирически проблемный материал. Тогда они обладали бы статусом лишь данных и должны были бы объясняться так же, как объясняются более привычные свойства поведения. Точно так же, как мы можем спросить, какое отношение имеют свойства определенного статуса к вероятности целеустремленного поведения, или организованного инакомыслия, или к поиску «козла отпущения», или к вероятности профессиональной мобильности, или к чему-то еще, мы можем спросить: как свойства определенного статуса обусловливают меру рациональности действий субъекта? Тогда настоятельно требуют ответа вопросы следующего рода. Почему рациональности научного теоретизирования нарушают плавное течение действий, регулируемых установкой обыденной жизни? Что есть такого в социальных условиях, что делает невозможным взаимопереход указанных двух «установок» друг в друга без резкого нарушения непрерывности действия, регулируемого каждой из них? Каковы должны быть социальные условия, чтобы огромное число людей, живущих сегодня в нашем обществе, могли не только беспрепятственно усвоить научную установку, но и благодаря успешности ее применения предъявить серьезные претензии тем, для кого эта установка чужда и во многих случаях неприятна? Иными словами, социологи могут устранить рациональные свойства поведения из области философских рассуждений и перенести их в область эмпирического исследования.

Можно сформулировать общее правило, охватывающее собой несчетное количество исследовательских проблем: *любой фактор, который мы считаем обусловливающим любое из свойств деятельности, является фактором, обусловливающим рациональности.* Это правило позволяет утверждать, что такие факторы, как, например, территориальные условия, количество лиц в сети, уровень сменяемости, правила, определяющие, между кем может происходить коммуникация, временные паттерны сообщений, распределение информации, а также

операции для изменения этого распределения, количество и локализация пунктов «трансформации» информации, свойства правил и языка кодирования, стабильность установившейся в социуме практики, структурированное или *ad hoc* распространение напряжения в системе, свойства распределения престижа и власти и т. д., следует рассматривать как факторы, детерминирующие рациональные свойства действий, регулируемых установкой обыденной жизни.

Заключение

Задача этой статьи состоит в выдвижении гипотезы о том, что в действиях, управляемых исходными предпосылками обыденной жизни, научные рациональности можно использовать лишь как неэффективные идеальные модели. Научные рациональности не являются ни стабильными характеристиками, ни санкционируемыми моделями повседневной жизни, и любая попытка стабилизировать эти свойства или добиться их соблюдения в обыденной деятельности лишь увеличит бессмысленность поведенческой среды человека и умножит черты дезорганизации в системе взаимодействия.

Приложение к главе 5

В феврале 1967 г., после того как эта книга была отдана в печать, я узнал от моего коллеги доктора Роберта Столлера (Robert J. Stoller), что в октябре 1966 г. Агнес призналась ему, что она не была биологически дефективным мужчиной. С его разрешения я привожу отрывок из недавно законченной им рукописи его книги «Гендерная идентичность».

«Восемь лет назад, когда этому исследовательскому проекту был всего один год, у нас наблюдался пациент, у которого было обнаружено очень редкое расстройство: синдром тестикулярной феминизации, при котором эстроген продуцируется в количестве, достаточном для того, чтобы зародыш генетически мужского пола не маскулинизировался, сформировались женские гениталии, а в пубертатный период — вторичные женские половые признаки. Этот конкретный клинический случай был уникален тем, что пациентка была полностью феминизирована в своих вторичных половых признаках (грудь и распределение подкожного жира в других местах; отсутствие волос на теле, лице и конечностях; феминизация тазового пояса; и "женская" нежная кожа) при наличии тем не менее пениса и яичек нормальных размеров. Внутренние органы целиком соответствовали органам нормального мужчины. После тщательного обследования, включавшего лабораторное исследование тестикулярной ткани, было установлено, что результаты позволяют сделать вывод о продуцировании эстрогена яичками. Отчет об этих результатах был опубликован (см. примечание 5 на с. 320). На момент этого обследования возраст пациентки составлял 19 лет, и она в течение двух лет успешно выдавала себя за молодую женщину. Насколько она помнила, ей всегда хотелось быть девочкой и она чувствовала себя девочкой, хотя и вполне отдавала себя отчет в том, что анатомически имела мужской пол, а семья и окружающие обращались с ней как с мальчиком. У специалистов возникло

подозрение, что она самостоятельно принимала эстрогены, однако в конечном счете оно было отвергнуто по следующим причинам: 1) она настойчиво отрицала прием эстрогенов, уже раскрыв многие другие, не менее щекотливые факты своей истории; 2) она продолжала отрицать прием эстрогенов даже после успешной операции; 3) чтобы добиться биологических изменений, обнаруженных при медицинском обследовании и лабораторных пробах, ей пришлось бы принимать правильно подобранный препарат в правильно подобранных дозах, начиная с нужного момента в пубертатном периоде, с тем чтобы ее тело стало таким, каким оно стало к 19 годам, а здравый смысл подсказывал, что такие познания в эндокринологии и искушенность в вопросах женственности выходили за рамки возможностей 12-летнего подростка. В эндокринологической литературе отсутствуют описания случаев приема мужчиной эстрогена в больших дозах, начиная с пубертатного периода; 4) в период нахождения в больнице до операции пациентка находилась под строгим наблюдением, а ее вещи проверялись; эстрогена не было обнаружено; вскоре после удаления яичек у нее развилась менопауза, что можно было считать убедительным доказательством того, что источником эстрогенов были яички; 5) после микробиологического изучения ткани яичек и передачи ее экспертам в другие медицинские центры для получения подтверждения было установлено, что эта ткань была способна привести к развитию синдрома тестикулярной феминизации; 6) исследование яичек после операции показало, что количество эстрадиола в них более чем в два раза превышает норму для взрослого мужчины.

Пациентку не сочли транссексуалом. Ее гениталии были хирургическим путем трансформированы, пенис и яички были удалены, а из кожи пениса было сделано влагалище. Впоследствии пациентка вышла замуж, переехала и жила жизнью полноценной женщины. Она поддерживала контакт в течение нескольких лет, и нередко мы беседовали с ней, я интересовался, как ей живется.

Пять лет спустя она вернулась. Она успешно выдавала себя за женщину, работала как женщина и вела весьма активную, сексуально полноценную жизнь красивой женщины, пользующейся популярностью у мужчин. Долгие годы она внимательно наблюдала за поведением своих подруг и усвоила все нюансы женских проявлений женщины ее социального класса и возраста. Постепенно у нее развеялись опасения относительно "дефектов" ее женственности, причем наиболее важным источником уверенности были влюблявшиеся в нее мужчины, ни один из которых не усмотрел в ее анатомии ничего подозрительного. Однако она все же не была убеждена, что ее влагалище было вполне нормальным, поэтому я организовал ей прием у уролога, мнение которого благодаря его репутации звучало бы для нее более авторитетно; уролог ясно дал понять, что ее гениталии не вызывают никаких подозрений...

Через час после получения благоприятного заключения от уролога, по прошествии восьми лет "молчания", мимоходом, как бы между прочим и без каких-либо предупреждений она поведала мне, что у нее никогда не было феминизировавшего ее биологического дефекта и что с 12-летнего возраста она принимала эстрогены. В прежние годы, беседуя со мной, она лишь говорила о том, что всегда надеялась на то, что, когда вырастет, ее тело станет телом женщины, но что начиная с пубертатного периода это стало происходить спонтанно, постепенно, но верно. Теперь же она призналась, что с началом пубертатного периода, когда тембр голоса стал снижаться, а на лобке появились волосы, она стала тайком брать стилбестрол у матери, которой этот препарат был назначен в связи с пангистерэктомией. Ребенок занялся самолечением, говоря фармацевту, что покупает гормон для своей матери и расплачиваясь деньгами из ее сумки. Она не знала, каков будет эффект. Ей было известно лишь то, что это "женское вещество". Она не имела понятия о том, сколько ей следует принимать, однако в большей или меньшей степени придерживалась доз, которые принимала ее мать. Она продолжала непрерывно принимать в течение всего подросткового периода, и поскольку по чистой случайности она выбрала наиболее подходящее время для начала приема гормона, ей удалось избежать развития каких бы то ни было вторичных половых признаков, которые могли бы сформироваться под влиянием андрогенов, и добиться развития вторичных половых признаков, обусловленных действием эстрогенов. Тем не менее андрогены продолжали продуцироваться в количестве, достаточном для формирования пениса нормальных размеров, способного к эрекции и оргазму, пока половая возбудимость не была подавлена к 15 годам. Таким образом она стала симпатичной юной "женщиной", хотя и с пенисом нормальных размеров...

Моему огорчению от услышанного сопутствовало изумление, как ловко ей все удалось. Теперь, получив возможность быть до конца откровенной, она впервые рассказала многое о своем детстве и позволила мне поговорить со своей матерью, что было под запретом в течение всех предшествующих восьми лет».

Эта новость превратила статью в сенсационную подробность обстоятельств, которые в ней же и сообщались, т. е. в сообщение, имеющее определенный контекст. В действительности, если читатель перечитает эту статью в свете данных откровений, то обнаружит, что чтение наглядно демонстрирует несколько типичных феноменов этнометодологического исследования: 1) общепризнанное наличие рациональных объяснений практических действий — это практическое достижение человека; 2) успех этого практического достижения состоит в работе, посредством которой окружающая обстановка, точно так же как она состоит из общепризнанной и знакомой организации деятельности, скрывает от внимания человека действия других людей по практическому упорядочиванию и тем самым заставляет его воспринимать характеристики окружающей обстановки, включающие ее описания «как определенные и независимые объекты».

После признаний Агнес Столлер использовал этот внезапный оборот событий, записав на магнитофон 15 часов общения с Агнес и ее матерью. В дальнейшем будет произведено исследование с использованием подробностей признания для изучения описанного выше феномена. Мы планируем, используя новые материалы, прослушать заново записанные ранее беседы, проанализировать наши записи и перечитать эту статью. Эта перспектива отражена в названии оригинальной статьи — *Часть 1.*

Примечания

К главе 1

1. Отчеты о процедурах «психологической аутопсии», разработанных в ЦПС Лос-Анджелеса, содержатся в следующих публикациях: Theodore J. Curphey. «The Forensic Pathologist and the Multi-Disciplinary Approach to Death» в книге «*Essays in Self-Destruction*», редактор Edwin S. Shneidman (International Science Press, 1967), в печати; Theodore J. Curphey. «The Role of the Social Scientist in the Medico-Legal Certification of Death from Suicide», в книге «*The Cry for Help*», редакторы Norman L. Farberow and Edwin S. Shneidman (New York: McGraw-Hill Book Company, 1961); Edwin S. Shneidman and Norman L. Farberow. «Sample Investigations of Equivocal Suicidal Deaths», в книге «*The Cry for Help*»; Robert E. Litman, Theodore J. Curphey, Edwin S. Shneidman, Norman L. Farberow and Norman D. Tabachnick. «Investigations of Equivocal Suicides». *Journal of the American Medical Association*, 184 (1963), 924–929 и Edwin S. Shneidman. «Orientations Toward Death. A Vital Aspect of the Study of Lives» в книге «*The Study of Lives*», редактор Robert W. White (New York: Atherton Press, 1963), перепечатано в *The International Journal of Psychiatry*, 2 (1966), 167–200.

2. Возможны следующие сочетания: естественная смерть; смерть в результате несчастного случая, самоубийство, убийство; возможный несчастный случай; возможное самоубийство, возможная естественная смерть; (между) несчастным случаем и самоубийством (неопределенно); (между) естественной смертью или самоубийством (неопределенно); между естественной смертью или несчастным случаем (неопределенно) и либо естественная смерть, либо несчастный случай, либо самоубийство (неопределенно).

3. Для определения смысла «строгого актуарного метода дознания» была использована модель информационно-согласованной игры,

предложенная Дэвидом Харрахом и описанная в David Harrah «A Logic of Questions and Answers», Philosophy of Science, 28, #1 (January, 1961), p. 40–46.

4. По поводу этого замечания критически высказался Монро Бёрдсли в статье «The Metaphorical Twist» (*«Philosophy and Phenomenological Research»*, March, 1962), считающий, что мы не потому решаем, что слово использовано в метафорическом смысле, что знаем, о чем думает говорящий человек. Скорее мы знаем, о чем он думает, потому что видим, что слово употреблено образно. Прибегая к помощи поэзии, Бёрдсли отмечает, что «сведения об этом факте так или иначе должны быть в самом поэтическом произведении, иначе мы редко имели бы возможность читать поэзию».

К главе 2

1. Работа Альфреда Шюца, упомянутая в ссылке на с. 48, представляет собой восхитительное исключение. Читатели, знакомые с его работами, без труда поймут, сколь многим обязан ему автор этой книги.

2. Напротив, знание того, как рутинно производятся структуры повседневных действий, позволяет нам сказать, что мы должны делать для эффективного производства желаемых нарушений.

3. Карл Маннгейм в своем эссе *On the Interpretation of Weltanschauung* (в сборнике *Essays on the Sociology of Knowledge*, переведенном и отредактированном Паулем Кескемети (New York: Oxford University Press, 1952, p. 33–83), характеризует эту работу как «документальный метод интерпретации». Ее отличительные особенности подробно описаны в главе 3.

4. Понятия «доверие» и «недоверие» подробно описаны в моей статье *A Conception of and Experiments with 'Trust' as a Condition of Stable Concerted Actions* в сборнике *Motivation and Social Interaction*, ed. O. J. Harvey (New York: The Ronald Press Company, 1963, p. 187–238). Термин «доверие» используется для обозначения согласия человека с ожиданиями установки повседневной жизни как моральной. Действия в согласии с правилом сомнения направлены на соответствие между изображениями и объектами, изображения которых являются изображениями таковых, это единственный способ определения (конкретизации) «недоверия». Модификации каждого из остальных ожиданий, которые образуют установку по отношению к повседневной жизни, а также их различные подгруппы, обставляют вариации на центральную тему отношения к миру, который индивиды должны познавать сообща и принимать как должное в качестве проблематичной материи. Работы Шюца об установке на ежедневную жизнь указаны в ссылке на с. 48. Ожидания, составляющие установку, вкратце перечислены на с. 66–67.

5. Термин заимствован из работы Макса Вебера *The Social Psychology of the World Religions*, опубликованной в сборнике: Max Weber. *Essays in Sociology*. Перевод H. H. Gerth and C. Wright Mills (New York: Oxford University Press, 1946), p. 267–301. Я адаптировал его смысл.

6. Я использую термин «компетентность» в том смысле, что член коллектива имеет право считать, что он способен без помех управлять своей повседневной жизнью. То, что члены общества могут относиться к этому как к данности, я подчеркиваю, говоря об индивиде как о «добросовестном» члене коллектива. Более подробная дискуссия о связи между «компетентностью» и «знанием социальных структур, основанных на здравом смысле», представлена в диссертации Эгона Биттнера на соискание ученой степени доктора философии «Popular Interests in Psychiatric Remedies: A Study in Social Control», Калифорнийский университет, Лос-Анджелес, 1961. Термины «коллектив» и «членство в коллективе» используются в строгом соответствии с тем, как их использует Талкотт Парсон (Talcott Parson) в своей книге *«The Social System»* (New York: The Free Press of Glencoe, Inc., 1951) и в общем введении к *«Theories of Society»* (New York: The Free Press of Glencoe, Inc., 1961), написанной им в соавторстве с Edward Shils, Kasspar D. Naegele и Jesse R. Pitts.

7. Рациональности, основанные на здравом смысле, подробно обсуждены в Schutz, «Common Sense and Scientific Interpretation of Human Action» в книге Collected Papers I: The Problem of Social Reality, p. 3–47 и в «The Problem of Rationality in the Social World» в книге Collected Papers II: Studies in Social Theory, p. 64–88 и в главе VIII данной книги. Рациональности, основанные на здравом смысле, были использованы Эгоном Биттнером (цитируемое сочинение), когда он критиковал социологический интерес к душевным болезням и рекомендовал его реконструкцию.

8. Оговорка «и т. д.», ее свойства и последствия ее использования были основным предметом изучения и дискуссий делегатов Совещания по этнометодологии, которые с февраля 1962 года проходили в Калифорнийском университете, в Лос-Анджелесе, и в университете штата Колорадо при финансовой поддержке Научно-исследовательского института ВВС США. В совещаниях принимали участие Эгон Биттнер, Гарольд Гарфинкель, Крэг Макэндрю, Эдвард Роуз и Харви

Сакс. Материал о дискуссиях относительно *et cetera*, которые вели участники совещаний, можно найти в следующих публикациях: Egon Bittner, «Radicalism: A Study of the Sociology of Knowledge», American Sociological Review, **28** (December, 1963), p. 928–940; Harvey Sacks, «On Sociological Description», Berkeley Journal of Sociology, **8** (1963), p. 1–16; Harold Garfinkel, «A Conception and Some Experiments With Trust...», а также главы 1 и 3 этой книги. Более подробные исследования процедур кодирования, методов ведения проведения опросов, работы юристов, перевода, конструирования модели, исторической реконструкции, «социальной бухгалтерии», расчетов и диагностирования личности описаны в неопубликованных статьях Биттнера, Гарфинкеля, Макэндрю, Роуза и Сакса; в стенограммах бесед Биттнера, Гарфинкеля и Сакса по «Обоснованным расчетам» («Reasonable Accounts») на XVI Ежегодной конференции по международной политике, университет штата Колорадо, апрель 11–12, 1963, и в стенограммах Конференции.

9. В той мере, в какой это соответствует истине, он устанавливает программное задание по реконструкции проблемы социального порядка, как это формулируется в современных социологических теориях, и критике решений, которые ныне считаются предпочтительными. В центре реконструкции находится эмпирическая проблема демонстрации определенных особенностей «и т. д.» мышления.

К главе 3

1. Термин «членство в коллективе» употребляется мною точно в том же смысле, в каком он употреблен в работах Талкотта Парсона (Talcott Parson) *The Social System* и *Theories of Society*, I, Part Two, p. 239–240.

2. В своей статье *On the Interpretation of Weltanschauung* Маннгейм утверждал, что документальный метод специфичен для социальных наук. В социальных науках существуют разные способы ссылки на него, а именно «метод понимания», «сочувственная интроспекция», «метод инсайта», «метод интуиции», «интерпретивный метод», «клинический метод», «понимание, основанное на сопереживании» и т. д. Попытки, предпринятые социологами для идентификации того, что называется «интерпретивной социологией», включают в себя ссылки на документальный метод как на основу для нахождения и обоснования их результатов.

3. Я хочу поблагодарить докторов Роберта Богуслава и Майрона А. Робинсона за нашу многочасовую дискуссию о поддающихся расчету и не поддающихся ему ситуациях выбора, во время которых мы вместе старались решить проблему возможности последовательно успешной игры в шахматы.

4. В некоторых случаях обучающиеся принятию решений проявляли интерес к этим программам, представляющим полностью рассчитанные решения проблем, которые возникают у человека, принимающего решение. В других случаях исследования обращались к тому факту, что принимающий решение может прибегнуть к вероятностным правилам, чтобы решить вопрос о дифференциальной вероятности того, что альтернативный образ действий может изменить нынешнее состояние дел в желательном направлении.

5. Термин «результаты» используется для обозначения набора *математических* событий, которые возможны, когда с такими процедурами статистической проверки, как, например, хи-квадрат, обращаются как с грамматическими правилами понимания, сравнения, производства и т. п. событий в математической сфере. Термин «данные» используется для обозначения набора *социологических* событий, которые возможны, когда при условии совпадения логических структур социологической и математической сфер социологические события интерпретируются в терминах правил статистических выводов.

К главе 4

1. Феномен, который здесь обозначается термином «страдание» (*trouble*), близок к данному Вебером определению несчастья (*misfortune*) как расхождению между «участью и заслугами» (*destiny and merit*). («The Social Psychology of the World Religions», *From Max Weber, Essays in Sociology*, ed. H. H. Gerth & C. Wright Mills, p. 267–301).

2. Следует ли приспосабливать обстоятельства истца к тому, каковы бы они были, если бы не «отклонение» от «нормального» хода событий? Следует ли возмещать истцу необратимое изменение обстоятельств?

3. Под «разумными» подразумеваются те рациональные свойства действия, которые осуществляются по отношению к некоему лицу посредством действий, управляемых системой релевантностей установки повседневной жизни. «Разумные» в противовес «рациональным» свойствам действия обсуждаются в работе Альфреда Шюца «Проблема рациональности в социальном мире» (Alfred Schutz. The Problem

of Rationality in the Social World, *Collected Papers II: Studies in Social Theory*, p. 64–88). Также см. главу 8.

4. Это формальные категории, хотя и не в смысле традиционной логики. Мера-которой-достаточно — общая категория дискурса присяжных. Однако она ничего не говорит о мере как вопросе счета, которой «достаточно». Она, к примеру, ничего не говорит о том, достаточно ли 11 долларов для оплаты услуг врача. Она лишь говорит, какова бы ни была эта мера, что это мера-которой-достаточно. Таким образом, этот термин обозначает некий подразумеваемый общий объект, меру-которой-достаточно.

5. В этой статье везде термин «факт» используется в трактовке Феликса Кауфмана (*Felix Kaufmann*). Он полагает, что фактуальный характер утверждения обнаруживается в правиле, управляющем его использованием, а не в онтологических свойствах событий, которые описывает это утверждение.

6. Использование «моделей здравого смысла» как изначально задаваемых культурой стандартов, а также логические свойства этих моделей в повседневной деятельности освещены у Альфреда Шюца в книге «О методологии социальных наук» (часть первая) (Alfred Schutz, «Part I, On the Methodology of the Social Sciences» in *«Collected Papers I: The Problem of Social Reality»*, p. 3–96) и в его известной работе «Символ, реальность и общество» («Symbol, Reality, and Society», p. 287–356).

7. Ср. с проводимым Феликсом Кауфманом в «Методологии социальных наук» («Methodology of the Social Sciences») различием между определением факта как «правила догматики» и определением факта как «правила наблюдения». Эти правила являются определениями факта, поскольку они задают необходимые условия обоснованности факта, поскольку они задают необходимые условия обоснованности некоего утверждения, т. е. санкционируют его использование как основания для дальнейших выводов и действий.

8. Термин «массив знаний» и его значение заимствованы у Феликса Кауфмана. *Там же*, p. 33–66.

9. Это разделение позволяет получить совокупность утверждений, которые могут законно использоваться в качестве основания для дальнейших выводов и действий. Эта совокупность конституируется использованием присяжными в качестве процедурных правил обыденных установок. Эта совокупность, называемая «массивом» фактов или «делом», обладает свойствами, релевантными проблемам, обсуждаемым в данной работе, однако здесь они не могут быть рассмотрены. Например, она не фиксируется на бумаге, последующие воспроизведения являются результатом воспоминания, она не кодифицируется и т. д. (см. главу 3).

10. Другими важными группами переменных были: 1) состояние дела на любой момент судебного разбирательства и совещания присяжных, а также 2) реальные организационные и практические особенности судебного разбирательства и совещания присяжных.

11. Приведенные далее правила подлежат сравнению с правилами, служащими определением правильных решений в научном изыскании (т. е. в научной методологии).

12. «Любой Человек» — это лицо, универсально определяемое в терминологии типов, используемой в рамках той или иной группы.

13. У Ричарда Уильямса (Richard Hays Williams, «Scheler's Contribution to the Sociology of Affective Actions with Special Reference to the Problem of Shame», *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 2, No. 3, March, 1942) можно найти описание Шелером структурных условий стыда.

14. «Реальная практика», на которую обращали внимание присяжного, состояла в описании совещания присяжных на основании предшествующих интервью с одним из членов или с членами присяжной комиссии, в которую входил интервьюируемый.

К главе 5

1. Например, член Совета по здравоохранению в Мидвест-сити, где родилась Агнес, отказавшись удовлетворить ее ходатайство об изменении свидетельства о рождении, вероятно, исходил из того, что «в конечном счете» пол Агнес определяется способностью осуществлять мужскую репродуктивную функцию.

2. Эти свойства следует анализировать, рассматривая реальные случаи, варьирующие их по тому или иному «параметру» признания: один пример — божества, а также участники войны, лишившиеся половых органов в результате боевых смертельных ран, и т. д.

3. Тем не менее необходима дополнительная информация касательно вероятности того, что нормальные члены общества относятся к личному выбору пола терпимее, чем сама Агнес. Например, несколько обычных людей, которым рассказали об Агнес, выразили свое сочувствие. В первую очередь сочувствие вызвало то, что ей вообще пришлось выбирать.

4. Парсонс рассматривает «атрибуцию» как «концепт отношений». *Любое* свойство объекта может рассматриваться действующим субъектом в соответствии с правилом его неизменности и независимости от соображений адаптации и достижения цели. Об этом свойстве любой характеристики Парсонс говорит как об «атрибуции». Пол человека может служить наглядным примером атрибуции, но не из-за свойств человеческого пола, а потому и только потому, что пол человека обычно рассматривается так.

5. **Примечание**. Представленное ниже альтернативное описание двухнедельного периода, последовавшего непосредственно за операцией, было зафиксировано Робертом Столлером. Причины его включения проясняются в конце исследования.

«Одна из наиболее драматичных "ситуаций, не поддающихся анализу с помощью модели игры" начала свое развитие с момента операции по удалению пениса и длилась примерно два месяца. Сразу после операции Агнес стала пытаться лично обрабатывать свое влагалище, договорившись самостоятельно принимать прописанные ей сидячие ванны и делать перевязку. Она настояла на том, чтобы делать это без помощи медсестер и интернов, что, по-видимому, способствовало возникновению антипатии к ней со стороны медсестер. Сразу после операции у нее развился двусторонний тромбофлебит ног, цистит, контрактура наружного отверстия мочеиспускательного канала (меатуса) и тенденция к сокращению вагинального прохода, несмотря на пластичную форму, введенную во влагалище во время операции. После удаления пениса потребовались дополнительные хирургические вмешательства для устранения этих осложнений и приведения в порядок ткани прежней мошонки для придания более естественного вида внешним половым губам. Несмотря на введенную пластичную форму новый влагалищный канал начал закрываться и рубцеваться, в связи с чем потребовалось совершать периодические манипуляции с этой формой и ежедневное расширение канала. Дело было не только в том, что все это было болезненно и в любом случае неприятно, но и в том, что эти частые, хотя и незначительные трудности заставляли все сильнее беспокоиться о том, что хирургическая процедура не будет иметь желаемого результата – нормально функционирующих и нормально выглядящих женских половых органов. Хотя эти осложнения тщательно (и в конечном счете успешно) лечились, к моменту, когда Агнес чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы вернуться домой, они все еще не прошли. В течение первой недели, проведенной дома, периодически возникало недержание мочи и кала. Кроме того, физическая активность Агнес была ограничена болью. Цистит не сразу поддался лечению и сохранялся в течение нескольких недель, вызывая неприятные симптомы, варьировавшие от частых позывов к мочеиспусканию и ощущения жжения при мочеиспускании до приступов острой боли в почках.

Примерно две недели спустя после операции возникла еще одна группа весьма неприятных симптомов. Агнес становилась все более слабой, более утомляемой, апатичной, потеряла аппетит, похудела так, что грудь и бедра стали заметно меньше, ее кожа стала менее свежей и гладкой, приобрела восковую бледность; Агнес потеряла интерес к сексу и довольно быстро стала впадать в депрессию, о чем, в частности, свидетельствовали частые приступы неудержимых рыданий. Когда мы впервые встретились с ней после ее возвращения домой, она выглядела именно так. Было похоже, что у нее типичная депрессия средней степени тяжести. Казалось, были убедительные доказательства того, что была совершена ошибка. Операция была проведена преимущественно по психологическим причинам; медперсонал придерживался той точки зрения, что идентичность Агнес так жестко зафиксировалась в женском направлении, что ни одна форма лечения не сможет сделать ее мужской. Кроме того, создавалось впечатление, что Агнес была совершенно искренна в выражении страдания по поводу своих анатомических аномалий и в представлениях о том, что если кто-то попытается сделать ее мужчиной, эти попытки не только будут бесполезными, но и приведут ее в отчаяние, если не к самоубийству. Когда пациент делает подобные заявления о чем-то, что он хочет получить, всегда существует вероятность, что в действительности его отношение более амбивалентно, чем это кажется, и обязанность специалистов состоит в том, чтобы провести обследование, дабы исключить такую степень амбивалентности. Мы не сомневались в том, что провели достаточно глубокое обследование, которое показало, что пациент зафиксирован в своей женственности ничуть не меньше, чем женщины без анатомических отклонений, и что какие бы скрытые и рудиментарные мужские свойства ни присутствовали, по степени выраженности или по качеству они не отличались от таковых у женщин без анатомических отклонений. Если бы это было не так, следовало ожидать, что столкновение пациента с необратимостью совершенной операции по удалению пениса, окончательностью и бесповоротностью факта потери мужских половых органов приведет в серьезной психи-

ческой реакции, если, конечно, скрытое мужское начало и неосознанное желание быть мужчиной были достаточно сильны и ускользнули от нашего внимания.

Поэтому обнаруженная нами серьезная депрессия пациентки могла быть свидетельством того, что мы совершили ошибку в наших суждениях и пациентка испытывает подавленность из-за потери признаков принадлежности к мужскому полу. Таким образом, наличие этих классических симптомов депрессии вряд ли можно было счесть удачей для исследователей. Однако к концу своего рассказа Агнес упомянула еще один симптом. Она сообщила, что в последнее время у нее все чаще случаются приступы внезапного потения, сопровождающиеся специфическими ощущениями, поднимающимися с пальцев ступней по ногам, туловищу к лицу, будто ее внезапно обдает жаром. Это были приливы, явившиеся результатом вызванной хирургическим вмешательством менопаузы. Удаление яичек в ходе операции повлекло за собой удаление источника эстрогенов, создававших сложную анатомическую картину вторичных половых признаков. Таким образом, у Агнес действительно развился менопаузальный синдром, ничем не отличавшийся от того, что нередко наблюдается у молодых женщин, которым удалили яичники. Каждый из вышеперечисленных симптомов можно было объяснить резким падением уровня эстрогена (хотя это не означает, что менопаузальный синдром у женщин, не имеющих анатомических отклонений, обычно объясняется простым снижением уровня эстрогена). На тот момент гормональные пробы обнаружили повышение в моче уровня фолликуло-стимулирующего гормона (FSH) при отсутствии эстрогена. Агнес немедленно назначили эстроген-заместительную терапию, и *все* вышеперечисленные симптомы исчезли. Она избавилась от депрессии, вновь обрела интерес к жизни и сексуальное влечение; ее грудь и бедра вернулись к прежним объемам; кожа стала больше похожа на кожу женщины и т. д.

Вероятно, следует кратко упомянуть об обнаруженной патологии яичек. Они разительно отличались от мужской нормы в связи с постоянным присутствием в их среде эстрогенов, поэтому в целом признаки продуцирования фертильной спермы отсутствовали. В аномальных клетках были выявлены разнообразные дегенеративные и абортивные формы сперматогенеза. Однако не было обнаружено ни опухолей, ни гермафродитных желез (когда в одном и том же органе обнаруживается ткань яичников и яичек). По заключению эндокринолога, Агнес "продемонстрировала клиническую картину, которая, по-видимому, свидетельствует о наслоении избытка эстрогена на нормальный мужской субстрат". Что не поддавалось объяснению и что поэтому делало Агнес уникальным случаем из тех, что описаны в эндокринологической литературе, так это то, что даже при уровне эстрогена, достаточном для формирования женских вторичных признаков, в пубертате не было нарушено развитие пениса, который достиг нормальных размеров. В настоящее время этой аномалии невозможно дать адекватное объяснение.

Есть основания полагать, что симптомы депрессии были обусловлены простым падением уровня эстрогена, последовавшим за удалением пениса. С Агнес раньше никогда такого не случалось; эпизод депрессии был пресечен назначением эстрогена, и впредь подобных эпизодов не наблюдалось. С тех пор Агнес ежедневно принимает эстроген.

Впоследствии Агнес пришлось вернуться в больницу для лечения цистита, а также для проведения хирургического расширения влагалищного канала. В дальнейшем ее история с хирургической и эндокринологической точки зрения не содержала ничего примечательного».

6. Это и дальнейшие рассуждения из данного абзаца возникли под влиянием поучительных замечаний Хуберта и Патрисии Дрейфусов (в переведенном ими введении к работе Мориса Серло-Понти *Sense and Non-Sense* [Evanston, Ill.: Northwestern University Press, 1966], p. x-xiii), смысл которых был несколько модифицирован применительно к рассматриваемой теме.

7. Это знание придало ее описаниям этой работы демонстрационный характер. Это свойство ее описаний нормальной половой принадлежности превращало их в демонстрации, которые, как и все остальное, отличало ее рассуждения о нормальной половой принадлежности от аналогичных рассуждений нормальных людей.

К главе 6

1. В главе 7 дан подробный отчет об этом исследовании. В главе 1 представлены его другие аспекты.

2. Применение клинических данных в социологических целях описано в работе E. Kuno Beller «Clinical Process» («Клинический процесс») (New York: Free Press of Glencoe, Inc., 1962).

3. Для определения значения «актуарной» процедуры используется предложенная Дэвидом Харрой (David Harrah) модель игры по сопоставлению информации. См. Дэвид Харра. «Логика вопросов

и ответов» (David Harrah, «A Logic of Questions and Answers», *Philosophy of Science*, 28, No. 1 [January, 1961], 40–46). Более подробное рассмотрение в русле формулировок Харры можно найти у Пола Мила (Paul E. Meehl, *Clinical Versus Statistical Prediction* [Minneapolis: University of Minnesota Press, 1954]; Paul E. Meehl, «When Shall We Use Our Heads Instead of the Formula?» *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, Vol. 2 [Minneapolis: University of Minnesota Press, 1958]).

4. Называя интересы «структурными», мы имеем в виду, что интерес не управляется соображениями личной выгоды в продвижении некоего дела, а связан с требованиями организованной практики, которую индивид рассматривает как свои реальные обстоятельства.

5. Более подробное описание документальной репрезентации можно найти у Карла Маннхайма (Karl Mannheim) в его работе «К интерпретации "Weltanschauung"» («On the Interpretation of "Weltanschauung"», *Essays on the Sociology of Knowledge*, ed. Paul Kecskemeti, New York: Oxford University Press, 1962) и в главе 3 данной книги.

6. Можно специально создать обладающую такими свойствами систему для отчета, поиска и извлечения. Например, ученые могут целенаправленно использовать подобную систему именно потому, что их дело таково, что они неохотно допускают, чтобы их знания о ситуациях, анализ которых призвана обеспечивать их система отчета, ограничивались в своем развитии каким-либо методом, накладывающим известные ограничения на все мыслимые прочтения и идеи, с которыми они сталкиваются в своей работе. С их позиции подобная *ad hoc* система классификации и поиска обладает тем достоинством, что максимизирует возможности для игры воображения. Не зная о «Здесь и Теперь», о том, что сформируется далее, но стремясь использовать дальнейшее развитие для реконструкции прошлого, ученый избирает *ad hoc* стратегию сбора и поиска, которая сулит возможность положить в основу его массива документов управление требованиями обстоятельств, возникающими как функция от его реальной вовлеченности в развертывающуюся ситуацию.

То, что ученый делает самостоятельно для облегчения размышлений, клиницисты делают совместно друг с другом, в рамках корпоративно организованной системы супервизии и контроля; при этом их результаты преподносятся не как возможные интерпретации, а как отчеты о том, что в действительности произошло. Использование медиками историй болезни аналогично многим методам психотерапии, поскольку и то и другое является принятым способом оказания медицинских услуг. И если кому-то — медику или немедику — требуются рациональные основания процедуры, в обоих случаях опять-таки таковые обнаруживаются посредством использования персоналом установившейся в клинике практики как социально санкционированных медико-юридических способов психиатрической деятельности.

7. Важно подчеркнуть, что мы не имеем в виду «максимально научно использовать то, что имеется в наличии». С организационной точки зрения любое составное содержание истории болезни, каково бы оно ни было, может и даже должно использоваться для оформления документированной репрезентации. Следовательно, попытка подвести рациональную основу под совокупность и структуру информации является бесполезным делом, поскольку выражения, которые будут содержать упорядоченные таким образом документы, должны будут «декодироваться» для обнаружения их реального значения в свете цели и интерпретации, превалирующих в момент их использования.

К главе 7

1. В табл. 1 перечислены и проанализированы двадцать три прежних исследования. В список включены только количественные исследования, посвященные главным образом теме отбора. Данный список не является исчерпывающим.

2. Мы используем термин «параметр», поскольку он позволяет акцентировать тот существенный момент, что условия целостного полного описания определяются рядом понятий. Например, в рамках правил физической теории понятие «звука-вообще» определяется составляющими ее идеями громкости, высоты и длительности. Для ясного понимания любого частного случая общего понятия необходимо четкое определение всех параметров. Так, было бы абсурдно говорить о звуке, обладающем определенной громкостью и длительностью, но не обладающем высотой. Однако можно говорить о звуке с известными громкостью и длительностью и *некой* высотой, хотя эта высота и неизвестна. Все эти три параметра необходимо подразумеваются, когда говорят о «неком звуке», даже если явно указывают только на один из них. Хотя предметом интереса может стать только громкость звука, четкое понимание одного этого параметра исходно предполагает учет других параметров, а для получения целостного описания необходимо конкретизировать все три параметра. Мы полагаем, что точно так же как в физике громкость, высота и длительность являются параметрами

общего понятия звука и позволяют исследователю дать адекватное описание данного конкретного звука, идеи «последовательности», «операций отбора», «исходная популяция претендующих на лечение», «состав последующей популяции» и «теория, связывающая работу по отбору и клиническую нагрузку» являются параметрами «проблемы отбора» в рамках программы социологического изыскания и служат для определения некоего реального частного случая проблемы отбора, а следовательно, условиями адекватного описания.

3. За исключением исследования Вайса и Шайе, эти популяции и мероприятия по отбору упорядочены во временной последовательности, тождественной конкретным последовательностям реального лечения. Вайс и Шайе сравнивали популяции лиц, полностью прошедших сделанные им в клинике назначения, с теми, кто их не прошел, поэтому в их сравнении идея последовательных популяций сохраняется, хотя и без ссылки на конкретные последовательности реальных клинических процедур.

4. Конечно, критерии отбора можно анализировать не учитывая временных последовательностей операций отбора, однако это оставляет исследователя в неведении относительно релевантности дискриминирующих критериев в отношении работы, посредством которой образуются последующие популяции (см., например, Rubenstein & Lorr, 1956). Например, если некую последующую популяцию не удалось выделить из предыдущей по распределению возрастов, тогда, говоря о своих результатах, исследователь сможет лишь констатировать эту недостаточную дискриминирующую способность. Поскольку исследователь намеревается выяснить, означает ли недостаточная дискриминирующая способность, что операции отбора действовали независимо от возраста, параметр последовательности должен устанавливаться на других условиях. Эта проблема рассматривается далее в связи со сравнением типа «вне-вне».

5. Эта критика не касается исследования Auld & Eron (1953), в котором изучаемая проблема предполагала, что исходную популяцию составят лица, прошедшие тест Роршаха.

6. Необходимо сделать несколько замечаний, чтобы обосновать нашу позицию, согласно которой исходную популяцию претендующих на лечение следует определять на этапе первого контакта. В этом можно убедиться, проведя аналогию с задачей криминолога. Доктор Ричард Хилл (Richard J. Hill) как-то спросил, нет ли сходства между встающей перед криминологом необходимостью определить область исчисления при оценке реальных масштабов преступности (или числа реальных преступников) и нашими попытками определить подходящую область исчисления для оценки размеров исходной популяции претендующих на лечение. Проблема криминолога, по-видимому, состоит в следующем: как оценить реальные масштабы преступности, учитывая то, что на динамику оцениваемых явлений оказывает влияние деятельность по определению, расследованию, обнародованию и репрессии? (Например, уровень преступности может измениться под влиянием кадрового расширения правоохранительных органов или изменения в законодательстве.) Криминолог исходит из правила Торстена Селлина (Thorsten Sellin) о том, что чем на более позднем этапе процесса расследования, ареста и судебного разбирательства криминолог получает свои количественные показатели, тем меньшего доверия заслуживают эти показатели как основание для оценки параметров реальной преступности; отсюда следует практическое решение — использование «преступлений, ставших известными полиции». Нельзя ли использовать похожее правило по сходным методологическим причинам при оценке параметров исходной популяции претендующих на лечение? То есть «все запросы, полученные медперсоналом, уполномоченным фиксировать наличие заявки на лечение».

Нам представляется, что эти два случая действительно имеют много общего, однако это сходство имеет иное основание, чем то, которое предлагают изложенные выше рассуждения. Суть различий связана со значением «реальных масштабов преступности» и «реальным спросом на лечение». Наши рассуждения таковы.

С точки зрения правоохранительной деятельности существуют определяемые культурой «реальные масштабы преступности», т. е. преступлений, совершаемых определяемой культурой криминогенной популяцией. Для представления ее характеристик, таких как масштабы, тренд, способствующие факторы и т. д., полиция использует данные о «преступлениях, ставших известными полиции». Соответственно, *с точки зрения медперсонала*, существует определяемый культурой «реальный спрос на услуги клиники». Медперсонал использует реальные запросы для представления *его*, этого реального спроса, характеристик. Обе ситуации — определяемые культурой реальные масштабы преступности для полиции и определяемый культурой реальный спрос на услуги клиники для медперсонала — «существуют», но только в том смысле, в каком в социологии говорят о «существовании»

культурных объектов: *их существование состоит исключительно и целиком в вероятности реализации социально организованных мер по выявлению и контролю преступности.*

В рамках используемых полицией моделей и методов реальная преступность понимается независимой от направленных на нее репрессивных мер. Когда криминолог использует сходную модель, его задача описания реальной преступности осложняется рядом методологических проблем, которые призвано решить правило Селлина. Однако когда реальные преступления определяются с точки зрения репрессивных мер, как это предложил делать Флориан Знанецкий (Florian Znaniecki) в *Social Actions* («Социальных действиях»), методологические трудности *состоят* из самих характеристик социально организованной деятельности, посредством которой выявляется, описывается и обнародуется существование культурально определяемых реальных преступлений. Как факты сами по себе эти «трудности» состоят из самих мер, посредством которых полиция (и ее клиенты) воздействуют на реальные преступления как на объекты в среде, определяемой культурой.

Ту же параллель можно провести и в отношении задач описания исходной популяции претендующих на лечение. При попытке оценить реальную исходную популяцию претендующих на лечение с помощью модели, используемой медиками, исследователь сталкивается с методологическими трудностями. Как и реальная преступность, реальный спрос на лечение определяется медиками как существующий независимо от мер, посредством которых социально и профессионально определяется и исправляется реальная распространенность психиатрических заболеваний. Медицинская «система», например, прикладывает героические усилия в этом практическом направлении.

Описанное сходство распространяется еще дальше. И полиция и медперсонал претендуют на монопольное право определять реальную распространенность этих событий и рекомендовать легитимные рычаги контроля над ними, получают это право и реализуют его в соответствии со спецификой их профессий.

Таким образом, когда реальный спрос на клинические услуги определяется с точки зрения социально организованных и социально контролируемых мер по его выявлению и реагированию на него, особенностью этого спроса, иначе подавляемой, является то, что она состоит из утверждения медперсонала о спросе на их услуги. Вследствие этого методологические трудности в оценке исходной популяции претендующих на лечение состоят из самих особенностей, благодаря которым существование определяемого культурой реального спроса на лечение известно и рассматривается как некий объект в определяемой культурой среде медиков и среде клиентов.

Описывая реальную преступность и исходный спрос на клинические услуги, исследователь буквально описывает то, каким образом социально признается факт наличия «преступника» или «пациента», т. е. с точки зрения процедуры как происходит, что те, кто уполномочены обществом выявлять их с помощью социальных суждений, действительно их выявляют. Отсюда и настоятельная рекомендация в этой статье о том, что исследователю, рассматривающему проблему отбора, следует использовать исходную популяцию претендующих на лечение, обнаруживаемую при первой же возможности, когда медикам приходится зафиксировать заявку на их услуги как социально уполномоченных лечебных учреждений и сотрудников клиники. В клинике УКЛА значительная доля случаев «предъявления спроса» происходит посредством телефонных звонков, письменных заявок и приходов без предварительной записи, т. е. напрямую. То же, вероятно, справедливо и в отношении других клиник. Это, конечно, не означает, что нет других каналов, через которые до клиники может дойти запрос. Необходимо адекватное описание, включающее и их.

7. Они рассмотрены и подвергнуты критике ранее.

8. Мы благодарны доктору Ричарду Хиллу (Dr. Richard J. Hill) за его замечание, что наши аргументы справедливы в отношении обычных мер связи.

9. Мы используем термин «проблема отбора» в смысле понимания последовательности популяций, где предметом интереса является последовательное уменьшение исходной популяции. Очевидно, термин «проблема отбора» мог использоваться и в отношении последовательности популяций, где последовательное уменьшение не являлось предметом интереса.

10. Мы используем термин «схема заключений» для обозначения некой грамматики или набора правил, воспроизводящих совокупность возможных случаев из некой совокупности элементарных единиц с точки зрения наблюдаемых случаев. Таким образом, по своему значению схема логических заключения тождественна эксплицитной теории этих наблюдаемых случаев.

11. Хотя эта сумма тождественна сумме в процедуре Катца и Соломон, суммируемые события различаются. Катц и Соломон складывали конечные результаты. Мы же складываем пройденные пути, начинающиеся с первичного контакта и оканчивающиеся в виде конечного результата.

12. Катц и Соломон, *там же*, р. 89. В таблице Катца и Соломон приводятся различные показатели заинтересованности в лечении как проценты от различной продолжительности лечения. Следуя традиции расчета процентных показателей в направлении «причинно-следственной последовательности», мы переструктурировали их таблицу и выразили различную продолжительность лечения как проценты от различной степени заинтересованности. Это переструктурирование не повлияло ни на характеристику процедуры Катца и Соломон, ни на наши соображения в связи с этой процедурой.

13. В связи с особым интересом к работе йелльских исследователей по проблеме социального класса как фактора отбора табл. 3 из статьи Майерса и Шаффера (Myers & Schaffer, 1954) была пересчитана с использованием процедуры внутри/вне. Исходная таблица выглядела следующим образом:

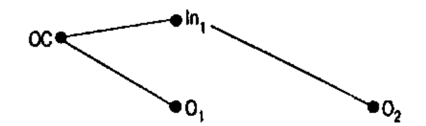
	Социальный класс			
Общее время наблюдения в клинике	II	III	IV	V
1	17,6	23,1	38,9	45,2
2–9	29,4	28,8	40,3	42,9
10 или более	52,9	48,1	20,9	11,9
	99,9	100,0	100,1	100,0

Пересчитанная таблица выглядит следующим образом:

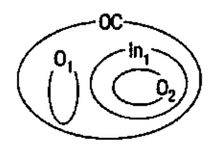
1	17,6	23,1	38,9	45,2
2–9	35,7	38,5	66,0	78,3
10 или более	—	—	—	—

Очевидно, Майерс и Шафер могли более доказательно настаивать не только на наличии, но и на регулярности градиента.

14. Это можно продемонстрировать, если принять во внимание, что структура сравнения двух групп внутри/вне такова:

Соответствующая схема заключений выглядит следующим образом:

Таким образом, $OC = (In_1 \to O_2) + O_1$. $In_1 = O_2$, поэтому сравнение $In_1/O_1 = O_2/O_1$. Исследования, к которым применимо это рассуждение: Katkov & Meadow, 1953; Imber, Nash & Stone, 1955; Frank, Gliedman, Imber, Nash & Stone, 1957.

15. Клиническую нагрузку можно рассматривать как некую композицию, создаваемую деятельностью пациентов и медперсонала. Термин «работа» используется для привлечения внимания к тому факту, что клиническая нагрузка и любая создающая ее деятельность соотносятся между собой как программа и продукт.

16. Эти 3305 случаев следует рассматривать скорее как «лучший», чем как полный список. В отношении еще 9 случаев из-за недостатка информации можно было сказать единственное: имело место обращение в клинику. Была еще одна группа случаев, документацию на которые обнаружить не удалось, но о существовании которых знал медперсонал. По нашим оценкам, таких случаев было 40.

17. Кодирование производил один из ассистентов, соискатель ученой степени доктора философии по социологии в УКЛА.

18. «Лучшей» информацией мы называем информацию о пациентах по тем пунктам, в отношении которых отсутствие данных было зафиксировано менее чем в 25%, а также информацию о завершенных этапах взаимодействия с клиникой.

19. В двух из 21 сравнения уровень значимости не достиг 0,10; в остальных 19 сравнениях он не достиг и 0,25. Отсутствие информации было наиболее характерно для пациентов, которые прервали контакт с клиникой после первого диагностического интервью.

20. Мы используем формальное и несколько выхолощенное понятие «операция», которое позволяет избежать преждевременной выработки некой позиции в отношении характера этих процедур отбора

и вместе с тем не препятствует научной строгости концепции и четкости описания.

21. Хотя на рис. 1 и в табл. 5 и 6 представлены четыре популяции «вне» и «внутри», в данной работе популяции «вне» и «внутри» после лечения не рассматриваются. Все случаи «выживания» после консилиума рассматривались как все случаи выбывания после лечения. Таким образом, четвертый шаг был опущен, поэтому программы содержали по три шага. Четвертый шаг во всех программах состоял в правиле «Исключить оставшихся» и был опущен с целью упрощения анализа. Выбывших после допущения к лечению, но до первой встречи с терапевтом, было сравнительно немного. Поэтому многие ячейки содержали очень мало положительных ответов. Для использования процедуры расчета с хи-квадратом, описанной в приложении I, нам пришлось объединить ячейки, соответствующие данному шагу. Однако тогда для достижения сопоставимости полученных результатов с результатами предшествующих шагов необходимо было объединить и эти предшествующие шаги. Поскольку в данной статье в наши задачи не входит изложение метода оценки, пригодного для анализа проблемы отбора, как не интересуют нас и значения хи-квадрата, решение объединить ячейки предшествующих шагов для соблюдения условий использования хи-квадрата, одновременно изменив задачу данной статьи, означало бы позволить хвосту вилять собакой.

22. Мы использовали эмпирические частоты как вероятности. Мы занимаемся изучением проблемы отбора, используя материалы клиники УКЛА для иллюстрации своих доводов, а не изучаем вопрос, каковы реальные вероятности перехода в клинике УКЛА. Поэтому вопрос о том, отличаются ли вероятности перехода от тех, что мы приводим, здесь неуместен.

23. Социальная категория района проживания пациента определялась по его адресу. Для этого мы использовали перечень социальных категорий переписных участков по данным переписи 1950 г., подготовленный Лабораторией исследования городской культуры, Западный колледж, Лос-Анджелес, Калифорния, май, 1954 (Laboratory in Urban Culture, Occidental College, Los Angeles, California, May, 1954) с использованием процедуры, описанной в следующих работах: Shevsky, Eshref, & Wendell Bell, *Social Area Analysis* (Standford, Cal.: Stanford University Press, 1955); Shevsky, Eshref, & Marilyn Williams, *The Social Areas of Los Angeles: Analysis and Typology* (Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1949).

24. Мы обращаем внимание читателя на с. 325 (примеч. 2), где обосновывается использование термина «параметр» в кавычках.

25. Мы использовали термин «математические результаты» для обозначения совокупности *математических* событий, возможных, когда процедуры того или иного статистического критерия, например хи-квадрат, рассматриваются как грамматические правила для осмысления, сравнения, продуцирования и т. д. событий в области математики. Термин «социологические результаты» используется для обозначения совокупности *социологических* событий, возможных, когда, исходя из того, что социологическая и математическая области согласуются в своей логической структуре, социологические события интерпретируются с точки зрения правил статистических заключений.

26. В наших замечаниях учитываются лишь некоторые свойства цепей Маркова. Очевидно, при рассмотрении остальных особенностей модели Маркова можно было бы намного больше сказать о решениях и о тех, кто их принимает.

27. Значительное количественное расхождение между активными и «инактивными» клиническими случаями, статус которых в клинике УКЛА определялся как «на лечении», обнаружился в конце недавнего периода ординаторского обучения, когда на следующую ступень были переведены 60 человек, причем из документов следовало, что на тот момент на лечении находились 230 пациентов. Это расхождение приняло такие размеры, поскольку с приближением окончания периода обучения в сфере отчетности была принята политика «нивелирования» скопившихся клинических случаев, когда контакт с пациентом был прерван, но в документах случай не был закрыт.

К главе 8

1. Одно из популярных сегодня определений известно как правило эмпирически адекватных средств. Действия человека понимаются исследователем как шаги в выполнении задач, потенциальное и реальное выполнение которых эмпирически возможно. Тогда эмпирическая адекватность определяется с точки зрения правил научной процедуры и свойств знаний, производимых с помощью такой процедуры.

2. Рассматриваемое как правило для определения описательных категорий действия, это свойство известно как правило эмпирической адекватности средств.

3. Глагол «может» (*may*) используется здесь в значении одной из альтернатив. Его значение не связано с вероятностью.

4. Социолог-теоретик может рассматривать «проблему рациональности» состоящей из пяти задач: 1) прояснение разнообразных референтов того, что включается в понятие «рациональность», в том числе констатирование поведенческих коррелятов разных «значений» рациональности как а) действий отдельного человека, а также как б) характеристик «системы»; 2) группирование поведенческих признаков на основе анализа опыта, а не произвольного выбора теории; 3) распределение поведенческих признаков между дефинитивными и эмпирико-проблематическими; 4) определение оснований для любого из множества распределений, которое он в конечном счете выберет; 5) демонстрирование последствий разных совокупностей решений для теоретической и прикладной социологии.

5. Во избежание недоразумений я бы хотел подчеркнуть, что здесь имеется в виду научно-*теоретическая* установка. Установка, лежащая в основе реального научного изыскания, — это совсем другое дело.

6. Следуя программе, установке и методу гуссерлианской феноменологии, он пытался выявить исходные предпосылки и подразумеваемые ими характеристики среды, не зависящие от конкретного содержания действий и их объектов. Этот список неполон. Дальнейшее исследование должно открыть новые предпосылки и характеристики. Как любой результат наблюдения они имеют предварительный характер, т. е. признаются, «пока не доказано противоположное».

7. Рассмотрим его характеристики. Он никогда не пропускает сообщения; он извлекает из сообщения всю заложенную в него информацию; он называет вещи своими именами и в нужное время; он не забывает; он хранит в памяти и воспроизводит без искажений; он действует не из принципа, а только на основании оценки последствий того или иного образа действий в плане максимизации шансов на достижение необходимых ему результатов.

8. Именно благодаря отсутствию «научной рациональности» в действиях, составляющих рутинные социальные структуры, рациональное действие становится проблематичным в том смысле, в каком это подразумевается в незаслуженно упускаемом из виду разграничении формальной и сущностной рациональности у Макса Вебера.

Гарфинкель Гарольд

Исследования по этнометодологии

Перевели с английского З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова

Заведующий редакцией	*Л. Винокуров*
Руководитель проекта	*Е. Цветкова*
Научный редактор	*Д. Иванов*
Литературный редактор	*Н. Иванова*
Художник	*Л. Адуевская*
Корректоры	*Н. Дралова, Л. Комарова*
Верстка	*Ж. Григорьева*

ООО «Питер Пресс», Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, д. 73, лит. А29.
Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2; 95 3005 - литература учебная.
Подписано к печати 14.07.06. Формат 60×90/16. Усл. п. л. 21.
Тираж 2000. Заказ №2588.
Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».
195299, Санкт-Петербург, Киришская ул., д. 2.
Тел.: (812) 531-20-00, (812) 531-25-55